U 69/138 III

138

УРАЛЬЦЫ.

ОЧЕРКИ БЫТА УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Іоасафа Игнатьевича **ЖЕЛѢЗНОВА.**

ТОМЪ III.

ИЗДАНІЕ 3-е, ПОСМЕРТНОЕ,
съ дополненіями и включеніемъ всѣхъ неизданныхъ статей,
подъ редакціей **Н. А. Бородина.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза", В. Подъяческая, 39.
1910.

УРАЛЬЦЫ.

„Вы хотите, чтобы казакъ былъ и смиренъ какъ овечка, и силенъ какъ левъ. Эти два качества не совмѣстимы. Стало быть, ваше хотѣнье останется хотѣньемъ...“

„На родинѣ, у домашняго очага, среди родительскихъ преданій и обычаевъ, въ сферѣ хозяйственныхъ занятій, казакъ не долженъ быть стѣсняемъ ни мундиромъ, ни вытяжкой рукъ по швамъ и т. п. вещами и учрежденіями, полезными и разумными въ казармахъ и въ лагерѣ, но вредными и не имѣющими смысла въ обществѣ...“

„Я, если разбирать меня съ общей точки зрѣнія,—гуманистъ, но коснись дѣло до интересовъ казаковъ, я—эгоистъ. Я и днемъ, и ночью, и на яву, и во снѣ желаю, чтобы казакъ имѣлъ не только необходимое, но и лишнее. Киргизъ же для меня—созданіе совершенно постороннее...“

(Отрывки изъ оставшихся послѣ смерти І. Н. Желѣзнова рукописныхъ замѣтокъ).

69
138.

УРАЛЬЦЫ.

ОЧЕРКИ БЫТА
УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Іоасафа Игнатьевича

ЖЕЛѢЗНОВА.

ТОМЪ III.

ИЗДАНІЕ 3-е, ПОСМЕРТНОЕ,

съ дополненіями и включеніемъ всѣхъ неизданныхъ статей,

подъ редакціей **Н. А. Бородина.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза", Б. Подъяческая, 39.
1910.

2007041229

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

I. Преданія и пѣсни уральскихъ казаковъ: Стран.

I. Три Ивана 1
II. Рыжечка 7
III. Харко 35
IV. Видѣніе 51
V. Шилихинъ пожаръ 56
VI. Казакъ Терскій 63
VII. Утва 70
VIII. Хива 76
IX. Нѣсколько пѣсенъ 124

II. Преданія о Пугачевѣ:

I. Вступительное слово отъ автора 135
II. Разсказъ монахини 140
III. Разсказъ И. М. Бакирова 159
IV. Разсказъ Н. П. Кузнецова 189
V. Разсказы разныхъ лицъ 199
VI. Легенда о Бородинѣ 210
VII. Заключительное слово отъ автора 219

III. Сказаніе уральскихъ казаковъ:

I. Змій и комета 225
II. Еще змій 231

Стран.

III. Клады 267
IV. Ермакъ 259
V. Ядъ 274
VI. Оборотни 280
VII. Проклятые 288
VIII. Баскачкина ростошь 331
IX. Опивицы 329
X. Колдуны и заговорщики 335
XI. Фармазоны 353
XII. Обмирающіе 358
XIII. Домовой и лѣшій 373
XIV. Смерть и черепаха 384
XV. Калмыцкій адъ 391
XVI. Крючокъ и вилка 400
XVII. Косточка-невидимка 406
XVIII. Неразмѣнный цѣлковый 409
XIX. Камыкъ-камень-самоцвѣтъ 414
XX. Одна жена плакала, а другая пѣть 424

I.

ПРЕДАНІЯ и ПѢСНИ

УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

I.

Три Ивана *)

„... Въ стары годы,—началъ говорить знакомецъ мой Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ, восьмидесятилѣтній старикъ, уральскій казакъ,—въ стары годы, когда наши праотцы заселяли Яикъ, это было у! какъ давно, старики старожилые не запомнятъ, это было, касатикъ, и прежде Харка, и прежде Марины Кайдаловны, и прежде явленія Алексѣя Митрополита, это было, должно полагать, вскорѣ послѣ того, какъ на Яикѣ былъ Добрыня Никитичъ съ Васильемъ Казберычемъ; да, въ стары годы, когда наши праотцы заселяли Яикъ,—вотъ въ то-то, видно, время расейскій царь велъ брань-войну съ невѣрными царями. Въ стары времена Расея была земелька небольшая, слабосильная. Коли устояла она, коли и возвеличилась она надъ всѣми царствами и языками, въ томъ много ей помогли казаки-лыцари, — всѣ казаки: и донскіе, и терскіе, и запорожскіе, и волжскіе, и сибирскіе, и яицкіе; они по границамъ расейскимъ „крѣпи держали" и басурмановъ усмиряли. Безъ казаковъ не знай

*) Спѣшимъ оговориться: „Преданіе о трехъ Иванахъ" было напечатано въ разсказѣ: „Поединщики", помѣщенномъ въ „Утрѣ" (Литератури. Сборн., Москва, 1859 г.), и здѣсь перепечатывается потому, что стоитъ въ нѣкоторой связи съ другимъ преданіемъ, подъ заглавіемъ: „Рыжечка".

Авт.

что бы съ Расеей было... Въ старину басурмановъ было видимо-невидимо, словно саранчи проклятой. Со всѣхъ сторонъ они безперечь врывались въ Расею и вызывали царей нашихъ на брань-войну. Хошь, бывало, радъ-нерадъ, а воюй; не то дань плати. Такъ было и въ то время. Напали на Расею заразъ три невѣрные царя: салтанъ турскій, царь казанскій и ханъ крымскій. Ну, нашему-то царю и не въ моготу стало. Онъ и такъ, и сякъ, а справиться съ троими не можетъ. Что станешь дѣлать? сила солому ломитъ. Вотъ онъ, батюшка нашъ, и шлетъ на Яикъ къ казакамъ грамотку, пишетъ: „Такъ и такъ, помогите, православные! нехристи одолѣваютъ. Сколько васъ тамъ на Яикѣ есть, всѣ не ходите: будетъ и половиночки".

„Значитъ и въ тѣ поры царямъ вѣдомо было, что яицкіе казаки молодцы, настоящіе воины, на руку охулки не положатъ. Ладно.

„Въ тѣ поры казаковъ на Яикѣ было всего-на-все человѣкъ триста; значитъ, самая малость. Получили они отъ царя грамотку, сошлись въ казачій кругъ, распустили знамечко свое шелковое, позлащенное, и стали думать думу крѣпкую. Что дѣлать? Всѣмъ идти — царь не желаетъ; да и Яикъ бросать опасно; пожалуй еще какъ-нибудь орда нахлынетъ. Половиночкѣ идти — другой половиночкѣ завидно. Какъ тутъ быть? Думали, думали казаки, да и рѣшили: послать на подмогу къ царю только троихъ казаковъ, что ни самыхъ лучшихъ воиновъ, троихъ лыцарей-поединщиковъ. Помолясь и благословясь, поѣхали наши лыцари на поле Куликово, гдѣ было собраньице воинское. Первому лыцарю имя Иванъ Пыжала, второму — Иванъ Шатала, а третьему — Иванъ Кладъ. И четвертый лыцарь съ ними поѣхалъ, но тотъ такъ поѣхалъ: въ случаѣ какой неустойки, было бы кому на Яикъ вѣсть дать. Этого лыцаря звали Иванъ Бирючьихъ-Лапъ. Ладно. Пріѣхали наши лыцари въ армію царя расейскаго, то-ись въ саму пору. Стоитъ на полѣ Куликовомъ расейская армеюшка словно сиротинушка: всѣ воины невеселы, всѣ воеводы и бояры головы повѣсили; и было, касатикъ, отчего. Супро-

тивъ одной рати царя расейскаго стоятъ три рати трехъ царей невѣрныхъ. Боя они не начинаютъ, а вызываютъ поединщиковъ. Въ старину, вишь, былъ таковъ обычай: супротивныя арміи рѣдко въ бой вступали, а рѣшали споръ поединщиками. Такъ было и въ ту пору. Отъ трехъ ратей басурманскихъ выѣхали три богатыря-поединщика, престрашнѣющіе. Каждый съ ногъ до головы желѣзомъ покрытъ, точь-въ-точь собака, лютый индрикъ-звѣрь".

— Какой звѣрь? — прервалъ я.

— Индрикъ-звѣрь, что въ пѣснѣ поется. Развѣ не слыхалъ?

— Нѣтъ; а желалъ бы послушать, — сказалъ я.

— Пожалуй, внучекъ мой ужо пропоетъ.

— Нѣтъ, Иванъ Никитичъ, ты самъ пропой, если можно

— Экой ты, экой ты какой! на старости-то лѣтъ я буду грѣшить.

— Ну, пожалуй, не пой, Иванъ Никитичъ, а разскажи словами.

— Словами? Словами можно, — сказалъ старикъ и началъ:

Не галичья стая подымалася,
Не звѣриное собраньице собиралося;
Не галичья стая въ перелетъ летитъ,
Не звѣриное собраньице въ перебѣгъ бѣжитъ;—
Напередъ бѣжитъ собака, лютый индрикъ-звѣрь.
У индрика копыточки булатныя.
Шерсточка на индрикѣ бумажная,
Напередъ его щетинушки запрокинулись,
На спинкѣ два блюдечка серебряны,
На блюдечкахъ два яблочка катаются,
Жемчугъ-бурчукъ разсыпается.
Подбѣгаетъ собака къ быстрой рѣкѣ,
Къ той рѣченькѣ, къ быстру Днѣпру.
Засвиталъ-то онъ, затаркалъ по звѣриному,
Зашипѣлъ-то онъ, собака, по змѣиному.
Оттого-то наша Нѣпречка всколыхалася,
Оттого-то съ дубьевъ вершины посломалися...

*

— Вотъ онъ какой собака, лютый индрикъ-звѣрь! — сказалъ старикъ. — Сунься-ка на него, ожгется, зубъ скусишь. Побить такого звѣря, касатикъ, не мутовку облизать. Сколько тамъ съ расейской стороны ни было князей и бояръ, а выйти супротивъ басурманскихъ поединщиковъ ни одного охотника не выискалось. А невѣрные-то цари свое дѣло дѣлаютъ, шудятъ нашего, говорятъ: „высылай поединщиковъ, иль-бо самъ выходи: не то, покорись и дань плати". Каково нашему-то царю слушать таковы словеса изъ устъ орды! Царь, говорятъ, самъ хотѣлъ идти на поединокъ, велѣлъ-было коня сѣдлать и латы себѣ приготовлять. А тутъ, какъ разъ, и прилетѣли наши орлы орловичи, сирѣчь наши три Ивана, да четвертый на подхвачу. Царь успѣлъ только вымолвить: „голубчики!" а голубчики ужъ вылетѣли въ поле и ударили на басурманскихъ поединщиковъ, даромъ что они походили на индрика-звѣря. Разъ, два, три: басурманы съ коней долой! Разъ, два, три: басурманскія головы торчатъ уже на казачьихъ копьяхъ! Значитъ, шабашъ!

„Басурманскія рати, извѣстно, послѣ того преклонились передъ нашею. Значитъ, наша взяла! Царь нашъ возвеличился и по всей вселенной прославился. Значитъ: нашего же на ны!

„На такихъ великихъ на радостяхъ царь созываетъ всѣхъ, и князей, и бояръ, и казаковъ нашихъ, въ первопрестольный градъ, въ каменну Москву. Значитъ, пиръ пировать и награды раздавать! Потуманили турьбей въ Москву всѣ князья и бояре, другъ друга перетоняютъ, другъ друга перебиваютъ... Отъ поединка хоша они и отказались, но отъ пирабанкета, а пуще отъ награды, не прочь. Значитъ, нельзя быть [illegible] нашъ — мы не хуже насъ.

„И наши ладыря поѣхали, но не теряются, и ѣдутъ себѣ, какъ въ старинныхъ былинахъ поется, потихохоньку, посмирнехоньку. Думаютъ про себя: „наше отъ насъ не уйдетъ".

„Мало ли, много ли пировали у царя и князья, и бояры, и [illegible] такіе, но нечто пришло время награды раздавать.

„Спрашиваетъ царь князей и бояръ:

— Чѣмъ мнѣ васъ дарить-жаловать: золотою казной иль драгоцѣнными камнями?

„Отвѣчаютъ князья и бояры:

— Не надо намъ ни золотой казны, ни драгоцѣнныхъ камней, а пожалуй насъ деревнями да крестьянами".

„И пожаловалъ царь князей и бояръ деревнями да крестьянами.

„Спрашиваетъ теперь царь нашихъ казаковъ.

— А васъ, атаманы-молодцы, чѣмъ дарить-жаловать: золотою ли казной, самоцвѣтными ли каменьями, иль, какъ князей и бояръ, деревнями да крестьянами?

„Отвѣчаютъ наши казаки:

— Не надо намъ, надежа-царь, ни золотой казны, ни самоцвѣтныхъ камней, не надо намъ ни деревень, ни крестьянъ; а пожалуй насъ рѣкой Яикомъ, отъ вершинъ до устьевъ, съ рыбными ловлями, сѣнными покосами и лѣсными порубами.

„И пожаловалъ насъ царь рѣкой Яикомъ, съ вершинъ до устьевъ, съ рыбными ловлями, сѣнными покосами и лѣсными порубами.

„А князья и бояры слышатъ, да смѣются. „Вотъ дураки-то, вотъ дураки-то чего просятъ! — говорятъ межъ себя. —Развѣ земля наша клиномъ сошлась: гдѣ нѣтъ воды, гдѣ нѣтъ травы, гдѣ нѣтъ лѣса? Воткни палку, и дерево выростетъ. Прямые дураки, безтолочь!" говорятъ про нашихъ казаковъ.

„А наши казаки не дураки, не безтолочь. Они знали честь и совѣсть, помнили заповѣдь Божію: „въ потѣ лица хлѣбъ себѣ добывай", твердо знали и пословицу: „на чужой каравай рта не разѣвай". Нѣтъ, старики наши не дураки, они не о своей одной выгодѣ заботились, а заботились о пользѣ всего своего общества".

„Вотъ нынѣшніе-то казаки, — прибавилъ Чакрыгинъ, —

можно сказать, тоже не дураки, да за малымъ дѣлю стало, себѣ на умѣ. Стараются только сдѣлать какую-нибудь отличку, выслужить что нибудь себѣ одному, примѣрно крестъ, а пуще чинъ, чтобы, знаешь, чиновникомъ сдѣлаться, да съ нашего брата, нечиновнаго казака, волоклу драть...“

II.

Рыжечка.

Кто бывалъ въ городѣ Уральскѣ, во время лѣтней, петровской ярмарки, тотъ, вѣроятно, видѣлъ на флагѣ, развѣвающемся надъ ярмаркой, изображеніе казака-всадника. Это гербъ Уральскаго казачьяго войска, данный ему, въ 1776 году, свѣтлѣйшимъ княземъ Потемкинымъ *).

---

*) Роясь въ одномъ изъ нашихъ статистическихъ архивовъ, я встрѣтилъ бумагу, прочетное предписаніе войсковой канцеляріи о пропажѣ войсковой печати. Въ прочетномъ, въ видѣ вступленія, говорилось такъ: ....данную-де ему (войсковому атаману), прошлаго 1776 года, отъ его свѣтлости, высокоповелительнаго господина, генералъ-аншефа, государственной военной коллегіи вице-президента, ея императорскаго величества генералъ-адъютанта, и многихъ орденовъ кавалера, князя Григорія Александровича Потемкина, на имя Уральскаго войска, войсковую печать, съ назначеніемъ на оной: въ срединѣ всадникъ на конѣ, внизу гора Уралъ, а сверху двѣ рыбы, что и составляетъ гербъ сего войска..." Далѣе идетъ рѣчь о томъ, что печать эту у атамана украли. Кстати о гербѣ или печати. До потемкинскаго подарка у нашихъ казаковъ была печать слѣдующая: форма печати круглая, немного болѣе нынѣшней 3-хъ-копѣечной и менѣе 5-ти-копѣечной мѣдной монеты; въ серединѣ щитъ, въ щитѣ бородатый во весь ростъ казакъ-рыцарь, въ шапкѣ, похожей на татарскую, въ кафтанѣ съ петлицами на груди, похожемъ на вицмундиръ, въ шароварахъ, запущенныхъ за сапоги; въ правой рукѣ у рыцаря рукоять, а въ лѣвой рогъ: подъ ногами у рыцаря что-то похожее на два хлѣбныхъ сноповъ, положенныхъ крестъ-на-крестъ,—хорошенько разобрать трудно (описаніе это дѣлано по случайному слѣпку, уцѣлѣвшему не во всей ясности на

Покажите на флагъ и спросите любаго казака, хотя старика, хотя мальчика, кого угодно, все равно: „Что это?“ или: „кто это?“ И казакъ или казаченокъ вамъ отвѣтитъ: „Рыжечка!“ Вы спросите: „Кто такой Рыжечка?“ И вамъ скажутъ: „Ярой, старыхъ временъ рыцарь, что Яикъ завоевалъ“.

Вы подумаете, что Рыжечка буквально завоевалъ Яикъ, отбивъ его отъ кочевниковъ; но вы ошибетесь въ вашемъ мнѣніи. Если вы любопытствуете спросить: „Какъ Рыжечка завоевалъ Яикъ?“ Вамъ отвѣтятъ: „Заслужилъ у батюшки царя“.

Тутъ, конечно, вы придете въ недоумѣніе; предъ вами явятся два положенія, совершенно противоположныя: завоевалъ и заслужилъ. Если вы человѣкъ любознательный, вы, разумѣется, пожелаете узнать сказаніе о Рыжечкѣ, старыхъ временъ „яроѣ“, и тогда сомнѣнія ваши разъяснятся. Но кому, думаю, изъ пріѣзжающихъ на ярмарки придетъ охота слушать старинныя исторіи и заниматься баснословными героями и ихъ подвигами?

Посмотрите, лучше самъ я разскажу, или, точнѣе сказать, попрошу васъ прислушаться къ разговору моему съ Иваномъ Никитичемъ Чакрыгинымъ. Кстати же, преданіе о Рыжечкѣ ни больше, ни меньше какъ продолженіе уже разсказанной выше исторіи о трехъ Иванахъ: Пыжалѣ, Щаталѣ и Кладѣ, подвизавшихся на полѣ Куликовомъ. Разница между этими героями только въ томъ, что три Ивана жили и отличались, относительно Уральскихъ казаковъ, во времена сѣдой древ-

---

[illegible] старыхъ сумалъ); надъ головой у рыцаря, изъ-за щита, торчитъ [illegible] изъ 5 ти [illegible], а по сторонамъ этого щука развѣвается двѣ хоругви. По сторонамъ рыцаря, въ щитѣ, изображены цифры: справа 17, а слѣва 64, что [illegible] сомнѣнія, указываетъ на 1764 годъ (значитъ, [illegible] выданъ или данъ войску отъ правительства, или сдѣлана самими [illegible] въ томъ году; сумаго [illegible], на которой сохранился слѣпокъ печати, [illegible] 1770 [illegible]). Вокругъ щита, по самому краю печати изображено: [illegible] Яицкаго войска. Цѣлая эту замѣтку о печатяхъ, я думаю, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Уральскихъ ка[illegible].

Авт.

ности, а герой Рыжечка — во времена Петра Перваго. Память о трехъ Иванахъ тонетъ во мракѣ преданій, почти забывается, а память о Рыжечкѣ, какъ о позднѣйшемъ проявителѣ казацкаго героизма, еще свѣжа. Трехъ Ивановъ помнятъ только старики старожилые, „имъ же по девяносту лѣтъ", а Рыжечку знаетъ каждый казаченокъ. Короче, Рыжечка популярнѣе своихъ предковъ.

— Умныя рѣчи, Иванъ Никитичъ, и слушать любо, — сказалъ я, когда старикъ кончилъ преданіе о трехъ Иванахъ.

— Экой ты, экой ты какой! — говорилъ Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ, и на лицѣ его сіяло неподдѣльное чувство самодовольствія.

— Но ты назвалъ Ивана Пыжалу, Ивана Шаталу, Ивана Клада, еще Ивана Бирючьихъ-Лапъ. А гдѣ жъ Рыжечка? — спросилъ я.

— Экой ты, экой ты какой! — сказалъ Иванъ Никитичъ. — Тѣ жили прежде Рыжечки, тѣ жили, може-статься, Богъ знаетъ когда (старикъ махнулъ рукою), а Рыжечка почитай что на памяти нашихъ отцовъ, Рыжечка, сударь мой, былъ въ полку у Прохора Митрича.

— Кто такой Прохоръ Дмитричъ?

— Ну, и славно! — сказалъ съ удивленіемъ старикъ. — Ты и Прохора Митрича не знаешь. Хорошъ же гусь!.. А Прохора Митрича Дурманова все наше войско знало. Съ нимъ и царь Петръ Первый компанію водилъ.

— Будто?

— Не будто, а на самомъ дѣлѣ такъ. Да ты, вижу, ничего не знаешь. Такъ и быть, разскажу тебѣ съ конца. Слушай, ваше благородіе!

Я радъ былъ слушать, хотя на словѣ „ваше благородіе" старикъ и сдѣлалъ удареніе, ясно говорившее: „хоша вы и чиновники, но ни черта не знаете насчетъ житья-бытья казацкаго". Старикъ началъ:

„Петръ Первый, нѣсколько лѣтъ сряду, велъ брань-войну со шведомъ. Этому, вишь, за досаду и за великую грубу стало, когда Петръ Первый задумалъ отнять у него нѣсколько

губерній чухонскихъ. Вотъ изъ-за этого-то самаго дѣла они и дрались нѣсколько лѣтъ сряду не на животъ, а на смерть. Испоконь вѣка, ни одна война не проходила и теперича не проходитъ безъ того, чтобы нашихъ казаковъ не требовали въ армію: безъ казаковъ, словно безъ соли, нельзя обойтись. Такъ было и въ ту пору. Много нашихъ полковъ перебывало въ расейской арміи: и пятисотенные, и семисотенные, и тысячные, всѣмъ было мѣсто и дѣло. Нигдѣ никогда отъ нашихъ казаковъ прослуги не было, окромя лишь отлики. Прикажутъ ли, бывало, имъ непріятеля скрасть — какъ съ полки слупуть; пошлютъ ли, бывало, сколыкевъ куда, хоша бы и за море, примѣрно, языка добыть, — и языка добудутъ. Такіе ужь были ловчаги, что всѣмъ съ огнемъ поискать, и то трудно ли найдешь. А все Богъ имъ помогалъ за ихъ простоту. Вѣдалъ о томъ и самъ царь.

„Разъ, зимнею порой, шведскій городъ Карантинъ брали. Вотъ тутъ-то наши казаки очешно себя показали. Въ одныхъ легонькихъ, сударь мой, лѣтнихъ кафтанчикахъ да кафточкахъ, безъ шапокъ, съ открытыми, кстъ-бо съ перевязанными платкомъ головами, они, аки львы могучіе, аки звѣри дубравные рыскали впереди арміи и душили шведовъ, словно мухъ, а рубили, замѣть, касатикъ, одними только пиками, точь-въ-точь какъ въ старинныхъ пѣсняхъ поется, примѣрно о Ермакѣ Тимоѳеевичѣ, что говорилъ царю Иванъ Васильевичу Грозному:

„Возьмемъ-де тебѣ Сибирь-городъ безъ свинца, безъ пороха,
Возьмемъ [illegible] правдою, съ камчатой съ одною плеточкой...“

„Вишь, какіе были ярои, старинные казаки-лыцари, не изнѣженнымъ чета, ученымъ, что папахи умѣютъ съ полу поймать, а отъ царскаго коня, къ примѣру сказать, „мамынька!“ кричатъ...

„Въ тотъ день морозъ былъ лютый, бороды у нашихъ казаковъ заиндѣли, а отъ самихъ отъ нихъ паръ валомъ валилъ, словно отъ каменки, а на пикахъ у нихъ намерзли

длинныя-предлинныя кровяныя сосульки: много больно, вишь, Шведовъ-то покололи. Да, истинно такъ было.

„Петръ Первый стоитъ на горѣ и смотритъ на нихъ въ подзорную трубу.

— Какіе это казаки? — спрашиваетъ царь своихъ приближенныхъ.

— Яицкіе! — говоритъ ему графъ Шереметевъ.

— Я такъ и думалъ, — говоритъ царь. — Позвать, говоритъ, ко мнѣ ихняго походнаго атамана, когда кончится дѣло.

„Ладно. Карантинъ взяли; шведовъ—которыхъ побили, которыхъ въ полонъ позабрали, а король ихъ бѣжалъ за море, во-свояси. Такъ, значитъ, и быть должно.

„Собрались у царя, послѣ баталіи, всѣ генералы и сенаторы. Пришелъ и Прохоръ Митричъ панъ. Царь спрашиваетъ его:

— Какъ тебя, казацкій атаманушка, зовутъ по имени и величаютъ по отечеству?

— Вотъ такъ-то, — говоритъ Прохоръ Митричъ.

— Спасибо, Прохоръ Митричъ, за вашу службу: я ея не забуду, —говоритъ Петръ Первый. —Возьми, говоритъ, на первый случай, по золотой на казака: это, говоритъ, отъ меня имъ на водку, а себѣ, на память, вотъ эту вещицу.

„Тутъ царь изъ собственныхъ своихъ ручекъ подалъ Прохору Митричу литую золотую чару съ царскимъ ербечкомъ и имечкомъ.

— Больше этого, — говоритъ Петръ Первый, — теперича дать не могу; не безсудьте; казна, вишь, на исходѣ. А вотъ, какъ пошабашу совсѣмъ шведа, возьму съ него контрибуцу, принужу его платить мнѣ дань во вѣки-вѣчные: тогда, говоритъ, расплачусь съ вами, никого не забуду.

— Много довольны твоею милостію, надежа-царь,—отвѣчаетъ Прохоръ Митричъ.—Мы не изъ интереса служимъ, мы, какъ есть рабы твои вѣрные, готовы за тебя кровь проливать до послѣдней капельки...

— Ладно, ладно! —говоритъ царь:—послѣ сочтемся, а те-

перица. Прохоръ Митричъ, отпрапезуй-ка съ нами, чѣмъ Богъ послалъ.

„Ладно. Сѣли, какъ въ сказкахъ говорится, за столы дубовые и скатерти браныя, за яства сахарныя и питья медвяныя; стали пить, ѣсть и прохлаждаться и рѣчами хорошими, разумными забавляться. Подъ конецъ честнаго столованья Петръ Первый и говоритъ Прохору Митричу:

— Шведа хоша мы и не совсѣмъ добили, однако врядъ-ли онъ, послѣ нынѣшней бани, скоро справится. Можно, значитъ, и намъ отдохнуть немного. Ступай, Прохоръ Митричъ, поведи своихъ молодцовъ на Яикъ, пускай отдохнутъ на родной сторонкѣ, поживутъ въ домахъ, въ семействѣ, поисправятъ свое хозяйство и все такое; чай, съ войной-то и они, бѣдняжки, поиздержались, поистратились, а я, говоритъ, не хочу, чтобы казаки мои голодали и безъ нужды нужду терпѣли...

„Вотъ какой онъ былъ, Петръ-то Первый! — прибавилъ старикъ. — Все зналъ, до всего самъ доходилъ, обо всемъ самъ заботился, не гнушался допускать до своихъ пресвѣтлыхъ очей"...

— Знаю, знаю, — прервалъ я. — Но гдѣ Рыжечка?

— Рыжечка? Ужь ты, этакое дѣло, не соскучился ли слушать? — сказалъ старикъ. — Я тебѣ, вѣдь, давя сказалъ, что начну съ конца, ну, и дожидайся. Объ Рыжечкѣ рѣчь впереди. Слушай, касатикъ.

„Шведъ прiуныхъ, войска россійскія разошлись по своимъ фанерамъ, а Прохоръ Митричъ вернулся съ казаками на Яикъ.

„Годъ спустя Прохоръ Митричъ пріѣхалъ въ Питеръ въ зимовей станицѣ съ кусомъ *) и явился къ царю. Само

---

*) Кусъ, первоначально — старинный кусъ, по старинному, по русскому — кусокъ, по-французскому — present, по новому, по [illegible] — подарокъ, подаръ. [illegible] со временемъ подданства [illegible] Московскому государству, существующій на Яикѣ, доставлялъ [illegible] въ Московскому двору предметы произведенія [illegible] рыбу и икру. Нынче доставляютъ съ Яика въ Питеръ

собой, царь обрадовался Прохору Митричу, словно родному и повелъ его изъ парадныхъ покоевъ въ другіе. Посадилъ его тамъ за столъ, сталъ разспрашивать: что и какъ на Яикѣ, здоровы ли казаки-молодцы, есть ли у нихъ хлѣбъ, одежа, гораздо ли рыба ловится? и все этакое. Потомъ сталъ угощать. Налилъ большую чару зелена вина и поднесъ Прохору Митричу. А Прохоръ Митричъ не принимаетъ чары, говоритъ:

— Не подобаетъ мнѣ, надежа-царь, рабу твоему, пить прежде тебя, моего государя и повелителя; вѣдь я чувствую, кто я, и кто ты.

„Ладно. Царь самъ напередъ выпилъ. Налилъ другую чару и поднесъ Прохору Митричу. Прохоръ Митричъ выпилъ, но не всю: на донышкѣ немного осталось.

„Царь спрашиваетъ:

— Что же не всю?

„Прохоръ Митричъ отвѣчаетъ:

— Не осилилъ.

„Царь говоритъ:

— Да какъ же я-то осилилъ?

„Прохоръ Митричъ говоритъ:

— Да вѣдь ты, надежа-царь, слывешь у насъ за богатыря, а я только за полбогатыря.

— Ой ли? — говоритъ царь.

— Истинно такъ! — говоритъ Прохоръ Митричъ.

— Хорошо, — говоритъ царь. — Пойдемъ теперича прогуляемся; узнаемъ, кто изъ насъ богатырь, и кто полбогатыря.

„Пошли они съ задняго крыльца на Неву-рѣку. Подошли къ лѣстницѣ: надо спускаться внизъ. Царь сдѣлалъ ручкой знакъ, чтобы Прохоръ Митричъ шелъ впередъ, и Прохоръ Митричъ закобенился, сталъ по край лѣстницы, да говоритъ:

[illegible] игру и рыбу, а въ старину доставляли и диковъ кабановъ, разумѣется убитыхъ. Подробности сего будутъ изложены въ особой главѣ подъ рубрикой „Кусъ". Авт. Такой главы не было. Ред.

— Не подобаетъ мнѣ, надежа-царь, рабу твоему, идти впереди тебя, мого государя и повелителя; вѣдь я чувствую, кто я, и кто ты.

„Царь улыбается и говоритъ:

— Не подобало тебѣ, Прохоръ Митричъ, прежде меня пить чару зелена вина—это такъ, а идти впереди меня подобаетъ, даже артикулъ военный повелѣваетъ: ты долженъ очистить дорогу, не притаился ли гдѣ ворогъ какой.

„Прохоръ Митричъ сталъ первый спускаться по лѣстницѣ, а Петръ Первый пошелъ за нимъ, да каждый разъ—ой! какой вѣдь и царь-то былъ разумникъ, забавникъ,—каженный разъ, какъ спуститъ ножку-то со ступеньки, ручкой-то шутки ради извѣстно, ручкой-то, и упрется въ плечо Прохору Митричу, и тиснетъ, да такъ тиснетъ, что у Прохора Митрича косточки захрустятъ. Покуда они сошли на низъ, у Прохора Митрича плечо-то отнялось, на-ка-тѣ! а самого-то его на бокъ перекосило, на-ка-тѣ! Думали, что Прохоръ Митричъ послѣ того не оклянчается, слягетъ и совсѣмъ изведется. Ниъ нѣтъ, не тутъ-то было. На другой день онъ всталъ здоровехонекъ, только немного набокъ перегнулся; ну, да это ни почемъ. Старики сказывали, что Прохоръ Митричъ на всю жизнь остался нѣсколько на одинъ бокъ кривъ. Однако былъ здоровъ. Когда поутру на другой день онъ пришелъ къ царю, тотъ видо удивился.

— Айда! молодецъ же ты, Прохоръ Митричъ! — говоритъ царь. — Я думалъ, ты слягешь и не встанешь, а ты молодецъ молодцомъ. Вчера ты объявилъ себя полбогатыремъ, а ты, гляку, полный богатырь. Однако, шутки въ сторону,—говоритъ Петръ Первый. — Вчера, какъ мы съ тобой разстались, вчера, слышишь, прибѣжалъ ко мнѣ курьеръ изъ иной земли, вѣсть принесшую вѣсть: шведъ снялъ на меня подпруги. Идетъ онъ, слышу, не прямою дорогой, не со своей границы; думаетъ онъ у меня глаза, сросшихъ застать, границы, а пробирается, шельмецъ, обаполомъ, къ польской Дудки! и на это нѣтъ, не надуетъ. Я пойду на перемѣну, и тѣ уговорю, тутъ и попабашу! Нечего, говоритъ, съ

нимъ церемониться, много давалъ ему поблажки,—не чувствуетъ, шельмецъ... Поѣзжай, Прохоръ Митричъ, на Яикъ, —говоритъ Петръ Первый—снаряди полкъ иль-бо два яицкихъ казаковъ и, какъ можно скорѣе, являйся съ ними ко мнѣ подъ городъ Платаву *); знаю, Шведъ до Платавы-грабится.

„Вотъ онъ какой былъ, Петръ-то Первый!—прибавилъ старикъ.—Все зналъ, все вѣдалъ, со всѣми баилъ...“

— Все это мы давно знаемъ, Иванъ Никитичъ,—сказалъ я.—Да гдѣ же Рыжечка?

— Недалеко, недалеко, касатикъ. Потерпи! Вотъ только разскажу тебѣ насчетъ брадобритія.

— Объ этомъ послѣ: ты Рыжечку подай!—сказалъ я.

— Нельзя, ваше благородіе; напередъ надо знать, съ чего взялось брадобритіе, а послѣ и о Рыжечкѣ рѣчь поведемъ. Потерпи! — заключилъ старикъ.

Нечего дѣлать, буду терпѣть. Кстати, и васъ, читатель, прошу запастись маленькимъ терпѣніемъ: „стерпится, слюбится“, говоритъ пословица. Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ скажетъ намъ что-нибудь если не новое, не очень интересное, то по крайней мѣрѣ оригинальное.

„Побывалъ царь Петръ Первый въ иныхъ земляхъ, — началъ говорить старикъ,—полюбились ему тамошнія всѣ манеры, извычаи и всякія заведенія. Вотъ онъ вернулся домой да и задумалъ переконовалить Расею на нѣмецкій никиль (стиль). Ладно. Слушай, что будетъ дальше. Первымъ дѣломъ началъ съ отечества, спрѣчь съ бородушки. Однако, самъ собой не рѣшился на такой соблазнъ, чтобы не принять осужденія отъ народа; а вызвалъ, для близира, на совѣтъ къ себѣ соловецкихъ иноковъ. Вишь, куда метнулъ! Ладно. Явился игуменъ съ братіею. Они напередъ знали, о чемъ ихъ будетъ спрашивать царь, и заранѣе условлялись дать царю отказную. Слушай, что будетъ. Собра-

*) Полтава.

лись въ палатахъ царскихъ иноки и стали въ нѣсколько рядовъ: впереди игуменъ, а за нимъ, чинъ по чину, иноки, — всѣхъ было человѣкъ до сорока; соборъ порядочный, хоть куда. Ладно. Въ назначенный часъ вышелъ Петръ Первый, чинъ чиномъ поздоровался съ братіею и спрашиваетъ:

— Святые отцы! скажите мнѣ всю правду-истину: подобаетъ ли браду брить?

..Иноки молчатъ, словно языкъ у нихъ отсохъ. Царь прошелся по комнатѣ, и опять спрашиваетъ:

— Святые отцы! васъ спрашиваю: подобаетъ ли браду брить?

..Иноки опять-таки стоятъ, словно истуканы, ничего не говорятъ. Царь опять прошелся по комнатѣ, опять спрашиваетъ, замѣть, въ третій разъ ужъ:

— Святые отцы! задумалъ я браду обрить и всю Расею съ собою произвесть. Скажите, васъ спрашиваю: подобаетъ ли браду брить?

..Иноки стоятъ себѣ и ни слова не отвѣчаютъ, словно языкъ прильнулъ къ гортани. Одинъ, одинъ только инокъ, самый младшій, юнѣйшій, вышелъ изъ задняго ряда и сказалъ:

— Ваше царское величество! легче главу снять, чѣмъ браду сбрить.

..А игуменъ и братія все-таки молчатъ, будто оглохли и онѣмѣли. Такъ, сударь мой, должно быть тому ужъ быть. Окаянный, значитъ, замстилъ.

..Петръ Первый прошелся по комнатѣ, остановился передъ иноками, посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на нихъ, покачалъ головкой, топнулъ ножкой и сказалъ:

— Да не утвердится на единомъ!

..[illegible] и [illegible] мужикамъ [illegible] мое почтеніе, [illegible] къ себѣ въ комнатку, да и скосилъ [illegible] и [illegible], голубушку...

..Черезъ [illegible] времени [illegible] такого казуса игуменъ съ братіею [illegible] къ царю съ отказомъ и [illegible] подносили, называемую Цвѣтникъ, иже

сборъ самаго цвѣта изъ всѣхъ богодухновенныхъ книгъ, но Петръ Первый велѣлъ безъ церемоніи прогнать ихъ, чтобъ убирались, покуда цѣлы, въ Поморію, откуда пришли. Такъ-вотъ!

„Такимъ манеромъ лишимши себя отечества, стрѣчь бородушки, что Господомъ Богомъ дана на украшеніе человѣку, Петръ Первый сталъ косить бороды и у бояръ, и у князей, и у приказныхъ людей. Иные изъ угожденія царю, иные страха ради, иные изъ мірскихъ выгодъ послѣдовали примѣру царя. Иные стали-было за отечество, да не выдержали. Такихъ людей царь крѣпко не жаловалъ: того чиномъ обойдетъ, того отъ мѣста доходнаго отрѣшитъ, у того помѣстье на казну отниметъ, и все такое. Дулись, дулись бояры, да и перевернулись: пошли, сударь мой, косить другъ другу бороды, только стонъ пошелъ по всей Расеѣ. Уперлись одни казаки: ни страхъ ихъ не устрашилъ, ни мзда ихъ не соблѣнила. Что хошь дѣлай: хошь вожемъ рѣжь, хошь ножемъ ли, уперлись и съ отечествомъ не разстаются! Петръ Первый повернулъ-было крутенько, анъ вышло не такъ:

„Помутился, возмутился славный тихій Донъ...“

— Слыхалъ пѣсеньку про Игнатьюшку Ивановичъ Некрасова? — спросилъ меня старикъ.

— Слыхать слыхалъ, но всю отъ конца до конца не знаю, — сказалъ я.

— Вотъ она, — сказалъ старикъ. — Слушай!

Я не противорѣчилъ, напротивъ, я радъ былъ прослушать пѣсню. Съ позволенія читателя, я приведу эту пѣсню. Хотя она относится къ Донцамъ, но и Уральцы ее любятъ, и въ веселой задушевной компаніи поютъ ее съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.

Старикъ сталъ не пѣть, а читать нараспѣвъ: онъ пѣвцомъ онъ единожды навсегда отказался.

Помутился, возмутился нашъ славный тихій Донъ,
Помутился, возмутился съ вершинъ вплоть до устьица.
До самаго до славнаго до города Черкасскаго.

[illegible] его, помутил его, братцы, донской казакъ,
Что Игнатьюшка, сынъ Ивановичъ, Некрасовъ.
Игнатьюшка, сынъ Ивановичъ, со рѣки ушелъ.
Онъ ушелъ, увелъ силы-рати сорокъ тысячъ,
Опричь-де, опричь-де стариковъ старожилыихъ,
Опричь-де малолѣточковъ малолѣтніихъ,
Отъ умовъ-де, отъ умовъ-де казачьихъ прирожеиыихъ.
Со вечера добры молодцы въ походъ собиралися,
Во глуху полночь переплавили славный тихій Донъ,
На [illegible] переплавили славну Нѣпречку (Днѣпръ),
На [illegible] солнца красного переплавили Дунай быструю.
Переплѣземши Дунай быструю, становилися.
Становились добры молодцы въ зеленыхъ лугахъ.
Да положились добры молодцы казачьимъ теплымъ лагеремъ.
Распускали добры молодцы знамечку позлащенную.
Собирался къ златой знамечкѣ казачій кругъ.
Во кругу стоитъ хорошенькій раздвиженный стулъ,
На стулу сидитъ нашъ ласковый атаманушка,
Что Игнатьюшка, сынъ Ивановичъ, Некрасовъ.
Передъ нимъ стоятъ его сотнички, пятидесятнички,
Да любезные его стоятъ всѣ хорунжіе.
Они пишутъ отъ Игнатьюшки скорой лист,
И шлютъ его съ скорымъ посломъ, съ каленой стрѣлой,
Ко нашему ко батюшкѣ, ко бѣлому царю,
Какъ ко Петрушкѣ, сыну Алексѣевичу:
„Спасибо-те, батюшка: ты насъ поилъ-кормилъ,
Ты поилъ-кормилъ насъ, батюшка, берегъ-жаловалъ.
Ты въ одномъ же на насъ, батюшка, прогнѣвался.
Ты прислалъ же къ намъ на тихій Донъ разыщика,
Ты разыщика прислалъ къ намъ Долгорукаго.
Безъ указа осударева онъ разорять насъ сталъ,
Безъ московскаго курьера „командировать“ насъ сталъ.
[illegible] старыхъ [illegible] на вить-вѣшать,
Молодыхъ казаковъ беретъ онъ во солдаты,
Молоденькихъ малолѣточковъ беретъ онъ во некруты,
Молодыхъ красныхъ дѣвушекъ беретъ во постелю,
Онъ маленькихъ младенцевъ кидаетъ за заборы.
Оттого-то мы бросили житье-бытье свое, богачество,
Мы пошли-то къ турецкому хану въ подданьице“.
Довѣдался о томъ батюшка православный царь,
Выходилъ батюшка на красенъ крыленъ,
[illegible] царь, так [illegible]:
„Ужъ вы, гой еси, мои слуги вѣрные!

Вы подайте мнѣ коня рѣзваго, сивогриваго,
Осѣдлайте его вы сѣделицемъ черкасскінмъ.
Побѣгу я, православный царь, во Игнатьюшкѣ,
Ворочу его я, Игнатьюшку, его со путинушки".
Подбѣгалъ нашъ батюшка къ Дунай-рѣченькѣ.
Онъ сымалъ, сымалъ съ себя пухову шляпу,
Онъ махалъ, махалъ Игнатьюшкѣ, сыну Ивановичу:
„Воротись-ка ты, Игнатьюшка, назадъ домой!"
Говоритъ рѣчь Игнатьюшка царю бѣлому:
„Прощай, прощай, нашъ батюшка, православный царь!
Спасибо-те, батюшка: ты насъ поилъ-кормилъ,
Поилъ-кормилъ ты насъ, православный царь, честь-жаловалъ".
Пошелъ тутъ нашъ Игнатьюшка во путинушку,
Во путинушку пошелъ, въ чужу дальную землюшку *).

---

*) Въ бумагахъ, оставшихся послѣ І. Н. Желѣзнова, имѣется его собственной рукой написанная слѣдующая историческая справка „къ пѣснѣ о Игнатюшкѣ Некрасовѣ".

Бунтъ на Дону, вслѣдствіе реформъ Петра 1-го, поднялъ Кондратій Булавинъ. Подъ конецъ бунта, Булавинъ былъ убитъ.—Некрасовъ былъ послѣдователемъ Булавина.—Сдѣлавъ возстаніе на Дону, Булавинъ писалъ на запорожье Къ Атаману Гордѣенку, 1708 г. 17 мая, вотъ что:

„Великаго Государя, Царя и Вел. Князя, Петра Алексѣевича, Всея Великія, и Бѣлыя, и Малыя Россіи Самодержца, Его же Царскаго Пресвѣтлаго Величества, въ Запорогѣ Войсковому Атаману, Константину Гордѣенчу, и всему войску Запорожскому, Атаманамъ молодцамъ, Донскіе Атаманы и казаки, Волской Атаманъ, Кондратій Булавинъ, и все войско Донское челомъ бьютъ.

Въ нынѣшнемъ 1708 году, Маія въ 17 день, вѣдомо вамъ, Атаманамъ молодцамъ, всему Запорожскому войску, мы войскомъ Донскимъ чрезъ се писаніе нашимъ. Въ прошломъ 1707 году совокупилися мы войскомъ Донскимъ и иными рѣками постоять за домъ Пресвятыя Богородицы и за Православную Христіанскую Вѣру, за Святыя Апостольскія Церкви, и о томъ у насъ войскамъ Донскимъ былъ сборъ на рѣкѣ Хопрѣ, чтобъ въ Нашемъ войску Донскомъ... и по инымъ рѣкамъ утвердить по прежнему, какъ... Казачья обыкновенія у дѣдовъ и у отцовъ нашихъ и у насъ, а это собрано было для того, что пришелъ былъ къ намъ, войску Полковникъ, Князь Юрій Долгоруковъ для розыску и выняли изъ нашихъ Казачьихъ городковъ новоприплыхъ съ Руси всякихъ разныхъ людей, а съ нимъ были въ тѣмъ розыскѣ изъ Черкасскаго Ивана Старшины, Ѳедоръ Петровъ съ товарищи, и чинили по нашимъ Казачимъ городкамъ непротивъ Указу Великаго Государя, Указу, не такъ, какъ положено, и городки наши многіе разорили и пожгли, а вашу братію, казаковъ, многихъ пытали и кнутомъ били и носы и губы рѣзали напрасно, и женъ и дѣтей брали на постели на-

[illegible] Иванъ Пилипчукъ, [illegible] чтенію, — Петръ [illegible], [illegible] пересопол, поехалъ вороча Не[illegible], [illegible] Петръ былъ ужасно сурово [illegible] границей, [illegible] Иванъ Петръ [illegible] берега [illegible] въ воду, [illegible] Іуда, [illegible] и махать Непрядву, чтобы [illegible] Непрядва не вернулся. „Сиявши [illegible] ему, [illegible] не пускуть", сказалъ Ипатенка [illegible] и пошелъ въ курень. Послѣ этого [illegible] Петръ Перекопъ [illegible] въ [illegible], [illegible] берегъ [illegible] имѣнія [illegible]. Пуще всего [illegible] Іванъ [illegible], [illegible] бы царь не добрался [illegible] ихъ бородушекъ. Чуешь, какая статья?

— Чую, чую, — сказалъ я. — Но гдѣ Рыжечка?

[illegible] и Рыжечка [illegible] старикъ. Потомъ продолжалъ:

[illegible] Прохоръ Митричъ пріѣхалъ на Янчъ и [illegible] на [illegible] на [illegible] Прохоръ Ми[illegible] [illegible] Прохоръ Ми[illegible] [illegible] Хрупу [illegible]. На дворѣ [illegible] [illegible] [illegible]

сирѣчь оттуда, гдѣ городъ Платава, повѣялъ, говорю, легонькій вѣтерокъ, зашевелилъ харунку, поднялъ-поднялъ на воздухъ, всполоснулъ раза два, да и обвилъ ее вокругъ Прохора Митрича, да и затихъ. Прохоръ Митричъ и сталъ словно спеленанный. Въ то же самое время, сударь мой, и лошадь Прохора Митрича, — а лошадь Прохора Митрича держалъ Рыжечка, онъ былъ на ту пору вѣстовымъ у него,— и лошадь, сударь мой, заржала... и подала хорошій знакъ. Тутъ все войско возрадовалось и заговорило: „къ добру! къ добру! къ добру!“

„Полки тронулись и пошли. Прохоръ Митричъ остался. Сошлись около него старшины и почтенные старики: извѣстно, выпивку на прощанье сочинить. Когда Прохоръ Митричъ простился со всѣми и сѣлъ на коня, старшины и все общество говорятъ ему:

— Есть когда Господь Богъ поможетъ тамъ вамъ сдѣлать какую ни-на-есть отличку, то, говорятъ, главнаго-то, Прохоръ Митричъ, не забудь,—напомни, говорятъ, батюшкѣ нашему, Петру Алексѣевичу, чтобы не нудилъ насъ насчетъ креста и бороды.

— Будьте благонадежны, атаманы-молодцы: эта мысль у меня и у самого изъ головы не выходитъ,—сказалъ Прохоръ Митричъ, и поѣхалъ къ полкамъ.

Будьте благонадежны, атаманы-молодцы: эта мысль и у меня изъ головы не выходитъ,—сказалъ тоненькимъ голоскомъ и Рыжечка, сѣлъ на лошадь, заломилъ на ухо шапку, да и поскакалъ за Прохоромъ Митричемъ.

„Тутъ всѣ люди засмѣялись.

— Куда тебѣ! пузырь!—кричатъ вслѣдъ Рыжечкѣ. Но Рыжечка махнулъ рукою и удралъ.

„Рыжечка былъ маленькій человѣкъ, точь-въ-точь самъ съ ноготокъ, а борода съ локотокъ. Оттого и прозвали его въ шутку Рыжечкой, сирѣчь грибокъ рыжикъ. Это имя такъ и осталось за нимъ на всю жизнь. А настоящее его прозваніе было З а м а р е н о в ъ, Егоръ Максимовичъ.

„Идутъ полки наши къ городу Платавѣ, идутъ лугами,

болотами, и тутъ они тонятся, къ городу Платавѣ торопятся тебѣ-то какъ въ пѣснѣ поется про проходъ къ городу Лову. Да, идутъ полки наши къ Платавѣ, а подъ Платавой, сударь мой, чудеса творятся. Шведъ успѣлъ упредить Петра Перваго и застроилъ что-ни-лучшія мѣста шанцами да бутарсями. Поди ты, толкуй что хочешь, а шведъ успѣлъ упредить, даромъ что невѣрный. Еще сударь мой, —такъ должно быть тому ужъ быть,—еще, сударь мой, случилось тутъ казусная оказія: царю нашему сдѣлалъ измѣну хохлацкій атаманъ, Мазепа, и предался со своими полками шведу. Отъ этого самаго, рати шведской прибыло, а рати расейской убыло. Что тутъ станешь дѣлать? Какъ ни шатай, какъ ни валяй, а приходится сказать: плохо. Петръ Первый было и такъ, и сякъ, а дѣло все-таки выходитъ плохое. Какъ ни кинь, все выходитъ клинъ. Петръ Первый собралъ-было сенаралушекъ и всѣхъ думчіихъ своихъ сенаторушковъ, чтобы собча придумать что ни-на-есть къ лучшему, чтобы какъ ни-на-есть не потерять свою армеюшку и не дать шведу надъ собою возвыситься, а тутъ, сударь мой, какъ разъ, —такъ должно быть тому ужъ быть,—тутъ какъ разъ прибѣгаетъ отъ шведа перетеворщикъ: не угодно ли, дескать, кончить споръ поединщиками? Давай Богъ! это намъ на руку. Петръ Первый радъ былъ этому, по той самой причинѣ, что ему жаль было губить понапрасну армію. А шведъ дѣлалъ это по-неволѣ".

— Какъ такъ? — прервалъ я: —ты же сказалъ, что рати шведской прибыло.

— Оно такъ-то такъ, да тутъ была одна закавырка, что нашему брату и разобрать мудрено,—сказалъ старикъ. — Король шведскій, изволишь ли знать, извѣрился у своихъ сенараловъ и думчіихъ сенаторовъ. Когда онъ собирался подъ Платаву, они не хотѣли давать ему ни арміи, ни пушекъ, ни казны. Такой чинъ, обычай въ невѣрныхъ земляхъ: тамъ, говорятъ, царю-то служать зауряды, словно офицеры въ башкирскомъ полкѣ. Поди, да и пойми ихъ тамъ: народъ дикій, несурьезный. „Ты, говорятъ шведскіе сенаралы своему королю, ты и такъ много и губилъ арміи, много казны понастратилъ,

а все понапрасну. Гдѣ тебѣ, говорятъ, тягаться съ Расеей; вѣдь она всѣмъ осударствамъ голова. Оставь, говорятъ лучше, и не затѣвай больше коловрагностей: нашему царству и безъ того жутко". Но король шведскій былъ лукавъ; прикинулся мелкимъ бѣсомъ, успѣлъ уговорить, умаслить своихъ думчіихъ сенаторовъ; тѣ сжалились надъ нимъ и дали ему армію, пушекъ и все прочее; однако взяли отъ него, по ихнему закону, запись, чтобъ онъ, ни подъ какимъ видомъ, не смѣлъ вступать съ Петромъ Первымъ въ баталію, а рѣшилъ бы споръ поединщиками; а есть когда осмѣлится преступить эту заповѣдь, то, не прогнѣвайся, съ царства долой. „Лучше-де, говорятъ, двѣ-три головы потерять, чѣмъ всю армію погубить". Хоша и невѣрные они, эти шведскіе сенаторы, а разсудили, грѣхъ напрасно сказать, разсудили дѣльно, — добавилъ старикъ.

„Стали готовиться къ поединку. Шведъ зналъ, что безъ поединщика ему не обойтись, поэтому самому загодя еще приготовилъ какого-то силача, съ собою, вишь, изъ-за моря вывезъ; ростомъ, сударь мой, чуть-чуть не съ колокольню, а въ плечахъ коса сажень. Поилъ-кормилъ его до отвала, нарочно, словно на убой, что-ни лучшими яствами и питьями; а обрядилъ его, собаку, въ кольчугу да въ латы, такъ что и самъ чортъ не добрался бы до его кожи. И конь подъ нимъ былъ не конь, а сущій слонъ, да и тотъ покрытъ панцырною попонкой. Просто, сударь мой, на оказію! Какъ появился этотъ уродина передъ нашею арміей, такъ всѣ съ диву упали. Думали, что это какая-нибудь башня на колесахъ, а не человѣкъ. Такой былъ этотъ поединщикъ престрашнѣйшій, преогромнѣющій, что и сказать нельзя. На что ужъ агарянскіе поединщики, которыхъ наши Иваны уъокошили на Куликовомъ полѣ, на что ужъ, говорю, агарянскіе поединщики походили на и н д р и к а-з в ѣ р я, но и тѣ, сударь мой, въ подметки этому не годились. Право слово.

„Петръ Первый видитъ, что вся армеюшка его струхнула, что найти такому чудовищу супротивника трудно; однако, все-таки велѣлъ кличъ кликать: „нѣтъ ли де охотника?"

Какъ же! сейчасъ и явились. Разослалъ царь по арміи всѣхъ своихъ адъютантовъ, всѣхъ спаралуниковъ и всѣхъ думнихъ спаралуниковъ; и всѣ воротились ни съ чѣмъ: нѣтъ охотниковъ, да и на-поди! Петръ Первый обратился къ своей свитѣ и спросилъ. „Нѣтъ вѣсть, господа, нѣтъ ли кого?“ Ни гуту! всѣ молчатъ, да старшій за младшаго хоронится.

„Петръ Первый не вытерпѣлъ, самъ поскакалъ по всѣмъ полкамъ своимъ и сталъ вызывать охотника, а охотника нѣтъ да нѣтъ. Въ это самое время, такъ, сударь мой, должно быть тому ужь быть, въ это самое время подошелъ Прохоръ Митричъ съ нашими казаками и сталъ подлѣ крайняго армейскаго полка. Царь лишь только увидѣлъ нашихъ, тое жь секунду поскакалъ къ нимъ, разсказалъ, въ чемъ дѣло, и кликнулъ:

— Нѣтъ ли охотника?

— Я охотникъ! — вскричалъ тоненькимъ голоскомъ Рыжечка и выскакалъ изъ фрунта.

„Царь глянулъ на него, покачалъ головой, да и сказалъ:

— Малъ!

„Петръ Первый вдругорядь ѣдетъ по полкамъ, вдругорядь кличетъ охотника, а охотника все-таки нѣтъ. Сверстался съ нашими полками и кличетъ:

— Кто охотникъ?

— Я! — кричитъ Рыжечка и выскакиваетъ изъ фрунта...

„Царь опять посмотрѣлъ на него, опять головой покачалъ, опять сказалъ:

— Малъ!

„Въ третій разъ царь объѣхалъ свою армеюшку, въ третій разъ кликалъ охотника, а охотника все-таки нѣтъ. Въ третій разъ царь становился передъ нашими полками, въ третій разъ кликнулъ:

— Кто охотникъ?

— Я! — закричалъ Рыжечка и вылетѣлъ изъ фрунта.

„Царь призадумался, посмотрѣлъ на Рыжечку, посмотрѣлъ и на предѣлаго поеденщика, покачалъ головкой, вилес-

нулъ ручками, да и говоритъ своимъ приближеннымъ, чуть-чуть не со слезами:

— Что буду дѣлать? Отказаться отъ поединка, вся Европія станетъ смѣяться; пустить этого мальчика (царь показалъ на Рыжечку), пустить этого — заранѣе пиши пропало!

Рыжечка тутъ стоитъ, слышитъ царскія рѣчи, да вдругъ и говоритъ:

— А Богъ-то что? При помощи Божіей Давидъ побѣдилъ же Галифа!

„Говоритъ такъ-то Рыжечка, а самъ видо дрожитъ: ярой-ское сердце, значитъ, въ немъ закипѣло.

„Царь пристально посмотрѣлъ на Рыжечку, да и говоритъ:

— Храбрости-то въ тебѣ, молодецъ, вижу, много, да силы-то, може, мало: вотъ въ чемъ бѣда! Ты взглянь хорошенько, супротивъ кого хочешь идти, — вонъ онъ разъѣзжаетъ, — а потомъ ужъ и скажи: надѣешься ли побѣдить.

„А Рыжечка толкуетъ себѣ одно: Давидъ, дескать, побѣдилъ же Галифа. Такъ отчего бы и ему, за молитвы святыхъ отецъ, не побѣдить этого супостата; надѣюсь, дескать, ваше царское величество. Только-де, говоритъ, позволь мнѣ коня другого выбрать изо всѣхъ полковъ.

„Нечего было дѣлать, другого охотника нѣтъ; царь согласился и на Рыжечку, а пуще всего царю понравились Рыжечкины рѣчи насчетъ Давида и Галифа; а насчетъ коня царь сказалъ, что дозволяетъ ему выбрать какого угодно, хоча бы и съ царской конюшни. Но Рыжечка отказался отъ царскаго коня и сказалъ:

— Твои лошади, надежа-царь, только для парада хороши, а для ратнаго дѣла, не прогнѣвайся за слово, никуда не годятся.

„Тое-жь секунду Рыжечка бросился къ казачьему фрунту и выбралъ лошадь у калмычишина. Стали пересѣдлывать. Въ это время Рыжечка успѣлъ перешепнуться съ Калмычишиномъ, о чемъ было нужно.

— Какой обычай у твоей лошади? — спросилъ Рыжечка калмычинина.

— Знай сиди!—говоритъ калмычининъ. -Водамъ идетъ, огнямъ идетъ.

— Еще?

— Вилка даетъ. Бьешь правымъ нога—лѣвая идетъ; бьешь лѣвымъ нога—права идетъ. Догадался?

„Рыжечка только кивнулъ головой, вскочилъ на калмыцкую лошадь и выѣхалъ въ поле.

„Тутъ, сударь мой, встрепенулись и заколыхались обѣ армеюшки, -и расейская, и шведская. Распустили всѣ свои знамечки. Заиграли на трубахъ, литаврахъ и на разныхъ мусикійскихъ органахъ. Потомъ все затихло: значитъ, бой скоро будетъ.

„Рыжечка взоткнулъ на пику шапку, замахалъ надъ головой и подъѣхалъ къ шведскому поединщику. Спрашиваетъ его: на чемъ имъ биться, на копейцахъ ли булатныхъ, иль на сабелькахъ вострыхъ.

„Шведъ замычалъ что-то на своемъ телячьемъ языкѣ и махнулъ рукой своимъ: вишь, онъ не понималъ Рыжечку. И Рыжечка махнулъ рукой своимъ. Тое-жъ секунду прискакали къ нимъ два спарала: одинъ съ нашей стороны, а другой съ шведской, потребовали толмача. Толмачъ выслушалъ Рыжечку и пересказалъ шведскому поединщику. А тотъ, уродина, опершся на копье, оскалилъ зубы-то, да и говоритъ:

— По мнѣ на чемъ хошь! Хошь на кулакахъ, я на все согласенъ.

„Толмачъ пересказалъ Рыжечкѣ. Тотъ обрадѣлся и говоритъ:

— Коли живъ будешь пріѣзжай къ намъ на Яикъ. Тамъ, говоритъ, на кулачномъ бою можешь пробовать своими только боками наши кулаки; а здѣсь, говоритъ, не угодно ли помѣряться вотъ этимъ?

„Тутъ Рыжечка потрясъ своимъ копейцемъ.

„Рыжечка опять вернулся къ казачьему фрунту и перемѣнялся съ однимъ казакомъ пиками. Рыжечку спросили

снаряды, зачѣмъ онъ перемѣнилъ копье, Рыжечка сказалъ:

— Такъ надо!

„Рыжечка и на переговоры-то къ Шведу ѣздилъ съ подвохомъ, не спроста. Сказано, Шведъ былъ весь въ желѣзѣ, и рожа-то у бестіи завѣшана была желѣзною рѣшеткой. Однако и Рыжечка былъ не промахъ. Покуда переговаривались, онъ успѣлъ осмотрѣть супротивника своего со всѣхъ сторонъ. На шапкѣ у Шведа была стальная шишечка, а по щекамъ и по затылку спускались желѣзныя дощечки; задняя-то дощечка немного отгарнычилась, а это Рыжечкѣ и на руку. Онъ тотчасъ смекнулъ, что тутъ, не говоря худаго слова, можно запустить пику. А какъ у Рыжечки пика была толстовата, дуплестовата, то онъ и отдалъ ее казаку, а у него взялъ его, потоньше. Значитъ, Рыжечка былъ себѣ на умѣ. Ладно.

„Передъ началомъ боя, Рыжечка, какъ подобаетъ христіанину и воину, слѣзъ съ коня, воткнулъ въ землю пику, повѣсилъ на нее образъ Михаила Святителя, положилъ семь земныхъ поклоновъ и раскланялся на всѣ четыре стороны. Потомъ, сударь мой, оборотился лицомъ къ востоку, спрѣчь въ ту сторону, гдѣ нашъ родной Янкунка, оборотился лицомъ къ востоку, да и говоритъ:

— И вы братцы-товарищи, старики наши старожильные, и все общество наше почтенное! помолитесь, чтобы Господь Богъ соблаговолилъ!

„Это ужъ онъ говорилъ заочно къ тѣмъ, что на Янкункѣ остались.

„Вишь, — присовокупилъ старикъ, — вишь, какъ старые казаки жили другъ съ другомъ: никтѣ другъ друга не забывали. Поэтому имъ во всемъ Господь Богъ и помогалъ.

„Затѣмъ Рыжечка побросалъ съ себя всю одежду, остался только въ однихъ шараварахъ да въ кармазинной безрукавной фуфаечкѣ. Шапка, на что ужъ шапка, онъ и ту бросилъ, и перевязалъ голову барсовымъ платкомъ. Рукава у рубахи засучилъ по локти. Перетянулся шелковымъ поясомъ, за поясъ заткнулъ длинный хивинскій ножъ, а въ руки

взялъ копейцо. Вспрыгнулъ на лошадь, оправился на сѣдельцѣ; напоследокъ перекрестился и крикнулъ: „Держайся, людіе: я коесь нами Богъ!“ да и полетѣлъ на супротивника, точь-въ-точь какъ маленькій ястребокъ на орла заморскаго, точь-въ-точь какъ въ ветхо-завѣтное время Давидъ на Галифа, сирѣчь на Галейку, татарина, —все едино.

„И Галифъ помчался на Рыжечку, уставилъ противъ него копыще съ добрую жердь.

„Рыжечка лишь только подскочилъ къ Галифу, сей же минъ далъ вилка вправо: Галифъ словно быкъ-дуракъ, пронесся мимо.

„Рыжечка обернулся, да какъ далдыкнетъ его копейцомъ въ затылокъ, гдѣ дощечка-то отъ шлычки оттарлычилась: Галифъ и покатился съ лошади кубаремъ.

„Рыжечка въ единъ минъ спрыгнулъ съ своего коня, какъ клещъ насѣлъ на плеча Галифа, и отляпалъ ему ножемъ голову. Знай нашихъ! Впередъ дуракамъ наука: не хвались идучи на бой, хвались идучи съ боя.

„Тутъ армія наша возрадовалась, зашумѣла, словно волна морская заходила и „ура!“ закричала. А шведская армія, знамо дѣло, пріуныла, затихла, харуики свои къ землѣ преклонила, словно, голубушка, несолоно хлебала. Только одинъ король шведскій заклянчилъ, сударь мой; такой безпокойникъ былъ. Не хочетъ кориться кричитъ:

- Подвохъ! подвохъ! Русакъ сзади ударилъ нашего! Подвохъ!...

„А спаралы и сенаторы его и говорятъ ему:

Что, что сзади? У нашего и сзади былъ панцырь. Нечего на зеркалю пенять, коли рожа крива. Не клянчай, король. Эй, лучше будетъ, покорись.

„А король и слышать не хочетъ, реветъ въ неточный голосъ, словно кто съ него шкуру деретъ, рветъ на себѣ волосы, словно сумасшедшій мечется во всѣ стороны, словно угорѣлый кричитъ: „пали!“, а его никто не слушаетъ. Самъ побѣжалъ на главну свою бутарею, вырвалъ у канонера

фитиль, приставилъ къ пушкѣ и открылъ по нашей арміи огонь.

„Тутъ ужъ и нашего царя взяло за печенное. Подалъ онъ своимъ спаралушкамъ знакъ къ бою, да и скомандовалъ:

— Катай! Безъ пардона катай! На зачинающаго Богъ.

„Вотъ тутъ-то, сударь мой, наша армеюшка и пошла чесать шведскую, — и пошла, и пошла чесать! Дымъ коромысломъ сталъ! Всю, сударь мой, лоскомъ положили!

„Хошь одинъ ли на одного, стѣна ли на стѣну идетъ — все равно, лиха бѣда только одному кому или одной какой сторонѣ струсить; а тамъ смѣло говори: пропалъ. Такъ было и со шведскою арміею. Сперва сначала она очень храбрилась, голову очень высоко поднимала, а какъ ярой нашъ Егоръ Мавеимычъ Замараевъ, сирѣчь Рыжечка, сверзилъ ихняго великана и отляпалъ ему голову, такъ, что и толковать, у шведской арміи душа ушла въ пятки. Ну, нашей-то арміи это и на руку. Пошабашила она армеюшку короля шведскаго, словно нитъ дала. А король шведскій, самъ другъ съ измѣнникомъ Мазепою, еле-еле удралъ въ Турецкую землю. Тамъ, говорятъ, оба они съ Мазепою въ кабалу пошли къ Турку; тамъ, говорятъ, и пропали. Туда, значитъ, дорога..

„А главная статья въ этомъ дѣлѣ, что тамъ ни толкуй, все-таки ярой нашъ Рыжечка: онъ, значитъ, сдѣлалъ первый начинъ; отъ его, значитъ, молодецкой руки палъ Галифъ, отъ его, значитъ, рыцарскаго подвига въ страхъ-ужасъ пришла шведская армія.

„Лишь только немного поуспокоился, Рыжечка взялся и — Петру Первому съ головой Галифа на копьѣ. Царь его — захохотъ, — съ радости, значитъ, — царь во слезахъ то не — ялъ его и спрашиваетъ приближенныхъ:

— А гдѣ нашъ малышъ? Гдѣ безцѣнный Рыжечка?

— Здѣсь! — пищитъ Рыжечка.

— А! голубчикъ мой! сокровище мое! — говоритъ царь и цѣлуетъ Рыжечку въ голову.

„Рыжечка поцѣловалъ ручку у царя.

„Когда сѣсѣмъ поуспокоился, царь позвалъ Рыжечку въ

свою палатку и, при всѣхъ сенаторахъ и сенаторахъ, при всѣхъ иныхъ земель посланникахъ, спрашиваетъ его:

— Чѣмъ тебя, друже мой, дарить-жаловать? Говори! Ничего не пожалѣю.

„Рыжечка поклонился царю и говоритъ:

— Мнѣ, надежда-царь, ничего не надо, а пожалуй, коли на то милость твоя, пожалуй наше обчество.

„Царь спрашиваетъ:

— Чѣмъ? говори.

„Рыжечка говоритъ:

— Отъ предковъ твоихъ, благовѣрныхъ царей, мы жалованы рѣкой Яикомъ, съ рыбными ловлями, сѣнными покосами, лѣсными порубами; а владѣна*) у насъ на то пропала. Пожалуй намъ, надежда-царь, за своею высокою рукой, другую „владѣну“ на Яикъ рѣку.

— Съ великою радостью! — говоритъ царь. — Секлетарь, бери перо, бумагу и валяй отъ меня Яицкимъ казакамъ „владѣну“ на Яикъ-рѣку, со всѣми сущими при ней рѣчками и протоками, со всѣми угодьями, на вѣки вѣчные!

„Секлетарь написалъ.

„Царь говоритъ Рыжечкѣ:

— Этого мало. Еще что? Проси!

„Рыжечка говоритъ:

— Еще, надежда-царь, пожалуй, коли милость твоя, пожалуй насъ „крестомъ да бородою“.

„Царь говоритъ:

— Для кого нѣтъ, а для Яицкихъ казаковъ есть! Секлетарь, пиши во владѣнной, что я жалую Яицкихъ казаковъ крестомъ и бородою на вѣки вѣчные, чтобъ имъ насчетъ креста и бороды быть невредимыми.

„Секлетарь написалъ“.

— Будто? — спросилъ я.

— Не буди, а на самомъ дѣлѣ было такъ, — сказалъ старикъ такимъ тономъ, который не допускалъ никакихъ со-

---

*) Грамота на право владѣнія Яикомъ.

мнѣній. — Есть когда-бъ мы не были жалованы крестомъ и бородою, то давно бы начальство, съ позволенія сказать, вашъ братъ, скосило намъ бороды; а мы, видишь, по милости Божіей да царской, не лишены еще „отечества". Посмотри на иныхъ прочихъ казаковъ, примѣрно на донскихъ, оренбургскихъ, всѣмъ имъ, бѣдняжкамъ, оскоблили рыла-то, а наши еще цѣлы. Значитъ, правда, что говорю.

— Вѣрю, вѣрю, — сказалъ я. — Что-жъ дальше?

— Дальше? Дальше было вотъ что:

„Написамши во владѣной крестъ и бороду, царь спрашиваетъ Рыжечку:

— Это для обчества. А тебя-то, Егоръ Максимычъ, чѣмъ дарить-жаловать? Проси! ничего не пожалѣю.

„Рыжечка отвѣчаетъ:

— Есть когда, надежда-царь, на то твоя милость, позволь мнѣ съ дюжинкой иль съ полдюжинкой моихъ друзей-товарищей погулять на твой счетъ въ твоихъ царевыхъ кабакахъ, бездашно-безпошлинно, недѣльки двѣ.

„Царь улыбнулся и спрашиваетъ:

— Развѣ любишь?

„Рыжечка отвѣчаетъ:

— Грѣшный человѣкъ: люблю!

— Гуляй во здравіе — говоритъ царь. — Секретарь, пиши говоритъ, за одно ужъ, во владѣной, чтобъ выходъ винный на Яикѣ отнынѣ на вѣки вѣчные былъ казачій.

„И выходъ винный написали во владѣной".

(Подъ словами: выходъ винный мы должны разумѣть свободную продажу вина).

— Будто? — спросилъ я.

— Не будто, а на самомъ дѣлѣ такъ! — возразилъ старикъ. — На моей памяти вино-то продавалось по сорока алтынъ за ведро, да не такое, какое продаютъ нынче за семнадцать съ полпиною: старое-то вино позбористѣе было нынѣшняго.

— Однако, — замѣтилъ я, — выхода у насъ ужъ нѣтъ.

— Ну, что, что нѣтъ! царю деньги нужны, такъ винный

то выходъ и отошелъ въ казну. За этимъ казаки не стояли и не стоятъ. Для батюшки-царя мы готовы отдать послѣднюю рубаху съ плечъ, лишь бы только не воротили насъ на солдатскій шкиль, да не пудили насчетъ креста и бороды. Вотъ въ чемъ сила, а выходъ дѣло плевое, мірское, крестъ же и бородушка дѣло душевное...

— Умныя рѣчи, Иванъ Никитичъ, и слушать любо, — сказалъ я.

— Экой ты, экой ты какой!

— Что-жъ дальше?

— Дальше? Дальше вотъ что:

„Шведа, значитъ, совсѣмъ пошабашили: и и а м я т ь е г о п о г и б е с ъ ш у м о м ъ.

„Петръ Первый возвысился, по всей Европіи прославился, императоромъ нарекся: а этого титла, значитъ, нѣтъ на свѣтѣ больше.

„Нѣсколько недѣль, изо дня въ день, подъ Полтавой пировали, изъ ружей, изъ пушекъ палили, на трубахъ, литаврахъ и разныхъ мусикійскихъ органахъ играли и разными искусными огнями забавлялись. Напослѣдокъ все затихло. Вояка разошлись по своимъ фатерамъ. И Прохоръ Митричъ съ полками нашими вернулся на Яикъ.

„Годъ спустя вернулся на Яикъ и Рыжечка самъ-другъ".

— Это какъ? Развѣ онъ не съ полками вернулся? — спросилъ я.

— Нѣтъ! — отвѣчалъ старикъ. — Петръ Первый далъ ему за своимъ подписомъ и царскою печатью открытый листъ, „чтобы этому ярому, славному посошнику, сирѣчь Егору Максимычу Замараеву, онъ же и Рыжечка, съ товарищами, пить, безданно, безпошлинно, во всѣхъ царевыхъ кабакахъ и трактирныхъ заведеніяхъ, цѣлый годъ". Сказано! Забравши въ руки такую бумагу, Рыжечка съ товарищами и отдрался отъ полка, и пошелъ странствовать изъ города въ городъ, изъ села въ село, отъ одного кабака къ

другому, и такимъ, сударь мой, манерюмъ прображничалъ по Расеѣ круглый годъ. Вернулся домой ужъ тогда, какъ отрытый-то листъ, что Петръ Первый далъ, вышелъ изъ срока, потерялъ силу, не сталъ дѣйствовать. Въ компаніи у Рыжечки былъ тотъ самый калмычинишъ, что лошадь давалъ ему на Галифа. Вотъ съ этимъ-то калмычиниомъ Рыжечка и вернулся на Яикъ: оба, вишь, были насчетъ выпивки молодцы, тягуцци; а всѣ прочіе, что были въ ихъ компаніи, всѣ прочіе, чтобъ одрало ихъ, дураковъ, не вынесли переплись и сложили свои головы кто въ кабакѣ, кто въ трактирѣ, а кто у мамошковъ... Такой ужъ народъ былъ безза ботный, безшабашный.

— Что же случилось съ Рыжечкой?

- Жилъ онъ послѣ того, сударь мой, на Яикѣ лѣтъ десять благополучно. Правда, велъ онъ часто споръ съ киргизкимъ ханомъ Абдулъ-Харей *), да это Рыжечкѣ было за потѣху. Спорилъ онъ съ ханомъ изъ-за луговъ: гонялъ отъ нихъ хана и его орду. Разъ захватилъ въ лугахъ на бухарской сторонѣ сорокъ что-ни-лучшихъ ханскихъ аргамаковъ, да столько же крупныхъ быковъ. Быковъ перерѣзалъ, а аргамаковъ роздалъ по казакамъ. Ханъ вступился. Рыжечка отдѣлался. Онъ и все наше обчество сказали хану: „Не пущай въ наши луга. Есть-когда впередъ такъ сдѣлаешь, и впередъ то же будетъ". Ханъ пожаловался вышнему начальству, и вышнее начальство сказало то же. Значитъ, что тамъ ни толкуй, а бухарская сторона изъ предковъ наша. Ханъ присмирѣлъ, грызъ зубы на Рыжечку, а ничего не подѣлалъ. Онъ тоже былъ мужикъ славуцій по всей ордѣ, и киргизской, и хивинской; однако, нашего малыша, спрѣчь Рыжечки, боялся. Случалось, бывало, какъ нибудь, нечаянно, встрѣтится съ Рыжечкой въ степи, сейчасъ, собака, вилка даетъ въ сторону, обаполомъ объѣдетъ, а Рыжечкѣ въ глаза не смѣетъ взглянуть. Ханъ зналъ, что Рыжечка и Галифа инвеселого свалилъ, такъ куда, думаетъ, тягаться съ такимъ яро-

*) Абдулъ-Хаиръ.

емъ. Дулся, дулся ханъ, да и отступился, махнулъ рукой и въ степь удалился.

— А Рыжечка?

— Пошелъ по указу царя съ княземъ Бекичемъ въ Хиву и тамъ, голубчикъ, за компанію съ княземъ и всѣмъ честнымъ воинствомъ сложилъ свою буйную головушку.

III.

Харко.

— Былъ ли у насъ на Яикѣ Разинъ?—спросилъ я Ивана Никитича Чакрыгина.

— Разинъ?—должно полагать, что былъ,—отвѣчалъ старикъ. Потомъ, немного подумавъ, сказалъ:

— То-есь въ самомъ-то городѣ нашемъ, пожалуй, и не былъ, а былъ на Низу, у Гурьева: тамъ у него главный притонъ былъ. А городъ нашихъ казаковъ въ ту пору былъ нль-бо на Голубомъ-Городищѣ, на островѣ Конъ-Яикѣ, близъ Илека рѣки, нль-бо на Кирсановомъ-Яру, гдѣ теперь Кирсановскій форпостъ. Съ Кирсанова Яра на рѣку Чаганъ, то-есь на теперешнее мѣсто, городъ нашъ перенесенъ послѣ Разина, по благословенію Алексѣя Митрополита. Слыхалъ?

— Слыхалъ! *)

— Ну, и ладно. А въ Разину пору тутъ, то-есь гдѣ теперь Уральскъ, была глушь и заросль.

— Почемъ ты все это знаешь?

— Почемъ? Слухомъ земля полнится. Старики такъ изъ рода въ родъ передавали.

— Старики могли ошибаться, могли перезабывать и перепутать обстоятельства, — замѣтилъ я.

---

*) См. ниже Видѣніе.

— А пѣсню-то куда дѣвешь?—сказалъ старикъ.—Сказка складка, пѣсня быль.

— Какую пѣсню?

— А вотъ какую.

И старикъ, не дожидаясь, чтобы я просилъ его, сталъ читать мнѣ на-распѣвъ слѣдующую пѣсню:

„У насъ-то было на батюшкѣ, на тихимъ Дону,
Во славномъ было во городѣ у насъ во Черкаскѣ *),
Жила-была у насъ тутъ благочестивая вдова;
Не имѣла-то она, братцы, безкорыстнаго грѣха,
А нынче вдова себѣ сына родила...
Пошла слава по всему нашему тихому Дону.
Тутъ съѣзжались всѣ попы, дьяки, архидьяконы,
Нарекали ему имечко Степанушкою.
Степанушка у насъ, братцы, сталъ на возрастѣ,
Какъ младъ-ясенъ соколъ сталъ на возлетѣ.
Доселева Степанушка въ Круги къ намъ не хаживалъ,
Крѣпку думушку съ казаками не думывалъ,
А нынче Степанушка въ Кругу стоитъ,
Съ казаками крѣпку думушку онъ думаетъ.
Возговорилъ Степанушка таковы слова:
„Ой, вы, гой еси, казаки-братцы, добры молодцы!
Послушайте вы, казаченьки, своего атаманушки,
Меня Степанушку, сына Тимоѳеича, Разина.
Сядемте мы, ребятушки, въ свой легкій корабличекъ,
Побѣжимте мы, ребятушки, въ сине море,
Станемте, ребятушки, разбивать бусы-корабликн:
Татарскіе, армянскіе, всѣ басурманскіе,
Безъ того только безъ сина орла, безъ осударева.
Поѣдемте, ребятушки, къ царю съ повинною;
Повеземте съ собой, братцы, топоръ плаху.
Повеземте, братцы, царю дары драгоцѣнные:
Сребро, злато и каменья самоцвѣтные.
Тутъ насъ станетъ царь благодарить-жаловать,
И станетъ насъ царь крѣпко спрашивать.
Мы скажемъ царю всю правду-истину".
Тутъ возговоритъ православный царь таковы слова:
„Ужъ вы, гой еси, младые корабельщики,

*) Или какъ, вмѣсто Черкаска, упоминаетъ въ этой пѣснѣ городъ Владиміръ. Авт.

Степана Разина вы согласнички!
Скажи мнѣ всеё правду-истину:
Гдѣ вы были, гдѣ вы ѣздили?"
Тутъ возговорили младые корабельщички,
Степана Разина все согласнички:
„Ужъ ты, батюшка нашъ, православный царь!
Мы скажемъ тебѣ всеё правду-истину:
Мы гдѣ были, мы гдѣ ѣздили.
Ужъ мы были, ужъ мы ѣздили въ синемъ морѣ,
Разбивали мы на синемъ-морѣ бусы-корабличкн:
Татарскіе, армянскіе, всѣ басурманскіе,
Безъ того только безъ сина орла, безъ осударева.
Ты пусти насъ, батюшка, на Яикъ-рѣку;
Мы заведемъ на рѣкѣ Яикъ славный Яикъ-городъ.
Заведемъ мы его между двухъ рѣчушекъ:
При первой рѣчкѣ при Яикѣ быстрымъ,
При другой рѣчкѣ при Чаганѣ тихімъ".
Потомъ побывали они во городѣ Гурьевѣ,
Изъ Гурьева пошли они на матушку Волгу-рѣку,
Съ Волги-рѣки пошли они на Узень-рѣку,
Съ Узень-рѣки переправились за Яикъ-рѣку,
Прошли-то они, изошли всю орду азіятскую:
Киргизскую, трухменскую, кызылбацкую.

— Слышишь, Степанъ Тимоѳеевичъ и его согласнички, младые корабельщики, собирались заводить городъ промежъ быстраго Яика и промежъ тихаго Чагана. Значитъ, мѣсто было пустое, незанятое, — сказалъ старикъ.

— Однако, Разинъ зналъ это мѣсто, — замѣтилъ я.

— Еще бы ему не знать!—возразилъ старикъ.—Въ этомъ и сумнѣнья не нужно имѣть. Степанъ Тимоѳеевичъ всю вселенную могъ знать, какъ свои пять пальцевъ: онъ былъ съ прибылью.

— Съ чѣмъ?

— Съ прибылью, — говорятъ!

— Что такое: съ прибылью, — вотъ этого-то слова я не понимаю.

— Экой ты какой! Простого русскаго слова не понимаешь, а еще книжки пишешь. Это значитъ попросту вороженцъ, что чертями повелѣваетъ. Понялъ?

— Понялъ.

— Ну, и ладно!—сказалъ старикъ. Еще надо и то въ толкъ взять, что есть-когда не самъ Разинъ, то его сподручники могли и вдоль, и поперекъ искрестить нашъ Яикъ, разузнать, гдѣ какія рѣчки, проточки, раскопать всѣ, можно сказать, мышиныя норки: на то они и сподручники Разина. Одинъ, думаю, Харко исходилъ, изъѣздилъ всю нашу землюшку изъ конца въ конецъ.

— Кто такой Харко? — спросилъ я.

— Ну, и славно! Харку-то не знаешь, а вѣдь по немъ, добромъ молодцѣ, и форпостъ Харкинскій прозванъ,—сказалъ старикъ.

— Будто? — спросилъ я.

— Не будто, а на самомъ дѣлѣ такъ,—сказалъ старикъ.

— Вѣрю, вѣрю, — сказалъ я. — А кто же такой Харко? Разскажи-ка.

— Съ великимъ удовольствіемъ! — сказалъ старикъ. — Слушай.

„Харко, сударь мой, былъ сподручникъ Разина, первый, можно сказать, герой по немъ. Послѣ того, какъ Разина совсѣмъ порѣшили, Харко съ двѣнадцатью человѣками, съ своими, значитъ, причетниками, и удалился съ Волги на Яикъ.

„Въ тѣ поры наши казаки, извѣстно тебѣ, жили на Конь-Яикѣ, иль-бо на Киреановомъ яру; значитъ далеко отъ моря, веретъ безъ малаго семьсотъ будетъ. Хоша казаки наши изъ предковъ всѣмъ владали Яикомъ, однако, далеко на низъ рѣдко спускались по той самой причинѣ, что красной рыбы было не въ приборъ и около города. Ну, и выходитъ, гдѣ пустыня, тамъ, извѣстно дѣло, и орда: безъ этого быть нельзя. Говорится: безъ дурака городъ не стоитъ. На подобіе сему, можно сказать: безъ орды пустыня не бываетъ. Пустыня значитъ пустое мѣсто, а орда, знамо дѣло, пустой человѣкъ, никакого толка нѣтъ. Ну, одно къ другому и идетъ. Казаки наши хоша не въ частымъ бываньи хаживали въ походы супротивъ басурманцевъ, гоняли басурмановъ отъ Яика, однако, нѣтъ-нѣтъ, да и прикочуетъ кака-либо орда къ Яику;

знаешь, чтобы лугами казачьими поживиться. Такъ было и въ ту пору. Пришкочевала къ Яику и сѣла около Маринкина городка *) одна орда, а казаки наши и не чуютъ. Этою ордой повелѣвала дѣвка, воинъ-дѣвка. У этой дѣвки и гвардія была изъ дѣвокъ. Въ старину такія оказіи были не въ диковину.

„Харко съ своими приспѣшниками пробирался къ нашимъ казакамъ на Конъ-Яикъ; но дѣвка-воинъ преградила ему дорогу. Хоша воинъ-дѣвка была и дѣвка, но-просту баба, однако дѣло свое знала не хуже мужчины. Созвала она совѣтъ и говоритъ своимъ гвардейкамъ и всей сущей ордѣ:

— Намъ и безъ того отъ нихъ (то-есь отъ казаковъ нашихъ) житья нѣтъ, а какъ еще этотъ дьяволъ (сирѣчь Харко) съ своими причетниками соединится съ ними, тогда совсѣмъ пропадемъ; тогда, говоритъ, не поживишься отъ нихъ клочкомъ травы иль беремемъ дровъ, тогда, говоритъ, не дадутъ они намъ и воды напиться изъ своего заповѣднаго Яика. Надо, говоритъ, во что бы то ни стало, не допускать до нихъ Харку.

„Сказала это и стала свое дѣло дѣлать.

„Тѣмъ временемъ и Харко держитъ совѣтъ съ своими; говоритъ къ нимъ таковую рѣчь:

— Погуляли мы съ батюшкой нашимъ, Степаномъ Тимоѳеевичемъ, по святой Руси и по всему вольному свѣту довольно-таки. Много погубили мы всякаго народа, и крещенаго, и некрещенаго, гдѣ по дѣлу, а гдѣ и не по дѣлу. Знамо, некрещенымъ туда и дорога, а за крещеныхъ доведется когда-нибудь отвѣтъ отдать на судѣ страшномъ. Теперь, братцы, настало время удобное, можно загладить, сколько ни-на-есть, грѣхи наши тяжкіе. Давайте, говоритъ, очищать расейскія границы отъ орды поганой. Давайте, братцы, доканаемте эту орду, чтобы она и воздухомъ здѣшнимъ не дышала! Этимъ самымъ дѣломъ, говоритъ, мы сдѣлаемъ три

*) Такъ называется одно урочище, гдѣ по преданію имѣла пребываніе жена Лжедимитрія Марина, послѣ бѣгства ея изъ Астрахани, въ 1614 году. Объ этомъ будетъ разсказано въ особой главѣ подъ рубрикой „Маринкинъ Городокъ“. Авт. См. т. II, стр. 209. Ред.

хорошихъ дѣла: первое дѣло—отпущеніе грѣхамъ получимъ, второе дѣло—расейскія границы отъ орды очистимъ, третье дѣло — яицкихъ казаковъ хлопотъ избавимъ.

„Сказалъ это и сталъ свое дѣло дѣлать.

„Воинъ-дѣвка кибитки свои и весь скарбъ отправила отъ Яика въ степь, къ Кара-Кулю, въ безопасное мѣсто, а сама съ гвардейками вышла супротивъ Харка. Гвардеекъ у нея было ста два человѣкъ, а у Харка, и съ его буйною головой, всего-на-все тринадцать человѣкъ. Но Харко былъ травленый волкъ: онъ не пошелъ на нее открытымъ боемъ, а пустился на хитрости.

„Дѣвка съ гвардейками наступала на Харка, а Харко отступалъ. Такимъ манеромъ хороводились они нѣсколько дней. Напослѣдокъ Харко улучилъ темную ночь, обрядилъ двоихъ или троихъ своихъ согласничковъ въ бирючьи (волчьи) шкуры и велѣлъ имъ подкрасться къ конскому табуну гвардеекъ и броситься на него. Обряженные въ бирючьи шкуры подползли на четвереньках къ табуну, да и завыли, словно бирюки,—на все были дотошники,—а потомъ и бросились въ самую середку табуна. Лошади шарахнулись, и какъ былъ табунъ, такъ весь и понесся въ степь, въ разныя стороны. Лошадямъ, знамо дѣло, лиха бѣда только чего испугаться, а тамъ и самъ чортъ не удержитъ.

„Въ лагерѣ у гвардеекъ сдѣлалась суматоха страшная, а Харко того только и ждалъ. Не медля ни секунды, онъ съ остальными своими молодцами и нагрянулъ на гвардеекъ, да и пошелъ ихъ душить. Къ утру онъ всѣхъ ихъ пошабашилъ. Не отвертѣлась и предводительша: ее убилъ своею рукой Харко.

„Покончивши дѣло съ гвардейками и ихъ предводительницей, Харко пошелъ за Яикъ искать ихнюю кочевку. Добрался и до кочевки. Тамъ, сударь мой, много было золотой казны и цвѣтнаго платья всякаго. Все это добро Харко забралъ и раздувашилъ по своимъ согласничкамъ. Тамъ же, въ кочевкѣ-то, застали они сколько-то дѣвокъ,—дѣвки были все

молоденькія, иныхъ побили, а иныхъ, что были покрасивѣе, взяли по себѣ...

„Пожили они тутъ сколько-то времени, отдохнули, и стали собираться въ путь-дорогу. Харко свою дѣвку бросилъ, живую пустилъ на всѣ четыре стороны; порѣшить ее совсѣмъ жалко стало: вѣдь такъ ли, сякъ ли, а все-таки она жила у него замѣсто жены. Совѣтовалъ то же сдѣлать и своимъ причетникамъ, чтобъ и они дѣвокъ своихъ бросили, а тѣ не послушались: жалко было разстаться съ дѣвками; больно ужъ по сердцу пришлись. Тогда Харко говоритъ своимъ согласничкамъ:

— Всѣ мы люди свободные, казаки вольные, приказывать вамъ не смѣю, а совѣта моего не слушаетесь. Ваше дѣло, воли съ васъ не сымаю. Ступайте, куда хотите, а я вамъ послѣ этого не товарищъ!

„Согласнички говорятъ:

— Теперь дѣвки намъ не помѣха, а когда будетъ нужно — бросимъ.

„Харко говоритъ:

— Когда будетъ нужно, тогда будетъ поздно.

„Согласнички спрашиваютъ:

— Какъ такъ?

„Харко говоритъ:

— Эти дѣвки не семьянны: онѣ, думаю, на своемъ вѣку и сами не мало нюхали человѣчьей крови. Мы же гнѣздо ихнее разорили: не забудутъ онѣ этого, и рано ли, поздно ли порѣшатъ, доканаютъ васъ, — не мытьемъ, такъ катаньемъ, проклятыя, доймутъ. Эй! послушайте меня: бросьте!

„Сподручники смѣются и говорятъ:

— Доселева, Харкушка, мы чли тебя за храбрена, а теперь видимъ, ты трусу праздуенъ. Вспомни, давно ли мы, двѣнадцать человѣкъ, побили дѣвокъ болѣе двухъ сотъ. Ну, статочное ли дѣло, чтобы двѣнадцать дѣвокъ осмѣлились супротивничать намъ, такимъ молодцамъ?

„Харко говоритъ:

— Открыто поле особь статья, постель особь статья.

Слыхали, чай, сказаніе библейское про Олоферна, а если не слыхали, такъ я скажу. Олоферпъ былъ не вамъ чета, однако, отмахнула же ему голову жена слабая...

„Подручники Харка только засмѣялись, да промежъ себя говорятъ: — „трусу празднуетъ!“

„Харко осердился и поѣхалъ прочь.

„Согласнички его поѣхали сами по себѣ. Выбрали они себѣ мѣстечко на Красномъ-Яру, гдѣ теперь Красноярскій форпостъ, и тутъ устроили станъ.

„Харко одинъ остановился ниже этого мѣста, верстахъ въ пятнадцати, и тоже устроилъ себѣ станъ, не на землѣ, а на деревѣ. Тамъ онъ свилъ себѣ гнѣздо, словно Соловей-разбойникъ, и зажилъ въ милу душу. Идти къ нашимъ казакамъ на Конь-Яикъ пораздумалъ; ждалъ, что будетъ отъ его согласничковъ, думалъ, не образумятся ли, не разведутся ли съ дѣвками-то.

„Пожили они на новыхъ мѣстахъ сколько-то времени, самую малость однако: Харко самъ по себѣ, а согласнички его сами по себѣ. Вотъ, сударь мой, въ одну ночь, на самой на зорѣ, притащился къ Харкѣ съ Краснаго-Яра одинъ изъ его согласничковъ, весь, бѣдняжка, изранетъ, еле-еле дышетъ, да тихо, жалобно, чуть слышно и говоритъ:

— Сбылись слова твои, атаманушка: сгубили насъ змѣи скорпіи...

„Сказалъ это, да и тутъ же и духъ свой испустилъ.

„Харко то-ежъ секунду спрыгнулъ съ гнѣзда своего, вскочилъ на бураго коня, что у дерева привязанъ былъ, и помчался къ Красному Яру. На восходѣ солнышка онъ былъ уже тамъ и засталъ дѣвокъ: тѣ, бестіи, дуванъ дуванятъ, значитъ, дѣлятъ по себѣ добро убитыхъ молодцовъ. Лишь только узрѣли онѣ его, такъ и одурѣли на мѣстѣ. Какъ тигра, съ пѣной у рта, Харко бросился на дѣвокъ съ саблей въ рукѣ; да вдругъ и остановился. — „Этого для васъ мало, бестіи!“—сказалъ Харко, да и давай живьемъ вязать дѣвокъ; всѣхъ перевязалъ, да и положилъ, словно осетровъ на багреньи, въ рядъ, одну подлѣ другой. Славно! Осмотрѣлъ и со-

гласничковъ своихъ: а тѣ, бѣдняжки, всѣ измясничены донельзя, узнать даже не можно, кто Каринъ, кто Иванъ: такъ, бестіи, постарались. Съѣздилъ и за тѣмъ, что у его дерева умеръ. Потомъ вырылъ двѣнадцать могилъ, положилъ въ нихъ убитыхъ согласничковъ, а подлѣ каждаго изъ нихъ положилъ по дѣвкѣ-душегубкѣ: эти, бестіи, были живыя, кричали, визжали, просили Харку, чтобъ онъ добилъ ихъ; да и на того напали: „Что торопитесь? успѣете еще околѣть", говоритъ Харко, и дѣло свое дѣлаетъ. Потомъ, сударь мой, опустилъ въ могилу къ каждому согласничку по пошѣ серебра, по пошѣ золота, по саблѣ, по ружью, по копью, по парѣ пистолей, и все это, не торопясь, чинъ-чиномъ, зарылъ. Напослѣдъ всего на могилѣ каждаго согласничка посадилъ по лѣсной яблонѣ. Покончивши это дѣло, Харко сказалъ:

— Не пропадай эта казна даромъ: дайся казна эта тому молодцу, кто, на своемъ вѣку убьетъ двѣнадцать дюжинъ басурмановъ иль-бо басурманокъ!

„Сказалъ это, да и удалился въ свое тепло гнѣздо".

— Ну, а что кладъ? Дался ли кому? — спросилъ я.

— Нѣтъ! Казаться казался, а не дался,—сказалъ старикъ.

Тутъ онъ мнѣ разсказалъ, когда, кому и при какихъ обстоятельствахъ казался Харкинъ кладъ, но „исторію" объ этомъ я опускаю здѣсь, а приведу подъ рубрикой „Клады".

Что-жъ сдѣлалось съ Харкой? — спросилъ я старика.

— Богъ вѣсть, — сказалъ старикъ.—Пожилъ онъ сколько-то времени на Яикѣ, потѣшился въ милу-душу надъ басурманами, которы къ Яику подходили, да и удалился куда-то въ другія мѣста.

По преданіямъ, сохранившимся въ устахъ народа въ разныхъ мѣстностяхъ Уральскаго войска, жизнь и подвиги удальца Харка, во время пребыванія его на Яикѣ, рисуются въ слѣдующей картинѣ.

Устроилъ Харко себѣ гнѣздо на высокомъ деревѣ, стоявшемъ на правомъ берегу Яика, и съ гнѣзда своего наблюдалъ за Ордынцами. Но здѣсь, кстати, я приведу отрывокъ, не то пѣсни, не то сказки, какъ угодно, такъ и назовите.

Жаль, конца нѣтъ. Но что дѣлать? По пословицѣ: „на нѣтъ и суда нѣтъ“.

„Увилъ, ухитилъ Харкушко
Себѣ тепло гнѣздушко,
На высокомъ семиствольномъ осокорѣ.
И зажилъ въ немъ словно во палатушкахъ,
Подъ навѣсомъ у корня сокорь-дерева,
И день, и ночь стоялъ наготовѣ
Богатырскій конь осѣдланный.
Другой заводной конь, воронепькій,
Гулялъ на лугу стреноженный,
Питался храбрый Харкушко
Отъ своихъ трудовъ праведныхъ:
Рыбы, дичи, всякой живности,
Не въ приборъ было у молодца.
Но исторія наша не о томъ гласитъ,
Чѣмъ удалый Харкушко питался:
Исторія сказать должна,
Какъ надъ ордой онъ потѣшался.
Сидитъ, бывало, Харкушко
Въ своемъ тепломъ гнѣздушкѣ,
Понюхаетъ, бывало, Харкушко
Изъ рога табачекъ съ вязовой золкою.
Глядитъ-поглядываетъ, бывало, Харкушко,
Своими соколиными глазками,
Въ степь широкую, пустынную:
Не идутъ ли, не ѣдутъ ли киргизы бритоголовые,
Міра крещенаго враги лютые.
Вотъ видитъ удалой Харкушко:
Вечеркомъ, при закатѣ солнца краснаго,
Ѣдетъ отъ Каракуля толпа нарядная,
Толпа двуконная, шумливая, егозливая:
То киргизскіе хвастливые батыри,
Родовъ: Адайскаго, Тазларскаго, Черкасскаго
Намѣреніе ихъ злое, басурманское:
Ѣдутъ они искать брода неглубокаго,
Ѣдутъ искать перелаза неширокаго,
Гдѣ-бъ легче было и вольготнѣе
Перелѣзть Яикъ-рѣченьку,
Потомъ идти къ матушкѣ Волгѣ-рѣкѣ,
Грабить, разорять селенія расейскія,
Иль-бо улусы калмыцкіе, ногайскіе.

Для Киргизовъ все единственно,
Кого бъ не разорять, кого бъ не грабить,
Лишь бы добычу имѣть богатую,
Но и для Харкушки все единственно,
До кого бъ тамъ киргизы ни грабились,
На кого бъ ни точили ножи свои булатные,
На кого бъ ни пришасали арканы крученые,—
У Харкушки намѣреніе благое,
Благое намѣреніе, христіанское:
Разбить, избить киргизскихъ батырей,
Отбить у нихъ охоту дурацкую—
Топтать зелены луга казацкіе,
Мутить, сквернить воды яицкія,
Пугать, гонять рыбу красную,
Рыбу красную, пужливую, прихотливую.
Подъѣзжаютъ киргизы къ Яикъ-рѣкѣ,
Становятся киргизы по край кряжа,
Того кряжа высокаго, Индерскаго,
По край луга зеленаго,
Того луга заповѣднаго.
Расстилаютъ по землѣ бѣлы войлочки,
Всѣ персидскіе, хивинскіе коврички.
Разставляютъ свои легкія джуламеечки.
Коней, стреноженныхъ и спутанныхъ,
Пущаютъ пастись въ зеленый лугъ,
Въ зеленый лугъ некошеный, нетропутый,
Пущаютъ безъ часовыхъ безъ караульщиковъ;
Разводятъ огонечки веселые,
Наводятъ котелочки чугунные,
Варятъ мясо кобыляцкое,
Тѣхъ кобылъ воровапныхъ.
Сидятъ киргизы за ужиномъ:
Жрутъ маханъ, похваливаютъ,
Пьютъ кумызъ, покрякиваютъ.
О голенище пальцы повытираютъ,
Чрезъ бороды слюнями подзвикиваютъ.
Пьютъ, жрутъ, прохлаждаются,
Надеждой будущихъ удачъ потѣшаются.
Любо, весело киргизамъ кумызничать.
Времечко стоитъ благодатное, весеннее,
Ноченька стоитъ тихая, прохладная,
Комаровъ и мошекъ въ заводѣ нѣтъ.
Не чуютъ, не вѣдаютъ киргизскіе батыри,

Что стережетъ ихъ удалой Харкушко;
Дожидается Харкушко темной ноченьки,
Спускается съ своего тепла-гнѣзда,
И плыветъ Харкушко за Яикъ-рѣку;
Переплывши Яикъ-рѣченьку,
Ужомъ ползетъ къ киргизскому лагерю...

. . . . . .

Старику, передававшему мнѣ эти вирши, память измѣнила: онъ не могъ продолжать, но исторія Харка не прерывается. Она продолжается въ слѣдующемъ видѣ:

Замѣтивъ киргизовъ, пріѣхавшихъ на Яику и остановившихся на ночлегъ, смѣльчакъ Харко переплываетъ рѣку Яикъ и, какъ уже сказано, подползаетъ къ киргизскому стану. Покуда киргизы сидятъ около огней, покуда бесѣдуютъ, ужинаютъ, Харко начинаетъ считать ихъ по головамъ. Пересчиталъ. Всѣхъ киргизовъ оказывается, напримѣръ, тридцать человѣкъ. Харко такъ же тихо, какъ приползъ, отползаетъ прочь отъ киргизскаго лагеря, прячется подальше въ кусты и ждетъ, когда киргизы улягутся, уснутъ. Обезпеченные пустынностію и необитаемостію береговъ Яика, киргизы не принимаютъ никакихъ мѣръ предосторожности; а это Харкѣ и на-руку: меньше, слѣдовательно, ему хлопотъ. Полночь. Киргизы уснули. Харко выходитъ изъ засады и отправляется... Къ киргизамъ въ лагерь? думаете. Нѣтъ! Харко остороженъ и терпѣливъ. Нападать одному, притомъ пѣшему, да вдобавокъ еще ночью, на огромную толпу—и безразсудно и опасно. Харко не тревожитъ сонъ киргизовъ. Онъ идетъ въ луга, и ловитъ киргизскихъ лошадей всѣхъ до одной, плавитъ ихъ на самарскую сторону и загоняетъ въ густой лѣсъ, далеко отъ Яика. Потомъ отправляется къ себѣ въ тепло-гнѣздо и преспокойно ложится спать. „Утро вечера мудренѣе", говоритъ Харко и засыпаетъ.

Поутру киргизы встаютъ и поражаются страхомъ: лошадей нѣтъ! кидаются въ луга и видятъ: слѣдъ пошелъ на самарскую сторону. Киргизы по себѣ знаютъ, что въ пѣшемъ состояніи преслѣдовать вора, угнавшаго лошадей, безполезно.

Съ проклятіемъ и бранью киргизы покидаютъ негостепріимный берегъ Яика, забираютъ съ собой кое-какія вещи получше, поцѣннѣе, напримѣръ сѣдла, оправленныя въ серебро и камни, персидскіе ковры и т. п., остальное все или предаютъ огню, или бросаютъ въ воду и нѣшимъ боемъ отправляются туда, откуда такъ недавно пріѣхали веселые, довольные, на рѣзвыхъ и статныхъ аргамакахъ, обремененные попами. Киргизы шагъ-за-шагомъ, длинною вереницею, тянутся къ Кара-Кулю и не чуютъ, что позади ихъ собирается гроза. Харко жадно смотритъ съ гнѣзда своего на это печальное шествіе, ядовито улыбается и пересчитываетъ киргизовъ: разъ, два, десять... двадцать... тридцать.

— Всѣ,—говоритъ Харко.—Ступайте-ка, соколики, прогуляйтесь. До Кара-Куля шестьдесятъ верстъ, не скоро добредете, успѣю еще догнать, вотъ только позавтракаю, да силами запасусь.

Съ этими словами онъ спускается съ дерева, закидываетъ въ Яикъ плавную сѣть, черезъ минуту вытаскиваетъ на берегъ или тупоносаго осетра, или остроносую севрюгу, разводитъ огонь, наводитъ котелъ, варитъ щербу (уху) и, когда щерба поспѣетъ, кушаетъ, не торопясь, съ пшеничными сухариками.

Харко покушалъ, съ часъ времени повалялся на травкѣ, понѣжился, понюхалъ табачку и потомъ уже пускается за Яикъ. Конь у Харка смышленный, пріученный, словно хорошая подружейная собака. Харко подводитъ коня къ берегу, говоритъ ему: айда! причемъ ударяетъ его слегка по спинѣ ладонью, и конь смѣло идетъ въ воду и плыветъ на ту сторону. Харко одною рукой ухватится за хвостъ коня, а другую держитъ надъ головой своею, чтобы не обмочить пищаль и рогъ съ порохомъ. Черезъ минуту Харко на бухарской сторонѣ; садится на коня и скачетъ по слѣдамъ киргизовъ. На полпути къ Кара-Кулю, среди открытой степи, гдѣ нѣтъ ни одного кустика, ни одного овражка, Харко является передъ киргизами. Утомленные долгою ходьбой и озадаченные нечаяннымъ появленіемъ храбраго, нѣсколько звѣрообразнаго

врага физіономія у Харка была не изъ сладкихъ), киргизы только взвизгнутъ и одурѣютъ на мѣстѣ. Не давая киргизамъ ни на мгновеніе оправиться, Харко съ ужаснымъ крикомъ бросается на нихъ и начинаетъ ихъ или колоть пикой, или стрѣлять изъ пищали, какъ вздумается, или какъ укажетъ случай и положеніе врага. Всѣхъ передупитъ, заберетъ цѣнныя ихъ вещи и возвращается въ свое теплое гнѣздо.

Случается подобная исторія не разъ, не два. Киргизы около тѣхъ мѣстъ, гдѣ свито у Харки гнѣздо, не показываются. Харкѣ скучно безъ занятія. Онъ отправляется или вверхъ, или внизъ по Яику и устраиваетъ себѣ временное жилище, но непремѣнно на деревѣ. Гдѣ нѣтъ высокихъ деревьевъ, онъ н а ч а л и в а е т ъ (наставляетъ) дерево и вьетъ на немъ гнѣздо. И вездѣ, гдѣ только появляются бывало киргизы, Харко ш у т и т ъ с ъ н и м и ш у т о ч к и н е м а л е н ь к і я.

Случалось, что Харко одного изъ киргизовъ оставитъ въ живыхъ, чтобы тотъ шелъ въ Орду и повѣстилъ, что-де къ Я и к у х о д и т ь н е п р и к а з а н о.

Надѣлъ Харко киргизамъ. Тѣ не разъ пытались схватить какъ-нибудь его врасплохъ въ гнѣздѣ, но никогда имъ это не удавалось. Харко въ высшей степени былъ остороженъ; а когда спалъ, то чуткій и ученый конь его всегда при приближеніи киргизовъ за нѣсколько верстъ подавалъ хозяину знакъ и фырканьемъ, и ржаньемъ. И Харко заблаговременно снимался съ тепла-гнѣзда и удалялся въ глухія мѣста.

Киргизы пускались и на хитрости, чтобъ овладѣть собой Харка или убить его; но Харко всегда бывало перехитритъ киргизовъ.

Разъ киргизы, пустивъ лошадей на паству, одну изъ нихъ, самую рѣзвую, сивую, заковали въ желѣзы, чтобы Харко не могъ угнать ее въ числѣ другихъ, а ключъ отъ замка завѣрнули въ гриву коня, съ тою цѣлію, чтобы тотъ изъ киргизовъ, кто во время тревоги первый поймаетъ этого

коня, имѣлъ ключъ подъ рукой. Но Харко, лежа въ травѣ близъ киргизскаго лагеря, слышитъ ихъ рѣчи и уговоры и смѣется. Когда киргизы уснули, первымъ дѣломъ Харка было завладѣть своею лошадью: поймалъ ее, лебедушку, досталъ изъ гривы ключъ, отомкнулъ желѣзы, и дѣло пошло какъ по маслу. Утромъ киргизы увидѣли себя въ дуракахъ и, какъ тараканы изъ вымораживаемой избы, разбрелись по степи. Харко, само собой разумѣется, у к о к о ш и л ъ ихъ всѣхъ, не оставилъ и на племя.

Въ другой разъ, оставшись по милости Харка безъ лошадей и отойдя на нѣкоторое разстояніе отъ Яика, киргизы побросали съ себя дорогіе шелковые халаты и наваляли изъ нихъ цѣлую груду. Одинъ изъ киргизовъ, что-ни-самый смѣлый и сильный батырь, запрятался въ кучу халатовъ съ предательскимъ намѣреніемъ — схватить Харка врасплохъ, когда тотъ слѣзетъ съ коня и станетъ брать халаты. Но Харко, выѣхавъ въ степь для расчета съ киргизами, первымъ долгомъ пересчитывалъ киргизовъ, разбредшихся по сторонамъ, и тотчасъ смекнулъ, что одного врага противу прежняго числа нѣтъ. „А, хитрите, бестіи!“ — сказалъ Харко. Съ этими словами онъ осторожно подъѣхалъ къ кучѣ халатовъ, приложился по ней изъ пищали и выстрѣлилъ: халаты запылали, а батырь, смертельно пораженный ж е р е б ь е м ъ *), взвизгнулъ и духъ испустилъ. Затѣмъ началась расправа и съ другими: ни одинъ не узрѣлъ своего аула.

Конечно, не всегда и не всѣ киргизы, завидя Харка, предавались отчаянію и страху. Случалось, что храбрые изъ нихъ дѣлали Харкѣ отпоръ; но что могли пѣшіе, не защищенные никакими мѣстными преградами и не имѣющіе ружей съ европейскими замками, что могли сдѣлать такіе люди Харкѣ, гарцовавшему передъ ними на отличномъ скакунѣ и притомъ вооруженному исправною пищалью? Само собой, храбрые батыри, такъ же точно какъ и не-храбрые, одинъ за другимъ валились и падали отъ руки Харка.

---

*) Продолговатый кусокъ свинца, замѣняющій пулю. Авт.

Такимъ образомъ на всѣхъ пунктахъ теперешней нашей низовой линіи Харко искоренялъ, допималъ киргизовъ и наконецъ совсѣмъ донялъ. Шайтанъ (дьяволъ!) — сказали киргизы про Харка, и не смѣли уже показываться близъ Яика.

Харкѣ, говоритъ преданіе, сдѣлалось скучно жить безъ дѣла, онъ удалился. Что съ нимъ подѣялось — преданіе молчитъ. Но то урочище, гдѣ у него было свито на осокорѣ теплогнѣздо, прозвалось въ народѣ Харкинымъ.

Впослѣдствіи, когда яицкіе казаки заселили низовья Яика, а это было въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, и между прочимъ, построили на томъ урочищѣ форпостъ, форпостъ этотъ наименованъ и доднесь именуется Харкинымъ.

IV.

Видѣніе.

— ...Задумали наши казаки перенести свой городъ съ Кирсанова-Яра къ рѣчкѣ Чагану,—говорилъ Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ. Мѣсто, вишь, на Кирсановомъ-Яру было неудобно: зимой снѣгомъ заносило, а лѣтомъ отъ песку житья не было. Задумали они это дѣло, снарядили небольшую партію посыльщиковъ, да и послали спросить совѣта у старѣйшихъ, что жили на морѣ, на Камышь-островѣ.

— Развѣ на Камышинѣ-островѣ жили въ тѣ поры казаки? — спросилъ я.

— Какъ же! Искониѣ тамъ жили казаки-лыцари, самые то-нсь старики-старожилые, которымъ въ городѣ было душно и которые, между нами будь сказано, любили просторъ и раздолье, а ужъ есть ли что просторнѣе и раздольнѣе батюшки синя-моря Каспицкаго? Може статься, на Яикѣ вверху и поселеній настоящихъ не было, а на морѣ, на островахъ да на буграхъ навѣрное были казачьи пригоны. И нельзя не быть, касатикъ: вѣдь въ стары годы казаки наши частенько разъѣзжали по морю, какъ въ пѣсняхъ поется: „во легкихъ стругахъ за добычею, разбивали бусы-корабленки все армянскіе, татарскіе, басурманскіе"; этимъ только и жили, что грѣха таить. Такъ какъ же на Камышь-островѣ, иль-бо на другомъ какомъ, не жить нашимъ казакамъ? И въ пѣснѣ про Яикушку-Горынча, знаешь, поется:

...На островѣ-Камышинѣ,
Братцы, старики живутъ.
Старики живутъ старожилые,
Имъ же по девяносту лѣтъ...

— Постой, постой, Иванъ Никитичъ! — перебилъ я. — Въ этой пѣснѣ говорится про стариковъ-старожилыхъ. Може-статься, они жили на Камынь-островѣ ради Бога, то-есть спасали свои души.

(При сихъ словахъ Иванъ Никитичъ улыбнулся: замѣчаніе мое насчетъ стариковъ, спасавшихъ души, показалось старику до крайности смѣшнымъ и наивнымъ).

— Но нѣтъ ли такой пѣсенки, — продолжалъ я, — гдѣ бы прямо говорилось, что на Камынь-островѣ, иль-бо на другомъ какомъ, жили не старики-старожилые, а казаки лыцари?

Старикъ подумалъ и сказалъ:

— Какъ не быть! Есть! Вотъ одна такъ и вертится на языкѣ, да, чтобъ ее намочило, забылъ, какъ съ конца то начинается. Поди ты, вотъ такъ и вертится... чтобъ ее... Постой, постой! Вспомнилъ.

И старикъ началъ нараспѣвъ читать слѣдующую пѣсню:

„Выметывалъ нашъ Янкушка
На синемъ-морѣ Камынь-островъ.
На островѣ-Камынѣ казаки живутъ,
Казаки живутъ, люди вольные.
Разбивали они на синемъ морѣ
Бусы-корабли, всѣ легкія лодочки.
Разбили одну лодочку съ золотой казной,
Снимали съ золотой казной красну-дѣвицу,
Красну дѣвицу, раскрасавицу, дочь купецкую.
И начали дѣлить золоту казну пуховою шляпой.
На конъ клали раскрасавицу, красну дѣвушку.
И начали между себя трясти жеребій.
Досталась атаманушкѣ красна дѣвушка.
Возговоритъ атаманушка таковы слова:
„На бою-то я, атаманушка, самый первый былъ;
На паю на дуванѣ я послѣдній сталъ:
Досталась мнѣ, атаманушкѣ, красна дѣвушка“.
Возговоритъ красна дѣвушка таковы слова:

„Ужъ ты, гой еси, казачій атаманушка!
У меня на правой рукѣ есть золото кольцо,
Золото кольцо, оно во пять сотъ рублей;
Подвизочка есть на мнѣ, атаманушка, во всю тысячу.
Самой-то мнѣ, красной дѣвушкѣ, мнѣ цѣны нѣту.
Сотку тебѣ, атаманушка, шелковый коверъ".

— Вотъ тебѣ и льщари, коли хочешь знать! — сказалъ старикъ. — Эти, чай, не очень заботились о душѣ, — прибавилъ старикъ, засмѣявшись. — Потомъ продолжалъ:

„Да что объ этомъ толковать! Наши праотцы, какъ орлы поднебесные, перепархивали съ мѣста на мѣсто, когда и куда хотѣли, и жили тамъ, гдѣ лучше и вольготнѣе. Хоша непостоянно, временно, а надерживались-таки казаки около устьевъ Яика, по островамъ морскимъ, да по буграмъ черневымъ. Такъ было, значитъ, и въ ту пору, когда наши задумали переносить городъ. Вотъ къ нимъ-то, къ этимъ, значитъ, камышинскимъ старикамъ-льщарямъ, кирсановскіе казаки и поѣхали за совѣтомъ. Тогда, сударь мой, не какъ нынче, тогда все дѣлали собча, всѣмъ войскомъ.

„Побыли наши казаки сколько-то времени на Камышьостровѣ у старѣйшихъ, усовѣтовались съ ними насчетъ этого дѣла, то-сь насчетъ переноса города, и поплыли назадъ къ устьямъ Яика. Лишь только въѣхали они въ Золотинскій проранъ, навстрѣчу имъ попался старецъ, плыветъ въ маленькой лодочкѣ одинъ-одинехонекъ, гребетъ на одно весельце. Старецъ, такой древній, важный, благолѣпный, въ бѣломъ клобукѣ съ крестомъ на лбу. Съѣхались казаки и старецъ; поздоровались. Казаки говорятъ:

— Отче святой!—задумали мы перенести городъ съ мѣста на другое.—Начинать ли намъ это дѣло?—Дай совѣтъ.

Старецъ спросилъ ихъ, куда они хотятъ перенести городъ. Казаки указали на Чаганъ рѣку.—Тогда старецъ говоритъ имъ:

— Не былъ я на томъ мѣстѣ, а знаю, что оно хорошо, къ поселенію удобно, лугами всякими угодьями богато. Только вѣдайте, чада, на томъ мѣстѣ городу вашему приве-

дется испытать разныя коловратности: будутъ у васъ тамъ труси, мятежи, кровопролитныя брани и всякія сумятицы и неурядицы. Станутъ васъ тамъ нудить насчетъ креста и бороды, станутъ заводить у васъ солдатскія очереди, богопротивные легіоны и разные неполезные для васъ штаты, а въ единое время появится между вами такой набѣглый царь.. Вотъ изъ-за него-то вы много пострадаете, много крови прольете, много примете горечи. Однако, со временемъ все затихнетъ, и вы узрите спокой...

„Казаки говорятъ:

— Ничего, святый отче, къ трусямъ, мятежамъ и кровопролитнымъ бранямъ намъ не привыкать-стать: на томъ и живемъ. Намъ и прежде говаривали: „на крови-де Яикъ зачался, на крови-де и кончится".—Да мы на это мало смотримъ. А на очереди, да на легіоны и плевать-то не хотимъ: все перемелется, мука будетъ. Ты только благослови насъ, отче!

— Богъ васъ благословитъ!—сказалъ старецъ, осѣнилъ казаковъ крестомъ, да и поплылъ путемъ-дорогой.

И казаки поплыли своимъ путемъ-дорогой. Много ли, мало ли отплыли они отъ того мѣста, гдѣ съ старцемъ-то повстрѣчались, остановились, да и говорятъ промежъ себя: „Что же, братцы, мы не просили старца-то,—кто онъ такой? Вернемтесь!—Сказали это да и вернулись назадъ. А старецъ плылъ уже въ морѣ. Однако, они скоро его догнали и спрашиваютъ:

- Прости насъ, отче, давя мы не спросили тебя,—кто ты такой?—Повѣдай намъ.

- Алексѣй Митрополитъ!—говоритъ старецъ.

Лишь только онъ выговорилъ, какъ въ тое жъ секунду поднялось отъ воды густое облако и скрыло и лодку, и святителя. Отъ такихъ словъ, казаки пришли въ ужасъ неописанный. Не пришли они еще въ себя отъ страха и ужаса, не отудобили, какъ облако прорѣдѣло, разсѣялось, и ни лодки, ни святителя не видать стало, одно гладкое, какъ стекло, море.—Значитъ: видѣніе было.

„Такое-то, сударь мой, чудо повстрѣчалось съ нашими казаками. Не откладывая дѣла въ даль, казаки въ то же лѣто поднялись съ Кирсанова Яра и перебрались къ рѣкѣ Чагану. Подѣлали плоты, посадили на нихъ женъ, дѣтей, нагрузили имуществомъ и всякимъ скарбомъ, что можно было взять, отслужили Господу-Богу молебенъ, прошѣли канунъ Алексѣю Митрополиту и пустились внизъ по Янку; а лошадей и всю животину погнали берегомъ. Чего не могли взять, то все сожгли, и теперь на Кирсановомъ Городищѣ тьма-тьмущая углей; чай, и ты видѣлъ.

„Изъ строенія казаки взяли только одну церковь чернаго лѣса. Бережненько разобрали ее по бревешкамъ, да по дощечкамъ и сплавили на плоту. Церковь была во имя Казанской Божіей Матери. Поставивши на новомъ мѣстѣ церковь, казаки по приговору всего обчества и по благословенію духовныхъ чиновъ сдѣлали къ ней въ память чуднаго видѣнія придѣлъ во имя Св. Алексѣя Митрополита. Этотъ придѣлъ и поднесь существуетъ. Церковь эта стояла на берегу Янка, что теперь Старица, между нынѣшнимъ Архангельскимъ соборомъ и Петропавловскою церковью, и прозывалась Кирсановскою. Въ Шилихинъ пожаръ она сгорѣла. Казаки опять выстроили на томъ мѣстѣ деревянную церковь и въ отлику отъ другихъ церквей все-таки называли ее Кирсановскою. Въ годъ Волынскаго и новая сгорѣла. Тогда уже выстроили каменную, на другомъ, на теперешнемъ мѣстѣ. Но эта, каменная-то церковь, просто называется Казанскою, а память о Кирсановской въ народѣ забылась“.

V.

Шилихинъ пожаръ.

... — Кстати, Иванъ Никитичъ, разскажи-ка что-нибудь о Шилихиномъ пожарѣ, — сказалъ я старику, когда онъ кончилъ преданіе о „Видѣніи". Я часто слышу: „Шилихинъ пожаръ", „въ Шилихинъ пожаръ", „до Шилихина пожара". Вотъ и ты сейчасъ сказалъ, что Кирсановская церковь сгорѣла въ Шилихинъ пожаръ. Но отчего онъ названъ такъ и давно ли случился? вотъ этого не знаю.

„Извольте, касатикъ! — сказалъ старикъ. — Исторія не долга.

„Шилихинъ пожаръ, сударь мой, случился очень давно, до Пугача лѣтъ за двадцать пять, или-бо и больше еще. Такъ родитель мой сказывалъ мнѣ. А пустила этотъ пожаръ одна старуха, по прозванью Шилиха: оттого-то онъ и слыветъ въ народѣ Шилихинымъ. И тому, сударь мой, есть причина... Да ужъ разсказывать ли тебѣ все-то: ты, пожалуй, и не повѣришь?" — спросилъ меня старикъ.

— Что ты говоришь? — вскричалъ я: — какъ это можно! Пожалуйста, говори, говори! Каждое твое слово я готовъ на носу зарубить. Пожалуйста, Иванъ Никитичъ, говори!

Старикъ продолжалъ:

„И прежде, и послѣ Шилихина бывали пожары, весь городъ, почитай, превращали въ уголья; вотъ хоть бы, къ при-

мѣру сказать, тому лѣтъ полста съ хвостикомъ, въ годъ Волконскаго князя *) ужаснѣющій былъ пожаръ, весь, почитай, городъ сгорѣлъ, а послѣ того годовъ черезъ пятнадцать еще былъ преужаснѣющій пожаръ, тоже весь городъ сгорѣлъ; однако, ихъ просто называютъ: „первый большой пожаръ", „второй большой пожаръ", а не называютъ вѣдь по имени, отъ кого начались. Ну, а Шилихинъ пожаръ слыветъ такъ не безъ причины.

„Шилиха — не объ ней будь сказано — была отъ всего свѣта злѣющая-презлѣющая колдунья, только окаянная въ то и жила, что добрыхъ людей портила. Бывало, ни одна свадьба не пройдетъ безъ того, чтобы Шилиха не испортила молодыхъ, иль-бо не сдѣлала какой пакости хозяевамъ, есть когда только хозяева не упросятъ ее, не задарятъ что-ни-лучшими подарками. Такая была скверная, чтобъ ей и въ аду-то не было ни дна, ни покрышки! Занимались въ старину этимъ дѣломъ, нечего грѣха таить, и мужчины; но тѣ дѣлали все-таки съ пощадой; есть-когда и „заговорятъ", бывало, однако, черезъ нѣкоторое время опять „отговорятъ". Мужчина тамъ какой бы ни былъ, а супротивъ женщины все-таки имѣетъ честь и совѣсть. А Шилиха, чтобъ ей и въ аду-то мѣста не было, все дѣлала на смерть. Ужъ отъ природы ли она была такая злѣющая, иль ужъ уговоръ у ней былъ съ дьяволомъ, дьяволъ ее знаетъ; только, всѣмъ вѣдомо, не было отъ нея, лиходѣйки, никакой вольготы тѣмъ, кого на своемъ вѣку портила. И мужчины-вержецы побаивались входить съ нею въ споръ: всѣхъ, вишь, была она сильнѣе насчетъ чертовщины. Не стану разсказывать тебѣ, касатикъ, о дѣлахъ ея богомерзкихъ: противны они; а разскажу одинъ только случай насчетъ того, какъ Шилиха сильна была нечистою силой. Родитель мнѣ сказывалъ объ этомъ, а онъ слышалъ отъ своего родителя, а его родитель самъ былъ тому свидѣтель.

„Разъ на одной свадьбѣ заспорилъ съ Шилихой знахарь,

*) Въ 1807 году.

какой-то заѣзжій молодецъ, изъ Стародубіи, говорили, тоже по этой части былъ ходокъ, Дѣичемъ звали. Хотѣлъ видно онъ осмѣять Шилиху, а себя превозвысить, анъ грибъ съѣлъ. Это было еще въ ту пору, когда Шилиха была молода, когда она еще медъ-брагу тянула и съ мужескимъ поломъ зналась... Тогда, въ молодости-то сирѣчь, она была, говорятъ, помягче, на подарки и на мужской полъ была падка, а настоящей вѣдьмой-то кеевской сдѣлалась уже въ старости. Воронъ ворона видитъ издалека, говоритъ пословица. Скоро они, Дѣичъ и Шилиха, снюхались, сдружились. Случилось на ту пору одному именитому казаку свадьбу играть: сына, вишь, женилъ. Вотъ онъ не пожалѣлъ казны, задарилъ Шилиху съ Дѣичемъ что-ни-лучшими подарками и позвалъ ихъ на свадьбу — Дѣича дружкой, а Шилиху свахой. Хорошо.

„Идетъ чинъ-чиномъ честная пиръ-бесѣдушка. Всѣ гости навеселѣ. Подпили и дружелька съ свахонькой. Всѣ пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются и рѣчи межъ себя ведутъ хорошія. Только Шилиха и Дѣичъ — чтобъ ихъ одрало — ведутъ рѣчи не хорошія; по ихнему-то може, и хорошія, да по нашему-то не хорошія, не потребныя: ведутъ они, сударь мой, рѣчи о чертовщинѣ. Говорили, говорили они, да и заспорили. Дѣичъ говоритъ.

— Не родился еще на свѣтъ тотъ человѣкъ, чтобы супротивъ меня могъ стоять: кто бы что ни з а г о в о р и л ъ, я о т г о в о р ю; но коли я что з а г о в о р ю, никто не о т г о в о р и т ъ!

„Шилиху такая похвальба задѣла видно за живое. Вскочила она съ мѣста и говоритъ:

— Чѣмъ намъ, добрый молодецъ, хвастаться да перекоряться, давай лучше, попробуемъ!

— Давай!—говоритъ Дѣичъ.

„Господи, какъ только заслышали таковыя слова, такъ и всполошились всѣ. Тутъ каждій подумалъ, какъ бы на немъ вержецы-то вздумали содѣять пробу. До кого ни коснись, всякій струситъ.

„Шилиха, замѣтила, что гости въ тревогу пропзошли, и говоритъ:

— Не бойтесь, гости любезные! Коли я гдѣ сама присутствую, коли я на свадьбѣ сама свахой, я не сдѣлаю никакого лиха. Бойтесь меня заочно.

„Этимъ она,—прибавилъ разсказчикъ, — навѣтки давала, чтобъ, вишь, всѣ ее чтили, да подарками ублаготворяли. Хорошо. Гости успокоились. Потребовали Шилиха и Дѣичъ двѣ рѣдьки, очистили ихъ и поставили на столъ, вострымъ концомъ къ верху.

— Начинай! — говоритъ Дѣичъ.

— Нѣтъ, ты начинай!—говоритъ Шилиха.—Ты мужчина, а я женщина; ты же первый похвалился; такъ первый и начинай.

— Хорошо! — говоритъ Дѣичъ: — которая твоя рѣдька? Бери!

„Шилиха взяла одну рѣдьку и подвинула къ себѣ. Дѣичъ взялъ другую рѣдьку и подвинулъ къ себѣ.

„Дѣичъ сталъ что-то про себя шептать, а Шилиха улыбается. Дѣичъ шепчетъ, а рѣдька Шилихина начинаетъ мало-по-малу темнѣть-темнѣть, чернѣть-чернѣть; напослѣдъ сдѣлалась, какъ уголь, черна.

„Гости смотрятъ и дивуются.

„Дѣичъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на всѣхъ такъ-то весело-весело. Шилиха въ лицѣ измѣнилась, сдѣлалась сумрачна.

— Кончилъ? — спрашиваетъ Шилиха Дѣича.

— Кончилъ! — говоритъ Дѣичъ и улыбается.

— Смотри! — говоритъ Шилиха и начинаетъ что-то шептать.

— Шилиха шепчетъ, а рѣдька ея начинаетъ мало-помалу бурѣть-бурѣть, бѣлѣть-бѣлѣть, — а напослѣдокъ совсѣмъ побѣлѣла, какъ прежде была.

„Гости смотрятъ и пуще прежняго дивуются.

„Шилиха поднялa голову и посмотрѣла на всѣхъ какъ-

то весело-весело. Дѣичъ въ лицѣ измѣнился, сдѣлался сумраченъ.

— Что скажешь? — спрашиваетъ Шилиха Дѣича и улыбается.

— Ничего! — говоритъ Дѣичъ. — Теперь ты начинай.

— Хорошо! — говоритъ Шилиха и начинаетъ шептать.

„Шилиха шепчетъ, а рѣдька Дѣича мало-по-малу начинаетъ темнѣть-темнѣть, чернѣть-чернѣть; напослѣдъ сдѣлалась, какъ уголь, черна.

„Гости смотрятъ и пуще прежняго дивуются.

— Кончила? — спрашиваетъ Дѣичъ Шилиху.

— Кончила! — говоритъ Шилиха и улыбается.

— Смотри! — говоритъ Дѣичъ и начинаетъ шептать.

„Дѣичъ шепчетъ, а рѣдька его начинаетъ мало-по-малу бурѣть-бурѣть, бѣлѣть бѣлѣть, — напослѣдъ совсѣмъ побѣлѣла, какъ прежде была.

„Дѣичъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на всѣхъ такъ-то весело-весело. Шилиха въ лицѣ измѣнилась, сдѣлалась сумрачна.

— Что скажешь? — спрашиваетъ Дѣичъ Шилиху.

— Ничего! говоритъ Шилиха. — Разрѣжь свою рѣдьку и посмотри.

„Дѣичъ разрѣзалъ рѣдьку и устаурился на Шилиху: середка рѣдьки была черна, какъ уголь. Немного погодя, Дѣичъ схватилъ Шилихину рѣдьку и разрѣзалъ: Шилихина рѣдька была вся бѣла, какъ снаружи, такъ и внутри.

„Дѣичъ сидитъ ни живъ, ни мертвъ, только бурколами на всѣхъ поводитъ.

„Шилиха улыбается и говоритъ Дѣичу:

— Давя ты сказалъ, а теперь я скажу: не родился еще на свѣтъ тотъ человѣкъ, кто бы могъ супротивъ меня стоять: кто-бы что ни заговорилъ, я отговорю; но коли я что заговорю, никто во вѣки вѣковъ не отговоритъ.

„Вотъ она какая была дошлая, эта Шилиха, — сказалъ Иванъ Никитичъ. — Въ молодости своей, я опять скажу, въ молодости своей она была еще туда-сюда, по крайности, на

подарки, на угощёнье, да на молодецкія приманки шла, а подъ старость въ то только и жила, непотребная, чтобы добрымъ людямъ гадить. Напослѣдъ насталъ часъ, его же никто не прейде.

„Жила Шилиха съ снохой, а сынъ былъ гдѣ-то на службѣ царской. Эта бѣдная, сноха-то сирѣчь, сколько приняла маяты и пазолы, воззяясь съ свекровью-колдуньею, только Богу одному извѣстно.

„Двѣ недѣли Шилиха томилась, а не издыхала. Напослѣдъ кто-то посовѣтовалъ снохѣ, чтобы конекъ у избы поднять“...

— Это зачѣмъ? — спросилъ я.

— Какъ зачѣмъ? спросилъ въ свою очередь старикъ. Безъ этого ни одинъ колдунъ не можетъ умереть,—продолжалъ старикъ.—Когда колдунъ умираетъ, въ это время окружаетъ его цѣлый сонмъ чертей; они заграждаютъ дорогу ангелу; а душу изъ тѣла, — такъ въ Святомъ Писаніи сказано,—душу изъ тѣла, какая бы тамъ душа ни была, праведная ли, грѣшная ли, все одно, — душу изъ тѣла окромя Ангела Господня никакой чертъ не смѣетъ вынуть. Послѣ уже, какъ ангелъ-то вынетъ душу, черти-то и отобьютъ ее, есть-когда она грѣшная, а кольми паче еретицкая, отобьютъ, подцѣпятъ на багры, да и поколябятъ во тьму кромѣшную. Вотъ для этого-то самаго дѣла и поднимаютъ у избы конекъ, чтобы дать ангелу мѣсто пробраться въ избу.

„Сноха такъ и сдѣлала. Дождалась вечера, пошла на подволоку и приподняла немного конекъ у избы, а сама схватила скорехонько ведры, да и побѣжала по воду, чтобы, знаешь, не видать, какъ свекровь-то окачурится. Но не дошла еще сноха до Яика, какъ домъ ихъ въ одинъ моментъ загорѣлся со всѣхъ четырехъ угловъ. Ударили въ сполохъ, сбѣжался народъ, а подойти къ дому никто не можетъ: какъ-то невидимая сила всѣхъ отталкиваетъ. Народъ въ страхѣ и ужасѣ смотритъ на пожаръ. Вдругъ изъ трубы вылетаетъ огненный змій въ видѣ бѣса триклятаго, что на Страшномъ Судѣ пишется: съ когтями, съ рогами, съ хвостомъ — какъ

быть бѣсу; въ когтяхъ держитъ самое Шилиху и летитъ съ нею черезъ городъ. А колдунья Шилиха вертится словно березка на огнѣ, да ручищами своими цѣпляется за крыши домовъ; за который домъ уцѣпится, тотъ и загорится; за который уцѣпится, тотъ, сударь мой, и загорится, и загорится. Такимъ манерюмъ чортъ пронесся съ Шилихой черезъ весь городъ, и весь городъ загорѣлся.

„За башней, гдѣ теперь зимній базаръ, было озеро,— въ ту пору городъ нашъ былъ маленькій. Въ томъ озерѣ бѣсъ и Шилиха исчезли. А городъ нашъ все-таки сгорѣлъ до тла. Вотъ отчего пожаръ тотъ и названъ Шилихинымъ. Случился онъ въ день Св. Благовѣрныхъ Князей Бориса и Глѣба. Съ тѣхъ поръ и доднесь въ день этотъ служатъ у насъ молебны и ходятъ вокругъ города".

То старина, то и дѣянье:
Морю Каспію на утѣшенье,
Быстрому Яику слава до моря,
Добрымъ людямъ на послушанье,
Уральскимъ казакамъ на потѣшенье.

Москва. 1859 г. Іюль-Августъ.

VI

Казакъ Терскій.

—Да кому изъ насъ, ребята, атаманомъ быть?
Ужъ мы выберемъ, ребята, атаманушку,
Атаманушка мы выберемъ походнаго.
(Казачья пѣсня).

— Слушаешь бывало рѣчи стариковъ-старожиловъ объ ихъ старинныхъ заведеніяхъ, слушаешь, батюшка, и ушамъ своимъ не вѣришь: „неужто, думаешь, въ ихъ времена было все такъ, какъ они разсказываютъ?!“ — Такъ началъ рѣчь собесѣдникъ мой Аф. Д-чъ Барсуковъ.—Не вѣрится, батюшка, ты хоть что. А почему не вѣрится! Потому не вѣрится, что сами-то мы возросли въ иныхъ порядкахъ. Къ примѣру начать хоть съ того: теперь кого надъ тобой поставятъ, того и слушай; въ порядкахъ ли, не въ порядкахъ ли на тебя находитъ,—молчи: супротивничать или-бо оправдываться не смѣй, не то Боже сохрани! засудятъ, такъ что своихъ не узнаешь. Въ правилахъ будто бы сказано даже: „аще и палочку надъ тобой поставятъ, и той повинуйся“. Хорошо, если палочка-то умная, толковая и жалостливая; ну, тутъ и спорить не объ чемъ—такъ ли, сякъ ли, хоть и скрипитъ, а идетъ колесо, и большихъ тычковъ не слыхать. А вѣдь попадаютъ такія, которымъ не только человѣка, но и тварь безсловесную довѣрить нельзя. Вотъ какъ

попадаешь подъ такую палочку, такъ и запоешь словно М. Е. Кочемасовъ:

„Кому повѣмъ печаль мою?
Кого призову ко рыданію?"...

— А въ старину, разсказываютъ старики, было совсѣмъ не такъ: кто достоинъ, того всѣмъ обществомъ и выбирали, тому и честь и власть предоставляли. Въ ребячествѣ я слышалъ отъ дѣдушки любопытную исторію про одного казака Терскаго, какъ выбрали его въ атаманы. Если хочешь, я тебѣ разскажу. И старикъ началъ:

„Кто за что, а Терскій за варочки"...

— Понимаешь ли, къ чему эти слова?

— Должно быть къ казаку Терскому,—сказалъ я.

— А въ какомъ смыслѣ?

— Я отрицательно покачалъ головой.

— Ну такъ слушай.

— Въ старые годы, когда еще насъ путемъ Москва не знала, когда была въ силѣ и поговорка: „живите, братцы, пока Москва не узнала"—вотъ въ тѣ-то годы жилъ былъ на Яикѣ межъ нашими казаками съ Терека, отъ чего и прозванье ему было Терскій. Съ Терека такъ съ Терека — не диво. На Яикъ собирались со всѣхъ сторонъ, со всей, можно сказать, вселенной. Народъ сюда шелъ ловкій, смѣлый, храбрый, гордый, народъ съ амбиціей; такой, батюшка, народъ, которому не жилось на мѣстѣ своего рожденія, который искалъ вольготы, простора; одно слово — народъ, что называется, первый сортъ.

— Скажу тебѣ притчу,—отгадаешь ли?

— Говори. Попробую, авось и отгадаю.

— Пчелка беретъ со всякаго цвѣтка по капелькѣ соку. Что выходитъ?

— Медъ,—отвѣчалъ я.

— Отгадалъ, — сказалъ старикъ. — Подобно сему и наше дѣло: со всякаго, значитъ, сословья по молодцу, и вышло славное и храброе войско

Яицкое, по нынѣшнему Уральское. Это не забывай, голубчикъ, и нашимъ братомъ не брезгуй.

— Я и не брезгаю. Съ чего ты взялъ?

— Такъ къ слову пришлось. Извини. Теперь о Терскомъ слушай.

— Итакъ, жилъ былъ межъ нашими казаками казакъ Терскій. Казалось, чего бы лучше казакъ съ Терека. По всѣмъ правамъ долженъ бы быть молодчина. Ань нѣтъ. Такой вышелъ, съ позволенія сказать, уродина, такой лѣнтяй изъ рукъ вонъ. Ничего-то онъ, бывало, не сдѣлаетъ, все-то у него изъ рукъ валится. Къ примѣру: пойдутъ казаки-десятники въ луга сѣно косить,—всѣ работаютъ какъ слѣдуетъ, а Терскій только и знаетъ, что косу точитъ да пробиваетъ — въ цѣлый день больше двухъ-трехъ прокосовъ не пройдетъ. Пойдутъ десятники рыбачить, закинутъ неводъ, всѣ тянутъ, всѣ работаютъ до пота лица, только Терскій ни за что не принимается,—возьметъ въ руки багоръ и ждетъ, когда подтянутъ неводъ, чтобы забагрить готовую рыбку. Соберутся десятники на конъ, станутъ обѣдъ или ужинъ варить — всѣ что-нибудь дѣлаютъ, только Терскій ни за что не принимается: ни дровъ онъ не наберетъ, ни воды не принесетъ, ни рыбы не почиститъ. Словомъ, такой былъ увалень этотъ Терскій казакъ, хоть брось. На два дѣла былъ только горазъ: поспать да пожрать. Супротивъ этой статьи не было Терскому ни спорщика, ни поборника. На счетъ ѣды одинъ за десятерыхъ уписывалъ, а на счетъ спанья,—словно богатырь послѣ боя по цѣлымъ сутокамъ головы не приподнималъ, развѣ только для ѣды. Сварятъ казаки обѣдъ, соберутъ чашки, ложки, припасаются чинимъ маперомъ сѣсть за столъ; глядь, а Терскій ужъ у котла, лѣзетъ съ ковшемъ, схватитъ самый лучшій кусокъ и сожретъ. Когда, бывало, варятъ рыбу, казаки сначала щербу хлебаютъ, а Терскій сію-же минуту „присусонится" къ рыбнымъ варкамъ, всѣ пытаскаетъ изъ котла и сожретъ — любилъ, значитъ. И смѣхъ, и грѣхъ. Отъ этого самаго и сложили казаки про него поговорку: „кто за что, а Терскій за варочки". Казаки

насмѣиваются надъ нимъ, а онъ и въ усъ не дуетъ, только ухмыляется. Отъ жранья, да отъ спанья Терскій разбухъ, словно тюлень.

— Такимъ образомъ прожилъ Терскій сколько-то времени, десятники особенно не нудили его, а только подтрунивали. Напослѣдокъ попалъ Терскій въ другой десятокъ. Новые товарищи приструнили его, говорятъ: „ты что за лѣнтяй такой?! Коли хочешь сладко ѣсть, работай, а мы тебѣ не халуи". Терскій и тутъ вздумалъ было алырничать, да не на таковскихъ попалъ. Новые десятники разъ сказали, два сказали, въ третій ужъ не говорили, а пошли къ атаману и пожаловались.

„Атаманъ собралъ кругъ, и въ кругу присудилъ дать Терскому науку, а если наука не пойдетъ впрокъ, то выключить его, какъ ледащаго, изъ казачьяго званія и прогнать съ Яика на всѣ четыре стороны. За наукой дѣло не стало — тутъ-же въ кругу, при всемъ честномъ народѣ разложили Терскаго на шары-на-палы и откатали голубчика *).

„Что-жъ изъ этого вышло? А то, что Терскій словно переродился — золото, а не казакъ сталъ. Еще десятники, бывало, спятъ, а онъ подымается ни свѣтъ, ни заря и примется хозяйничать: и воды принесетъ, и дровъ наберетъ, и кашу сварить: словомъ, работаетъ за десятерехъ, а самъ веселъ, доволенъ, дѣлаетъ все вприпрыжку, да казакамъ спасибо сказываетъ, что уму разуму научили. Справедливо, значитъ, сказано, что „битый двухъ не битыхъ стоитъ".

„Прошло сколько-то времени, Терскаго сдѣлали десятникомъ. Пошелъ въ гору нашъ Терскій. Разъ въ одной

*) На шары-на-палы — это своего рода штрафованіе. И теперь между казачатами это нерѣдко употребляется. Если, напр., казаченокъ дѣлаетъ въ игрѣ какую-нибудь фальшь или въ срединѣ игры заканриничаетъ, броситъ игру и тѣмъ разстроитъ весь ходъ игры, то участники, чтобы отучить товарища отъ капризовъ подобнаго рода, кричатъ: „на шары-на-палы", и если игрока эта не подѣйствуетъ, то хватаютъ его за руки и за ноги и опускаютъ на рядъ разложенныхъ по землѣ палокъ и какъ палокъ по скалочкѣ катаютъ глупыша по палочкамъ. Понятно, при такомъ наказаніи важна не физическая боль, а нравственная. Авт.

стычкѣ съ ордой Терскій показалъ большую храбрость и расторопность, и общество сдѣлало Терскаго старшиной. Вотъ какъ! Прошло еще сколько-то времени, умеръ главный атаманъ. Казаки, много не думая, къ Терскому: „опричь тебя никто-де иной не достоинъ быть атаманомъ. Бери въ свои руки атаманскій посохъ и заправляй нашими дѣлами". Вотъ какъ,—замѣтилъ разсказчикъ,—Терскаго въ атаманы! А все шары-да-палы. Справедливо, видно, сказано: „не уча въ попы не ставятъ".

Терскій отъ атаманства отказывается, говоритъ, что атаманомъ быть не достоинъ.

— Сами знаете, казакъ я причинный, то-есь штрафованный, — пояснилъ разсказчикъ.

— Чѣмъ же причинный? — спрашиваютъ казаки.

— Какъ чѣмъ? -говоритъ Терскій.—Развѣ забыли, какъ вы меня на шарахъ-на-палахъ валяли?

— Эта причина не въ причину. Это наука — ничего больше. Еслибъ наказали тебя за воровство или за другое какое преступленіе противъ общества, то дѣло иное, тогда бъ и сами мы тебя атаманомъ не сдѣлали. Дѣло происходило, какъ слѣдуетъ, въ кругу, при собраніи всѣхъ казаковъ. Терскій отговаривается: я-де молодъ, есть постарше меня. Но ему возражаютъ, что въ такихъ дѣлахъ нуженъ не старый, а бывалый. Терскій проситъ дать ему три дня на размышленіе. Казаки не соглашаются, прямо требуютъ, чтобы онъ сейчасъ-же взялъ въ руки атаманскій посохъ и дѣло съ концомъ.

Полно, товарищъ, „огуряться", сказалъ кто-то изъ казаковъ—тебѣ-же хуже будетъ. Смотри, говоритъ проказникъ смѣхомъ, опять взвалимъ на шары-на-палы.

Весь кругъ отъ этихъ словъ разсмѣялся. Улыбнулся и Терскій.

— Ну, быть по вашему,—промолвилъ онъ.—Только вотъ что, товарищи: дайте мнѣ ваши руки, т. е. подписку,—пояснилъ разказчикъ.

— Въ какой силѣ?—спрашиваютъ казаки.

*

— Чтобы вы во всемъ меня слушались,—говоритъ Терскій.

— Да какъ же мы не будемъ тебя слушать, — говорятъ казаки, на то ты и атаманъ.

— Однако,—говоритъ Терскій, отобравши отъ васъ руки, я буду спокоенъ.

Казаки согласились, и сталъ Терскій атаманствовать отличнымъ манеромъ, словно родился атаманомъ.

Перезимовали. По весну казаки собираются въ море на промыселъ. Ты не подумай рыбу ловить, — замѣтилъ казакъ и улыбнулся.—Терскій не соглашается, говоритъ, что годъ высокосный, что Кассіанъ-Рымлянъ обидится, и отъ того удачи не будетъ, что если разъ потерпятъ они неудачу, то всегда фортуна служить не будетъ.—„Если нынче пойдемъ на промыселъ, — говоритъ Терскій, то никогда не будемъ ходить; а если нынче не пойдемъ, то вѣчно будемъ ходить“.

Но казаки резонамъ атамана не внимали, требовали похода. Терскій ссылался на „зарушный“ листъ. Но казаки пуще прежняго упершись.—„Вишь гусь лапчатый“, — говорятъ казаки про Терскаго. „Вонъ онъ зачѣмъ требовалъ отъ насъ руки, чтобы совсѣмъ волю съ насъ снять! Дудки! Что бы намъ ни случилось, а пойдемъ въ походъ; на зло атаману пойдемъ, чтобы впредь не было атаманамъ повадки распоряжаться нами по своей волѣ“.

Въ тотъ день собрались казаки въ кругъ и выбрали новаго атамана. „Зарушный“ листъ, значитъ, потерялъ свою силу.

Новый атаманъ изъ воли казаковъ не вышелъ, повелъ ихъ въ море и попалъ, сдуго куръ ко-ни. Гдѣ-то на Персидскомъ берегу попали казаки въ засаду и половины не досчитались, а добычи получили брусъ съ осеномъ. Послѣ того, собравшись съ силами, пошли казаки сухопутьемъ въ Орду, кажется, подъ Хиву. Та же исторія:—казаковъ поцинили и прогнали. Сдѣлемъ куда послѣ того казаки ни пойдутъ, вездѣ урокъ ихъ ждетъ. Сбылось, значитъ, предсказаніе Терскаго — фортуна отказалась служить.

Казаки дулись-дулись, да и перевернулись: рѣшились идти въ Москву просить подданства. Подданство-то выпросили, а фортуну все-таки не воротили,—покинула она казаковъ на вѣки-вѣчные.

Послѣ подданства куда ни пойдутъ—все уронъ, да уронъ. Пошли по указу царя Петра I Алексѣевича съ княземъ Бекичемъ въ Хиву въ полутора-тысячахъ кромѣ солдатъ, и всѣ сложили тамъ свои головушки; вернулась самая малость, и то по-одиночкѣ—гдѣ казакъ, гдѣ два. Еще какъ-то столкнулись съ Ордой на Утвѣ рѣкѣ—та-же исторія. Объ этой битвѣ у насъ и пѣсня есть:

„Какъ за рѣченькой, за Утвой,
За той водой, за черной...“

Я тебѣ и дѣло-то это разскажу. Слушай.

VII.

Утва.

Какъ за рѣченькою было за быстрою
За Утвою,
За славными было за Утвинскими
За горами,—
Распахана была тамъ пашенка
Яровая.
Не плугомъ была пашня пахана,
Не сохою.
Распахана была пашня булатными
Копіями,
Взборонена она была коневьими
Копытами.
Не рожью была, братцы, засѣяна,
Не пшеницею,—
Засѣяна была, братцы, казачьими
Головами.
Засѣялъ ее добрый молодецъ—
Самъ уѣхалъ.
Засѣямши ее, онъ, добрый молодецъ,
Самъ слезно заплакалъ:
„Ты рости, моя пашенка,
Зеленѣйся,
На поливочку, моя пашенка,
Не надѣйся".
(Казачья пѣсня).

Въ давніе годы киргизы отогнали у нашихъ казаковъ изъ-подъ самаго города табунъ коней,—началъ разсказъ старикъ. -Казаки, какъ водится, пошли въ погоню за киргизами. Сколько было казаковъ, не умѣю сказать, а полагаю сотъ пять человѣкъ. Не добѣгая до Утвы-рѣки, казаки попали на огнище, т. е. на такое мѣсто, гдѣ у киргизовъ былъ лагерь. Казаки на нѣкоторое время пріостановились, чтобы

осмотрѣть мѣсто. Между казаками былъ одинъ калмыкъ, человѣкъ старый, бывалый, тертый калачъ. Осмотрѣлъ онъ огнище и говоритъ походному атаману:

— Атаманъ, вернемтесь назадъ: удачи не будетъ.

— Почему ты знаешь?—спросилъ атаманъ.—Развѣ не догонимъ?

— Нѣтъ, догнать—догонимъ, да не осилимъ.

— Отчего-жъ не осилимъ?—спрашиваетъ атаманъ. — Развѣ это другой какой народъ, не киргизы?

— Киргизы-то, киргизы,—говоритъ казакъ, -да только выродки изъ нихъ, народъ самый отчаянный, огневой.

— Почему ты знаешь?—спрашиваетъ атаманъ. -Развѣ видѣлъ?

— Не говоря ни слова, казакъ, съ лошади, поднялъ съ земли нѣсколько шашлыкъ (заостренныхъ палочекъ), на которыхъ киргизы маханину жарили, подалъ атаману и говоритъ:

— Видишь, атаманъ, всѣ шашлыки закончены, значитъ, всѣ въ дѣлѣ были; на каждомъ шашлыкѣ по три маленькихъ, бѣлыхъ пятнышка—выходитъ три маленькихъ кусочка жарились, — значитъ, люди ѣдятъ мало, а такіе люди храбрые бываютъ. Не осилимъ мы ихъ.

— Трусу празднуешь,—сказалъ атаманъ калмыку и приказалъ отряду гнать дальше, а казакъ свое толкуетъ.

— Постой,—говоритъ онъ атаману,—я тебя до конца доведу.

— Казакъ пошелъ по огнищу и сталъ подбирать шашлыки, на каждомъ, словно нарочно, по три бѣлыхъ пятнышка—значитъ, съ каждаго шашлыка закусывали по трое; казакъ хорошо зналъ эти порядки. По шашлыкамъ и по пятнышкамъ сосчитали и воиновъ: вышло вдвое больше, чѣмъ казаковъ. Атаманъ и этого въ резонъ не взялъ. Поѣхали дальше. За Утвой-рѣкой опять набѣжали на огневище. На этомъ огневищѣ опять то же, что и на первомъ. Калмыкъ пристаетъ къ атаману: „Вернемся. Удачи не будетъ“.

Мірыся къ черту или къ своему бурхану,—сказалъ атаманъ казаку и приказалъ гнать далѣе.

Поскакали киргизы. Они, приготовившись къ бою, сѣли на прегорьѣ. Казаки пріостановились, чтобы дать вздохнуть конямъ и справить оружіе. Атаманъ спрашиваетъ совѣта у казаковъ, очень ли сперва открыть, или прямо на „уру" идти. Подъѣзжаетъ къ атаману калмыкъ и говоритъ:

Мои совѣтъ: ни огня не открывать, ни на „уру" не идти, а сейчасъ же сѣдлаться и отбиваться. Непріятель не по нашимъ силамъ. Смотри, весь непріятель въ панцыряхъ.

— Не успѣлъ казакъ рѣчь докончить, какъ киргизы загикали и сами пошли на „уру".

— Крѣпче сѣди, ребята! — закричалъ атаманъ, — да ужъ бью подъ, Казаки дрогнули и пошли на-утекъ. А сробили казаки, полагаю я, отъ того, что калмыкъ раньше всѣхъ настращалъ: „поди-де сильные, храбрые, не осилимъ". Да, ужъ, отъ того ли, не отъ того ли, а сробили сраминки, и вся недолга! Скверно, что и говорить!

Калмыкъ вскакалъ впередъ, останавливаетъ казаковъ:

— Стойте, товарищи! Стойте! Перебьютъ они сзади-то всѣхъ насъ".

Куда! Не казакъ робеть начала, они улепетываютъ, а киргизы знай поковыриваютъ ихъ взадъ, да поковыриваютъ, — киргизамъ „гафа" вышла. Такимъ образомъ, киргизы изрядное число нашихъ добрыхъ молодцовъ перекололи,— самая малость, говорятъ, осталась живѣ и воротилась въ городъ".

— Вотъ съ чего и пѣсня взялась:

„За рѣченькой за Утвою,
За той водой за черною..."

Атаманъ, говорятъ, сложилъ свою голову. Въ пѣснѣ иногда поютъ:

„Засѣяна пашенка тѣлами бѣлыми.
Одно тѣло лежитъ какъ снѣгъ бѣло—
Тѣло это казачьяго атаманушки..."

— Не поставь, Господи, въ осужденіе, —сказалъ разсказчикъ:—атаманъ самъ виноватъ. Упреждалъ, вѣдь, казакъ, что удачи не будетъ—не послушалъ; самъ на себя пеняй. По человѣчеству судить, жаль атамана, жаль и казаковъ. Впрочемъ, ничего не подѣлаешь: не они первые, не они послѣдніе. На то и родимся, чтобы кровь свою за отечество проливать. Пуще всего жаль калмыка,—такой герой былъ, такой дошлый. Не вернулся онъ въ городъ, пропалъ. Убили ли его киргизы, въ полонъ ли взяли, неизвѣстно. Вѣроятнѣе всего убили: такая храбрая душа была. А все, что ни говори, Терскаго вспомянешь, замѣтилъ старикъ. Сказалъ онъ, фортуна служить не будетъ, — и не стала служить.

Между множествомъ варіантовъ на пѣсню, приведенную въ началѣ этой главы, есть и такой, гдѣ, вмѣсто стиха:

„Это тѣло казачьяго атаманушки"

Поется:

„Это тѣло стрѣлецкаго атаманушки".

Изъ этого можно заключить, что пѣсня эта въ корнѣ своемъ принадлежитъ не однимъ яицкимъ казакамъ, а всему русскому народу, претерпѣвшему въ старину не рѣдкія пораженія отъ орды. Такъ напр., въ русскихъ народныхъ былинахъ, собранныхъ г. Шейномъ, есть двѣ пѣсни, гдѣ поле побоища сравнивается тоже съ пашней...

...Да не сохами ту пашню распахивали,
Не всхожими сѣменами эту пашню засѣвали.
Распахали эту пашню турецкими лошадями...
Засѣвали эту пашню крестьянскими головами *)...

Яицкимъ казакамъ, какъ выходцамъ изъ городовъ и се-

---

*) См. въ „Чтеніяхъ ист. и древн." 1854 г. 3, смѣсь, стр. 151.

леній великорусскихъ, не могли быть неизвѣстны пѣсни, начинающіяся подобнымъ сравненіемъ.

Казаки, претерпѣвъ значительное пораженіе за р. Утвой, и пріурочили пѣсню къ своему несчастію. А что преданіе объ Утвинскомъ побоищѣ, сохранившееся въ памяти народной, идетъ отъ истиннаго событія, о томъ свидѣтельствуютъ акты, именно:

„Въ прошломъ 723 году посланъ я былъ нижайшій отъ войска Яицкаго атаманомъ Иваномъ Тимофѣевымъ въ полуторастахъ человѣкъ за непріятельскими людьми каракалпаки и киргизъ-кайсаки, которые подбѣгали тогда подъ Яицкій городокъ съ триста человѣкъ и побрали нашихъ казаковъ пять человѣкъ и нѣсколько скота отогнали; только тѣхъ непріятелей мы не догнали, а какъ возвратились обратно и, не доѣзжая до городка дни за два, на рѣкѣ Утвѣ напала на насъ другая непріятельская орда, человѣкъ съ триста, и былъ съ онымъ непріятелемъ бой, при которомъ повзяли оные непріятели насъ человѣкъ съ девять въ полонъ, въ томъ числѣ и нижайшій взятъ и былъ въ полону пять лѣтъ".

Это писалъ въ доношеніи своемъ В. Коллегіи яицкій казакъ Михаилъ Бородинъ, бывшій въ плѣну въ Хивѣ, куда перепродали его каракалпаки и откуда онъ былъ выкупленъ татариномъ, прикащикомъ яицкаго казака Лобика.

Кромѣ того, яицкое войско въ отпискѣ своей Госуд. В. Коллегіи отъ 18 октября 1731 года, исчисляя потери свои въ людяхъ, понесенныя имъ въ разнаго рода походахъ, между прочимъ, писало слѣдующее:

....И въ прошедшемъ 724 году подбѣгали подъ нашъ казачій Яицкій городокъ непріятельскіе люди каракалпаки и киргизъ-кайсаки тысячнымъ числомъ, и мы войскомъ Яицкимъ погнали за оными непріятельскими людьми, выбравъ изъ старшинъ походнаго атамана Ивана Логинова и при немъ семь сотъ человѣкъ, и какъ догнали оныхъ непріятельскихъ людей при урочищѣ Утвѣ рѣкѣ и, догнавъ, сошлися съ

оными непріятелями бой, и бились съ нимъ два дни и ночь, и волею Божіею и нашимъ несчастіемъ нашихъ казаковъ семьдесятъ два человѣка побито, а другихъ многое число ранено и въ полонъ побрано" *)...

Москва. Ноябрь 1861 года.

---

*) Изъ Арх. В. Кол. Каз. пов., кн. № 12, стр. 150.

VIII.

Хива *).

(Изъ сказаній уральскихъ казаковъ).

I.

ПОХОДЪ КНЯЗЯ БЕКОВИЧА.

„Еще долго ли намъ ребята, на Дарьѣ стоять?
На Дарьѣ стоять, ребята, караулъ держать?—
Мы Дарью-рѣку пройдемъ рано съ вечера,
А Кубань-рѣку пройдемъ въ глуху полночь,
А въ Хиву придемъ вкрутъ бѣлой зари"...
(Изъ пѣсни уральскихъ казаковъ).

— Хива — страна заклятая; до поры, до времени покорить ее никакими силами нельзя, — началъ свой разсказъ мой собесѣдникъ, Аф. Д. Барсуковъ, когда я попросилъ его разсказать что-нибудь о походѣ въ Хиву князя Бековича-Черкасскаго. — Еще дедушка Бековича — продолжалъ старикъ — не разъ наши прадѣды, то-есть казаки яицкіе, дѣла-

*) Разсказъ этотъ былъ напечатанъ г. Витевскимъ въ Др. и Нов. Россіи за 1880 г., сентябрь. Г. Витевскій предпосылалъ разсказу краткій біографическій очеркъ І. И. Желѣзнова (извлеченіе изъ ст. Савичева), а самый текстъ разсказа снабдилъ примѣчаніями съ выписками изъ писемъ Перовскаго и дневникъ похода. Эти выписки, сказываетъ г. Витевскій, вполнѣ подтверждаютъ правдивость всего хода похода Барсукова въ походѣ. Разсказъ печатается по тѣмъ же, какъ онъ былъ воспроизведенъ по черновой рукописи Желѣзнова г. Витевскимъ. Ред.

ли попытки—хаживали въ Хиву, сами собой, безъ указу значитъ царскаго; щипать-щипали ее, было дѣло; но совсѣмъ покорить не могли, то-есь не могли подвести ее подъ державу Бѣлаго Царя, подобно тому, какъ Ермакъ Тимофеевичъ подвелъ Сибирь. Нѣтъ, живуча, проклятая! Случалось, батенька, и такъ, что наши-то и сами насилу оттуда ноги утаскивали; чай, не одна тысяча нашихъ молодцовъ сложила свои буйны головы въ Хивѣ проклятой. Хотя прискорбно и вспоминать объ этомъ, однако, „шила въ мѣшкѣ не утаишь“ —что правда, то правда! На нашихъ, впрочемъ, и дивовать нельзя, что Хиву не покорили,—наши что? наши —народъ вольный, безъ заботный, отъ ту наши никому не давали, а вотъ когда о Бековичѣ вспомнишь—какъ онъ-то, голубчикъ, не покорилъ Хиву, такъ поневолѣ призадумаешься; не повѣрилъ бы, да повѣришь, что на Хиву заклятье положено. Вѣдь князь Бековичъ пошелъ на Хиву не самъ собой, а по указу царя Петра Перваго, а Петръ Первый шутить не любилъ: чуть не такъ — за ушко, да на солнышко. Предъ Петромъ Первымъ не точію свои, а и чужестранные спаралы дрожали, какъ листъ передъ травой. Что спаралы? — цари-то всѣ, короли-то всѣ повѣрные ему дань платили; одна только Хива въ усъ не дула—вотъ ты и подумай! Бековичъ пошелъ въ Хиву не съ горсточкой, какъ къ примѣру наши предотцы допрежь него ходили: Бековичъ пошелъ, батенька, съ цѣлой арміей. Опричь нашихъ казаковъ, у Бековича были и донскіе казаки, и гребенскіе, были и солдаты, и драгуны; у Бековича и антирелій и всякаго пушечнаго спаряда была бездна; при Бековичѣ было много и другихъ спаралов, полковниковъ и всякихъ военныхъ чиновниковъ: одно слово, Бековичъ пошелъ съ настоящей ратью. Теперь спрошу тебя (обратился ко мнѣ старикъ): какъ же Бековичъ не взялъ Хиву? А вѣдь до Хивы-то онъ дошелъ. Что ты на это скажешь, а?

— Какъ, въ самомъ дѣлѣ, Бековичъ не взялъ Хивы?— переспросилъ я въ свою очередь разсказчика.

„Взять-то онъ ее взялъ, да не удержалъ; вотъ въ чемъ и

сила-то! Бековичъ благополучно дошелъ до Хивы. Безъ бою, безъ драки хивинцы покорились ему. Хивинскій ханъ и всѣ его мурзы-визири вышли за ворота, пали предъ Бековичемъ на колѣни и, какъ водится, чебурахнулись головою объ землю три раза; поднесли ему на золотомъ блюдѣ ключи отъ города — значитъ, покорились. —По нашимъ книгамъ, —говорятъ хивинцы,—мы довольно хорошо извѣстны, что рано ли, поздно ли, намъ не миновать рукъ Бѣлаго Царя, подобно тому, какъ не миновали Казань и Астрахань. Видно-де, говорятъ, пришло то время: покоряемся. Шествуй, говорятъ хивинцы Бековичу, въ городъ и твори волю пославшаго тя; бери съ насъ дань, какъ указы Царя Бѣлаго повелѣваютъ: повинны заплатить, супротивничать не смѣемъ. Только вотъ что осмѣлимся объяснить вашему княженецкому степенству, говорятъ злые и хитрые хивинцы: Хива городъ не очень большой, какъ и самъ изволишь видѣть; боимся, какого бы утѣсненія не послѣдовало твоей арміи насчетъ фатеръ и насчетъ продовольствія. По этимъ резонтамъ (говорятъ хивинцы Бековичу), не угодно ли будетъ вашей княженецкой милости сдѣлать такъ: разставить свою армеюшку не въ одной Хивѣ, а въ другихъ по смежности городкахъ и мѣстечкахъ; самыя что ни лучшія мѣста отведемъ, гдѣ и людямъ будетъ привольно, и конямъ ихъ кормно; одно слово,—говорятъ хивинцы Бековичу, потщимся предоставить вашему княженецкому степенству и всему воинству россійскому всякое удовольствіе; такъ ублаговоримъ, что на всю жизнь довольны останетесь. Выслушамши такую льстивую рѣчь злыхъ хивинцевъ, князь Бековичъ умилился и тотъ же часъ, не говоря худого слова, отдалъ подначальнымъ сараламъ и чиновникамъ приказъ въ такой силѣ, чтобы каждый сараль, каждый чиновникъ съ своимъ отрядомъ разошлись на фатеры по разнымъ мѣстамъ, гдѣ хивинцы укажутъ; а самъ со свитой и съ небольшимъ конвоемъ вступилъ въ городъ Хиву; вступилъ—и больше ужъ не выѣзжалъ, больше ужъ и на свѣтъ то божій не глядѣлъ. Такимъ манеромъ, продолжалъ старикъ, заманили хитрые хивинцы Бековича съ арміею словно въ западню; заманили,

и въ одну ночь задали карачунъ всѣмъ русскимъ, то-есь иныхъ голубчиковъ перерѣзали какъ барановъ, иныхъ въ полонъ забрали и невольниками подѣлали, а самого Бековича злой-презлой казни предали: съ живого, говорятъ, съ него кожу содрали, разбестія! Вотъ тебѣ и покорились! Вотъ тебѣ и ублаготворили! Вотъ тебѣ и дань заплатили! Если и всѣ такъ будутъ поступать, добра немного!" Старикъ при этомъ плюнулъ презрительно. Помолчавъ немного, онъ проговорилъ:

„Не бѣлый-то лебедь, лебедчикъ воскликнулъ, —
Добрый молодецъ, князь Бекичевъ, слезно восплакалъ"...

— Вотъ этими самыми словами (продолжалъ разсказчикъ) зачиналась пѣсня про князя Бековича; да я, словно на грѣхъ, и въ молодую-то пору плохо ее зналъ, а хоша и пѣвалъ, то за другими, теперь же —говорить-ли?—совсѣмъ забылъ, а то-бы я тебѣ, кстати, спѣлъ; не взыщи ужъ. Помню (прибавилъ старикъ), пѣсня была такая жалостливая, такая заунывная! Да и какъ не быть ей жалостливой; шутка ли? — съ живого кожу снять!?... — Брррръ!!!" — Старикъ сдѣлалъ кислую гримасу и отчаянно потрясъ головой Потомъ продолжалъ: — А сколько нашихъ-то казаковъ погибло — языкъ не выговоритъ! Полторы тысячи, сказывали старики, полторы тысячи пошло съ Бековичемъ въ походъ, а вернулось на Яикъ, въ разное время, какихъ-нибудь два-три десятка, не больше; всѣхъ хивинцы-изверги порѣшили: которыхъ, значитъ, перерѣзали, которыхъ въ плѣнъ забрали, и тѣ тамъ дни свои скончали. Только одному казачку, молодому парню и собой красавцу, въ тотъ разъ посчастливилось: не видалъ онъ, этотъ казачокъ, ни рѣзни, ничего такого, отъ чего сердце крушится; скорѣй, можно сказать, видалъ онъ то, отъ чего сердце голубится. Слушай, какая линія вышла. На фатерѣ, гдѣ казачокъ стоялъ, полюбила его молодая хивинка, дочь ли, сноха ли хозяйская,—не умѣю сказать хорошенько, да вѣдь не въ томъ сила! — Вотъ оча-то, это молодая хивиночка, и защитила

[illegible]. Въ ту ночь, въ которую хивинцы утеряли за[illegible] [illegible] и тамъ пошли карачунъ, хивинка увела [illegible] домой въ избу, въ самую глухую и удаленную [illegible] и спрятала; сама же, припрятала молодца въ какомъ-то потаенномъ мѣстечкѣ. Тамъ казакъ и сохранился [illegible] до времени; тамъ, значитъ, и любовью они пробавлялись, [illegible] казачекъ и хивинка. Сорть!" — [illegible] старикъ съ [illegible] рода самодовольствомъ.

— Наносудилъ посолъ рѣзни (продолжалъ старикъ), [illegible] [illegible], когда со всѣхъ мѣстъ хивинцы съѣхались въ Хиву къ хану праздновать, по всей поганой вѣрѣ, [illegible] торжество надъ русскими, хивинка обрядила казака въ хивинскую одежду, [illegible] [illegible] и [illegible] серебряныхъ и золотыхъ [illegible], — въ Хивинскій [illegible], — потомъ вывела изъ [illegible] самую что [illegible] рѣзвую лошадь, [illegible], отдала ее казаку и [illegible] [illegible] въ путь-дорогу, тотчасъ, на родную сторону. Больше [illegible], не могло было хивинка сохранить казака [illegible] разсказчикъ, а видать это хивинцамъ на смерть, либо на неволю злую—жалѣла: [illegible]. Бегутъ-бегутъ, а за ними [illegible] гонятся! Хорошо. Хивинка совѣтовалась съ [illegible] старухой, [illegible], и, по ея совѣту, [illegible], какъ проѣхать ему черезъ хивинскую [illegible], чтобы не [illegible] хивинцамъ въ руки. Какъ простился съ хозяйкой, поѣхалъ и, за родительскія [illegible], [illegible] до Яика [illegible] и невредимъ.—Въ дорогѣ казакъ по [illegible] [illegible] встрѣчался съ разными хивинцами и [illegible] [illegible] съ ними. А какъ отдѣлывался? [illegible] сказать! Въ [illegible]: встрѣчается съ нимъ хивинецъ, спросить, кто [illegible], [illegible] и [illegible]. А онъ [illegible] [illegible], не говоритъ, а [illegible] мигнетъ; потомъ [illegible] съ [illegible] [illegible] [illegible] ему, покажетъ хивинцамъ, [illegible] [illegible] [illegible] лошадь и сдѣлаетъ [illegible] [illegible] [illegible] разсказчикъ. Этого мало [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] по лбу до-

шади, даетъ знакъ: лошадь-де лысая; потомъ нагнется и обведетъ рукою около колѣнъ лошади — даетъ знакъ: лошадь-де бѣлоногая. Каково?! Ай да хивиночка! Полюбила молодца и уму-разуму научила! замѣтилъ старикъ съ самодовольствомъ: „такихъ давай Богъ нашему брату!... Хивинцы поглядятъ-поглядятъ на нѣмого, улыбнутся и покачаютъ головой: не видали-де; и поѣдутъ, оболтусы, своей дорогой, а казачокъ и радъ; дальше ѣдетъ. Такимъ маперомъ и проѣхалъ онъ сквозь хивинскія жилья и выѣхалъ въ степи. Въ степяхъ случилось ему сталкиваться кой съ какимъ людомъ, примѣрно, съ киргизами; но отъ нихъ онъ прямо пускался вскачь и ускакивалъ: лошадь была ужъ очешо рѣзвая.

„А другой казакъ, по имени Тр. М-чъ Новинской, инымъ маперомъ спасся и вышелъ изъ Хивы,—продолжалъ разсказчикъ. — Этотъ былъ мужчина пожилыхъ лѣтъ; бороду имѣлъ большую-пребольшую, чуть не до пояса, окладистую и сѣдую. Онъ что сдѣлалъ? Обрядился, сударь мой, татарскимъ муллой, то-нсь навертѣлъ на шапку куска два бязи, и въ такомъ видѣ пошелъ путешествовать. Молодецъ! Справедливо въ пѣсняхъ говорится про стариковъ:

„Старый казакъ догадливъ былъ"...

„И что же? — продолжалъ разсказчикъ, — куда Тр. М. ни придетъ, вездѣ орда встрѣчаетъ его съ почетомъ: напоитъ, накормитъ и на дорогу провизіи дастъ. Въ иномъ мѣстѣ спросятъ его: кто онъ, откуда и куда путешествуетъ, а онъ, чтобы не доказать себя, кто онъ такой есть, прикинется молчальникомъ, опустивъ глаза въ землю, вздыхаетъ, поглаживаетъ свою бородушку да шепчетъ про себя, однако, такъ, чтобы ордѣ было слышно, шепчетъ: „Алла! Алла! бисмилля!" Орда разинетъ ротъ, дивуется, принимаетъ Тр. М. за странника, за богомольца, за молчальника, пуще прежняго оказываетъ ему почтеніе. Случалось, и очень часто, отъ аула до аула лошадь подъ него давали, провожатыхъ съ нимъ посылали; одно слово, встрѣчали и провожали

Тр. М. съ уваженіемъ и почтеніемъ. Такимъ маперомъ онъ всю орду прошелъ, проѣхалъ безпрепятственно. По выходѣ изъ орды въ Расею Тр. М. представлялся самому Петру Первому. Представлялся онъ царю на Волгѣ, когда Царь плылъ изъ верховыхъ городовъ въ Астрахань, царь очень удивился и спросилъ Тр. М-ча, какимъ побытомъ онъ, одинъ-одинёхонекъ, прошелъ чрезъ орду басурманскую?

— Бородушка помогла!—отвѣтилъ Тр. М-чъ.

— Какъ такъ? — спрашиваетъ царь и пуще прежняго дивуется.

— Такъ и такъ! — говоритъ Тр. М-чъ: — по бородушкѣ меня вездѣ съ почетомъ встрѣчали и провожали.

— Неполать же тебѣ, старинушка! — сказалъ Петръ Первый и ласково погладилъ Тр. М-ча по сѣдой его бородушкѣ.—Значитъ не всуе я пожаловалъ вашу братью, яицкихъ казаковъ, бородой: умѣете пользоваться ею; что хорошо, то хорошо! — сказалъ царь. — А какъ твое имя, отчество и прозвище? —спросилъ Петръ Первый: — скажи-ка въ другой разъ, я забылъ. — Тр. М-чъ сказалъ свое имя, отчество и прозвище. Царь съ минуту подумалъ и сказалъ: — Такъ какъ провела тебя чрезъ орду басурманскую твоя почтенная борода, то будь же ты, Тр. М-чъ отнынѣ до вѣка не Новинскій, а Бородинъ!

— Царское слово свято!—сказалъ разсказчикъ: — и сталъ послѣ того Тр. М-чъ прозываться Бородинымъ. Одинъ изъ теперешнихъ чиновниковъ Бородиныхъ, — прибавилъ старикъ, — къ примѣру почтенный П. М., храбрый К. Ф. и другіе ихъ родня, идутъ отъ колѣна Тр. М-ча; въ ихъ роду и сохранилась память о томъ, какъ Тр. М-чъ надулъ цѣлую орду и славу себѣ получилъ.

II.

ПОХОДЪ ГРАФА ПЕРОВСКАГО.

— Жаль Бекевича! —замѣтилъ я, выслушавъ старика.

— Коли не жаль? Очень жаль! — сказалъ старикъ.—

Хоша Бековичъ и новокрещенъ былъ, не русской, значитъ, природы, а все-таки служилъ Богу и великому государю, все-таки пострадалъ за нашу матушку Расею. И пострадалъ же, голубчикъ! Страдаютъ хуже, да рѣдко. Шутка ли: съ живого шкуру содрали! У насъ по этому побыту и поговорка вошла въ силу: пропалъ, какъ Бековичъ!

— Ужъ не измѣну ли Бековичъ сдѣлалъ?—спросилъ я моего собесѣдника.—Не подкупили ли его хивинцы? *).

— Что ты, что ты! — заговорилъ старикъ: — какъ можно! Шила въ мѣшкѣ не утаишь! Рано ли, поздно ли, а это бы открылось: „нѣсть-бо тайно, еже не явится", это, батенька, въ писаніи сказано, — замѣтилъ глубокомысленно старикъ и потомъ продолжалъ: — хоша не отъ нашихъ, отъ хивинцевъ бы можно было послѣ услыхать. Нѣтъ, нѣтъ, касатикъ! Грѣхъ такую напраслину взводить на Бековича. Еще вотъ что въ резонъ возьми, — прибавилъ старикъ: — когда-бъ Бековичъ сдѣлалъ измѣну, хивинцы не казнили-бъ его, не содрали-бъ съ него съ живого шкуру, а скорѣе сдѣлали-бъ его какимъ-нибудь мурзой или какимъ-нибудь султаномъ. На этотъ счетъ хивинцы молодцы: они всякому рады, кто своей волей передается имъ. Бывали случаи на моей памяти: солдатъ ли-бо мужикъ какой изъ астраханцевъ убѣжитъ къ нимъ въ Хиву, они и того съ радостію

*) Да не покажется кому-либо страннымъ вопросъ, сдѣланный мною разсказчику. Казаки, какъ и солдаты, и всѣ вообще простолюдины, въ высшей степени недовѣрчивы и подозрительны: всякую сколько-нибудь значительную неудачу главнаго начальника на войнѣ или въ походѣ, особенно того, кто носитъ не русскую фамилію, они готовы отнести къ измѣнѣ или ко взяткѣ, что въ отношеніи предводителя тождественно. Отъ такого нареканія не уходятъ и свои офицеры, начальники степныхъ отрядовъ. Если, напримѣръ, офицеръ, начальникъ отряда, не удастся взять въ плѣнъ или разбить какого-нибудь бунтующаго киргизскаго батыря, напр., Исета Кутебарова, и если, по мнѣнію казаковъ, удобные къ тому случаи были упущены, то казаки непремѣнно выведутъ такое заключеніе, что начальникъ взялъ съ батыря сдарку, т. е. взятку, а по-просту: сдѣлалъ измѣну. Все это, конечно, доказываетъ, что казаки не очень-то вѣрятъ въ чистоту начальническихъ убѣжденій.

Авт.

примутъ и въ большіе чины произведутъ. Это ужъ такъ, не споръ!

— Значитъ, сплоховалъ Бековичъ?! — замѣтилъ я, выслушавъ доводы старика въ защиту Бековича.

— Съ одной стороны, може и такъ, а съ другой, пожалуй, и не такъ! — возразилъ старикъ. — Хоша и есть поговорка: самъ плохъ — не дастъ Богъ, однако, въ иномъ разѣ и поговорка не попадаетъ въ точку; по крайности, насчетъ Хивы это такъ. Вѣдь ужъ сказано: Хива — страна подъ закляньемъ, ну и шабашъ: суемудроствовать тутъ нечего! Бековичъ ли — не Бековичъ ли, сплоховалъ ли — не сплоховалъ ли, это, сударь мой, все единственно; конецъ одинъ, рѣшенье одно, хоть къ бабушкѣ не ходи: неудача, да и вся недолга! Къ примѣру, Василій Алексѣичъ Перовскій, чай, не Бековичу былъ чета, поважнѣе, чай, Бековича (я тебѣ послѣ разскажу, кто таковъ былъ Перовскій), а когда пошелъ на Хиву, что взялъ? брусъ съ оселкомъ! Только рать свою разсѣялъ по дикой степи, да бездну царской казны задаромъ истратилъ.

Старикъ остановился и призадумался. Видно было, что онъ предался воспоминаніямъ не очень-то отраднымъ; потомъ заговорилъ:

— У! и походъ же былъ хивинскій — одно слово гибель! и скоту, и людямъ гибель! Для насъ, уральцевъ, ничемъ: народъ мы не такой, чтобы степныхъ походовъ бояться, а вотъ для солдатиковъ бѣдныхъ и говорить нечего: для нихъ хивинскій походъ былъ гибельный-прегибельный, что твоя холера, не объ ней будь сказано. Я самъ сломалъ этотъ походъ, кое-что многое видалъ своими глазами: не хорошо!

Старикъ сдѣлалъ печальную мину и потрясъ головой.

— Такъ ты былъ въ хивинскомъ походѣ? — спросилъ я моего собесѣдника: — я этого не зналъ.

Старикъ кивнулъ головой.

— Разскажи-ка; я послушаю, какъ вы отличались.

— Пожалуй, разскажу, — сказалъ старикъ, — только (прибавилъ онъ) не обезсудь, какъ умѣю и что помню!

Помолчавъ съ минуту, старикъ началъ:

— Сперва-на-перво слѣдуетъ знать, сударь мой, кто таковъ былъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, и по какому побыту онъ сочинилъ хивинскій походъ, а потомъ уже рѣчь пойдетъ и про самый походъ. Согласенъ? — спросилъ старикъ.

— Сдѣлай одолженіе, очень радъ! — отвѣтилъ я.

— Ну, такъ слушай, — сказалъ старикъ, — или нѣтъ, не слушай, а прежде мнѣ отвѣтъ дай, когда знаешь: отчего Перовскій прозывался Перовскимъ?

— Такая ужъ фамилія, а отчего — не знаю.

— Я такъ и думалъ, что не знаешь, — сказалъ старикъ съ самодовольствомъ и прибавилъ: — Перовскимъ онъ прозывался о т ъ п е р а!

— Отъ какого пера? — спросилъ я.

— А вотъ отъ какого, — отвѣтилъ старикъ: — къ примѣру, орелъ-птица надъ всѣми птицами старшая; такъ и православный царь нашъ надъ всѣми земными царями старшій. У орла-птицы есть крылья; безъ нихъ онъ и парить не можетъ; такъ и у царя нашего есть енералы-сенаторы, безъ нихъ онъ и управлять державой не можетъ. У орла-птицы въ крыльяхъ есть по два главныхъ, по нашему, правильныхъ пера; безъ нихъ и крылья, какъ слѣдуетъ, дѣйствовать не могутъ; такъ и у царя нашего межъ енеральствомъ-сенаторствомъ есть два-три енерала главныхъ, что называется, два-три правильныхъ п е р а; безъ нихъ и енеральство-сенаторство прямо держаться не можетъ, а пойдетъ вкось и вкривь. Вотъ изъ числа этакихъ-то енераловъ и былъ Василій Алексѣевичъ Перовскій; отъ этого самого онъ и прозывался Перовскимъ. Хоша Перовскій заправлялъ только одной Оренбургской губерніей, но гремѣлъ на всю Расею. По лѣтамъ онъ былъ молодъ, а по службѣ да по чину онъ разсыпчаты эполеты носилъ и былъ старше всѣхъ обнаковенныхъ енераловъ въ Расеѣ. Въ Питерѣ, говорятъ, ни одинъ енералъ, кто

бы онъ ни былъ — графъ ли, князь ли, все единственно — не смѣлъ на стулъ сѣсть при Перовскомъ, есть когда онъ не приважетъ; одно слово, Перовскій былъ большой человѣкъ, только одной титлы ему не доставало, чтобы возвыситься надъ всѣми людьми и стать, что называется, на одну ногу съ царскими персонами; и мудреное такое названіе этой титлы — генералмусъ, вотъ этакое что-то право, хорошенько-то не выговорю. Кто изъ енераловъ получитъ такую титлу, тотъ выходитъ изъ-подъ всякаго закона, то-есь ни за какую вину нельзя такого енерала ни подъ арестъ посадить, ни разжаловать; одно слово, енералъ съ такой титлой становится на одну ногу съ царскими особами. Въ случаѣ, когда бы произволеніемъ божіимъ прекратилось царское сѣмя, то на царство сажают генералмуса, а если генералмусовъ двое-трое, то даютъ имъ жербій. Вотъ видишь, какая важная эта титла; но что дорого, то и рѣдко: не очень-то часто жалуютъ такими титлами: къ примѣру, съ тѣхъ поръ какъ стоитъ наша Расея, только и послѣ эту титлу одинъ Суворовъ. Есть въ военномъ артикулѣ такое изрѣченіе: „плохъ тотъ солдатъ или казакъ, который не надѣется быть енераломъ". Коль скоро ужъ солдату иль-бо казаку дозволяется имѣть надежду на енеральство, то какъ же енералу-то запретить имѣть надежду на генералмуса, а тѣмъ паче Василью Алексѣевичу Перовскому, который безъ того былъ главнымъ, что называется, правильнымъ перомъ-енераломъ. Вотъ и онъ задумалъ получить эту титлу. Но какъ ее получить? вотъ загадка! Прежде чѣмъ получить такую высокую титлу, прежде этого, сударь мой, надо заслужить двойную фамилію, безъ этого и титла не дается; а заслужить двойную фамилію, съ позволенія сказать, не мутовку облизать: для этого нужно сдѣлать такую отлицу, которую не всякій сдѣлаетъ, которая бы всѣмъ кидалась въ глаза. Къ примѣру, Суворовъ, прежде чѣмъ получилъ титлу генералмуса, заслужилъ другую фамилію — Рымникаго, это за то, что онъ городъ Рымъ завоевалъ, гдѣ папа рымскій престолъ имѣетъ; значитъ самый знаменитый городъ, что называется,

на „ура“ взять. Одно слово, добраться до такой великой титлы очень, очень мудрено. Даже не всякій, получившій и двойную фамилію, достигаетъ этой титлы: кромѣ Суворова, были и другіе генералы съ двойными фамиліями, къ примѣру, Дибичъ-Забалканскій, — за Балканскія горы перешелъ, Паскевичъ-Иреванскій, — городъ Иреванъ у персіянъ завоевалъ; а все-таки такъ и умерли съ двойною фамиліею, а титлы генералмуса не получили. Ну да Богъ съ ними, не о нихъ рѣчь! Василій Алексѣевичъ — царство ему небесное— очень близокъ былъ къ покойному царю, Николаю Павловичу. Когда Василій Алексѣевичъ бывалъ въ Питерѣ, царь, говорятъ, ни обѣдать, ни чай пить не садился безъ него: завсегда, значитъ, присуглашалъ его къ своей царской трапезѣ. Однако, какъ царь ни уважалъ Василья Алексѣевича, а и для него не хотѣлъ ломать законные порядки: тожь безъ двойной фамиліи не давалъ и ему титлы генералмуса, да и двойную-то фамилію приказалъ прежде выслужить; значитъ, надо было Перовскому заслужить прежде всего двойную фамилію. Вотъ онъ и вздумалъ сочинить походъ въ Хиву, и сталъ просить у царя на то дозволенія.

— Позвольте, говоритъ, ваше царское величество, идти мнѣ на Хиву и покорить ее подъ твое великое державство.

— Пожалуй, — говоритъ царь, — ступай; только вотъ что, Василій Алексѣевичъ, — сказалъ будто бы царь Перовскому: — какъ бы замѣсто двойной фамиліи не получить тебѣ конфузіи иль-бо другое что похуже. Вѣдь всѣ толкуютъ,— говоритъ царь, — что Хива — страна подъ заклятьемъ: покоришь ли?

— Будьте благонадежны, ваше царское величество! Все это сказки, людскіе предразсудки; когда позволите, я докажу, что этакіе слухи распускаютъ хитрые и лукавые хивинцы, чтобы отклонить отъ себя Расею.

— Толкуй себѣ: сказки, предразсудки, — замѣтилъ разсказчикъ: узналъ послѣ, каковы эти сказки, да поздно! — Хорошо, — продолжалъ старикъ, — пошла у насъ по войску молва, что скоро будетъ походъ на Хиву; признаться,

сначала мы не совсѣмъ вѣрили этому слуху. Ужъ коли Петръ Первый не завоевалъ Хивы, говорили мы про себя, то кому другимъ, думать, придетъ охота валандаться съ нею. Толкуемъ такъ-то, а того въ голову не заберемъ, что, може статься, не Хива нужна, а двойная фамилія нужна; вотъ она въ чемъ штука-то, — поди да и пойми съ перваго разу. Еще — ложь ли, правда ли, — болтали въ народѣ, что Василію Алексѣевичу, во что бы то ни стало, а безпремѣнно нужно было сочинить походъ, чтобы развязаться съ однимъ нашимъ полкомъ, лишь бы тотъ не кололъ ему глазъ.

— Съ какимъ это полкомъ?—перебилъ я разсказчика.

— Какъ съ какимъ, развѣ ты не знаешь? — возразилъ старикъ съ удивленіемъ и, немного помолчавъ, продолжалъ:—а впрочемъ, гдѣ-жъ тебѣ и знать-то было: небольшой еще, чай, былъ въ то время, и слышалъ звонъ, да не зналъ, откуда онъ. Слушай, я разскажу тебѣ вкратцѣ! — Старикъ началъ: — Года за два до хивинскаго похода, именно въ 37 году, утораздило нѣкоторыхъ нашихъ казаковъ, обойдя начальство, подать подачу (прошеніе) на кое-какіе войсковые непорядки. Сглупили казачеськи, что и говорить! И всему дѣлу заводчикъ былъ В. Г. Филичевъ, неспокойный и строптивый старикъ. Хорошо. Въ подачѣ (прошеньѣ) казаки обнесли атамана, Василія Осипыча Покатилова — покойникъ уже, царство ему небесное! — и какъ то сторонной задѣли и самого Василія Алексѣевича Перовскаго; чуешь, въ чемъ дѣло-то? Вотъ за такую-то продерзость и вздули голубчиковъ: В. Г. Филичева и всѣхъ его сообщниковъ, — если я не ошибаюсь, человѣкъ до пятидесяти, а може и до семидесяти, хорошенько не упомню, — наказали по закону: кого плетьми, кого сквозь строй, смотря по возрасту, а потомъ разослали голубчиковъ, по винѣ судя, кого въ Сибирь на каторгу, кого туда же на поселеніе, кого въ солдаты, кого въ арестантскія роты; одно слово, всякому прошпагаю роздали по закону. Хорошо. Перебравъ прошпагаевъ, принялись и за всѣхъ насъ, то есть въ наказаніе всего нашего общества и чтобы, знаешь, отбить у нашего брата

охоту къ дерзостнымъ и дурацкимъ подачамъ, потребовали отъ насъ заразъ четыре пятисотенные полка, т. е. въ 550 человѣкъ каждый полкъ, а всего 2,200 человѣкъ. Вотъ это ужъ было и обидно, и тяжко для насъ: обидно потому, что больше половины обчества даже не слыхали о томъ, что затѣвалъ Филичевъ и его сугласники; однако, дѣлать нечего, повинны были исполнить: вѣдь мы слуги царскіе. Если когда-бъ батюшкѣ-царю угодно было спросить всѣхъ насъ, мы бы всѣ сѣли на конь и пошли, куда прикажутъ служить и кровь свою за отечество проливать: это долгъ нашъ, наша обязанность, за то и нарицаемся казаками. Хорошо. Наличный комплектъ войска, за разными разкомандировками, былъ въ ту пору небольшой, всего тысячи въ три съ чѣмъ-то. Знаешь, по нашему положенію, служба у насъ отправляется по найму, и по этому самому и приходилось одной тысячѣ выставлять двѣ тысячи, то-есь одному казаку нанимать двоихъ казаковъ — это говорить даже страшно! Однако, наняли и выставили четыре полка. Каждый служащій казакъ платилъ двоимъ наемщикамъ круглымъ счетомъ по тысячѣ рублевъ, такимъ редомъ наемъ четырехъ полковъ обошелся нашему войску круглымъ счетомъ въ тысячу тысячъ рублевъ, вотъ во сколько! натощакъ и не выговоришь. Одному изъ снаряженныхъ полковъ въ тотъ же годъ дали работу: послали на Кавказъ противъ черкашъ, а остальные три полка распустили по домамъ: некуда, значитъ, было потребить. Вотъ это-то особенно было тяжко. Знаешь, по нашимъ правиламъ, тѣмъ казакамъ, кои находятся въ своихъ предѣлахъ, ничего отъ казны не даютъ — ни жалованья, ни провіанта, ни фуража, одно слово, ничего. По нашимъ же правиламъ, знаешь, тѣмъ казакамъ, кои наймутся на какую-бы то ни было службу, не дозволяется уже пользоваться ни рыбными, ни другими промыслями. По этой причинѣ распущенные по домамъ полковые казаки и очутились въ своихъ семьяхъ какъ бы чужіе, и стали пить-ѣсть изъ готоваго, а промышлять не могли. Вотъ это-то, говорю, и было тягостно. Черезъ годъ, однако, сжалились — дали

работу еще двумъ полкамъ: одинъ услали въ Бессарабію, а другой въ Финляндію. Слава Богу! два полка съ хлѣбовъ долой; остался на Яикѣ одинъ полкъ, четвертый, въ которомъ и я числился: этому, бѣдняжкѣ, нигдѣ, знать, мѣста не нашлось. Вотъ этотъ-то полкъ и кололъ глаза Перовскому. Теперь понялъ?" — спросилъ старикъ. — Я отрицательно покачалъ головой.

— Эхъ, какой безпонятный! — добродушно замѣтилъ старикъ. — Между нами будь сказано, — продолжалъ онъ, — еслибъ въ Питерѣ до тонкости знали въ ту пору объ нашихъ обстоятельствахъ, то-бы Перовскому никоимъ манеромъ нельзя было отвертѣться отъ строгаго выговора за то, батенька, что требовать — требовалъ съ насъ четыре полка, а работы имъ всѣмъ пѣтъ, — вотъ за что! Какъ бы тамъ Василій Алексѣевичъ ни былъ возвеличенъ и превознесенъ, однако, за такіе порядки царь не сталъ бы гладить его по головѣ, а безпремѣнно сдѣлалъ-бы ему строгій выговоръ, да не одинъ-на-одинъ, а при собраньѣ всего генералъства и сенаторства. Вотъ этого-то самаго Василій Алексѣевичъ будто боялся, и потому, чтобы развязаться съ нашимъ полкомъ, чтобы потребить его какимъ ни на есть манеромъ въ дѣло, и вздумалъ, говорятъ, заразъ устичь двухъ зайцевъ, то-есъ двойную фамилію заслужить и нашъ четвертый полкъ потребить, чтобы онъ не былъ у него, яко бѣльмо на глазу. Теперь понялъ?— спросилъ старикъ-разсказчикъ. — Я кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Ну, слава Богу! — сказалъ старикъ, а потомъ продолжалъ: — Еще не было отдано никакого приказанія, еще не слыхать, не видать было никакихъ приготовленій къ походу, а въ народѣ у насъ пошла уже молва, что будетъ походъ въ Хиву, и задолго, сударь мой, до похода прошла молва, за полгода иль бо за годъ, вотъ когда!

— Да какимъ же образомъ народъ узналъ, что будетъ походъ, когда, какъ ты говоришь, не было ни приказаній, ни приготовленій? — спросилъ я моего собесѣдника.

— Очень просто, — отвѣчалъ старикъ: — гласъ

народа — гласъ Божій — это не даромъ говорится. Слыхалъ я въ молодую пору отъ старыхъ людей, и самъ на своемъ вѣку испыталъ, что ни одно сколько-нибудь значительное дѣло не укроется отъ народа, чтобы народъ не узналъ о немъ допрежъ публикаціи. На первый разъ, кажется, мудреная вещь, а какъ всмотришься поближе, да вдумаешься хорошенько, видишь — вещь очень простая. Къ примѣру, батюшка-царь только еще посовѣтуется съ своими думчими сенаторами о какомъ нибудь значительномъ дѣлѣ, прикажетъ имъ держать покуда въ секретѣ; сенаторы крѣпятся, держатъ дѣло въ секретѣ. Но вотъ одинъ какой-нибудь сенаторушка, слабенькій на язычекъ, и проболтается хоть, къ примѣру, супружницѣ своей, — ну и шабашъ: пошла, значитъ, пильня въ ходъ. Такимъ маперомъ въ Питерѣ въ ину пору только еще судятъ-рядятъ, и бумагъ-то еще не думаютъ писать о какомъ-нибудь дѣлѣ, а народъ уже, смотришь, шушукаетъ: „такъ и такъ, то и то будетъ". Смотришь — правда. Не даромъ, значитъ, говорится: гласъ народа—гласъ Божій. Понялъ?—обратился ко мнѣ разсказчикъ.

Я кивнулъ головой, а старикъ снова заговорилъ: — Прошла, говорю, у насъ молва, что будетъ походъ на Хиву; народъ нашъ и осѣлся, пріунылъ. Не оттого пріунылъ, что походъ — къ походамъ намъ не привыкать стать, — а оттого, что на Хиву походъ, вотъ въ чемъ сила-то! У насъ отъ предковъ идетъ, что Хива возьмется въ послѣднее время, въ одно время съ Ерусалимомъ и Цареградомъ; объ этомъ якобы и въ книгахъ написано. Не хочу лгать, самому мнѣ не доводилось читать въ книгахъ насчетъ Хивы, а вотъ, насчетъ Цареграда самъ читалъ; у меня даже и списокъ есть насчетъ Цареграда и насчетъ антихриста; хочешь, покажу?

— Сдѣлай одолженіе, очень радъ! — отвѣтилъ я.

— Изволь! — сказалъ старикъ, и съ этимъ словомъ онъ выдвинулъ изъ стола ящикъ и досталъ оттуда засаленную и крѣпко потертую тетрадку, писанную уставомъ и довольно безграмотно. Порывшись въ тетрадкѣ, старикъ указалъ мнѣ

на одну страницу и пригласилъ прочесть. Я прочелъ слѣдующее: „Антихристъ титанъ преисподней, и нарицаетъ себѣ имя по врейски авдонъ, по иланиски (поэллиски?) апполонъ, а по гречески попотартъ, а по рассейски антихристъ, возжетъ огонь неугасимый, пролѣетъ кровь яко воду... никакія силы его одолѣти не могутъ, только его утонятъ войско казаки, урядою брадатые, съ крестами, а Царьградъ будетъ взятъ тремя царями... и останется единъ царь, именемъ Константинъ... Книга Максима Грека: когда русскій народъ турковъ побѣдитъ и Царьградомъ начнетъ владѣти, тогда антихристъ явится въ самое взятіе Цареграда...“

— Ну, что, вѣрно?—спросилъ меня старикъ, когда я кончилъ чтеніе.

— Вѣрно-то вѣрно,—замѣтилъ я,—да вѣдь здѣсь только насчетъ Цареграда, а о Хивѣ ни слова.

— Спору нѣтъ,—возразилъ старикъ,—о Хивѣ тутъ не сказано; да, вѣдь, я тебѣ и давеча сказалъ, что самъ я насчетъ ея нигдѣ не читалъ; только въ томъ могу завѣрить, что у насъ отъ предковъ идетъ, что какъ-де завоюютъ Хиву, такъ кругомъ свѣта пойдутъ въ Ерусалимъ, гдѣ гробъ Господень, а изъ Ерусалима опять же кругомъ свѣта пойдутъ въ Царьградъ; а какъ только Царьградъ возьмутъ, такъ и шабашъ: міру конецъ! Это ужь, сударь мой, вѣрно, вѣрнѣе смерти. Жаль, касатикъ, что Яковъ Михайлычъ Тарасовъ умеръ: онъ довелъ бы тебя насчетъ этой статьи до тонкости.

— А кто такой былъ Яковъ Михайлычъ?—спросилъ я разсказчика.

— Какъ кто такой? Неужто-жь ты не зналъ его? Хорошъ же гусь, нечего сказать!—замѣтилъ старикъ не безъ ироніи, затѣмъ продолжалъ:—Да вѣдь Якова Михайловича Тарасова все обчество знало; да что обчество!—ребятишки-то градскіе, чай, всѣ знали его. Онъ жилъ въ Новоселкахъ и славныя удочки дѣлалъ, не хуже агнцкихъ; може статься, и ты, когда мальчуганомъ былъ, покупывалъ у него удочки, припомни-ка?

Я отрицательно покачалъ головой. Старикъ съ досады махнулъ рукой и потомъ заговорилъ:—Вы всѣ таковы, не въ обиду будь сказано. Къ примѣру, какого-нибудь балалаечника, скоморошника изъ нашего брата вы знаете, а такихъ людей, каковъ былъ покойный Яковъ Михайлычъ, не знаете; да вѣдь это, батенька, былъ столбъ старой вѣры! Это былъ такой грамотей, такой начетчикъ, какихъ еще свѣтъ не видывалъ: онъ всѣ книги, сколько ихъ ни есть въ Расеѣ, и рукописныя, и печатованныя,—дай ему Богъ царство небесное,—всѣ отъ доски до доски прочелъ, и по тому самому ни одинъ церковный священникъ, ни одинъ благочинный спорить съ нимъ не могли; всѣхъ ихъ Тарасовъ побѣждалъ, всѣхъ значитъ сильнѣе былъ насчетъ божественнаго писанія и насчетъ всего, что касается до креста, до семипросфорія, до аллилуія и проч. такого; одно слово, покойникъ Тарасовъ всю подноготную зналъ; отъ него-то, братецъ мой, я своими ушами слышалъ, что Хиву до поры до времени взять нельзя. Въ тотъ разъ, какъ прошла молва о хивинскомъ походѣ, къ Тарасову гурьбой повалилъ народъ узнать, правда ли это и чего нужно ожидать отъ похода. Насчетъ того, будетъ ли походъ или нѣтъ—Тарасовъ прямо говорилъ, что не знаетъ и что знать этого не можетъ: „не святъ-де духъ"; а насчетъ того, удаченъ ли, счастливъ ли будетъ походъ, прямо такъ и рѣзалъ: „нѣтъ!" Или: „пойдутъ, да не дойдутъ"—говорилъ Тарасовъ; или пойдутъ, да не воротятся; потому, говорилъ Яковъ Михайлычъ, что „время еще не приспѣло". Оно такъ и вышло,—замѣтилъ разсказчикъ,—пошли и не дошли! Послѣ уже, когда походъ формально обозначился,—продолжалъ старикъ, начальство, должно полагать, запретило Тарасову говорить правду, и онъ скрытничалъ. Къ примѣру, придетъ къ нему какая-нибудь старушка, заливается слезами: знамо, сына иль-бо внука вьюношу снаряжаетъ въ походъ, спроситъ какъ и что, а Тарасовъ только и скажетъ: „Молись, молись, касатушка: безъ воли Божіей и волосъ съ головы не упадетъ; Господь поможетъ—одинъ побіетъ тысячу, а тысяча побіетъ тьму!" Это ужъ онъ говорилъ такъ

только, чтобы успокоить народъ, а потихоньку-то, межъ близкими людьми, прямо рѣзалъ, что не будетъ удачи".

— Да Тарасовъ могъ и сболтать, наобумъ сказать! — замѣтилъ я.

— Нѣтъ, касатикъ, не грѣши!—сказалъ старикъ съ жаромъ:—Тарасовъ не такой былъ человѣкъ, чтобы болтать и наобумъ говорить; одно слово, человѣкъ онъ былъ испытанный: о чемъ и когда онъ ни предсказывалъ, ничто, сударь мой, во ложь не оставалось. Къ примѣру, лѣтъ за десять до хивинскаго похода, была война у нашего царя съ Туркомъ; армія наша зашла въ Туречину; вездѣ, на каждомъ, значитъ, шагу била и гнала турскую армію и подошла близехонько къ самому Царюграду. По газетамъ слышно было, что стоитъ наша армія отъ Царяграда близехонько, всего въ какихъ-нибудь 30 иль бо въ 40 верстахъ. Чиновники наши, что газеты читаютъ, бывало говорятъ намъ, что не нынѣ-завтра армія наша вступитъ въ Царьградъ; а Тарасовъ, царство ему небесное!—говорилъ напротивъ, то-есь, что этого быть не можетъ, что время еще не приспѣло!—Наплюйте мнѣ въ глаза,—говорилъ онъ,—есть когда наши возьмутъ Царьградъ! —Да вѣдь наши уже близко отъ Царьграда! —говорятъ Тарасову.—Нужды нѣтъ, что близко,—отвѣтитъ на это Тарасовъ: — и ближе будутъ, а все-таки не возьмутъ; и подъ стѣнами постоятъ, и все-таки вернутся вспять! — Оно такъ и случилось, — замѣтилъ старикъ: прошло сколько-то времени, слышимъ: замиренье съ туркомъ; армія наша вернулась домой, Царяграда не видала... Иль-бо вотъ что еще скажу насчетъ Царяграда же,—продолжалъ разсказчикъ послѣ небольшого перерыва нашей бесѣды: — предъ тѣмъ, какъ быть войнѣ подъ Севастополемъ, наши пошли за Дунай, въ Туречину, значитъ, и хлестко было пошли, надо отдать справедливость: вездѣ били турка. Всѣ думали, что туркамъ капутъ пришелъ, что Царьградъ будетъ за нами; а Тарасовъ—царство ему небесное!—покачивалъ только головой, да поговаривалъ:—время не приспѣло, время не приспѣло, братцы!—Оно такъ и вышло! наши подошли еще только подъ

Селистру—это такая крѣпость турецкая,—пояснилъ разсказчикъ,—да, подошли, говорю, наши только еще подъ Селистру, какъ, слышимъ, за турка вступились французъ и англичашинъ, да, не говоря дурного слова, вломились къ намъ въ Расею, то-ись, подъ Севастополь; турокъ-то, подлецъ, и остался въ сторонѣ и до сихъ поръ владѣетъ Царьградомъ. Значитъ, правду сказалъ покойный Яковъ Михайлычъ, что время не приспѣло. Да-съ, это такъ! Хоть не меня, другихъ кого спроси, и всякъ скажетъ тебѣ то-же, то-ись, что Яковъ Михайлычъ зря, наобумъ, никогда не болталъ, а всякое его слово попадало въ точку. Вотъ хоть бы насчетъ все той же Хивы: есть когда по твоему Тарасовъ наобумъ говорилъ, то разсуди на милость, съ чего жъ взяли сами хивинцы говорить тѣ же рѣчи, то-ись, что для Хивы время не приспѣло; значитъ, и у нихъ въ книгахъ написано.

— Когда жъ и кому хивинцы объ этомъ говорили? — спросилъ я разсказчика.

— А вотъ когда, — сказалъ старикъ. — Когда Василій Алексѣевичъ Перовскій задумалъ идти на Хиву, то приказалъ задержать всѣхъ хивинскихъ купцовъ, кои пришли въ ту пору изъ Хивы въ Оренбургъ съ караванами. Не помѣстно ли было въ Оренбургѣ, или по чему другому, не умѣю тебѣ сказать, а только то извѣстно, что большею частію хивинцевъ пригнали изъ Оренбурга къ намъ, въ Уральскъ, и размѣстили въ солдатскихъ казармахъ. Караулъ къ нимъ приставили изъ нашихъ казаковъ, словно будто бы къ плѣнникамъ. Хорошо. Хивинцы сильно пріуныли, да и нельзя было не пріуныть: до кого не коснись, своя рубаха къ тѣлу ближе. Хорошо. Надзоръ за хивинцами былъ не такой, какой бываетъ за настоящими арестантами: не ковали ихъ, не запирали въ секретныя; пускали ихъ на базаръ за покупками и къ нимъ слободно допускали желающихъ, къ примѣру, татаръ-купцовъ, киргизовъ и др. Такимъ манеромъ добыли они отъ своей братіи басурмановъ какую-то книгу и вычитали въ ней, что для Хивы время не приспѣло; вычитали это, сударь мой, и совершенно переродились. Дотолева были унылы,

печальны, неговорливы, а тутъ повеселѣли, собаки, словно бы и не въ плѣну сидятъ; и откуда взялись рѣчи, пошли сказки, смѣхи да хихи; одно слово, переродились хивинцы, будто и не въ плѣну, будто не до нихъ касается. Дѣло, замѣть, было въ серединѣ зимы: Перовскій былъ уже далеко въ степи. Отъ Василія Алексѣевича часто приходили въ Уральскъ письма къ Матвѣю Львовичу, нашему атаману, что въ отрядѣ-де все обстоитъ благополучно, что отрядъ-де подвигается впередъ. Въ ту пору сложили у насъ въ отрядѣ пѣсню и прислали списокъ съ нея въ Уральскъ; въ этой пѣснѣ были такія слова:

„Славно, братцы, пришло время!
Мы идемъ всѣ на Хиву;
Истребимъ хивинско племя,
Наживемъ себѣ хвалу"...

и прочее такое, все насчетъ того, что русскіе скоро, скоро зададутъ хивинцамъ перц-аз-ра. Хорошо, слушай. Родственникъ мой, урядникъ Чапуринъ, все время находился въ караулѣ при хивинцахъ, покуда они содержались у насъ въ городѣ. Вотъ онъ-то, этотъ самый Чапуринъ, и пересказывалъ хивинцамъ, что слышно было изъ отряда; знамо дѣло, говорилъ и про пѣсню, переводилъ слова ея хивинцамъ, а они, мошенники, и въ усъ не дуютъ: подмѣниваются и подпучиваютъ. „Спору нѣтъ", говоритъ однажды старый хивинецъ Чапурину: „русскіе люди храбрые, може всѣхъ храбрѣе и войничѣе (воинственнѣе), особенно вы, джаикъ-урусы (то-есть мы, уральскіе казаки, пояснилъ разсказчикъ), а нашей Хивы все-таки не видать вамъ, какъ ушей своихъ: время еще не пришѣло! Хоша вашъ Перовскій и смѣло пошелъ на Хиву", говоритъ хивинецъ, „однако не на добро: иль бо къ нашимъ въ руки попадетъ и одну чашу съ Бековичемъ испіетъ, иль бо испугается и съ полпути вернется назадъ". Оно такъ и вышло, замѣтилъ старикъ и потомъ продолжалъ:—Хоша нашему брату и прискорбно слышать такія рѣчи отъ поганыхъ хивинцевъ, а все-таки супротивъ этого ничего не подѣлаешь: что правда, то прав-

да! А всего важнѣе, сударь мой, та вещь, что хивинцы почитай слово въ слово говорили то же, что говорилъ и нашъ Яковъ Михайловичъ Тарасовъ. Выходитъ: Хива — страна подъ заклятьемъ: до поры, до времени покорить ее никоимъ маперомъ нельзя. Такъ что ли?—спросилъ меня старикъ, слегка дотрогиваясь до моего плеча и глядя прямо на меня съ видомъ увѣренности, не допускавшимъ никакого возраженія.

— Должно быть такъ—отвѣтилъ я, кивнувъ головой.

— Именно такъ!—сказалъ старикъ и потомъ прибавилъ: —Ну-съ, теперь пойдетъ рѣчь о самомъ походѣ. Слушай.—И старикъ началъ:—Въ походъ мы, то-есь уральцы, выступили съ нашей низовой линіи, изъ Калмыковской крѣпости; а Перовскій съ солдатами, башкирцами, оренбургскими казаками и со всей своей свитой, вышелъ другой дорогой, изъ Оренбурга. Сошлись мы съ Перовскимъ, есть когда не ошибаюсь, у Темиръ рѣки. Хорошо. Насъ, уральцевъ, было два полка: одинъ № 4, что отъ наслѣдникова года остался, а другой, № 5, вновь снаряженъ былъ собственно для этой оказіи. Этотъ полкъ набранъ былъ изъ форфонщиковъ, то-есь изъ линейныхъ казаковъ. Знамо дѣло, выбирали казаковъ самыхъ лучшихъ и на самыхъ лучшихъ лошадяхъ. Хорошо. Мѣсяца за два иль бо за три до похода велѣно было намъ откармливать лошадей какъ наивозможно лучше, и мы откормили,— и все это, касатикъ, на свой счетъ: на то, значитъ, и казаки! Сами не ѣли, а лошадушекъ кормили—кто овсомъ, кто мѣсевомъ, кто печенымъ хлѣбомъ. Печеный хлѣбъ больно пользителенъ для лошади,—пояснилъ старикъ:—съ него лошадь больше дюжитъ; хотя тѣломъ послѣ и спадетъ, однако, мозгами въ костяхъ сильна бываетъ. По этой причинѣ каждый казакъ и заботился о лошади пуще не знай чего, послѣднее втравлялъ въ лошадку. Знамо дѣло, походъ походомъ, что и толковать, а свои души берегли. Знаешь поговорку старыхъ казаковъ: конь подо мной, то и Богъ надо мной?! Хорошо. Одѣяніе себѣ подѣлали сами же, по своему вкусу, кто какое хотѣлъ и какое считалъ удобнымъ и

пользительнымъ для своего тѣла. Насчетъ этого, спасибо Перовскому! прибавилъ разсказчикъ—предоставилъ, значитъ, намъ на изволящаго, и хорошо сдѣлалъ: по нашей милости, безъ похвальбы скажу, и воротился изъ похода цѣлъ; а сдѣлай иначе, къ примѣру -вели одѣться намъ по настоящей формѣ, какъ солдатушекъ одѣвали,—ну, и шабашъ, пиши пропали! перемерзли бы мы, перехворали всѣ до единаго; тогда не съ кѣмъ бы и вернуться Перовскому во-свояси.

— А что, развѣ солдаты плохо были одѣты? спросилъ я разсказчика.

— Плохо-то, пожалуй, не плохо, а какъ слѣдуетъ, по-солдатски, да только не по-походному, не по-зимнему,—сказалъ старикъ.—Къ примѣру, обыкновенная солдатская шинель, а подъ ней джибажинная короткая шубка (полушубокъ), покрытая бѣлымъ холстомъ, потомъ суконныя шаравары да съ длинными голенищами сапоги; потомъ обнаковенная теплая солдатская фуражка съ ушами—вотъ и все одѣяніе, вотъ и вся защита отъ холода! Въ другихъ какихъ случаяхъ, примѣрно въ походахъ по жилымъ мѣстамъ, гдѣ есть обнаковенныя избы, конечно, ничего: хоша-бъ и плоше солдатики были одѣты, все-таки бы перенесли, потому днемъ на морозѣ, а ночью въ избѣ; иль бо ночью на морозѣ, а днемъ въ избѣ, ну, и есть, значитъ, время обсушиться, обогрѣться; а что касается киргизской степи, да въ зимнее время, да въ лютые морозы, да въ страшнѣющіе бураны, коли и волкамъ бываетъ жутко, ну, тутъ нѣшнему солдатику въ шинелькѣ да въ джибажинѣ нѣтъ ходу!

— Ну, а вы-то какъ же одѣвались?—спросилъ я собесѣдника.

— Мы-то?—переспросилъ старикъ и потомъ продолжалъ: —Я ужъ сказалъ, что всякъ изъ насъ одѣвался по своему вкусу. Къ примѣру о себѣ скажу: первымъ дѣломъ, на мнѣ была, поверхъ рубахи, фуфаечка, стегана на верблюжьей шерсти, такая мякенькая, а поверхъ ея новый изъ уроелыхъ мерлушекъ полушубокъ, немного ниже колѣнъ, крытый черной китайкой. Это, знаешь, для корпуса, а для ногъ было

вотъ что: поверхъ обнаковенныхъ штановъ другіе штаны, стеганы на верблюжьей же шерсти, верхъ китаечный, а низъ выбойчатый, тоже такіе мягкіе, такіе теплые, не уступятъ фуфайкѣ, а поверхъ ихъ кожаныя киргизской выдѣлки шаравары. Сапоги, знамо дѣло, огромнѣющіе, а опучъ пять аршинъ съ походцемъ. По сапогамъ глядя, и стремена состроилъ деревянныя: это для того еще, знаешь, что отъ дерева, не какъ отъ желѣза, ноги не зябнутъ. Хорошо. Полушубокъ, якобы кафтанчикъ, подпоясывалъ ремнемъ, какъ для теплоты, такъ и для ловкости. Одѣянье, самъ видишь, удобное. Но это еще, батенька, не все; этого все-таки мало. Дальше, поверхъ полушубка—саксачій тулупъ, якобы хламида какая, а поверхъ саксачьяго тулупа обнаковенная киргизская доха, изъ рыженькихъ жеребчиковъ, хоша и не красива, зато тепла. Тулупъ съ дохой тоже подтянешь другимъ поясомъ для удобности. Хорошо. На головѣ, извѣстно, баранья шапка, а поверхъ шапки, на случай бурана, башлыкъ изъ верблюжьяго сукна, да, про запасъ, еще киргизской овчины малахай, по нашему т р е у х ъ. Вотъ этакъ-то я и былъ одѣтъ—и важнецъ!—заключилъ старикъ. —Такимъ же точно манеромъ, продолжалъ онъ, и прочіе казаки позаботились о себѣ, то-есь каждый казакъ имѣлъ и полушубокъ мѣховой съ разными мяконькими и теплыми фуфаечками, иль бо курточками, иль бо халатиками, и тулупъ саксачій съ дохой иль бо съ зипуномъ изъ верблюжьяго сукна, и башлыкъ съ треухомъ; одно слово, каждый казачекъ изъ послѣдняго лѣзъ, а одѣлъ, укуталъ себя такъ, чтобы морозъ отскакивалъ. И оттого-то мы, уральцы, какъ пошли молодцами, такъ и шли всю дорогу молодцами, такъ и домой вернулись молодцами, то-есь ни одинъ изъ насъ не замерзъ до смерти, подобно бѣднымъ солдатикамъ...

— А развѣ замерзали солдаты?—спросилъ я разсказчика.

— Было дѣло! — сказалъ старикъ какъ-то нехотя.

— Отчего же?

— Чудной ты человѣкъ!—спрашиваешь, отчего. Сказано: одѣты были по-казенному, вотъ отчего! По-нашему одѣть ихъ,

продолжалъ старикъ, нельзя: дорого, казны много потребуется; опять и то: есть когда одѣть ихъ по-нашему, то надо было бы коней подъ нихъ, а нѣшнимъ боемъ въ нашей одеждѣ не повернешься; какъ, значитъ, не кинь — все выходитъ клинъ! Одно слово, нѣшнему солдатику въ киргизской степи зимнимъ временемъ нѣтъ ходу, объ этомъ и толковать нечего. Если-бъ Перовскій догадался, разсуждалъ старикъ, набралъ насъ однихъ, то-есть, уральцевъ, да въ придачу башкиръ и киргизниковъ сколько-нибудь взялъ, хотя бы для обращенія съ верблюдами, тогда-бъ дѣло-то вышло совсѣмъ иное; мѣсяца въ три, безъ похвальбы сказать, мы были бы въ Хивѣ, и хоша бы и пришлось поворотить оглобли назадъ, но урона-бъ въ людяхъ не было. На грѣхъ, насъ-то въ ту пору было мало на Уралѣ; почесть все войско было въ расъомандировкахъ: къ примѣру, въ Москвѣ былъ полкъ, на Кавказѣ полкъ, въ Бессарабіи полкъ, въ Финляндіи полкъ; и еще кое-гдѣ по сотнѣ, по двѣ сотни. Вотъ если-бы Перовскій догадался, стребовалъ всѣ наши полки въ дома, да годика два далъ намъ вздохнуть, да потомъ бы ужъ и сочинилъ походъ съ нами одними, тогда-бъ было не то: что бы тамъ ни вышло, но крайности маху такого бы не далъ, орду поганую не насмѣшилъ бы; удалось ли бы побывать въ Хивѣ, нѣтъ ли—это особь статья, не къ тому и рѣчь веду: но крайности не поморозилъ бы людей, вотъ къ чему я рѣчь веду. Мы тогда же заговорили промежъ себя, какъ въ походъ собирались, что Василій Алексѣичъ напрасно беретъ съ собой солдатиковъ: съ ними связь одна! Оно такъ и вышло. Правду что ли я говорю? —спросилъ меня старикъ.

Я кивнулъ головой. Старикъ продолжалъ:—Помню: выходили мы изъ Калмыковской крѣпости въ обѣденную пору въ самое заговѣнье, то-есть, въ день Филиппа апостола (14-го ноября). И были же тутъ проводы, и было же разставанье, —на оказію! Чудное дѣло, сударь мой! Сколько на своемъ вѣку видалъ я проводовъ, сколько разъ доводилось и самому оставлять родимую сторону; а ужъ такихъ проводовъ сроду не видывалъ: стонъ, вой, плачъ, рыданіе со всего свѣта! Какъ

теперь смотрю: схватить иная женщина за шею сына да такъ и замретъ, хошь водой разливай! Да что объ этомъ говорить! —не диво, что мать обнимаетъ сына; нѣтъ, сударь мой, иная мать, словно въ чаду, отъ сына къ лошади кинется, и ту обовьетъ руками вкругъ шеи, да и повиснетъ; виситъ, да плачетъ, да приговариваетъ:

„Ужъ конь ты нашъ сѣрый,
Конь сѣропѣгій!
Не покинь ты млада-вьюноша,
Сына мово милова.
Не дай ты взять верху надъ собой
Коню басурманина.
Вывези мово сына
На родимую сторонку.
Отплачу же я тебѣ
За то сторицею:
Подкую тебя
На серебряны подковки.
Сплету я тебѣ своими руками
Уздечку шелковую;
Покрою тебя
Попоной ковровою;
Уберу я тебѣ гриву
Въ ленты алыя.
Будешь ты у насъ стоять
Въ стойлицѣ ясеневомъ;
Будешь ты у насъ ѣсть
Бѣлоярую пшеничку;
Будешь пить
Воду ключевую,
А не то—сыту медвяную.
Голубчикъ сѣренкій,
Сѣропѣгенькій!
Не покинь мово вьюноша
Въ ордѣ басурманской“.

Причитаетъ, причитаетъ такъ-то, да и бухнется коню въ ноги, яко бы къ человѣку, обхватитъ ихъ и цѣлуетъ; ноги-то, сударь, у коня цѣлуетъ; а конь—дивная вещь!—конь хоть бы что: въ другое время не точію баба, а и ка-

закъ, разиня ротъ, не подходи къ нему—шарахнется и такого страху задастъ, что душа уйдетъ въ пятки, а тутъ стоитъ, родимый, смирнехонько, словно коровушка, только ушками поводитъ, какъ бы прислушивается, да слегка головой потряхиваетъ, какъ бы даетъ понять: „хорошо-де, слушаю!“ да мордочкой обнюхиваетъ женщину. Тварь—тварь, а чуетъ, голубушка, что дѣло-то не тово... не на шутку затѣяно. Одно слово, разставанье было горькое! А отчего, батенька? Все оттого, что подъ Хиву пошли. Сказано: страна подъ заклятіемъ; то-ли, се-ли—а дешево не обойдется, вотъ отчего!

„Лагерь былъ назначенъ верстахъ въ 3-хъ отъ Яика, но казачепьки всѣ собрались туда только къ полуночи; знамо, разставанье задерживало. Яикъ, помню, переходили по льду, а снѣга еще не было, да и морозцы въ ту пору были легкіе; но къ зарѣ, въ первую же ночевку, задула, сударь мой, такая злѣющая сиверка—посъ воротитъ! Вотъ тебѣ и разъ, думаемъ: не успѣли скрыться изъ виду отъ домовъ, а зима на встрѣчу. Тутъ на умъ намъ все тѣ же солдатики; коли, ужъ, намъ, уральцамъ, въ саксачьихъ хламидахъ жутко, то каково, думаемъ, теперь солдатикамъ въ пинелькахъ съ свѣтлыми пуговицами. Бѣда! — Старикъ потрясъ головой и потомъ продолжалъ:—Утромъ поднялись, повернулись лицомъ къ Яику, перекрестились, въ останный разъ поклонились родной землѣ, отечеству, махнули рукой и пошли въ путь-дорогу; знамо дѣло, пошли съ пѣснями; таковъ ужъ обычай, а на сиверку смотрѣть нечего. У Темиръ рѣки, я ужъ тебѣ сказывалъ, сошлись съ Перовскимъ и съ остальной ратью. Покуда мы шли къ Темиру, перепадали временемъ снѣжки порядочные, да по крайности бурановъ злѣющихъ не было; а какъ пошли дальше отъ Темира, такъ кажинный Божій день зарядили бураны да бураны, отдыха нѣтъ, и откуда они, этакая вещь, взялись, даже киргизамъ на удивленье.

„Навалило снѣгу столько, что ступить нельзя: лошади по брюхо; стыдь злѣющая, словно сверломъ сверлитъ тебя. Справедливо, видно, говорится: куда русскій не зайдетъ, а зиму съ собой непремѣнно приве-

детъ. Вотъ ты теперь и посуди, каковъ былъ походъ хивинскій,—одно слово, гибель!

— Однако, каковъ же онъ былъ?—Разскажи-ка съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой!—сказалъ я своему собесѣднику.

— А вотъ каковъ онъ былъ, слушай.—И старикъ началъ:—Лагерь стоитъ, отрядъ спитъ. Ладно. Часа въ три или въ четыре за полночь, еще далеко до свѣта, встаетъ Ц—ій, полковникъ ли, генералъ ли, не помню ужъ, а одно знаю,—первый человѣкъ у Перовскаго, правая его рука, что называется. О немъ я послѣ поразскажу тебѣ, что за персона такая была этотъ Ц—ій, а теперь рѣчь о походѣ. Да, встаетъ, говорю, Ц—скій и зычнымъ голосомъ кричитъ: „горнистъ! труби подъемъ". Задудитъ горнистъ Ц—го на весь лагерь, и въ тотъ же мигъ подхватятъ и задудятъ прочіе горнисты, а гдѣ горнистовъ нѣтъ, тамъ барабаны забьютъ: значитъ, будетъ-де прохлаждаться; вставай! Хорошо. Всѣ, значитъ, пробуждаются, всѣ встаютъ, всѣ волей-неволей вылѣзаютъ изъ джуламеекъ и начинаютъ убираться на походъ. Киргизы и башкиры вьючатъ верблюдовъ; нашъ братъ имъ помогаетъ, вытягиваютъ верблюдовъ въ линіи, по нашему въ нитки; примѣрно, одна нитка съ овсомъ, другая съ сухарями, та съ тѣмъ, эта съ этимъ. Джуламейки ломаютъ, разбираютъ и вьючатъ на верблюдовъ же. Солдатики строятся въ ряды, ротами. Нашъ братъ, казаки, становятся посотенно. Чиновники разъѣзжаютъ по лагерю, распоряжаются, даютъ приказанія. Наши ефрейторы и вахмистры мечутся туда-сюда: наряжаютъ, значитъ, кого въ боковые патрули, кого въ передній, кого въ задній „а р е н г а р д ъ", кого къ кому на вѣсти, кого къ нитканъ, кого куда. Киргизы и башкиры галдятъ, верблюды ревутъ, кони фырчатъ, колеса подъ антирелей скрыпятъ. Больные солдатики охаютъ, стонутъ. А буранъ свое дѣло справляетъ—вьетъ, мететъ, завываетъ; одно слово, свѣта преставленіе! И длится эта исторія, сударь мой, часа два, а иногда и больше, а солдатики, замѣть, тѣмъ временемъ стоятъ въ рядахъ, обло-

колышись на ружья; стоять, голубчики, и дрогнуть. Наконецъ, какъ должно, уберемся. Опять горнисты задудятъ; опять въ барабаны забьютъ—значитъ, ступай въ походъ! И пойдемъ въ походъ. Идемъ шагъ за шагомъ, батенька, по тому самому, что снѣгъ выше колѣна. Вдругъ скомандуютъ: „стой!" Остановились. Что такое? Верблюдъ повалился съ вьюкомъ и всю нитку остановилъ, разстроилъ. „Экой грѣхъ!" думаешь. Однако, разсуждать некогда; надо, значитъ, верблюда развьючить, поднять, расчистить снѣгъ, чокнуть верблюда, то-есть положить его должнымъ манеромъ, потомъ снова навьючить, потомъ все въ порядокъ произвести и потомъ ужъ снова идти въ путь-дорогу. Хорошо. Управились. Идемъ. И только лишь отойдемъ сколько-нибудь, глядишь, опять кричатъ: „стой!" Что такое? Опять та же, батенька, исторія, то-есть, верблюды валятся; опять, значитъ, остановка. А отчего верблюды валятся? Оттого, что снѣгъ глубокъ, а верблюдъ—скотина хлибкая, по глубокому снѣгу идти не можетъ. Случалось не разъ, что людей высылали впередъ съ лопатами, чтобы расчищать дорожку для верблюдовъ, а скоро ли такое дѣло? Такимъ манеромъ отрядъ поднимался шагъ за шагомъ, и почти на каждомъ шагу остановка; а каждая остановка, батенька, доставалась солдатикамъ съ сокомъ. Къ примѣру, идетъ солдатикъ съ ранцемъ за спиной да съ ружьецомъ въ рукахъ, идетъ, версты цѣлъ мѣсишь снѣгъ, а онъ выше колѣнъ; дергаетъ, дергаетъ ноги, устанетъ, вспотѣетъ, взмылится, а тутъ вдругъ остановка. Покуда поправляютъ верблюдовъ, покуда ждутъ, какъ расчистятъ впереди дорожку, тѣмъ временемъ солдатикъ стоитъ и стынетъ на вѣтру и на морозѣ, да такъ иной бѣдняжка застынетъ, закоченѣетъ, что опосля съ мѣста тронуться не можетъ—сажай тогда его на верблюда въ зыбку. Для этого особенно были назначены верблюды, пояснилъ разсказчикъ: на нихъ съ боковъ привѣшены были такія мѣстечки, въ родѣ зыбокъ; въ нихъ-то и грузили солдатиковъ. Опять, и зыбка не въ спасеніе,—замѣтилъ старикъ:— покуда отрядъ идетъ, покуда на стоянку придетъ, тѣмъ

временемъ солдатикъ, сидя въ зыбкѣ безъ движенья, еще больше закоченѣетъ. Это я тебѣ не лгу: я самъ часто бывалъ въ нарядѣ при верблюдахъ съ зыбками. Бывало, какъ придешь на стоянку, такъ нѣсколько зыбочныхъ солдатиковъ своими руками примешь съ зыбки, словно дѣтей, да прямо въ лазаретъ и отнесешь: значитъ, отжили свой вѣкъ. Просто, безъ смерти смерть! Часа за два, за три до сумерекъ,—продолжалъ старикъ,—отрядъ остановится на ночлегъ. Хорошо. Хорошо, да не больно! Солдатики и безъ того измучились, перезябли, а тутъ еще надо расчищать снѣгъ, надо ставить джуламейку (на 25 человѣкъ полагалась одна джуламейка); надо, пуще всего, добыть дровъ, то-есь набрать изъ-подъ снѣга кой-какой травки, кой-какихъ корешковъ, чтобы развести огонь и обогрѣться; а скоро ли все это сдѣлаешь? Солдатики народъ непривычный, къ этому дѣлу несручный, а снѣгъ, тебѣ ужъ сказано, снѣгъ выше колѣнъ, чуть не по поясъ, сверху зачернѣлъ, а трава рѣдкая, скоро ли наберешь ее!? А хоша и наберешь сколько-нибудь, надо первымъ долгомъ разжечь, а она промерзла, обледенѣла, не повинуется, мошенница, не горитъ, только курится; только, значитъ, дымъ одинъ даетъ, а дымъ, извѣстно, глаза только ѣстъ, не грѣетъ... А морозъ, буранъ свое дѣло справляетъ, жмутъ и до костей пронимаютъ. Случалось, батенька, такъ: покуда ставятъ джуламейку, покуда раздобудутся огнемъ, тѣмъ временемъ, глядишь, иной солдатикъ какъ упрется объ ружье, такъ и закоченѣетъ: неси, значитъ, въ лазаретъ. Выходитъ—стоянка не лучше похода. И такъ ли, сякъ ли, поставятъ, однако, джуламейку; залѣзутъ въ нее солдатики, да не всѣ: инымъ, кто подъ очередью, надо идти на часы къ бунтамъ, ну и пропалъ солдатикъ! Не бѣда идти на часы изъ теплой избы или караулки, а съ часовъ въ избу: по крайности, послѣ часовъ есть гдѣ обогрѣться; джуламейка же, сударь мой, не изба, особенно за полночь, когда ужъ въ ней не точію огня, а и золы-то, и дыму-то нѣтъ: что на дворѣ, то и въ ней... Стоя на часахъ, солдатикъ передрогнетъ, закоченѣетъ, а послѣ смѣны и

обогрѣться негдѣ; ну и пропалъ. Не разъ, батенька, случалось, что солдатики на часахъ до смерти замерзали, особенно послѣ того случая, какъ одного часового разогрѣляли.

— За что же?

— Знамо, за что: артикулъ не соблюлъ, то-нсь часы бросилъ.

— Какъ же такъ?

— А вотъ какъ. Слушай. Поставятъ солдатика на часы, къ примѣру, на часъ времени, а онъ и полчаса не вытерпитъ, кричитъ смѣну, а смѣна якобы не слышитъ. Дѣло извѣстное: и ефреторъ, и солдатики очередные—люди же, кой-какъ пригрѣлись, не хочется, значитъ, прежъ времени вылѣзать изъ джуламейки и идти на буранъ; по этой самой причинѣ принимятся, яко-бы спятъ, не слышатъ. Солдатикъ часовой кричитъ, кричитъ смѣну, не докричится, и самъ пойдетъ въ джуламейку будить ефретора. Ладно. Случалось это не разъ, не два, все сходило съ рукъ. Ближніе начальники, къ примѣру, ротный командиръ или кто другой тамъ, тоже, статься, и видѣли, да сквозь пальцы смотрѣли; дѣло извѣстное: по человѣчеству смотрѣли. Ладно. Но вотъ какъ-то разъ, во время злѣющаго бурана, одинъ бѣдный солдатикъ продрогъ донельзя, до самаго, что называется, мозга и потерялъ разсудокъ; бросилъ, гдѣ стоялъ, ружье и побрелъ, куда глаза глядятъ, то-нсь, правду надо сказать, не куда глаза глядятъ, а куда буранъ погналъ. Какъ шальной, въ забывчивости, солдатикъ изъ лагеря вонъ вышелъ, не попалъ, значитъ, ни на одну джуламейку и очутился въ степи, а буранъ, словно овцу, гонитъ его да гонитъ и пригналъ на цѣпь, а цѣпь завсегда занимали мы, уральцы. Попадись онъ намъ однимъ, глядишь бы, мы, може статься, отогрѣли бы его своими тулупами, да отвезли на то мѣсто, откуда онъ ушелъ; глядишь бы, дѣло-то уладилось. Но на бѣду солдатика, случился въ ту пору на цѣпи Ц—ій съ конвоемъ: повѣрялъ, значитъ, цѣпь. Увидамши солдатика, Ц—ій и заніялъ, и велѣлъ взять солдатика подъ арестъ и представить въ лагерь. Заутро, слышимъ, судъ нарядили

надъ солдатикомъ; велѣно осудить въ 24 часа, яко измѣнника; а солдатикъ, говорили, и отвѣтовъ никакихъ дать не можетъ, потому, сказано, что разсудокъ потерялъ, сначала отъ мороза, а послѣ отъ испуга. Однако, судъ ни на что не посмотрѣлъ—на то онъ и судъ—и присудилъ солдатика къ разстрѣлу. Ложь ли, правда ли, говорили, яко бы Перовскій не хотѣлъ разстрѣливать, долго не подписывалъ конфирмацію, да Ц—ій настоялъ; „для примѣра, говоритъ, безпремѣнно нужно разстрѣлять!“ И разстрѣляли солдатика. Я не былъ у разстрѣла, признаться—совѣсть зазрила... Послѣ того всѣмъ и каждому подтвердили, что есть когда кто оставитъ часы, тотъ будетъ разстрѣлянъ яко измѣнникъ. „Умри, говорятъ, на часахъ, а дальше указанной черты шагу не смѣй сдѣлать!“ И точно,—прибавилъ старикъ:—съ того самаго разу словно рукой сняло: ни одинъ солдатикъ часовъ не бросалъ, зато ужъ рѣдкая ночь проходила безъ того, чтобы гдѣ-нибудь не замерзъ солдатикъ до смерти. Бѣда!!

Старикъ сдѣлалъ плачевную гримасу и потомъ продолжалъ:—Бывало, стоишь на часахъ на цѣпи (насъ, братецъ мой, всегда на цѣпь становили, саженяхъ ста въ два отъ колонны, да на маячные пикеты, версты за двѣ иль бо за три отъ колонны, а солдатъ разставляли по карею), стоишь бывало на цѣпи и въ ину пору по вѣтру слышишь:—Смѣ-ѣ-ѣ-ну! Смѣ-ѣ-ѣ-ну! Заме-о-о-о-рзъ! Заме-о-о-о-рзъ. Это солдатикъ на часахъ кричитъ. Кричитъ, кричитъ, голубчикъ; тянетъ, тянетъ, сердечный, сначала внятно, а потомъ все тише да тише, а подъ конецъ совсѣмъ смолкнетъ... Мы ужъ знаемъ, что это значитъ; это, сударь мой, значитъ: солдатикъ, повыбившись изъ силъ... Эхъ, да что объ этомъ толковать! Сказано: гибель была на солдатиковъ, и все тутъ!—Старикъ махнулъ при этомъ рукой и замолчалъ; видно, грустныя картины промелькнули въ его головѣ. Немного спустя, онъ заговорилъ:—Ложь ли, правда ли, была въ народѣ молва, сударь мой, въ такомъ смыслѣ: когда-до Василій Алексѣичъ собирался въ походъ и уговаривался насчетъ его въ Питерѣ съ царемъ, то батюшка-царь яко бы

говорилъ Перовскому: „Нужно ли тебѣ, Василій Алексѣичъ, забирать съ собой солдатиковъ; вынесутъ ли они зимній походъ; не лучше ли обойдись одними уральцами?“ На это-жь бы Перовскій представилъ царю такой резонъ: „Насчетъ этой статьи не извольте безпокоиться, ваше величество! Есть у меня такой чиновникъ, Ц—ій прозывается, большо дошлый человѣкъ, степной, что называется, ходатель: онъ сумѣетъ обрядить солдатиковъ такъ, что они и не почуютъ зимняго похода!“ Что правда, то правда!—замѣтилъ иронически разсказчикъ.—Еще бы не сумѣть обрядить солдатиковъ; мудрости тутъ особой нѣтъ: всякій это сможетъ сдѣлать, даже и не степной ходатель. Къ примѣру, джибажника обойдется въ рубль, а въ казну можно показать въ два. Чего еще лучше! Ну, а насъ, то-есь, уральцевъ, обряжать нельзя: мы люди не казенные, а собственные; мы сами себя обряжаемъ. Вотъ по этой самой причинѣ, може статься, и нельзя было обойтись безъ солдатовъ!

Старикъ зло улыбнулся, взглянулъ на меня и потомъ прибавилъ:—Мы хорошо знаемъ, кто таковъ былъ Ц—ій, степной, ходатель! Онъ, чай, и Перовскаго-то обморочилъ. Ходатель-то степной онъ ходатель, спору нѣтъ, да кромѣ того, ничѣмъ особеннымъ не отличался отъ прочихъ чиновниковъ, что при Василѣ Алексѣичѣ были. Одно только было за нимъ художество: падокъ былъ на побои. Бывало за всякую малость лупитъ нашего брата и всякаго, кто у него подъ командой; лупитъ, сударь мой, нагайками не на животъ, а на смерть. Насчетъ этого Ц—ій,—не тѣмъ будь помянутъ!—сущій звѣрь былъ. Онъ и Перовскаго-то подбилъ, я ужь тебѣ сказывалъ, чтобы разстрѣлять солдатика, что съ часовъ ушелъ; одно слово, звѣрь былъ, а не человѣкъ. Зато и кончину получилъ звѣрскую: подъ старость жилъ онъ въ покоѣ въ своей деревнѣ, и тамъ уходилъ его какой-то изъ хлыстовъ: въ окно изъ ружья всадилъ ему пулю въ лобъ. Такъ-то вотъ!—проговорилъ старикъ и сдѣлалъ головою такое движеніе, которое въ переводѣ означало: „По дѣломъ-де!...“

— Ну, а васъ-то, уральцевъ, какъ Богъ правилъ?— спросилъ я разсказчика.

— Кривую стрѣлу Богъ правилъ, батенька!—сказалъ старикъ и самодовольно засмѣялся.—Надъ нами смѣются, къ примѣру, иногородные чиновники, купцы и всякій людъ расейскій: называютъ насъ конномнымъ войскомъ. Что правда, то правда, противъ этого и спорить нельзя. Самъ знаешь, коли мы собираемся въ степные походы, то всякой-всячиной запасаемся, примѣрно и конмами, и тулупами, конномными сапогами; ничѣмъ, батенька, не брезгуемъ, а главное, на щегольство не смотримъ; оно хоть съ виду-то неказисто, не по образцу, зато тепло, уютно, въ этомъ и дѣло-то все! Конномное ли войско, не конномное ли, все единственно: главная статья—теплое, не мерзлое войско. Вотъ хоть бы и въ тотъ разъ, какъ подъ Хиву пошли. Ты ужъ знаешь, какъ мы были одѣты, сортъ! Слушай теперича и смекай: може, самому доведется быть въ степяхъ зимой. Сидишь бывало на лошади, ѣдешь. Какъ ни укутанъ ты, а морозъ мало-по-малу пробираетъ; чувствуешь это, и сейчасъ съ коня долой. Идешь пѣшкомъ, коня ведешь въ поводу. Пройдешь сколько-нибудь шаговъ, чувствуешь, что нагрѣешься; тутъ ужъ бойся, какъ бы не взопрѣть. Сейчасъ остановишься, тулупъ съ зипуномъ долой, перекинешь черезъ сѣдло; останешься въ одномъ короткомъ полушубкѣ; опять идешь, чувствуешь, холодъ сильнѣе пробираетъ въ полушубкѣ — ничего: прибавишь шагу, нагрѣваешься Идешь, а самъ, какъ воръ, смотришь по сторонамъ, нѣтъ ли гдѣ чего пользительнаго. Видишь—торчитъ изъ-подъ снѣга кустикъ травы; „а, тебя-то и нужно, голубчикъ!“ скажешь кустику и сейчасъ къ нему; разгребешь ногами снѣгъ, сорвешь кустикъ, тонкія вѣточки обломаешь и сунешь въ ротъ лошади; та, разумѣется, рада, въ одинъ мигъ схватитъ и съѣстъ; такъ и ржетъ, такъ морду къ тебѣ и суетъ, словно цѣловаться хочетъ; а что покрѣпче, потолще, примѣрно, стебельки, корешки, это свяжешь въ пучекъ, да и въ торока: значитъ, на дрова. Тѣмъ временемъ, покуда роешься у

куста, тѣмъ временемъ и лошадка не дремлетъ: разгребаетъ копытами снѣгъ и рветъ травку, какую найдетъ. Пройдешь такимъ манеромъ съ версту, нагрѣешься, опять въ хламиду и опять на лошадь; а тамъ, какъ почуешь морозъ, опять долой съ лошади и опять за то же. Такимъ побытомъ всю дорогу, отъ лагеря до лагеря, въ занятьѣ: то себя грѣешь, то дровами запасешься, то лошадкѣ даешь вольготу и случай пощипать травки, дѣло-то и выходитъ важнецъ! Придешь теперь на стоянку, смотришь: почитай у каждаго товарища въ торокахъ пучекъ травы, а у иного цѣлое беремя: чего еще надо? Значитъ, на первый разъ дрова есть; значитъ, есть чѣмъ кашу сварить, есть около чего погрѣться. Сейчасъ хламиды долой. Что хламиды? Полушубки-то и тѣ долой; останемся въ однихъ халатикахъ или курточкахъ, схватимъ лопаты, и работа закипитъ; только паръ отъ насъ валитъ, словно въ жару на багреньѣ. Буранъ ли тамъ, морозъ ли, намъ дѣла нѣтъ, наплевать! Мы знаемъ, что черезъ двѣ-три минуты будетъ у насъ защита. И точно, не успѣетъ, какъ говорится, дѣвка стриженой косы заплести, а у насъ готова джуламейка, у насъ горитъ пылаетъ костеръ, что твоя люминація, еще лучше! Вотъ тебѣ и конное войско.

Старикъ самодовольно улыбнулся. Потомъ продолжалъ:— У насъ вездѣ и во всемъ сноровка. Къ примѣру, мнѣ очередь въ караулъ, положимъ, на цѣпь или-бо въ табунъ верблюжій, значитъ, сражаться съ бураномъ и морозомъ; въ такомъ случаѣ товарищи мои, хоша бы я и желалъ, ни въ жисть не допустятъ меня ни до какой работы, чтобы я не утомился и, пуще всего, не взопрѣлъ: буранъ и морозъ сейчасъ пронижутъ того человѣка, который взопрѣетъ. Пока расчищаютъ снѣгъ и уставляютъ джуламейку, ты стой или расхаживай, ежели начальникъ какой; а какъ разведутъ огонь, ты садись къ нему ближе, сиди, словно невѣста,, и грѣйся, чтобы послѣ супротивъ бурана не сдрефить. Тоже и насчетъ пищи. Къ примѣру, кому въ нынѣшнюю ночь въ караулъ, того товарищи накормятъ, что называется по горлышко: любой кусо-

чекъ мяса ему подсунутъ, себя обдѣлятъ. А для чего? Для того, батенька, что часового съ сытымъ брюхомъ и морозъ уважаетъ, не такъ ужъ донимаетъ, какъ голоднаго: не сможетъ, значитъ. А вотъ насчетъ солдатиковъ нельзя этого сказать,—продолжалъ старикъ:—всякъ думалъ о самомъ себѣ. Да что солдатики? Оренбургскіе казаки, что въ походѣ были, и тѣ въ этомъ случаѣ не лучше солдатиковъ. Къ примѣру, варятъ кашу въ одномъ котлѣ артелью, а мясо порознь, то-есь, каждый казакъ привяжетъ къ своему куску кто нитку, кто мочалку; а послѣ, когда дѣло дойдетъ до ѣды, поднимутъ споръ, шумъ; одинъ кричитъ: „это мой кусокъ", а другой ему въ отвѣтъ: „врешь, мой!" И грѣхъ, и смѣхъ, батенька! Право, не лгу.

— Кстати, А. Д., насчетъ пищи-то разскажи: что ѣли?

— Насчетъ пищи ничего,—отвѣтилъ старикъ:—пища была сносна. Къ примѣру, каждому человѣку давали въ день по полуфунту мяса, сколько-то сухарей, крупъ; ну, а винная порція шла, кажись, по шести чаръ въ мѣсяцъ; тоже меду нѣсколько давали: медъ разводили въ горячей водѣ и пили замѣсто чаю, передъ походомъ. На лошадей давали по 1½ гарнца овса въ сутки. Больше ничего не давали Спервоначала только сухарей давали очень мало, счетомъ нѣсколько сухариковъ въ сутки: берегли, значитъ; а подъ конецъ похода, когда, значитъ, стали верблюды валиться, давали вволю. Впрочемъ, сначала похода всего давали мало, по разсчету; да мы, уральцы, на то не взирали: у насъ всего завсегда было въ волю.—Старикъ улыбнулся.

— Гдѣ-жъ вы брали?

— Воровали!

Старикъ опять улыбнулся.

— Какъ же воровали, развѣ не было караула?

— Коли не было! Были вездѣ и у всего караулы; что про это и говорить. Да намъ что за дѣло? Вѣдь мы кошомное войско, это не забывай! Къ примѣру, въ иномъ мѣстѣ мы сами караулъ, ну, толковать ли? своя рука владыка. Въ другомъ мѣстѣ, положимъ, солдатъ въ караулѣ, да вѣдь онъ,

сказано ужъ, человѣкъ мерзлый, до того ли ему: у такого караульнаго не только-что украсть немудрено: хоть самого-то укради, и то не услышитъ. Насчетъ этого я поразскажу тебѣ забавную исторію, если когда угодно.

— Сдѣлай одолженіе!

— Ну, такъ слушай!

И старикъ началъ:

— Въ отрядѣ было всякихъ запасовъ вдоволь: и сухарей, и муки, и крупъ, и овса, и мяса, и сала, и меду, и капусты, и дровъ...

— Какъ, и дрова были?—прервалъ я разсказчика.

— Были, только не про нашего брата,—отвѣтилъ старикъ.

— Для кого же?

— Знамо, для кого; для Перовскаго и для большихъ чиновниковъ; вѣдь имъ не около-жъ курной травы грѣться. У Перовскаго и у большихъ чиновниковъ были кибитки изъ двойныхъ кошемъ, съ желѣзными печами, для нихъ, значитъ, и нужны были дрова. Кромѣ того, и для лазарета требовались дрова. Самъ посуди: не мерзлой же и обледенѣлой травой обогрѣвать больныхъ, иль-бо варить имъ лѣкарства, пищу. Вотъ для всего этого и было запасено много дровъ березовыхъ, еловыхъ и всякихъ другихъ; были и уголья. Теперь слушай. Въ отрядѣ, говорю, было всякаго добра вволю; но ничего съ залишкомъ не давали, а всего въ учетъ. Мало того, что давали въ учетъ, нѣтъ, сударь мой, приказъ по отряду послѣдовалъ въ такой силѣ: „есть когда-де кто осмѣлится что украсть изъ казеннаго интереса, къ примѣру, сухарь ли, горсть ли овса, полѣно ли дровъ, того къ разстрѣлу!“ Легко сказать: „къ разстрѣлу!“ За горсть овса къ разстрѣлу, а? Да какъ ты его не украдешь? Сказано: въ сутки отпускали на лошадь только полтора гарнца, больше ничего; сѣна небыло ни клока. Замѣсто сѣна лошадка пробивалась тѣмъ, что Богъ пошлетъ ей изъ-подъ снѣга; а вѣдь это, сударь мой, скуднѣе скуднаго: вѣдь съ этакого корма лошадь ноги протянетъ. Сначала мы, конномное войско, пре-

достерегались, то-нсь, приказу послушались, а потомъ видимъ—дѣло плохо: безъ воровства не обойдешься. Разсудили мы такъ: есть когда украдешь, разстрѣляютъ тебя—скверно, что и толковать! Есть когда не украдешь, лошадь отощаетъ, издохнетъ—опять скверно: останешься пѣшъ, словно карга съ подрѣзанными крыльями: выйдетъ безъ смерти смерть, безъ разстрѣла разстрѣлъ; одно слово, какъ не кинь, все выходитъ клинъ. Что въ такомъ случаѣ дѣлать? Рѣшились жить воровствомъ. Сначала положили воровать только одинъ овесъ, гдѣ представится случай, а послѣ и до всего добрались: все на пользу, все на потребу. А воровали какъ? Слушай. Къ примѣру, приставленъ я къ ниткѣ, что съ овсомъ. Хорошо! Вдругъ упадетъ, верблюдъ—это мнѣ и на руку. Другой кто, примѣрно, киргизъ, бросится къ верблюду, осматриваетъ, не ушибся ли; а я кидаюсь къ кулю съ овсомъ, смотрю, не лопнулъ ли. Если лопнулъ, то, значитъ, дѣло въ шляпѣ; а если не лопнулъ, то, значитъ, какъ нибудь изловчусь, чтобы никто не видалъ, да дерну куль ножемъ по боку, а самъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сейчасъ явлюсь къ дежурному и говорю: такъ и такъ, ваше благородіе, верблюдъ упалъ, куль съ овсомъ лопнулъ. „А! скверно“, скажетъ дежурный и прибавитъ: „однако, сейчасъ же пересыпать въ другой куль! Мнѣ это-то и нужно. „Слушаю!“ скажешь да тое-же минуту и подашь товарищамъ, кто по ближности, маякъ; а тѣ знаютъ, въ чемъ дѣло, и въ одинъ мигъ, словно орлики, слетаются къ тебѣ, якобы помогать. Хороши помощники!—замѣтилъ разсказчикъ и улыбнулся.—Хорошо. Сейчасъ хламиды съ себя долой и примемся изъ худого куля пересыпать овесъ въ крѣпкій; въ рукахъ у насъ такъ и кипитъ! Дежурный смотритъ и похваливаетъ: „Ай же, уральцы молодцы! Не заставляешь, сами являются на работу“. „Рады стараться!“ говоримъ, а сами проворимъ. У каждаго изъ насъ въ шароварахъ есть карманы фальшивые, то-нсь карманы безъ дна. Понимаешь, для чего? Горсточку по горсточкѣ и посовываешь въ бездонный карманъ овсеца-то, а овсецо, родимое, проваливается

внизъ за голенища да вокругъ ноги обсыпается, а около кармановъ тонко, ничего не замѣтно. Еслибы какъ и заподозрили и вздумали обыскивать, не скоро догадаются, не скоро найдутъ, важнецъ!—Старикъ съ самодовольствіемъ улыбнулся.—Такимъ манеромъ и поживались мы овсецомъ, да не однимъ овсецомъ поживались,—продолжалъ старикъ:—всѣмъ поживались, все къ рукамъ подбирали, что могли; къ примѣру, и сухарики, вѣдь и ихъ лошадка кушаетъ, и рубленую говядину, вѣдь и самимъ съѣсть послаще не мѣшаетъ, и сальце, и полѣно дровъ, и старый овсяной кулечекъ; одно слово, ничему не давали спуску, что шло на какую-нибудь потребу.

— Зачѣмъ же вамъ нуженъ былъ овсяный куль?—спросилъ я старика.

— Какъ зачѣмъ—возразилъ старикъ:—Чудной ты человѣкъ! Вѣдь и рогожа-то горитъ, значитъ, тѣ же дрова,—пояснилъ старикъ и потомъ продолжалъ:

— Сначала начальству было невдомекъ, чѣмъ кошомное войско пробавлялось, а потомъ обозначилось. Наше начальство, то-есь, казачье, съ перваго же раза все видѣло, да, знамо дѣло, яко бы и не видало—сортъ!!! Солдатское же начальство какъ узнало, возроптало, осердилось, что уральцы всѣхъ обдуваютъ. Дознался объ этомъ и самъ Перовскій, однако, промолчалъ, яко бы не знаетъ. Это нашему брату и на руку. Взяли мы послѣ того большую волю: стали воровать овесъ изъ-подъ часовъ цѣлыми кулями. Разъ пресмѣшная, сударь мой, вышла исторія: куль овса въ глазахъ часового убѣжалъ къ намъ въ джуламейку.—Старикъ расхохотался.

— Какъ такъ?—спросилъ я.

— А вотъ какъ!—отвѣчалъ старикъ: джуламейка наша стояла близко къ одному бунту, такъ какихъ-нибудь въ саженяхъ десяти. Хорошо. Былъ въ ту ночь буранъ. Двое ловкихъ казака вышли изъ джуламейки и подошли къ часовому, а онъ, бѣдняжка, чуть живъ; радъ, что люди къ нему подошли: хоть есть съ кѣмъ слово сказать, есть кому пожа-

ловаться на судьбу. Одинъ изъ казаковъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ—утѣшаетъ его, ублажаетъ, а другой тѣмъ временемъ привязалъ къ крайнему кулю за лузгъ веревку, да и пошелъ опять въ джуламейку, а веревку незамѣтно протянулъ по землѣ. Такимъ манеромъ одинъ конецъ веревки къ кулю привязанъ, а другой очутился у казаковъ въ джуламейкѣ. Хорошо. Прошло сколько-то времени, и другой казакъ ушелъ въ джуламейку. Часовой остался одинъ и сталъ расхаживать; и лишь только часовой обернулся задомъ къ джуламейкѣ и пошелъ на другой конецъ бунта, наши потащили веревку и покалябили куль съ себѣ. Сортъ! Часовой обернулся и видитъ чудо: куль съ овсомъ самъ собой ползетъ въ казачью джуламейку. Часовой хочетъ бѣжать и остановить куль, да не смѣетъ: военный артикулъ не позволяетъ оставлять часы. Покуда часовой соображалъ, что дѣлать, куль съ овсомъ тѣмъ временемъ скрылся въ казачьей джуламейкѣ. Часовой сталъ кричать: „караулъ"!—И грѣхъ, и смѣхъ! Прибѣжалъ ефреторъ, да не скоро. Покуда часовой разсказывалъ ефретору, въ чемъ дѣло; покуда ефреторъ сходилъ доложить дежурному; покуда сообразили, въ чемъ дѣло; покуда собрались идти къ намъ съ обыскомъ,—тѣмъ временемъ мы овсецо раздувашили, по горсточкамъ разобрали, по торбамъ разсыпали да лошадушкамъ роздали, а тѣ въ одинъ мигъ скушали; куль сожгли, буранъ и слѣдъ замелъ. И вышли мы чистехоньки; этого мало: еще въ амбицію вломились; жалуемся, какъ-де смѣли насъ опорочить. А въ другой разъ,—продолжалъ старикъ,—точно такимъ же манеромъ утащили мы у часового будку.

— Какую будку?—спросилъ я.

— То-есь, не настоящую будку, -пояснилъ старикъ, а большой деревянный коробъ изъ-подъ говядины, что служилъ часовымъ замѣсто будки. Вотъ этотъ-то коробъ мы и укалябили у часового такимъ же точно манеромъ, какъ куль съ овсомъ,—укалябили и сожгли; и съ обыскомъ къ намъ не ходили: знали, значитъ, что ничего не найдутъ,—важнецъ!.. Когда услыхалъ Перовскій, что къ намъ, уральцамъ, изъ-

подъ часовъ бѣгаютъ куки да будки, то до слезъ, говорятъ, смѣялся. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, не смѣяться? Мы-то ужъ, на что проще, сами прокудили, а тоже смѣялись до упаду; какъ же послѣ того Василью Алексѣевичу то не смѣяться? Очевно смѣшно! А еще, сударь мой, у генерала Ц-го коробъ съ французскими сухарями украли, и сошло съ рукъ. То-есь, оно бы, пожалуй, и не сошло, да ловко сдѣлали: сухарики съѣли, а коробъ сожгли. Какъ дознаешься? Не распарывать же намъ брюха! Ц-ій жаловался Ѳедоту Григорьевичу (Бизянову), а Ѳедотъ Григорьевичъ отвѣтилъ ему, что за однимъ-де коробомъ нечего гнаться, ваше превосходительство: у меня-де два украли, да и то не взыскиваю; на то-де они—конюмное войско; прошу не прогнѣваться. Молоденъ былъ Ѳедотъ Григорьичъ—царство ему небесное!—прибавилъ старикъ:—всѣ наши обстоятельства зналъ, лелѣялъ и берегъ насъ, какъ дѣтей... Есть-когда тебѣ разсказывать все, что мы прокудили, то долго не перескажешь; одно скажу: мы, конюмное войско, не взирали на приказъ къ разстрѣлу, и хорошо поступали. Первымъ долгомъ себя и лошадушекъ своихъ сберегли, а вторымъ долгомъ что мы не своровали, не потребили, то все пришлось бросать въ степи, и бросили. Вотъ ты и разсуди теперь, хорошо или худо мы дѣлали. Подъ конецъ похода, когда верблюды стали валиться не десятками, а сотнями; когда, значитъ, не на чемъ было подшимать и везти провизію, подъ конецъ, говорю, дозволено было брать всякому, кто чего и сколько захочетъ, да ужъ та бѣда—некому было брать: все больные, хворые да мертвые. Однимъ только намъ была лафа: катались, словно сыръ въ маслѣ. Что, резонъ я говорю?—спросилъ меня старикъ, положивъ руку мнѣ на плечо.

Я кивнулъ головой и спросилъ:

— Ну, что еще тамъ у васъ было?

— Да ничего особеннаго: воротились назадъ,—сказалъ старикъ и, немного погодя, прибавилъ:—значитъ, не всуе сказалъ Яковъ Михайловичъ Тарасовъ: пойдемъ и не дойдемъ; ужъ такая проклятая страна эта Хива, что бы ей ни

дна, ни покрышки!—Старикъ съ досадой плюнулъ, потомъ заговорилъ:

— На половинѣ пути, близъ Усть-Урта, простояли сколько-то дней въ раздумьѣ—идти впередъ или вернуться. Идти мало: на половину, чай, перемерзли, а которые остались впередъ—боязно: не на чемъ провіантъ везти, да и людей вживѣ, тѣ, кромѣ насъ, уральцевъ, почти всѣ были больны. Вернуться—стыдно: орду насмѣшишь. Долго, говорятъ, Василій Алексѣевичъ былъ въ раздумьѣ; напослѣдокъ послалъ Ѳедота Григорьевича Бизянова съ сотней казаковъ на Усть-Уртъ провѣдать, какова дорога, можно ли идти, и нѣтъ ли гдѣ непріятеля. Черезъ нѣсколько дней Ѳедотъ Григорьичъ вернулся. Что же? Да все то же, батенька! Непріятеля, положимъ, нигдѣ нѣтъ, за то снѣга все тѣ же, по брюхо лошади.—Тогда ужъ Перовскій рѣшился воротиться, и воротился. Ложь ли, правда ли, говорили: Перовскій яко бы не хотѣлъ ворочаться, а хотѣлъ, во что бы то ни стало, идти впередъ, да Ц—ій разговорилъ. Онъ, то-есь Ц—ій, въ тотъ разъ получилъ письмо изъ дома, а въ письмѣ яко бы ему писали, что въ Хивѣ-де ждетъ его и Василія Алексѣича лютая казнь. Ц—кій яко бы струсилъ и застращалъ Василія Алексѣича.

— Что такое? Я не понимаю.

— Сразу и не поймешь; надо, значитъ, разсказать до конца. Слушай.—И старикъ началъ:— У Ц—го былъ денщикъ изъ солдатъ, долго у него служилъ; но передъ тѣмъ, какъ быть походу подъ Хиву, денщикъ этотъ ушелъ въ домовый отпускъ, куда-то въ удаленную губернію, и тамъ запропалъ. Ц—ій пошелъ въ походъ съ другимъ денщикомъ. Хорошо. Когда Ц—ій былъ въ походѣ, въ то время пришелъ къ нему въ домъ старый денщикъ. Барыня, то-есь жена Ц-го, тотчасъ же и пристала къ денщику, чтобы онъ погадалъ о судьбѣ барина, то-есь Ц-го, и всѣхъ сущихъ съ нимъ; а денщикъ, надо тебѣ сказать, былъ ужаснѣющій дока насчетъ этихъ дѣлъ: и по картамъ, и по бобамъ узнавалъ, главное—по водѣ узнавалъ все, что съ человѣкомъ будетъ. Денщикъ

сталъ гадать на картахъ—выходитъ скверное; сталъ гадать на бобахъ—скверно же; гадать на водѣ—еще сквернѣе. Велѣлъ самой барынѣ взглянуть на воду. Барыня взглянула черезъ плечо денщика въ чашку съ водой и ахнула: и Ц—ій, и Перовскій, и всѣ большіе господа, что въ походѣ съ Перовскимъ были, всѣ они представились ей въ водѣ безъ головъ; а головы ихъ особо торчатъ на кольяхъ. Вотъ она какая притча-то! Лишь только жена Ц—го отудобѣла, тотчасъ же написала мужу письмо, объяснила ему все: такъ-де и такъ, любезный супругъ, Григорій-де (денщика Григорьемъ звали,—пояснилъ старикъ) вернулся къ намъ и вотъ-де что узналъ: сама-де я своими глазами видѣла и тебя, и всѣхъ васъ безъ головъ; вернись-де, другъ любезный, домой, лучше будетъ; наплюй-де на Хиву... Написала, говорю, жена Ц—го письмо и отправила его къ мужу съ нарочнымъ, съ киргизомъ; письмо-то и попало какъ разъ въ точку. Что, не вѣришь?—обратился ко мнѣ старикъ, замѣтивъ, вѣроятно, на лицѣ моемъ невольную улыбку. Пожалуй, не вѣрь,—заговорилъ старикъ.—Ц—ій генералъ былъ, да вѣрилъ. Онъ зналъ своего денщика хорошо, что тотъ дока былъ. Однако такъ ли, сякъ ли, оттого ли, не оттого ли, вернулись, батенька, назадъ.

Старикъ на минуту остановился и потомъ продолжалъ:—И былъ же обратный походъ горше передняго! Покуда шли впередъ, по крайности, надежду питали, что не нынѣ—завтра выйдемъ изъ снѣговъ, встрѣтимъ хивинцевъ и съ ними сразимся; а какъ пошли назадъ, совсѣмъ другое.—Старикъ махнулъ рукой.—Идучи впередъ,—продолжалъ старикъ,—все пѣсни распѣвали, особенно одну, что на этотъ случай нарочно сложили, а сложилъ кто-то изъ господъ, что при Перовскомъ были; часто эту пѣсню распѣвали. Хочешь, я пропою ее?"

—Сдѣлай одолженіе! очень радъ,—сказалъ я.

Старикъ прокашлялся и запѣлъ:

„Славно, братцы, пришло время:
Мы идемъ всѣ на Хиву.

Истребимъ хивинско племя,
Наживемъ себѣ хвалу.
Черезъ Эмбу перейдемъ,
Ко Усть-Урту подойдемъ.
Тамъ мы спустимся подъ горы,
Гдѣ живутъ хивинцы-воры.
Намъ всего даютъ довольно,
И одѣты мы тепло.
Мы морозовъ не боимся,
Намъ бураны нипочемъ;
Джибати прокляты сбросимъ;
Скинемъ теплы сапоги;
Шапки теплыя доносимъ,
Будемъ бравы молодцы,
Мы съ колоншами сойдемся,
Винну порцію запьемъ;
Винну порцію запьемъ,
Закричимъ мы вразъ „ура"!
Тутъ погибнетъ вся Хива.
Мы избавимъ изъ неволи
Своихъ братьевъ-земляковъ;
Расколотимъ въ пху долю
Всѣхъ хивинцевъ-подлецовъ" *).

— Вотъ какъ мы расхрабрились,—сказалъ старикъ, кончивъ пѣсню.—Зато, путешествуя назадъ, никто и не зап-

*) Припѣвка къ этой пѣснѣ, не встрѣчающаяся въ разсказѣ Барсукова:

„Мы уральскіе казаки,
Идемъ съ радостью въ походъ.
Генералъ съ нами Перовскій—
Никакихъ намъ нѣтъ заботъ:
Онъ казачью службу знаетъ,
Не оставитъ насъ ни въ чемъ;
Провіантомъ насъ провадитъ,
Фуражемъ насъ наградитъ.
Мы муниціей исправны,
Всѣмъ нарядомъ снабжены.
У насъ шашки, пики востры;
Только быть намъ вооруженымъ,
Какъ мы словно на ученьѣ
Разъѣзжаемъ всегда встрой;

калася про эту пѣсню; заказано было: стыдно-де... Что правда, то правда! Досадно, братецъ мой, что мы подлецовъ-хивинцевъ и въ глазъ не видали. Только одному капитану Ерофѣеву съ одной ротой солдатъ посчастливилось отличиться. Онъ, этотъ капитанъ, провожалъ больныхъ изъ отряда въ Чушакульское укрѣпленіе и столкнулся съ хивинцами, но ружейной пальбой и барабаннымъ боемъ разогналъ ихъ, словно стаю воронъ. Тутъ особенно отличился барабанщикъ. Какъ только ватага хивинцевъ пріударитъ на отрядъ Ерофѣева, такъ барабанщикъ и выскочитъ съ барабаномъ впередъ и трахъ! трахъ! трахъ! Хивинскіе кони всѣ въ разсыпную. Барабанщику дали георгіевскій крестъ, и за дѣло: молодецъ!

Въ обратный путь, помню, мы поднялись въ первыхъ числахъ февраля, а въ мартѣ пришли на Темиръ-рѣку; тутъ отдыхали и ждали весны. За недѣлю до Благовѣщенья, помню, въ первый разъ увидали въ отрядѣ дикихъ гусей. И радость же въ отрядѣ была великая:—„весна! весна!"—говоримъ мы другъ другу и крестимся: морозы то ужъ больно намъ надоѣли. Съ Темира, когда ужъ снѣгъ сошелъ, стали отрядами расходиться на линію. Съ больными было много возни. Зимой бѣдняжки отъ мороза гибли, а весной отъ цынги: заѣла она неладная, солдатиковъ. Есть когда не ошибаюсь, больше половины солдатиковъ пропало, а насъ, уральцевъ, Богъ миловалъ: изъ двухъ полковъ развѣ-развѣ съ десятокъ казаковъ не узрѣли родимой стороны; остальные всѣ вышли здравы и невредимы; благодареніе Господу Богу!

Старикъ съ благоговѣніемъ перекрестился.

Командуемъ всѣмъ въ страженьѣ,
Мы идемъ въ кровавый бой,
Вотъ намъ драться не учиться,
Мы бывали на войнахъ;
Лишь бы дали намъ сразиться,
Расчирхаемъ всѣхъ ихъ вирахъ—
И потомъ мы возвратимся
Во Уральскій городокъ".

— Конецъ? — спросилъ я разсказчика.

— Нѣтъ, не конецъ! — отвѣтилъ онъ: — то-ись хивинскому-то походу, пожалуй, конецъ,—прибавилъ старикъ; — но мы то, уральцы, не всѣ развязались: человѣкъ насъ триста, съ Ѳедотомъ Григорьевичемъ, послали въ новый походъ на Эмбу, къ морю, наказывать, то-ись, по-нашему: выкалывать адайцевъ.

— За что же?

— За дѣло: — знай край, да не падай, то-ись бѣлаго царя почитай, указовъ его слушайся!

— Чтожъ адайцы сдѣлали?

— Вотъ что, слушай.

И старикъ началъ: „Для похода Перовскій собиралъ верблюдовъ съ киргизовъ; всякій родъ и поставлялъ столько-то верблюдовъ, адайскій родъ не далъ ни одного верблюда. Этого мало, что не далъ верблюдовъ; нѣтъ, онъ еще пакость сдѣлалъ: чиновника, который ѣздилъ по ордѣ и собиралъ верблюдовъ, адайцы связали и въ Хиву къ хану отправили; выходитъ, измѣну подлецы сдѣлали. Предъ походомъ было не до нихъ, а послѣ похода Василій Алексѣичъ и вспомнилъ про нихъ и съ Темира-рѣки, какъ я ужъ сказалъ тебѣ, послалъ изъ насъ 300 человѣкъ съ Ѳедотомъ Григорьевичемъ наказать адайцевъ. Помню, въ самомъ началѣ мая мѣсяца, мы сослѣдили адайцевъ близъ устья Эмбы, при урочищѣ Крынъ-Узень; сослѣдили, говорю, адайцевъ и задали имъ такого трезвона, что до сихъ поръ не забыть: человѣкъ, думаю, съ 400, есть когда не больше, мы порѣшили адайцевъ: насчетъ этого мы, признаться, молодцы — только заставь. Въ такихъ случаяхъ всегда отдаютъ такой приказъ, чтобы колоть только однихъ взрослыхъ мужчинъ, а женъ да дѣтей не трогать; но гдѣ тутъ соблюсти нашему брату приказъ? Лиха бѣда войдти въ азартъ, а какъ войдешь въ азартъ, такъ шабашъ! пойдешь, значитъ, направо и налѣво, только крѣпись орда; никто, значитъ, не подвертывайся. Старикъ махнулъ рукой. Мы же въ тотъ разъ, признаться, были злые-презлые — замѣтилъ ста-

рикъ: первымъ дѣломъ, хивинскій походъ не удался; вторымъ дѣломъ, то, что мы съ Темира, какъ прочіе, надѣялись домой идти, а насъ вдругъ погнали въ новый походъ. Вотъ по этой больше причинѣ мы и удружили адайцамъ, то-есь какъ должно внушили имъ, чтобы на будущее время бѣлаго царя чтили и указовъ его слушались. Когда-нибудь на досугѣ я разскажу тебѣ обстоятельно о такихъ дѣлахъ, какъ нашъ братъ наказываетъ, то-есь выкалываетъ киргизовъ: любопытная, батенька, вещь, а теперь пора и забастовать; знаешь поговорку: хорошенькаго помаленьку!"

Старикъ всталъ и раскланялся съ мной.

Нѣсколько словъ отъ автора.

Походъ или, правильнѣе, гибель князя Бековича-Черкасскаго слабо сохранилась въ памяти народа; по крайней мѣрѣ, мнѣ не довелось подслушать у казаковъ болѣе того, что передано въ первой главѣ. Причина понятная: во-первыхъ, это было почти полтораста лѣтъ тому назадъ; а во-вторыхъ, событіе это не захватывало коренной или, иначе сказать, жизненной стороны народнаго быта и потому пронеслось надъ народомъ безслѣдно, какъ обыкновенная невзгода, вродѣ, напримѣръ, пожара, мороваго повѣтрія и т. п.; однимъ словомъ, это событіе — не болѣе, не менѣе, какъ случайность войны. Подобныхъ случайностей въ жизни яицкихъ казаковъ, конечно, было не мало и прежде, и послѣ несчастнаго похода Бековича; разница только та, что въ одно время погибло казаковъ больше, въ другое меньше. И оттого народъ помнитъ только одно: „пошли-де наши праотцы съ Бекичемъ въ Хиву и погибли". Впрочемъ, историческихъ фактовъ отъ народныхъ сказаній, спустя полтораста лѣтъ послѣ событія и ожидать нельзя; объ этомъ и говорить нечего.

Что же касается сказочной и легендарной стороны пре-

даній, то, извѣстно, народная фантазія очень изобрѣтательна, а память народа насчетъ этого очень впечатлительна, и все, что изъ сказочнаго западаетъ въ память народа, — все это долго живетъ въ народѣ. Такъ, напримѣръ, составивъ себѣ когда-то понятіе о Хивѣ, какъ о странѣ заклятой, вродѣ заклятаго клада, казаки повѣрье это перенесли и на позднѣйшее предпріятіе противу Хивы, именно на экспедицію Перовскаго. Въ этомъ отношеніи, разницы у казаковъ между взглядомъ на походъ Бековича и взглядомъ на походъ Перовскаго, какъ читатели видѣли, почти никакой нѣтъ. Даже разсказъ старика о походѣ Перовскаго наполненъ сказками и легендами больше, нежели разсказъ о походѣ Бековича. — Если чѣмъ и отличается разсказъ о походѣ Перовскаго отъ разсказа о походѣ Бековича — это тѣмъ, что въ разсказѣ о походѣ Перовскаго много дѣйствительнаго, фактическаго. Правда, все дѣйствительное, фактическое перемѣшано съ сказочнымъ и легендарнымъ; но я не вижу надобности проводить грани, гдѣ начинается и кончается сказка, и гдѣ начинается и кончается фактъ: во-первыхъ это, по моему мнѣнію, отчасти обозначается само собой; во-вторыхъ, любознательные читатели могутъ сличить разсказъ старика-казака съ статьей неизвѣстнаго автора о хивинскомъ походѣ, напечатанной въ „Библіотекѣ для Чтенія“ за 1859 г., № 10,—статьей, извлеченной, по всему видно, изъ оффиціальныхъ бумагъ. Считаю нужнымъ заявить только вотъ что: я пишу не историческія замѣтки, а сказанія народныя, и потому, если гдѣ и окажется какой фактъ, нѣсколько расходящійся съ оффиціальными бумагами и разными отчетами и реляціями, то да не забудутъ читатели, что тутъ выразился взглядъ народа—ничей.

IX *).

ПѢСНИ.

1.

По морю было, морю синему,
По тому морю по Каспійскому,
Супротивъ было острововъ Орловыхъ,
Стоялъ на якорѣ воровской корабль;
На корабликѣ состроенъ былъ муравленъ чердакъ,
Въ чердакѣ состроенъ былъ золотой бунчукъ,
Въ бунчукѣ стояли царскія знамочки,
Позлаченыя, распущенныя.
У знамочекъ стоитъ часовой казакъ,
Передъ нимъ стоитъ раздвиженный стулъ,
На стулу сидитъ нашъ батюшка, воровской атаманъ
Степанъ Тимофеевичъ, по прозванью Разинъ сынъ;
Передъ нимъ стоялъ старшой есаулъ.
Атаманъ есаулу сонъ разсказывалъ:
„Что-то мнѣ, братъ, ночью мало спалось
И во снѣ мнѣ много видѣлось:
Спадала у меня съ головы купья шапка,

*) Здѣсь помѣщены тѣ изъ собранныхъ І. П. казачьихъ пѣсенъ, которыя не были имъ напечатаны и не вошли ни въ одну изъ его статей. Ред.

Распоясался у меня золотъ колчанъ
И разсыпались у меня калены стрѣлы".
Есаулъ этотъ сонъ разсуживалъ:
„Сопадала у тебя съ головы кунь шапка,—
Это—пропадетъ твоя буйная головушка;
Распоясался твой золотъ-колчанъ,
То— мнѣ есаулу быть крѣпко ранену;
Разсыпались калены стрѣлы—то казаки наши,
Воры-разбойники, на побѣгъ пойдутъ"...

2.

По горамъ то было по Индерскимъ
По раздольицамъ было широкимъ,
Собиралося тутъ собраньице киргизское.
Не мало ихъ было и не много: сорокъ тысячъ;
Предводителемъ у нихъ былъ ханъ султанъ Сержалинъ отецъ;
Повыше крѣпости Кулагиной, пониже яру Чепушинскаго,
Пикетные казаки ихъ скараулили,
Подавали вѣстынку и вверхъ и внизъ до войскова.
Тутъ казаки братцы собиралися
Всѣ Яицкіе съѣзжалися,
Думали-то они думу крѣпкую за едино,
Черезъ Яикъ рѣку переправлятися;
Во глухую полночь съѣзжалися,
Распустили они полковое знамя,
Поставили они распятье образъ.
Чутко Богу молилися, низко кланялись.
Помолившись Богу, распростилися,
Распростившись, на ударъ пошли.
Напередъ-то бѣжитъ дорожей добрый молодецъ—
Васильюшка, Митрясовъ сынъ,
Во рукахъ-то онъ держитъ полковое знамя

Возговоритъ-то Василій таковы слова:
„Ой, вы, гой еси, казаки, братцы, Яицкіе!
Вы не робьте, казаки, не разбѣгайтесь“.
На крылѣ у киргизъ бѣжитъ злой басурманинъ
Басурманинъ, Каракалпачининъ,
За плечами у него турка цѣльная;
Онъ стрѣлялъ дорожаго добра молодца,
Убивалъ-то его во бѣлую грудь,
Онъ падалъ коню на черную гриву,
А съ черной гривы на мать сыру землю.
Какъ разбили казаки Яицкіе собраньице киргизское,
И, разбивши, стали дуванъ дуванить:
Доставалось на казака хорошей одежды
По сѣнной копнѣ.

3.

Не грозна туча изъ-за облака,
Туча поднималася;
Пріѣзжалъ къ намъ на быстрой Уралъ
Къ намъ небывалый гость,
Небывалый гость—царь наслѣдничекъ.
Старики, братцы, старожилые къ нему собиралися,
Съ лицомъ радуннымъ старики, братцы, ему поклоняли-
лися.
„Ты заставь, заставь, царь наслѣдничекъ,
Насъ жить по старому,
Ты покинь, покинь, царь наслѣдничекъ,
Насъ на быстрой рѣкѣ“.
Не золоченая туто трубочка,
Трубочка вострубила,—
Говоритъ же тутъ наслѣдничекъ
Своимъ громкимъ голосомъ:
„Вы подпи-ка, послужите за горы кавказскія,
Усмирите-ка злую вы орду, орду непокорливую,
Непокорливую орду—черкесъ со лезгинами“...

4.

Доселево про Кіянъ-море не слыхано,
А нонече на Кіянъ-море собираются,
Собирали они тридцать кораблей безъ едшаго
Про себя они украшали „соколъ“ корабль:
Деревца ставятъ кипарисовы,
На немъ спасточки—бечевочки шелковыя.
Они на корму сажаютъ Илью Муромца,
А на носъ посажаютъ Добрыню Никитьевича.
Ильюшенька Добрынюшкѣ рѣчь возговорилъ:
„Ты отваливай отъ бережка отъ крутаго,
Ты отваливай отъ песочка отъ сыпучаго“.
Вдругъ несчастьице надъ корабликомъ приключилося,
Что садился на деревцо сизой орелъ,
Потоплялъ онъ корабличекъ во сине море.
Какъ на то ли нашъ Ильюхонька разсержался,
Онъ тугой лукъ своей рученькой натягивалъ,
Калену стрѣлу на тетивочку онъ накладывалъ,
Онъ убилъ орла въ бѣлую грудь, въ ретиво сердце,
Онъ упалъ, нашъ сизой орелъ, во сине море.

5.

Какъ изъ далеча—изъ поддалеча, во чистомъ полѣ,
Тутъ стоялъ, да росъ сыръ матерый дубъ.
У сыра дуба коренья булатныя,
А коршушка у сыра дуба жемчужная,
Сучки, вѣточки на сыромъ дубу хрустальныя,
А листочеки на сыромъ дубу бумажные.
Подъ сырымъ дубомъ было стойлице коневіе,
А во стойлицѣ сивый рѣзвый конь
На вершинушкѣ у сыра дуба сидѣлъ младъ ясенъ соколъ.
Какъ ясенъ соколъ надъ добрымъ конемъ насмѣхаться сталъ:

„Ужь ты кляча, кляча—сивый рѣзвый конь!
На тебѣ же, кляча, шерсть оленія.
А черное мясо твое вороніе“.
За досадушку то добру коню показалося,
И ясенъ соколъ съ добрымъ конемъ позаспорили;
Они спорили не объ ста рубляхъ, не объ тысячѣ,
Они спорили объ своихъ буйныхъ головушкахъ:
Соколу летѣть доставалося чрезъ сине море,
А коню бѣжать доставалося вокругъ синя моря
Конь бѣжитъ, бѣжитъ—вся земля дрожитъ,
А соколъ летитъ, какъ колоколъ звенитъ.
Прибѣгаетъ конь до мѣстеченька до урочнаго,
До того мѣста—до колодезя до глубокаго.
Какъ прибѣгъ къ себѣ сивый рѣзвый конь, самъ во стойло сталъ;
Ужь онъ часъ стоялъ и другой стоялъ—нѣту сокола,
А на третьемъ онъ на часикѣ появляться сталъ.
Прилетѣлъ соколъ ко добру коню, пропустивши срокъ,
Ужь онъ палъ коню въ рѣзвы ноженьки за просроченье;
Тутъ ясенъ соколъ доброму коню виноваться сталъ:
„Ты прости меня, сивый рѣзвый конь, виноватаго;
Я летѣлъ, соколъ, чрезъ сине море шибче вихоря
И увидѣлъ я на синемъ морѣ стаю лебедей,
Выбралъ я себѣ что ни лучшую лебедушку,
Лебединаго ея мяса я попакушался
И за этимъ-то я, ясенъ соколъ, позамедлился“.

6.

Былъ одинъ-то, одинъ
У отца, у матери,
Все одинъ — единый сынъ.
Какъ его-то берутъ, разудалаго,
Берутъ въ службу царскую,
По указу его, разудалаго,

Берутъ государеву.
Какъ со вечера добру молодцу,
Ему приказъ отданъ былъ;
Съ полуночи-то, душа добрый молодецъ,
Онъ собираться сталъ;
На бѣлой-то зарѣ, душа добрый молодецъ,
А онъ сталъ коня сѣдлать;
На восходѣ-то солнца краснаго
Сталъ онъ со двора съѣзжать.
Провожаютъ его, разудалаго,
Его молода жена,
Провожаютъ его, разудалаго,
Его всѣ отецъ и мать,
Провожаютъ еще его, разудалаго,
Его весь и родъ, и племень.
Позади идетъ его горюшенька—
Его молода жена.
Молодецъ-то жену уговаривалъ:
„Воротися, жена, воротися, душа,
Воротися, лебедь бѣлая:
Впереди-то у насъ все огни горятъ,
Огни горятъ неугасные“.
„Ужъ ты, миленькой сердечный другъ,
Не уговаривай меня, не обманывай, –
Это горитъ-то и пылаетъ
У тебя, у молодца, ретиво сердце“.
„Воротися, жена, воротися, душа,
Воротися, лебедь бѣлая:
Позади-то у насъ вода полая“.
„Ужъ ты миленькой сердечный другъ,
Не удерживай меня, не обманывай,—
Это изъ твоихъ очей молодецкихъ
Слезы катятся, какъ рѣка льются“

7.

Какъ по морю -морю по Еврейскому
Тутъ плыли выплывали тридцать три кораблика.
Какъ одинъ-то корабль напередъ бѣжитъ, какъ соколъ летитъ;
У него носъ, корма по звѣриному,
А водяные бока по змѣиному.
Какъ въ этомъ кораблике разукрашенъ чердакъ,
Въ чердакѣ стоитъ раздвиженный стулъ,
На стулу сидитъ самъ пруцкой король,
Передъ нимъ стоятъ два невольничка —
Со Тиха Дона два полковничка.
Какъ возговорилъ имъ пруцкой король:
„Ужъ вы, гой еси, два невольничка,
Съ Тихова Дона два полковничка!
Какъ мнѣ въ нынѣшней ночи мало спалось,
Мало спалось—много видѣлось.
Мнѣ привидѣлся чистъ ракитовъ кустъ,
На кусту сидѣлъ младъ ясенъ соколъ,
Во когтяхъ держалъ бѣлу рыбицу".
Отвѣчали ему два невольничка,
Съ Тихова Дона два полковничка:
„Ужъ ты, гой еси, пруцкой король!
Чистъ ракитовъ кустъ раздвиженный стулъ,
На кусту сидѣлъ младъ ясенъ соколъ—православный царь,
А въ когтяхъ держалъ бѣлу рыбицу—это перо лебединое.

8.

Ѣхалъ я, старый, братцы, по чисту полю,
По тому полю по Куликову;
Наѣзжалъ я, старый, братцы, на диковину,
На диковину -на бѣлъ горючъ камень;

На немъ написаны надписи и все разныя.
По первой дороженькѣ мнѣ старому ѣхать—
Быть женатому,
А по другой мнѣ ѣхать—быть богатому,
А по третьей ѣхать—быть убитому.
Богатства мнѣ, старому, не надобно,
Жениться мнѣ, старому-то, не хочется.
Дай же поѣду я, старый, братцы,
Туда, гдѣ быть мнѣ убитому.
Поѣхалъ старый по дороженькѣ,
Наѣхалъ старый на охотниковъ,
На русскихъ удалыхъ разбойниковъ.
Возговорилъ старый, братцы, таковы слова:
„Примите меня, братцы, въ товарищи
Или въ кашеварники,
Или хоть буду я на васъ чулки сушить“...
Увидѣлъ онъ старый ихъ злой помыселъ,
Что хотятъ они у стараго коня отнять.
Возговорилъ старый таковы слова:
„Убить вамъ, братцы, меня не за что
И снять съ меня вамъ, братцы, нечего:
Одна на мнѣ сермяга—и та сѣрая,
Одна пола во пятьсотъ рублей,
А другая во всю тысячу;
А всей сермягѣ и цѣны нѣту“.
Вынулъ же онъ изъ налучна тугой свой лукъ,
Наложилъ на тетиву кленову стрѣлу,
Пустилъ же ее во сыру землю,—
Тутъ же ему покорились тѣ охотники.

9.

Вечёръ ночесь къ дѣвушкѣ соловушекъ прилеталъ,
Соловушекъ прилеталъ—молодецъ въ гости пришелъ.
Звалъ онъ, манилъ дѣвушку, уговаривалъ съ собой:

*

„Поѣдемъ-ка, дѣвушка, во чисто поле гулять,
Во чисто поле гулять, во зеленые луга.
Заѣдемъ мы, дѣвушка, на высокій на курганъ.
Еще возьмемъ, дѣвушка, полотнянъ бѣлый шатеръ,
Полотнянъ бѣлый шатеръ и мелко точену кровать".
„Ложись, ложись, молодецъ, дай въ головкѣ пощу,
Въ головушкѣ пощу, русы кудри разчешу".
Стала дѣвушка искать, сталъ молодецъ засыпать.
Уснулъ, уснулъ, молодецъ, у дѣвушки на рукѣ,
У дѣвушкѣ на рукѣ — на ситцевомъ рукавѣ.
Всталъ, проснулся молодецъ,—нѣтъ ни дѣвки, ни коня;
Ни дѣвушки, ни коня, нѣтъ и бѣлаго шатра.
Заставила дѣвушка въ полѣ пѣшему ходить,
Въ полѣ пѣшему ходить, поджавъ, рученьки носить.

II.

ПРЕДАНІЯ О ПУГАЧЕВѢ

I.

Вступительное слово отъ автора.

Родившись и выросши на Уралѣ (въ старину Яикъ) я, пишущій эти строки, видалъ во время моего дѣтства многихъ стариковъ и старушекъ, современниковъ и современницъ Пугачевщины, слушалъ разсказы ихъ объ этой эпохѣ, но многаго изъ ихъ разсказовъ запомнить не могъ, по очень простой и натуральной причинѣ: дитя былъ, у котораго на умѣ были только кубари, альчи, пистолеты и т. под. Далѣе, въ пору юности моей, относящейся къ сороковымъ годамъ,—когда кубари и альчи уступили мѣсто другого рода забавамъ и занятіямъ, когда изъ казаченка-школьника преобразился въ казака-сударя, — въ эту пору я тоже встрѣчалъ, хотя немногихъ, рѣдкихъ, но все-таки еще встрѣчалъ современниковъ Пугачевщины; но и изъ этой поры память моя не много вынесла, и не потому, чтобы разсказы были скудны содержаніемъ, чтобы разсказчики не могли передать мнѣ сколько-нибудь любопытнаго и интереснаго изъ того, что было въ ихъ пору, что свершалось на ихъ глазахъ, а потому, что самъ я не придавалъ рѣшительно никакой цѣны народнымъ преданіямъ, вѣрованіямъ и воззрѣніямъ, считая ихъ за болтовню, за лепетъ ребенка, не стоющіе вниманія человѣка порядочнаго, или, какъ говорятъ казаки, человѣка съ понятіемъ. Напримѣръ, въ 1845—46 годахъ, проживая, въ качествѣ начальника и судьи, въ одной изъ нашихъ станицъ — Красноярскомъ

форностѣ, я, отъ нечего дѣлать въ часы досуга отъ трудовъ служебныхъ, по часту бесѣдовалъ съ старикомъ Михаиломъ Михайловичемъ Бакировымъ о нашей старинѣ и, между прочимъ, о пугачевскомъ времени. Бакирову во время Пугачева было отъ роду около двадцати лѣтъ и онъ не разъ видалъ самого Пугачева, говорилъ съ нимъ, цѣловалъ у него руку. Помню, Бакировъ разсказывалъ мнѣ цѣлую легенду о Пугачевѣ и его времени. Но, къ сожалѣнію, на большую часть разсказовъ этого старика, какъ и на разсказы другихъ, я также не обращалъ должнаго вниманія, по крайней мѣрѣ, скоро забывалъ ихъ, и все, повторяю, оттого, что самъ я не придавалъ рѣшительно никакой цѣны народнымъ преданіямъ, и тому была причина.

Прошедши чрезъ войсковое училище и прозубривши почти наизусть отъ крышки до крышки довольное число учебниковъ, въ родѣ „Исторіи" Кайданова, „Реторики" Кошанскаго, и т. под., я, дѣло понятное, считалъ себя уже не обыкновеннымъ смертнымъ, не казакомъ-талагаемъ, не казаченкомъ-Петряемъ, не урядникомъ-бурбономъ, а ученымъ сударемъ, испившемъ до дна чашу премудрости. Независимо отъ того настроенія, которое я вынесъ изъ училища, не могъ устоять и противъ того вліянія, которое впослѣдствіи систематически прививалось извнѣ стараніемъ отцовъ-командировъ, по ученію которыхъ, казакъ и болванъ, казакъ и грубіянъ были синонимы. Къ ученію отцовъ-командировъ присоединилось произведеніе ума человѣческаго: въ брошюрѣ „объ Уральскихъ казакахъ" г. Левшина и въ „Исторіи Пугачевскаго бунта" г. Пушкина проведена таковая мысль: казакъ и бунтовщикъ суть синонимы. Что-жъ мудренаго, если, наслушавшись поученій и наставленій отцовъ-командировъ и начитавшись книгъ вродѣ упомянутыхъ выше, я смотрѣлъ на казаковъ, моихъ земляковъ, какъ на глупыхъ, дерзкихъ и безсмысленныхъ буяновъ. Этого мало! Я смотрѣлъ на массу нашего казацкаго народа, какъ на грубый бездушный матеріалъ, лишенный вся-

каго человѣческаго смысла, всякаго яснаго элемента, на матеріалъ, пригодный для нашего брата, скульптора, т. е. казацкаго офицера, чтобъ лѣпить солдатиковъ, на матеріалъ, изъ котораго можно нашему брату стоморохy, т. е. казацкому офицеру, дѣлать гудки и балалайки, чтобы разрывать кой-какія, смотря по времени и обстоятельствамъ, арійки...

Имѣя такой офицерскій или казенный — все равно — взглядъ на самый народъ, я, натурально, всѣ вѣрованія, всѣ воззрѣнія, всѣ преданія народа ставилъ ни во что! Изъ этого понятно, что многое, слышанное мною изъ устъ народа о Пугачевскомъ времени, какъ не стоющее вниманія человѣка порядочнаго, я пропускалъ мимо ушей, а многаго, можетъ быть, мнѣ и не доводилось слышать, просто, не хотѣли, можетъ быть, мнѣ и передавать, видя сову по полету. И это могло быть.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе большой учености сударя, а главное, вслѣдствіе офицерскаго взгляда на народъ, многое, можетъ статься, потеряно, если не для исторіи Пугачевщины въ частности, то для исторіи казацкаго народа вообще.

Но съ теченіемъ времени точка зрѣнія ученаго сударя на народъ перемѣнилась. Дойдя до сознанія о несостоятельности высшихъ офицерскихъ воззрѣній на народъ, я обратился къ самому народу. „Поздно, рыцарь, прискакалъ!“ подсказало мнѣ мое воображеніе. „Лучше поздно, чѣмъ никогда!“ отвѣтилъ я моему воображенію, и рьяно бросился въ поиски за народными преданіями.

Въ 1858 году, въ теченіе цѣлаго лѣта и осени, я разъѣзжалъ по Яику, отыскивалъ старичковъ и старушекъ и подбиралъ крупицы, оставшіяся отъ старинаго пированья. Что собралъ, то и представляю, прибавивъ, разумѣется, и то, что запало въ память мою изъ временъ дѣтства и юности. Представляю именно то, что собралъ, представляю въ томъ именно видѣ, какъ, что, а въ иныхъ случаяхъ и отъ кого слышалъ.

Изъ этой оговорки читатель догадается, что разсказъ мой, составленный изъ разныхъ лоскутковъ, будетъ не очень строенъ, послѣдователенъ. Этого мало, прибавлю я: разсказъ мой будетъ съ нѣкоторыми повтореніями и даже противорѣчіями; но смѣю завѣрить всѣхъ и каждаго, взамѣнъ этого недостатка, разсказъ мой будетъ вѣренъ дѣйствительности, то есть, въ немъ не будетъ ни одной черты присочиненной.

Можно бы, конечно, всѣ преданія, слышанныя мною на Яикѣ отъ разныхъ лицъ, вложить въ уста одного вымышленнаго разсказчика, и тѣмъ придать разсказу форму, болѣе или менѣе стройную, болѣе или менѣе систематическую, послѣдовательную, форму пріятную и легкую для читателя. Но въ такомъ случаѣ пришлось бы въ иныхъ или даже во многихъ мѣстахъ сглаживать и примирять противорѣчія; въ такомъ случаѣ на канвѣ народныхъ преданій рядомъ съ узоромъ неподдѣльнаго народнаго вѣрованія и воззрѣнія появился бы узоръ искусственный, присочиненный, короче: въ такомъ случаѣ неизбѣжно могла бы пострадать истина, а она-то, по моему понятію, и должна быть на первомъ планѣ во всей дѣйствительности и неприкосновенности. Слѣдовательно, лучше нестройное, да вѣрное, чѣмъ стройное, да невѣрное.

Само собою разумѣется, что большая часть преданій будетъ расходиться съ дѣйствительными историческими событіями, т. е. въ большей части преданій элементъ фантазіи и вымысла будетъ преобладать надъ элементомъ фактическихъ событій; но за то каждое изъ преданій, отдѣльно взятое, будетъ вполнѣ, по моему мнѣнію, обрисовывать характеръ народа и его образъ пониманія вещей.

Итакъ, преданія о Пугачевѣ я оставлю неприкосновенными въ томъ видѣ, какъ слышалъ ихъ изъ устъ народа, не дѣлая относительно нихъ здѣсь никакихъ поясненій и не пускаясь по поводу ихъ ни въ какія разсужденія.

За преданіями я представлю, если позволятъ обстоя-

тельства, особыя замѣтки, основавъ ихъ на фактахъ и собственныхъ соображеніяхъ, замѣтки по поводу Пугачевскаго бунта вообще и народныхъ преданій въ особенности. Но то будетъ уже дѣло иное, а теперь слѣдуетъ разсказъ монахини.

---

*) Мысли этой авторъ, очевидно, не успѣлъ выполнить, такъ какъ въ бумагахъ покойнаго не оказалось по этому предмету ничего обработаннаго для печати. Ред.

II.

Разсказъ монахини *).

Въ женскомъ скиту, пріютившемся въ разщелинѣ Общаго Сырта, неподалеку отъ Гвиловскаго умета, я встрѣтилъ монахиню, чуть-чуть не столѣтнюю старушку, именемъ Августу. Дорожа такой рѣдкой находкой (не забудьте, это было въ 1858 году), я съ осторожностью приступилъ было къ разспросамъ о Пугачевщинѣ, но, къ счастію моему, осторожность оказалась совершенно излишней. Монахиня какъ ни стара, но жива, бойка, а главное — большая говорунья. Къ ней, какъ нельзя лучше, можетъ быть приложима пословица: „каковъ въ колыбели, таковъ и въ могилѣ". На многое щекотливое для женскаго уха, на многое, о чемъ едва ли бы я вздумалъ съ нею, какъ съ женщиной и вдовою, какъ съ монахиней, разговаривать, она сама меня навела. Съ позволенія читателей, я скажу нѣсколько словъ объ этой личности.

Въ бѣлицахъ имя ей было Анисья, по отчеству Васильевна, урожденная Невзорова. Замужемъ была за Махоринымъ, отъ же и Перетыковъ. По происхожденію калмычка.

*) Разсказъ этотъ переведенъ на французскій языкъ и помѣщенъ въ Revue Historique 1878, VII Juillet-Août, 371—479 p., подъ заглавіемъ: „Traditions populaires dans la Russie orientale sur l'insurrection de Pougatchef", et par A. Kandéan. Этотъ послѣдній заимствовалъ разсказъ у Витевскаго, который опубликовалъ его на археологическомъ съѣздѣ въ Казани.

Ред.

Дѣдъ, а, можетъ, и прадѣдъ, — она хорошо не помнитъ, — калмыкъ волжской орды, принялъ христіанскую вѣру и приписался въ Яицкое Казацкое Войско. Фамилію Невзоровыхъ принялъ, конечно, отъ воспреемника, яицкаго казака Невзорова.

Сдѣлавшись христіанами и поселившись между русскими, Невзоровы-калмыки въ образѣ жизни долго сохраняли свои природныя кочевыя привычки. Такъ напримѣръ, по зимамъ, подобно русскимъ, жили въ домѣ, а лѣтомъ вели жизнь кочевую, въ подвижныхъ юртахъ и занимались исключительно скотоводствомъ. Анисья Васильевна въ дѣвицахъ проводила большую часть времени въ степи около стадъ и табуновъ, была отличной наѣздницей и оставила калмыцкія привычки послѣ замужества, когда вошла въ семейство чисто русское.

Мать Анисьи Васильевны была чисто русская, но типъ лица у дочери остался калмыцкій: однѣ высокія скулы съ перваго взгляда дадутъ понять, какого роду-племени Анисья Васильевна, а небольшой клокъ сѣдыхъ волосъ на подбородкѣ, похожій на маленькую бородку, придаетъ ей видъ довольно странный. Кромѣ наружности, манера, напримѣръ, выражаться отрывисто и дѣлать сильныя ударенія на первыхъ словахъ въ тѣхъ именно случаяхъ, когда Анисья Васильевна хочетъ или опровергнуть мнѣніе говорящаго съ ней, или придать большую силу своему, показываетъ, что она приходится съ родни любимому Ширгучу, Мантыку и имъ подобному калмыку-казаку. Но, несмотря на ея калмыцкое происхожденіе, несмотря, наконецъ, на то, что она женщина и вдобавокъ монахиня, носящая схиму, Анисья Васильевна, или Августа, пускается въ сужденіе о дѣлахъ, далеко выходящихъ изъ сферы женской дѣятельности, а тѣмъ болѣе изъ сферы монастырской жизни. Напримѣръ, она разсуждаетъ о казачествѣ, точь-въ-точь какъ старикъ-казакъ, напримѣръ, какъ Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ. Говоритъ, каковы были казаки въ пору ея молодости и каковы они стали теперь, высказываетъ мнѣніе свое о причи

нахъ, почему современное казачество измельчало. Разумѣется, слово „измельчало" она не употребляетъ, а замѣняетъ его другими, или, правильнѣе, у нея есть свои слова, тотъ же смыслъ выражающія.

— Нынѣшніе-то казаки, дитятко, супротивъ прежнихъ, т а р а н ь-т а р а н ь ю, — говорила монахиня.

— Отчего-же нынѣшніе-то казаки, супротивъ прежнихъ, т а р а н ь-т а р а н ь ю? — спросилъ я монахиню послѣ нѣсколько разъ повторенныхъ ею этихъ словъ.

— Знамо отчего, дитятко, — сказала она: — выродились, выродились, выродились!...

— Отчего же выродились, матушка?

— А все оттого же, родимый, отчего и это, — сказала монахиня и дрожащей рукой повела по воздуху вокругъ себя, указывая на возвышенности Общаго Сырта, покрытыя мелкимъ, неказистымъ кустарникомъ дубняка. — А лѣтъ десятковъ шесть тому, — продолжала монахиня, — на этихъ самыхъ горахъ дубы росли, дубы могучіе, дубы дремучіе, а теперь что? но на что взглянуть, дитятко: одинъ коряжникъ. Богъ съ нимъ, и печку путемъ нельзя истопить. И вся эта благодать, дитятко, повывелась съ плохого ухода, отъ несуразнаго обращенія...

— Значитъ, по твоему, матушка, и казаки выродились отъ плохого ухода, отъ несуразнаго обращенія? — замѣтилъ я, немного, давши монахинѣ время успокоиться отъ волненія, съ которымъ она проговорила послѣднія слова.

Монахиня быстро взглянула на меня и кивнула головой. „Угадалъ!" было написано на лицѣ ея.

— Какое же это несуразное обращеніе? Не узкая-ли то одежда, въ которую ихъ обрядили? — спросилъ я.

— Ну, дитятко! что одежда? Одежда — дѣло преходящее, отвѣчала монахиня. Нынче одна, завтра другая; одежда не виновата. И въ старые годы одежду безперечь мѣняли. Вотъ уже мы, на что бабы, — продолжала монахиня, — да и то зачастую мѣняли одѣянье одно на другое. Примѣрно сказать о полушубкахъ. Пашивали полушубки

съ двойными рукавами; одни, какъ подобаетъ, надѣвали на руки, а другіе такъ себѣ болтались позади и спускались почесть до земли, такъ себѣ, не для удобности, а для красы, для блезира; а послѣ и ихъ отпорули, стали объ однихъ носить. И въ этомъ никакого худа не было. Тоже, къ примѣру, и о сарафанахъ. Извѣстно, сарафаны были безрукавны, а въ старину были съ рукавами, но рукавчики опять-таки не надѣвались на руки и дѣлались-то не для того, чтобы надѣвать, а пришивались сзади къ мышкамъ для одного блезира. Да мало-ли какой перемѣны перебывало въ одѣяньи и въ мужскомъ, и въ женскомъ. И во всемъ этомъ, дитятко, я тебѣ скажу, ни грѣха, ни покору нѣтъ, лишь бы одежда была мало-маньки похожа на одежду, степенная, а не кургузая... Правда, всячинка бывала въ старину, не разъ казаки и артачились, не хотѣли принимать узкихъ мундировъ. Но, дитятко, не одежда, не мундиры были страшны, а штатъ былъ страшенъ, штатъ былъ противенъ. Вотъ его то и боялись старики... И за то имъ доставалось, голубчикамъ. Не одинъ, я чаю, добрый молодецъ претерпѣлъ за правду-истину, принялъ мученическій вѣнецъ. Одинъ, я чаю, Кочкинъ Пиръ у сколькихъ казаковъ унесъ вѣку-то. Послѣ этого, дитятко, какъ же и не выродиться казакамъ, какъ же и не сдѣлаться имъ таранью... Бывало, я помню, одинъ-двое скажутъ: „Не хотимъ" и всѣ за ними, какъ одинъ человѣкъ... А нынче что? окургузились, осолдатились, обритоусились, отечество забыли и вышли тараньтаранью...

— Такъ, такъ, матушка! — прервалъ я. — И старики наши тоже самое баютъ. Скажи-ка ты мнѣ: сколько тебѣ отъ роду лѣтъ?

— Много, много, дитятко: кажись, сотенный годокъ пошелъ, — отвѣчала Августа.

— Въ Пугачевъ, что-ли, годъ родилась?

— Ой, нѣтъ, дитятко! въ Пугачевъ годъ я была годовъ десятку, коли не больше.

— Значитъ, помнишь Пугачева?

— Какъ не помнить?! Хоша многаго-то и не помню, а все-таки кое-что осталось въ памяти. Какъ теперь смотрю на него, голубчика: такой былъ мужественный, величавый, настоящій царь...

— Какъ царь? — перебилъ я. — Бродяга, какъ есть бродяга! А вы царемъ его считаете. Смѣшно!...

— Ахъ, дитятко! Что ты говоришь! Можно-ли его царскую особу такъ обзывать? — возразила монахиня. — Онъ былъ настоящій царь, истовый Петръ Ѳедоровичъ! А что онъ былъ бѣжавшій — это правда, дитятко, точно что бѣжавшій, супротивъ этого спорить не буду. Да вѣдь это со всякимъ можетъ случиться: вѣкъ пережить — не поле перейти... нынче князь, завтра въ грязь...

— Какъ бѣжавшій?—спросилъ я.

— Да такъ, просто-на-просто, бѣжавшій, отъ налога, значитъ, бѣжалъ, и царство не взлюбилось, — отвѣчала монахиня. — Между нами будь сказано, — продолжала она, погодя немного, — не въ моготу стала жизнь ему въ Питерѣ... Да ты, кормилецъ, не поставь мнѣ въ осужденіе мои простыя, безхитростныя слова, — оговорилась монахиня.

— Говори, говори, матушка!....

— Ну, то-то, дитятко! Слушай-ка. Я перескажу тебѣ, что я въ молодую мою пору слышала отъ старыхъ людей. Отецъ моего свекора близокъ былъ къ Петру Ѳедоровичу; да и дядюшка мой родной его же руку держалъ. Дядюшку моего и съ сыномъ, двоюроднымъ братцемъ моимъ (Кораблевы прозывались) убили на приступѣ къ крѣпости... Вотъ и выходитъ, что мнѣ было отъ кого слышать...

„У него, — продолжала монахиня, — у Петра Ѳедоровича, между нами будь сказано, вышло несогласье съ супругой его, матушкой царицей Катериной Алексѣвной. Господь ихъ вѣдаетъ, изъ-за чего у нихъ тамъ стало, не наше дѣло, судитъ ихъ Царь Небесный, а намъ не подобаетъ разузнавать и допытываться, что какъ было... Поговаривали только, что онъ, батюшка нашъ, былъ ревнивый, ревнивый такой, а она матушка наша, супротивъ него была непокор-

лива такая... И пробѣжала, знать, между ними черная кошка... Супротивниками ему были еще эти Чернышевы, Орловы, Пановы (Панины) и иные прочіе спаралы, что въ Питерѣ при дворцѣ служили... Онъ видитъ, что одному ему супротивъ всѣхъ не совладать, взялъ да и скрылся тайно изъ дворца, какъ святой Алексѣй Божій-человѣкъ скрылся изъ палатъ своего отца-царя...

— Да какъ же все это случилось? — спросилъ я монахиню. — Царь, и тайно скрылся изъ дворца! Что-то мудрено, матушка.

— Мудренаго ничего нѣтъ, дитятко, — сказала монахиня: — всячина бываетъ на бѣломъ свѣтѣ. Цари — цари, а и съ ними перетурка бываетъ... Объ этомъ самомъ дѣлѣ поговаривали въ народѣ, что случилось это такимъ побытомъ. Онъ, Петръ-то Ѳедоровичъ, хоша природой-то былъ и нашего царскаго корня, но родился въ иной землѣ, тамъ, вишь, и выросъ. Значитъ, были у него тамъ и сродники, и пріятели, и, между нами будь сказано, пріятельницы. Въ ту самую пору, какъ вышло у него съ матушкой-то Катериной Алексѣвной несогласье, вотъ въ эту-то пору, словно на грѣхъ, къ нему и пріѣхала изъ иной земли на корабляхъ со свитой какая-то иностранная принцесса, можетъ и нарочно, чтобы въ огонь масла подлить. Онъ обрадовался и пошелъ къ ней на корабль въ гости, да и загулялъ, батюшка!... А гулять-то онъ, сказывали старики, гулять-то, не объ немъ будь упомянуто, куда охотникъ былъ. Трое сутокъ, говорятъ, не выходилъ изъ ея банкета: все пуншп, да танцы, да музыка... Матушкѣ-то Катеринѣ Алексѣвнѣ, знамо, показалось это за великую досаду. Вотъ она на четвертый день выходитъ и шлетъ къ нему посла, чтобы онъ оставилъ банкетъ и шелъ въ свою царскую семью, а онъ не слушаетъ. Она другого шлетъ; онъ и другого не слушаетъ. Она третьяго, а онъ и третьяго не слушаетъ. Напослѣдокъ сама матушка Катерина Алексѣвна идетъ на корабельную пристань, но не показалась ему на глаза, а посмотрѣла только въ стеклянныя двери, какъ онъ тамъ прохлаждается. Посмотрѣ-

ла, матушка, покачала головушкой и удалилась во дворецъ, только промолвила: „лѣть! не исправишь!“ Адъютанты и приспѣшники, что были при Петрѣ Ѳедоровичѣ, и говорятъ ему: „пора-де до дому, ваше царское величество, а то долголи до бѣды: сама-де царица здѣсь была и ушла больно де сердитая, быть бѣдѣ“.

— Пустяки! — говоритъ Петръ Ѳедоровичъ. — Жена не посмѣетъ ничего супротивъ меня сдѣлать. Коли захочу, въ монастырь ее упеку. Только одно слово скажу...

— Ань и посмѣла! — замѣтила монахиня. — Женщина она, а лютая была. Чрезъ сколько-то времени, — продолжала разсказчица, — въ ночную пору царь пошелъ во дворецъ повидаться, что тамъ такое дѣется, подошелъ къ воротамъ, а они на запорѣ. Вотъ тебѣ и не посмѣетъ! Часовой, что у воротъ стоялъ, окликаетъ:

— Кто идетъ?

— Царь! — говоритъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Нѣтъ у насъ царя! У насъ царица! — говоритъ часовой дерзкимъ манеромъ. Петръ Ѳедоровичъ кинулся было къ нему, хотѣлъ, значитъ, ударить его и вразумить, а онъ, не будь дуренъ, уставилъ въ него ружье: — Застрѣлю! — кричитъ. — Уйди лучше!

„Нечего было дѣлать, побился, побился онъ около воротъ и часового и ушелъ опять на корабельную пристань, сѣлъ на корабликъ и уѣхалъ въ иную землю.

„Такимъ-то побытомъ и сталъ онъ, батюшка, странствовать изъ царства въ царство, изъ королевства въ королевство. То къ тому придетъ царю, то къ другому. Всѣ по тайности его принимали, всѣ его почитовали, а помощи ему не давали. Одинъ говоритъ: — „Не могу въ чужія дѣла входить — своихъ много“. Другой говоритъ: — „Свой дерись-бранись, а чужой не приставай“. Съ ихъ стороны это былъ только отводъ одинъ, а на самомъ-то дѣлѣ они крѣпко побаивались матушки Катерины Алексѣевны. Вѣдь она даромъ что женщина была, а какая разумная, да и воевать-то была горазда, что твоя Ольга премудрая: супротивъ нея ни одинъ царь не

стеятъ всѣхъ побивала. На что ужъ прущкой король Фридрихъ воинъ былъ, говорятъ, отъ всего свѣта, и богатырь—желѣзныя подковы разгибалъ, всѣхъ сусѣднихъ царей побивалъ, а она, наша матушка, и его побивала. Значитъ, всѣхъ сильнѣе, войнитѣе была!.. Сколько она земель отбила отъ супротивниковъ, сколько городовъ побрала, сколько дани перебрала, и не перечтешь! Турскаго салтана, говорятъ, вдосталь забила: все Черное море своими кораблями покрыла,—Очаковъ, Анапу взяла. И къ Царюграду подступала, да не взяла: время не пришло, дитятко, по писанію Святыхъ Отцовъ, возьмутъ наши Царьградъ въ послѣднее время при Царѣ Константинѣ... Однако, много съ турскаго салтана отсталого взяла и обязала его, вѣкъ-по вѣки, платить нашему царю дань. И платитъ съ той поры турскій салтанъ нашему царю дань великую: оттого самаго наши цари и богаты... Вотъ она какая была, наша красавица!—Ну, кто-жъ супротивъ нея смѣлъ идти? Никто, дитятко! Всѣ на нее зубы грызли, а супротивничать не смѣли. Особенно золъ былъ на нее турскій салтанъ. Изъ досады-то, что она его доняла, данью обложила, въ корень, что называется, разорила, онъ, говорятъ, и шепнулъ Петру Ѳедоровичу, когда тотъ къ нему въ Царьградъ пришелъ: „Ты, говоритъ, что по чужимъ-то огородамъ шатаешься? У тебя, говоритъ, свой зеленый садъ стоитъ. Толкнись-ка, говоритъ, ты къ орламъ своимъ брадатымъ, сирѣчь, къ казакамъ яицкимъ: присугласи, говоритъ, ихъ къ себѣ, и ужъ черезъ нихъ, говоритъ, получишь ли, нѣтъ ли, что тебѣ слѣдуетъ. Они, говоритъ, орлы-воины, кремень-воины; я, говоритъ, знаю ихъ по ихъ сродственничкѣ, по Игнатъ-Некрасовѣ; всѣ, говоритъ, одной породы. Они, говоритъ, знаю, постоятъ за отечество..."

— И впрямь, кормилецъ,—вмѣшала разсказчика свое замѣчаніе,—какіе и воины-то были эти старые казаки, не нынѣшнимъ чета. Любо-дорого было смотрѣть на стараго казака. Разодѣнется, бывало, въ кармазинный зипунъ, въ широкія шаровары, въ шу пору парчевыя,—на голову нахлобучитъ высокую баранью шапку съ вострымъ бархатнымъ

верхомъ, за плечи закинетъ винтовку или-бо турку подъ серебряной насѣчкой и съ серебряными бляхами, въ руки возьметъ пику острую, древко ленточкой перевитое, къ боку прицѣпитъ кривую саблю турецкую въ серебряной оправѣ или-бо сайдакъ (лукъ) съ колчаномъ—и этимъ старые казаки рудовать умѣли,—да какъ сядетъ во всемъ убранствѣ на лошадь, такъ и раздуется: гора горой, копна-копной, ну, просто, богатырь старинный, примѣрно, Илья Муромецъ, или-бо Добрыня Никитичъ. А теперь что?—таранъ-таранью!

— Слышалъ, слышалъ, матушка!—перебилъ я хвалебную рѣчь монахини старымъ яицкимъ казакамъ.—О Петрѣ-то Ѳедоровичѣ ты мнѣ разсказывай!

— Прости, дитятко, заговорилась немного. Старинку-то, вишь, вспомнила, ну, и того... мысли-то и разгулялись. На чемъ, бишь, я остановилась? Дай Богъ память,—сказала монахиня.

— Турскій султанъ присовѣтовалъ ему идти на Яикъ,—подсказалъ я.

— Да, да, вспомнила,—сказала монахиня, и потомъ продолжала:

„И говоритъ султанъ турскій Петру Ѳедоровичу:—„Не мѣшкай, ступай къ яицкимъ казакамъ; объявись, говоритъ, имъ, кто ты есть, и обѣщай, говоритъ, царскимъ своимъ словомъ, пожаловать ихъ вашимъ крестомъ и бородой. Они, говорятъ, теперь въ загонѣ, претерпѣваютъ отъ графа Захаръ Григорьича Чернышева великую изневагу насчетъ вашего креста и бороды. А коли ты пожалуешь ихъ крестомъ да бородой, то, говоритъ, постоятъ же они за тебя, никому не дадутъ тебя въ обиду. Я, говоритъ, знаю яицкихъ казаковъ,—они, говоритъ, и ко мнѣ не прочь перейдти, есть когда въ отечествѣ станутъ обижать ихъ насчетъ креста и бороды, а у меня, самъ знаешь, казаки Игнатъ-Некрасова низкой изневаги насчетъ креста и бороды не претерпѣваютъ. Это, говоритъ, я говорю тебѣ изъ жалости одной: человѣкъ ты добрый, гонимый; а то, что, говоритъ, за охота отбивать мнѣ у самого себя доходъ: не нынѣ, завтра, знаю,

всѣ казаки, что ни есть въ Россійскомъ царствѣ, будутъ въ моемъ обладаніи, стоитъ только кличъ-кликнуть, Игнатъ Некрасовъ показалъ дорогу. Ступай, говоритъ, куда велю; не трать попапрасну время, и такъ, говоритъ, ни за что, ни про что пропало лѣтъ десять, какъ ты безъ мѣста".—Вотъ онъ и пришелъ на Яикъ, нашъ батюшка,—заговорила монахиня.

— Какой батюшка? Пугачъ-то?—спросилъ я.

— Какой Пугачъ, родимый? Не Пугачъ, а самъ Петръ Ѳедоровичъ! сказала монахиня такимъ тономъ простоты и увѣренности, что, казалось бы, и возражать не слѣдовало; но я все-таки возразилъ:

— Ахъ, матушка, какъ же и обманули васъ!—Вѣдь то былъ проходимецъ, простой казакъ съ Дона, Емельянъ Пугачевъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, дитятко!—говорила монахиня. -Это выдумали враги его, супротивники, питерскіе сенаторы и сенаторы, что сторону Катерины Алексѣвны держали. Они и Пугачемъ-то прозвали его и распустили въ міру славу о немъ. Онъ, видишь ли, воинъ былъ, пугалъ ихъ, такъ и прозвали его: Пугачъ, да Пугачъ! а онъ былъ на самомъ дѣлѣ Петръ Ѳедоровичъ.

— Есть когда-бъ онъ былъ не Петръ Ѳедоровичъ,—продолжала монахиня,—то-бъ не то и было, тогда бы и духу нашего не осталось на Яикѣ, даромъ что Яикъ-то нашъ, родной кровью заслуженный. Я тебѣ вотъ что разскажу, дитятко. Какъ только солучилась въ ту пору на Яикъ завороха, спрѣчь, какъ только объявился Петръ Ѳедоровичъ и наши казаки признали его за государя и увѣровали въ него,—то недѣли черезъ три и прискакалъ на Яикъ отъ Матушки-Царицы гонецъ, чтобы, знаешь, потушить, замять это дѣло, чтобы, знаешь, не дать огласки и въ Расеи, и въ иныхъ земляхъ. А наши казаки, знамо, не сами собой, а съ приказу Петра Ѳедоровича, наши казаки возьми да и приспокой этого гонца (при этихъ словахъ монахиня сдѣлала очень выразительный и вразумительный жестъ, какъ приспокоили гонца...) Видно такъ надо было, прибавила

она съ какой-то не то насмѣшливой, не то жалостливой ужимкой. —А какъ узнали въ Питерѣ объ этомъ гонцѣ, что приноскомъ, то всѣ эти Чернышевы, Орловы и взъѣлись на нашихъ казаковъ: „ихъ, говорятъ, это дѣло,—никто другой тутъ не виноватъ". Приступили къ царицѣ и даютъ ей такой совѣтъ, чтобы всѣхъ казаковъ на Яикѣ, даже до сущаго младенца, истребить, чтобы и званія нашего не было, чтобы и городъ нашъ съ землей сравнять, камня на камнѣ не оставить. Однако, мудрая Катерина Алексѣевна такому злому совѣту не стала: „Никогда, говоритъ, этого не будетъ! Вѣдь они спрѣчь, казаки-то наши, вѣдь они, говоритъ, не за мужика какого стоятъ, а за царское имя". Вотъ и выходитъ, что то былъ не Пугачъ какой, а все-таки онъ самъ, спрѣчь, императоръ Петръ Ѳедоровичъ.

— Опять вотъ что скажу тебѣ, дитятко,—говорила монахиня.—Какъ онъ впервые-то обозначился, въ ту пору многіе изъ нашихъ казаковъ признавали его въ лицо. Мой свекоръ, тогда-то, знимо, онъ не былъ свекромъ, а сталъ послѣ, родной мой свекоръ ѣхалъ изъ города въ Таницкіе хуторы, а навстрѣчу ему, на Бѣлыхъ-Горкахъ, попалась партія казаковъ съ харунками (знаменами). Напередъ всѣхъ, въ парчевомъ сдѣяньѣ, ѣхалъ мужчина, такой мужественный, такой величавый, вдно свекоръ мой испугался, остановился, сдернулъ шапку и поклонился.

— Чей ты?—спросила особа.

— Перстниковъ!—говоритъ свекоръ и опять поклонился.

— Какъ твоего отца зовутъ?

— Иваномъ!—говоритъ свекоръ.

— Помню, помню!—говоритъ особа.—Воротись, говоритъ, домой, и скажи своему отцу, чтобы сію минуту явился ко мнѣ и представилъ бы жалованный ковшъ, что я пожаловала ему въ Питерѣ, когда наслѣдникомъ былъ: онъ знаетъ.

И поскакалъ свекоръ мой, сломя голову, назадъ въ городъ и разсказалъ своему отцу: „Такъ-то и такъ, батюшка!" На ту пору отца свекора была лихомарка (лихорадка), сидѣлъ онъ запрячь въ телѣгу лошадь, а самъ

досталъ изъ сундука жалованный ковшъ, одѣлся по праздничному и поѣхалъ на Бѣлы-Горки, а на Горкахъ подѣланы уже были рели, словно, для качалокъ, а на реляхъ качались удавленники, человѣкъ съ семь: это были изъ нашихъ же казаковъ, кто не признавалъ Петра Ѳедоровича. А онъ не давалъ никому потачки, кто не вѣровалъ въ него — казакъ ли, баба ли, баринъ ли, барыня ли, все единственно,— всѣхъ, значитъ, смерти предавалъ. Отецъ моего свекора какъ взглянулъ на него, такъ съ перваго же раза и призналъ его, нашего батюшку, и повѣровалъ въ него. А призналъ его потому, что въ Питерѣ его видалъ, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ. И не одинъ отецъ свекора, а и иные многіе казаки, что въ Питерѣ съ царскимъ кусомъ ѣзжали, признавали его. А онъ и самъ многихъ признавалъ. Бывало, достанетъ изъ кармана бумагу и читаетъ: „въ такомъ-то году, вотъ тотъ-то пріѣзжалъ; того-то вотъ тѣмъ-то, а того-то вотъ тѣмъ-то дарилъ". И все выходила правда. Значитъ, и былъ онъ настоящій царь...

— И съ той самой поры пошелъ трусъ мятежъ по всему нашему войску!—продолжала монахиня.—Чего, чего, кормилецъ, не было: и давили, и топили, и разстрѣливали— ужасти Господни!.. Ночью, бывало, по улицамъ не ходи. Безпечь окликаютъ: „Кто идетъ?"—Скажешь: „Казакъ!"— Спросятъ: „Чьей стороны?"—Ну, и не знаешь, какъ сказать, не знаешь, съ какой стороны спрашиваютъ. Одно было спасенье: „Калмыкъ!" скажешь, и лучше. Ихъ, чтой-то, не трогали. Мы, кормилецъ, жили въ самыхъ куреняхъ, близь самой, выходитъ, крѣпости, и я наслышалась страстей-ужастей вдоволь, идно и дошесь мерещится.—Безпечь на приступъ ходили, подкопы вели, изъ пушекъ, изъ пищалей безъ умолку палили, идно мать-сыра-земля стонала, а съ крѣпости смолой, варомъ обливали! Сколько народу погибло—страсти Господни!.. Я, чаю, съ зачатка нашего города не бывало такого кровопролитія. Моего родного дядю, по матери, и съ сыномъ, Кораблевы прозывались,— на приступѣ убили. А въ полѣ-то, бывало, съѣдутся, то же

самое. Примѣрно, сторону царицы держитъ отецъ, а сторону царя — сынъ. Лошади подъ обими семьянины. Какъ съѣдутся, лошади то и заржутъ, — знамо, спознаютъ другъ дружку. Но лошадямъ и воины-то спознаютъ другъ друга. Отецъ, бывало, кричитъ сыну: „Эй, сынокъ! иди на нашу сторону! Не то убью!“ А сынъ отцу въ отвѣтъ: „Эй, батюшка! иди на нашу сторону! Не то убью!“ А тутъ подскачетъ какой-нибудь полковникъ, да и гаркнетъ: „Въ поотъ съѣзжаться— родней не считаться!— Бей! И хватитъ, выстрѣлитъ кто-нибудь изъ пищали, иль-бо отецъ въ сына, иль-бо сынъ въ отца!.. Таковое-то было кровопролитіе за грѣхи наши.— Монахиня замолчала и перекрестилась. Немного погодя, я спросилъ:

— А знавала ли ты, матушка, Устинью, жену Пугачева?

— Устинью-то Петровну? — отвѣчала монахиня. — Какъ не знать? — щиброво дѣло, всего только черезъ два дома другъ отъ дружки жили.

— Какъ же этакое дѣло случилось, что Пугачъ на ней женился? Самъ что ли онъ захотѣлъ или присовѣтовалъ кто?

— Не знаю, какъ сказать тебѣ, кормилецъ, чтобы не солгать на старости лѣтъ, — сказала монахиня. — Въ ту пору мое дѣло было дѣтское, а послѣ, какъ подросла, слышала на дѣвъ: одни говорили, что Петръ Федоровичъ самъ захотѣлъ, другіе говорили, что графы да сенаторы ему присовѣтовали...

— Какіе графы, сенаторы?—спросилъ я.

Монахиня улыбнулась и отвѣчала:

— Да все воины наши — всѣ эти Орловы, Чернышевы и иные прочіе. Вѣдь у него цѣлая свита была набрана изъ какихъ-то казаковъ: кто графомъ Орловымъ звался, кто Чернышевымъ, кто другимъ какимъ генераломъ, сенаторомъ, что въ Петербургѣ при Екатеринѣ Алексѣевнѣ состояли. Ну, съ лентами черезъ плечо щеголяли, прости Господи, и грѣхъ, и смѣхъ...

Монахиня опять улыбнулась. Немного погодя, она продолжала:

— Сидитъ это онъ, Петръ-то Ѳедоровичъ, подъ окномъ и смотритъ на улицу, а Устинья Петровна на ту пору бѣжитъ черезъ улицу, въ одной фуфаечкѣ, да въ кисейной рубашечкѣ, рукава засучены по локти, а руки въ красной краскѣ. Она, видишь ли, занималась рукодѣльемъ, шерсть красила, да кушачки ткала, такая мастерица была. Увидалъ ее Петръ Ѳедоровичъ,—а она была красоты неописанной,—увидалъ ее и влюбился; спрашиваетъ своихъ сенаторовъ:

— Чья эта дѣвица?

— Дочь казака Кузнецова! говорятъ сенаторы.

— Сію-жъ минуту, говоритъ, ведите меня въ домъ къ казаку Кузнецову.

„И пошли въ домъ къ Кузнецовымъ. Посмотрѣлъ Петръ Ѳедоровичъ на Устинью Петровну пристально, а она вышла къ нему обряжена какъ слѣдуетъ, въ азарбатномъ сарафанѣ, въ жемчужной подпоясѣ, съ монистами и жемчугами на шеѣ, въ черевичкахъ, золотомъ расшитыхъ,—какъ слѣдуетъ дѣвицѣ хорошаго отца-матери. Посмотрѣлъ на нее Петръ Ѳедорвичъ, и пуще прежняго полюбилась она ему,—больно ужъ красотой взяла.

— Хочу, говоритъ на ней жениться.

А сенаторы будто бы ему въ отвѣтъ:

— Нельзя дѣлу этому статься.

— Какъ такъ!—спрашиваетъ Петръ Ѳедоровичъ.

А сенаторы будто бы ему въ отвѣтъ:

— Мы, чай, не басурманы: отъ живой жены жениться законъ воспрещаетъ.

— А я вамъ скажу: законъ не воспрещаетъ!—говоритъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Какъ такъ?—Это ужъ сенаторы-то будто спрашиваютъ его.

— А вотъ какъ! говоритъ онъ. Съ женой моей я разошелся давно,—больше десяти годовъ, говоритъ, живемъ мы съ ней порознь, а законъ разрѣшаетъ послѣ развода же-

нится черезъ семь лѣтъ. Теперича возьмите въ толкъ вотъ еще что, — говоритъ Петръ Ѳедоровичъ: — вѣдь цари-то, не какъ простые люди, цари не связаны никакимъ закономъ, цари сами законъ когда захотятъ, тогда и женятся, на комъ хотятъ, на томъ и женятся. Кто имъ смѣетъ указывать?

— Вотъ такими-то словами будто бы и урезонилъ Петръ Ѳедоровичъ своихъ генераловъ и сенаторовъ, сказала монахиня, — и женился на Устиньѣ Петровнѣ. А другіе говорили иное, — присовокупила, немного погодя, монахиня; — другіе говорили, будто Петръ Ѳедоровичъ не самъ собой женился, а графы да сенаторы присовѣтовали, сбили его съ пути истиннаго. Ему, видишь ли, хотѣлось имѣть ее, сирѣчь Устинью Петровну, прости Господи за слово! хотѣлось имѣть ее полюбовницей. А сенаторы-то и стали противъ него, особенно, говорятъ, Мишка Толкачевъ. Правду надо сказать, Мишка первый ходокъ былъ у Петра Ѳедоровича по такимъ дѣламъ. Однако, какъ коснулось дѣло по сродственницы—онъ сродни былъ Кушецовымъ — такъ запѣлъ другое. Но его, говорятъ, совѣту, сенаторы наши приступили къ Петру Ѳедоровичу и говорятъ: — „безчестно отецкой дочери быть наложницей. Не подобаетъ и царской особѣ пребывать въ грѣхѣ... А есть когда угодно твоей царской милости, чтобъ отецкая дочь была твоей, то, говорятъ, сочетайся съ ней законнымъ бракомъ". А онъ имъ въ отвѣтъ: — „Нельзя этому дѣлу статься: сами знаете, у меня жена жива". А они ему говорятъ: „Какая у тебя жена? Та, что ли, что въ Питерѣ-то живетъ и мудритъ? Что она тебѣ за жена? Не жена она, а супротивница!.. Что тутъ много толковать,—говорятъ сенаторы: есть когда Устинья Петровна тебѣ полюбилась, — женись да и баста!— А на ту нечего смотрѣть; немного она нацаритъ. Ты только нелѣнись на насъ. Грудью за тебя постоимъ, жизни не пожалѣемъ! Всею арміею съ тобой пройдемъ, Москву возьмемъ, Питеръ возьмемъ, и самое ее плѣнимъ!"

— Такими-то побудами, — продолжала монахиня, — графы, сенаторы и соблазнили Петра Ѳедоровича, на грѣхъ навели и этимъ самымъ дѣломъ, сирѣчь женитьбой-то Петра

Ѳедоровича на Устиньѣ Петровнѣ, всю кашу испортили. Какъ узнали въ міру про женитьбу Петра Ѳедоровича, такъ народъ-то усумнился и весь отшатнулся отъ него, а то бы, глядишь, не то и было... Армія, что изъ Москвы на него шла, вся армія, касатикъ, хотѣла преклонить предъ нимъ знамена и покориться ему, какъ законному своему императору. А какъ узнали, что онъ отъ живой жены женился, такъ и захлестнуло.—„Пугачъ, а не царь"! сказали солдаты, и командиры ихніе и съ той поры стали супротивъ него.

„Узнала объ этомъ и Катерина Алексѣвна и крѣпко разобидѣлась, матушка".—„Есть когда онъ такъ поступилъ, сказала Государыня,—то и я поступлю съ нимъ по свойски!—Поѣзжай, говоритъ она князю Голицыну, поѣзжай на Яикъ и безпремѣнно разбей его, грѣховодника! Живого или мертваго, все единственно,—говоритъ,—представь его ко мнѣ; будетъ, говоритъ, ему прокуратить и міръ мутить; пора, говоритъ, положить предѣлъ его затѣямъ, имъ же нѣсть конца!..."

— И князь Голицынъ разбилъ его у Татищевой, какъ приказывала государыня,—сказала монахиня такимъ тономъ, который ясно выражалъ сочувствіе разсказчицы къ неудачѣ Пугачева.—А дотолева всѣ командиры и генералы потрафляли Петру Ѳедоровичу, мало съ нимъ стражались, а коли и стражались, то не охотно, касатикъ: знамо, и сами опасались, —дѣло было закрыто: почемъ знать— чья бы взяла? Есть когда бы не женитьба, не то бы и было. Такъ старики говорили. Отъ Татищевой онъ бѣжалъ на Волгу,—продолжала монахиня, — но нигдѣ большой удачи не имѣлъ, по той самой причинѣ, что міръ-то въ немъ усумнился, да и казаки наши всѣ почесть отъ него отшатнулись; самая малость при немъ осталась. Отъ Волги онъ опять бросился было къ Яику, да дальше Узеней оттуда, голубчикъ, не пошелъ. Сами же казаки, что при немъ оставались, привезли его съ Узеней въ городъ и сдали командирамъ, а командиры, знамо

дѣло, представили его въ Питеръ къ государынѣ. Тамъ, значитъ, и кончилъ онъ дни свои въ мирѣ и тишинѣ.

„Монахиня перекрестилась.

— Какъ въ мирѣ и тишинѣ?—перебилъ я.—Его, какъ буяна, душегубца, казнили!..

Монахиня улыбнулась.

— Казнить-то казнили, дитятко,—сказала она, —да не его, а другого, подставного какого-то человѣка, такого, видишь ли, подыскали колодника, кой согласился умереть за него за деньги. Деньги-то, знамо, пошли дѣтямъ его, этого колодника...

— Какъ такъ? Не можетъ быть! — возразилъ я.

— Такъ, такъ, касатикъ! Ты ужъ лучше не спорь, всякъ тебѣ то же скажетъ, — сказала монахиня. —А есть когда хочешь знать это до всей тонкости, то поѣзжай на Свистунь и отыщи тамъ кого-нибудь изъ старожиловъ изъ Кузнецова дома: они лучше дѣло это знаютъ, потому семья ихъ тутъ замѣшалась.

— Да, кстати, матушка, скажи-ка: что сталось съ Устиньей? — спросилъ я, когда рѣчь снова зашла о Кузнецовыхъ.

— Устинья Петровна и двѣ сестры Толкачевы, обѣ дѣвушки, что во фрейлинахъ при ней состояли, взяты въ Питеръ, касатикъ — отвѣчала монахиня. — Царица призывала ихъ къ себѣ, смотрѣла одѣянья на нихъ и похвалила: „прилично-де, и красиво". Только Устиньѣ Петровнѣ сдѣлала слегка выговоръ за башмаки, что золотомъ были вышиты: „Не подобаетъ, Устинья Петровна, украшать башмаки золотомъ, — сказала царица, — я вотъ законная царица, да и то башмаки у меня безъ золота: золото идетъ только на украшеніе святыхъ иконъ, а на башмакахъ ему не слѣдуетъ быть". Послѣ того фрейлинъ Толкачевыхъ обдарила государыня и отпустила на Яикъ, а Устинью Петровну оставила

при себѣ въ Питерѣ, а на Яикъ не отпустила. Тамъ въ Питерѣ-то, значитъ, Устинья Петровна и жизнь свою кончила.

— Несчастная!—невольно сорвалось у меня съ языка.—Пропала ни за что!

— Ахъ, что ты говоришь, дитятко! — возразила монахиня.—Что она за несчастная! Развѣ, что умерла не на своей сторонѣ, а то, что за несчастная? Дай Богъ всякому такого несчастія. Матушка царица приспособила ее въ какомъ-то хорошемъ монастырѣ, гдѣ Устинья Петровна и прожила во всякомъ изобиліи и удовольствіи. И сынка-то ея матушка-царица осчастливила...

— Какого сына?—спросилъ я.

— Какого?—въ свою очередь, спросила меня монахиня, видимо озадаченная моимъ невѣдѣніемъ.—Неужто ты не знаешь? Вѣдь Устинья Петровна осталась беременна отъ Петра Ѳедоровича; жимши въ Питерѣ, она и родила сына. Вотъ этого-то самаго сына матушка-царица и воспитала, какъ подобаетъ, за царскаго сына; а какъ дошелъ онъ до отроческихъ-то лѣтъ, взяла да и подарила его какому-то бездѣтному королю иной земли, чтобы престолъ его наслѣдовать. Развѣ это плохо?—замѣтила монахиня.

— Коли плохо!—сказалъ я, улыбаясь.—Только правда-ли?

— Еще бы неправда! -сказала монахиня.—Есть когда міръ болталъ, то и я болтаю. Только какъ же, касатикъ, всему міру-то болтать,—прибавила она: „гласъ народа—гласъ Божій". Еще вотъ что не забудь, касатикъ: есть когда-бъ все это болтовня была, то посуди: отчего Мартемьянъ Михайлычъ не узрилъ родину, а пропалъ въ Питерѣ; въ одночасъ, говорятъ, умеръ, а може и не умеръ, може, и въ темницѣ весь вѣкъ томился...

Тутъ рѣчь зашла у насъ съ монахиней о казацкомъ старшинѣ Мартемьянѣ Михайловичѣ Бородинѣ, судьба котораго, по народной молвѣ или по народному преданію, тѣсно связана съ судьбой Пугачева. Для этого въ концѣ статьи я по-

свящу особую главу, гдѣ сведу всѣ, хотя въ частностяхъ и разнорѣчивыя, но въ общемъ содержаніи сходящіяся преданія о Бородинѣ, а теперь послушаемъ Ивана Михайловича, сына Михаила Михайловича Бакирова, о которомъ упомянуто во вступительной главѣ.

III.

Разсказъ Ивана Михайловича Бакирова.

— Еслибъ живъ былъ родитель мой — царство ему небесное—вотъ онъ бы разсказалъ тебѣ объ немъ не такъ какъ я,—такъ началъ рѣчь свою Иванъ Михайловичъ Бакировъ, когда я заговорилъ съ нимъ о Пугачевѣ.—Бывало, заведетъ это онъ рѣчь объ немъ, говоритъ, говоритъ, что твои гусли; слушаешь, слушаешь, а все слушать хочется: такая ужъ суесвятція любопытная! Да ты, чай, и самъ кое-что слыхалъ и помнишь отъ родителя моего, когда есауломъ былъ у насъ,—прибавилъ Бакировъ.—Вѣдь помню: бывало, вернется родитель домой поздно вечеромъ, спросишь: „Гдѣ былъ, батюшка?"—„У есаула!" скажетъ.—„Что такъ долго?" спросишь. —„Да что, долго!" скажетъ, „все о Петрѣ Ѳедоровичѣ спорили". Чай, помнишь? — спросилъ меня Иванъ Михайловичъ.

— Помню, что споры-то мы вели,—сказалъ я.—Помню, Михайла Михайловича — царство ему небесное! Михайла Михайловичъ, бывало, говоритъ, что Пугачъ былъ не Пугачъ; а я бывало говорю, знаешь, по книжкѣ, что Пугачъ былъ настоящій Пугачъ, т. е. бѣглый съ Дона казакъ, это-то помню. А вотъ главнаго-то не помню. Не помню, примѣрно, что Михайла Михайловичъ говорилъ мнѣ о пруцкомъ королѣ, о турскомъ салтанѣ, о корабельной пристанѣ, о заморской прынцесѣ...

— О какой заморской принцессѣ?—перебилъ меня старикъ-собесѣдникъ, внимательно слѣдившій за каждымъ моимъ словомъ.

— А о той, что на корабельной-то пристани съ нимъ гуляла, — сказалъ я, и тутъ же прибавилъ нѣсколько подробностей, слышанныхъ мною отъ монахини Августы.

Иванъ Михайловичъ нѣсколько разъ отрицательно покачалъ головой, потомъ заговорилъ:

— Кто ни на есть другой тебѣ напуталъ, а не родитель мой, иль-бо самъ ты запамятовалъ, а я отъ родителя моего ни слова не слыхалъ ни о какой заморской принцессѣ. Правда, всему міру, чай, извѣстно, гулялъ онъ на корабельной пристани, да только не съ заморской принцессой, а съ россійской дворянкой, дѣвицей, прозваньемъ, какъ бы не солгать, Воронцовой. Она была шпирекая, дочь какого-то сенатора ли, графа ли, князя ли — хорошенько не умѣю сказать, а только, за вѣрное знаю, наша была, то-есть расейская, а не иностранная какая принцесса иль-бо маркграфиня..

Имя Воронцовой, слышанное мною въ первый разъ изъ устъ простого старика, яицкаго казака, признаюсь, нѣсколько удивило меня, и я, разумѣется, тотчасъ же пожелалъ узнать, почему Ивану Михайловичу извѣстна эта статья.

— Почему же знали здѣсь, на Яикѣ, про Воронцову?— спросилъ я.

— Какъ почемъ? — отвѣчалъ старикъ.—Вѣдь онъ подъ рассудокъ руку всю не одноглупую о себѣ разсказывалъ своимъ приближеннымъ и напереникамъ.

— Да онъ могъ врать!—замѣтилъ я.

— Зачѣмъ ему было врать? — возразилъ старикъ-собесѣдникъ. — Да хоча бы онъ и не говорилъ ничего, такъ и безъ того-бы эти слухи здѣсь знали. Вѣдь отъ насъ, самъ, чай, знаешь, изъ-конь-вѣку, лучшій годъ раза по три, по четыре, ходили казаки въ Москву и въ Питеръ съ царскимъ гусомъ. Такъ какъ же не знать, что тамъ дѣется? шила въ мѣшкѣ, батенька, не утаишь...

Затѣмъ разсказъ старика, въ главномъ содержаніи, одинаковъ съ разсказомъ монахини, но съ нѣкоторыми подробностями и варьяціями, которыхъ монахиня, какъ женщина и какъ монахиня, не могла передавать. Въ этомъ случаѣ и я послѣдую примѣру монахини, не стану утомлять читателя лишними подробностями. Минуя эти подробности, мы, т. е. авторъ и читатель, ничего не теряемъ. Главный мотивъ сказки, пѣсни (какъ хотите, такъ и назовите) одинъ и тотъ же, то есть, что у него съ нею вышло несугласье, и потому онъ въ сторону, а она въ другую... И довольно. Начнемъ съ корабельной пристани.

— До кого ни коснись, болячка эта очень больна,— говорилъ Иванъ Михайловичъ.—Какъ донесли шпіоны матушкѣ царицѣ, что онъ прохлаждается на корабельной пристани съ своей возлюбленной, то-есь, съ Воронцовой, она, царица-то, не стерпѣла и сама туда побѣжала. Пришла къ нему и говоритъ: „—Не будетъ ли гулять? Не пора ли домой?"—А онъ ей говоритъ:„—Давно ли яйца стали курицу учить? Пошла домой, покуда цѣла!"—Она было еще запнулась что-то сказать, да онъ не далъ: затопалъ ногами, зацыкалъ на нее, -она и убѣжала домой... Пришедши домой, созвала къ себѣ Орловыхъ, Чернышевыхъ и другихъ, кто ея руку тянулъ,—подняла изъ церкви образа, отслужила Господу Богу молебенъ, присугласнла полковъ пять гвардіи, привела ихъ къ присягѣ, да и надѣла на себя царскую корону и сдѣлалась императрицей, повелительницей всей имперіи, замѣсть Петра Ѳедоровича.—А на корабельную пристань послала строжайшій именной указъ ко всѣмъ корабельщикамъ, чтобы они отнюдь его къ себѣ не принимали.—А онъ, вишь ли, хотѣлъ съ Воронцовой-то бѣжать на кораблѣ въ иную землю, знамо, къ пріятелю своему, прусскому королю,—вѣдь закадычные друзья были,—да не могъ бѣжать,—ни одинъ корабельщикъ не взялъ на корабль,—всѣ застращены были. Царица-то въ указѣ писала: „Кто, де, осмѣлится это сдѣлать,—велю, де, того догнать и злой смерти предать!" Такъ онъ и остался на нашемъ

берегу, словно соколъ съ подрѣзанными крыльями... А около дворца государыня караулы разставила, чтобы и близко не подпускали его, велѣла стволами бить, есть когда будетъ силиться... На другой день, подъ вечерокъ, онъ и взаправду принесъ было къ ней, да караулы не дремали, не допустили его,—едва-едва и самъ-то ноги унесъ...

Затѣмъ старикъ разсказалъ сцену съ часовымъ, почти слово-въ-слово, какъ монахиня говорила; а потомъ продолжалъ:

Онъ не смотритъ на часового, силится во дворецъ, а часовой отводитъ его стволомъ, однако не смѣетъ ни бить, ни колоть... Напослѣдокъ часовой крикнулъ: „Караулъ вонъ!“

Съ абвахты, что у воротъ была, и высыпалъ караулъ, и сталъ подъ ружье.—Петръ Ѳедоровичъ подходитъ къ караулу и спрашиваетъ:

— Признаете ли вы меня?

Караульный офицеръ говоритъ:

— Нѣтъ, не признаемъ! Въ первый разъ и видимъ тебя.

— Я вашъ императоръ!—говоритъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Нѣтъ у насъ императора: у насъ императрица!—говоритъ караульный офицеръ.

— Императрица! —кричитъ Петръ Ѳедоровичъ. „Знаю, есть у насъ императрица. Да я-то императоръ! Мужъ вашей императрицы!“...

Но офицеръ такъ и не пустилъ его.

Ничего не подѣлаешь,—замѣтилъ разсказчикъ: Петръ Ѳедоровичъ долженъ былъ уйти. А она, царица-то, открыла въ палатахъ сверху окно, высунулась оттуда, засмѣялась, да и крикнула ему взадъ-то:

— Что взялъ? Ступай теперича, говоритъ, къ своей возлюбленной, а я, говоритъ, и безъ тебя проживу: на свѣтѣ не безъ добрыхъ людей... Кто да нибудь и научитъ уму-разуму, какъ царствомъ владать. Не я, говоритъ, первая, не я, говоритъ, послѣдняя изъ женска пола царствовать буду.

Остановился онъ, прослезился, съ досады, значитъ, сжалъ кулакъ, погрозилъ ей въ окно да и сказалъ:

— Ну, добро же, голубушка: будетъ и на моей улицѣ праздникъ. Солью тебѣ я кресть, да и вызолочу.—На свѣтѣ не безъ добрыхъ людей: кто да нибудь и поможетъ мнѣ подобрать тебя къ рукамъ. Смотри, крѣпись тогда!

— Ступай, ступай!—говоритъ она, и захлопнула окно.

Постоялъ, постоялъ онъ подъ окномъ, ничего не выстоялъ. Ушелъ.

Спервоначала бросился было онъ на корабельную пристань, а и тамъ получилъ то же, что и во дворцѣ: знаешь, именнымъ указомъ царица застращала корабельщиковъ. Куда дѣваться? Никуда больше, какъ идти переночевать въ загородный дворецъ,—тамъ еще этого дѣла не знали,—и удалился онъ въ загородный дворецъ. На другой день, помня присяжную должность, къ нему пристали полки ли, два-ли гвардіи, вѣрнаго не умѣю сказать, да и самъ-то онъ, родитель мнѣ говорилъ, и самъ-то онъ вѣрнаго не зналъ, до того ли было ему; только малость какая-то пристала къ нему. Съ этими полками онъ и хотѣлъ супротивляться царицѣ, однако сила ея силу его преодолѣла. Она со всей гвардіей и со всей артилеріей,—а у него ни одной пушченки не было—выступила супротивъ него, словно Бобылиха супротивъ турокъ; учинила съ нимъ за городомъ сраженіе и побѣдила—ловка была!—а самого его въ полонъ взяла, словно турка, и въ томъ же самомъ загородномъ дворцѣ подъ караулъ посадила. Какова? Нечего сказать, ловка! Посадивши его подъ караулъ, велѣла отпускать ему по царскому окладу жалованье, а воли ни на одинъ шагъ не давать, то-есь, никуда за порогъ дворца не выпускать его, и къ нему никого не допускать, кромѣ этихъ троихъ прислужниковъ, да караульнаго офицера. И тутъ же, при всѣхъ сенаторахъ, при всемъ духовномъ чинѣ, обязала его подпиской, то-есь, взяла съ него по формѣ запись въ такой силѣ, чтобы ему въ царство не вмѣщаться, а быть бы вѣкъ-по-вѣки отставнымъ царемъ, а цар-

ствовать ей одной. Волей-неволей онъ и покорился и далъ за своей рукой такую запись.

— Въ ту пору, какъ онъ содержался въ заключеніи,— продолжалъ разсказчикъ,—близкіе-то къ государынѣ сенаторы и графы, эти Орловы и Чернышевы и иные прочіе ненавистники Петра Ѳедоровича, разными обиняками совѣтовали государынѣ, какъ ни-на-есть извести его, чтобы, знаешь, не вышло чего послѣ,—чтобы не было, знаешь, какой придирки отъ иныхъ царей и королей, его сродниковъ, особенно опасались прусскаго короля Фридрика—вѣдь пріятель былъ нашему-то, то-есть, Петру Ѳедоровичу-то. Однако государыня, отдать ей справедливость, не поддалась, не согласилась. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, согласиться на такое беззаконіе? — прибавилъ разсказчикъ: вѣдь какой ни-на-есть, а все-таки онъ мужъ, а все-таки онъ царь, помазанникъ Божій—дѣло великое! Да и царевичъ Павелъ Петровичъ, былъ уже на возрастѣ... Поэтому самому она и берегла его, крѣпко сторожила, чтобы не вышло какой пакости отъ Орловыхъ...

— И просидѣлъ онъ въ заточеньи не мало не много, ровно семь годочковъ,—продолжалъ Иванъ Михайловичъ.— Хоша онъ содержался и не въ настоящей тюрьмѣ, въ какихъ содержутся колодники, а въ палатахъ, и ни въ чемъ не имѣлъ недостатку, примѣрно, ни въ питьяхъ, ни въ ѣствахъ, ни въ другомъ въ чемъ, всего было вдоволь, однако не сладко же ему было сидѣть. Первое—царства лишился; второе—свободы не имѣлъ... Не мимо, видно, говорится: „крѣпка тюрьма, да чортъ ли въ ней". На восьмомъ году уже вырвался изъ заточенія и узрѣлъ свѣтъ Божій.

— Какъ же онъ вырвался?—спросилъ я.

— Добрые люди помогли, — отвѣчалъ разсказчикъ. — Вѣдь и у него были кой-кто доброжелатели, — продолжалъ старикъ. - Вотъ они-то и выручили его изъ заточенія. Опоили ли чѣмъ сторожей, или подкупили казной—вѣрнаго не умѣю сказать, а только одно знаю: добрые люди выручили его.

— Выдравшись на волю, онъ и бѣжалъ прямо къ прусскому королю, Фридрику, да ничего отъ него не получилъ,— говорилъ старикъ. „Есть когда не далъ бы ты запись, я-бъ безпремѣнно за тебя вступился, говоритъ Фридрикъ Петру Ѳедоровичу: вѣдь все-таки, говоритъ, ты мнѣ приходишься сродни маленечко. А теперича, хошь гнѣвайся, хошь нѣтъ, твоя воля, ничего не могу въ удовольствіе твое сдѣлать, самъ, чай, знаешь. Вотъ она, бумага-то печатованная, говоритъ Фридрикъ, ничего супротивъ нея не подѣлаешь. Нѣтъ, нѣтъ, товарищъ! Она (то-есь Катерина Алексѣевна, пояснилъ разсказчикъ), она, батенька, не въ примѣръ умнѣе насъ съ тобой, даромъ что женщина: на кривой лошади не объѣдешь. Взямши отъ тебя таковую запись, чтобы тебѣ не вступаться въ царство, она, говоритъ Фридрикъ, тотъ же день велѣла напечатовать ее, да и разослала по всѣмъ царямъ и королямъ, чтобы всякъ вѣдалъ, а ко мнѣ, говоритъ, прислала двѣ, мало, видно, одной-то, вотъ возьми, читай! Пожалуйста говоритъ Фридрикъ, не проси меня: ничего не могу сдѣлать, самъ знаешь наши уставы: коль-скоро кто изъ владыкъ земныхъ отказется отъ царства и дастъ въ томъ на себя запись, тотъ вѣкъ-по-вѣки долженъ оставаться безъ царства, по той самой причинѣ, что царское слово свято, во вѣки вѣковъ нерушимо, не нами узаконено. Есть когда, къ примѣру, я за тебя вступлюсь, говоритъ Фридрикъ, то на меня вся Европія з а н і я е т ъ, а одному супротивъ всѣхъ идти нельзя. Совѣтую идти къ турку, говоритъ Фридрикъ: онъ орда, нехристь, для него законъ не писанъ; може, онъ не посмотритъ на твою запись, да едва ли и есть она у него; а я, говоритъ, секретнымъ манеромъ, сколько смогу, буду вспомоществовать тебѣ и деньгами, и инымъ чѣмъ, въ чемъ нужда будетъ а арміи, говоритъ, дать не могу“.

— Вотъ такими-то словами и улещалъ Фридрикъ Петра Ѳедоровича, продолжалъ разсказчикъ.—А на самомъ-то дѣлѣ, толковать ли!—его не запись страшила, а страшила сама матушка Катерина Алексѣевна. Вѣдь она, хоша и женскаго пола, а всѣхъ королей побивала: умна больно была.

Затѣмъ слѣдовалъ разсказъ на ту же тему, на которую говорила и монахиня Августа, то есть,—что турскій салтанъ присовѣтовалъ ему толкнуться къ яицкимъ казакамъ. „Ужъ поддержутъ ли, нѣтъ ли они тебя, а на другихъ ни на кого не надѣйся: супротивъ, де, яицкихъ казаковъ нѣтъ воиновъ ни къ Расеи, ни въ иныхъ земляхъ",—такой совѣтъ давалъ салтанъ турскій.

— Такимъ манеромъ,—говорилъ Иванъ Михайловичъ,— онъ, Петръ Ѳедоровичъ-то, и объявился у насъ, въ Яикѣ городу въ семьдесять первомъ году...

— Не въ семьдесятъ первомъ, а въ семьдесятъ третьемъ году,— поправилъ я разсказчика.

— Какъ въ семьдесятъ третьемъ? — спросилъ Иванъ Михайловичъ. — По нашимъ сказкамъ, онъ появился въ семьдесятъ первомъ.

— Ошибаетесь вы всѣ, Иванъ Михайловичъ, — сказалъ я. — Въ чемъ другомъ — не спорю — вы, можетъ быть, и больше нашего знаете, — а ужъ насчетъ года не споръ, Иванъ Михайловичъ. — Вѣрно: въ семьдесятъ третьемъ.

— Какъ же такъ? — говорилъ съ недоумѣніемъ старикъ. — Вѣдь насчетъ него и пѣсня есть.

И не дожидаясь моей просьбы, Иванъ Михайловичъ тотчасъ же запѣлъ:

Того мѣсяца сентября
Двадцать пятаго числа
Въ семьдесятъ первымъ году
Во Яикѣ-городу
Приходили къ намъ скоры вѣсти:
Не бывать намъ на мѣстѣ.
Яицкіе казаки
Бунтовщики были, дураки.
Не маленькая была ихъ часть
Задумали въ единъ часъ:
Генерала они убили,
Въ томъ не мало ихъ судили:
Государыня простила—

Жить по старому пустила.
Они, сердце свое разъяря,
Пошли искать царя.
Они полгода страдали
И царя себѣ искали.
Нашли себѣ царя—
Донского казака.
Донского казака—
Емельяна Пугача!
Онъ ко Гурьеву подходилъ,
Ничего не учинилъ.
Отъ Гурьева возвратился,
Съ своей силой скопился.
Къ Яику подходилъ,
Изъ пушечекъ палилъ.
Отъ Яицкаго городка
Протекла кровью рѣка.
Онъ къ Илецку подходилъ,
Изъ пушечекъ палилъ.
Илецкіе казаки—
Измѣнщики-дураки—
Безъ бою, безъ драки
Предались вору-собакѣ.
Въ Татищевой побывалъ,
Всю антилерію забиралъ.
Антилерію забиралъ,
Разсыпну крѣпость разбивалъ.
Изъ крѣпости Озерной,
На подмогу Разсыпной,
. . . . . .
. . . . . .
Въ крѣпости Разсыпной
Былъ инералкъ молодой.
Инералъ Лопухинъ былъ смѣлъ,
На коня онъ скоро сѣлъ.
На коня онъ скоро сѣлъ,
По корпусу разъѣзжалъ.
По корпусу разъѣзжалъ,
Всѣмъ солдатамъ подтверждалъ:
— „Ой, вы, той еси, ребята,
Осударевы солдаты!
Вы стрѣляйте, не робѣйте,
Свинцу-пороху не жалѣйте.

Когда мы вора поймамъ,
Хвалу себѣ получимъ...
. . . . . .
. . . . . .

— Дальше запамятовалъ, — сказалъ Иванъ Михайловичъ, кончивъ пѣніе. — Да и съ молоду-то я не очень любилъ пѣть ее: — солдатска она!.. Солдаты же, чтобъ ихъ отрало — прибавилъ разсказчикъ, — солдаты же, знамо, и пришлели тутъ

„Донского казака—
Емельяна Пугача!“

— А по нашему, — продолжалъ старикъ, — по нашему, онъ былъ не Пугачъ, а настоящій Петръ Ѳедоровичъ!

— Ладно, ладно! — сказалъ я. — А насчетъ года-то все-таки ошибка. Слушай, Иванъ Михайловичъ, вѣдь очень легко, вмѣсто:

„Въ семьдесятъ первомъ году,
Во Яикѣ городу“...

Спѣть:

„Въ семьдесятъ третьемъ году,
Во Яикѣ городу“...

— Видишь, все выходитъ складно, — продолжалъ я.— Еще есть о чемъ спрошу тебя, Иванъ Михайловичъ: въ пѣснѣ говорится, что генерала убили; какого генерала, знаешь ли?

— Какъ не знать? Трюмбера! — отвѣчалъ старикъ.

— Вотъ и выходитъ, что не въ семьдесятъ первомъ, а въ семьдесятъ третьемъ году, — сказалъ я. — По бумагамъ значится, что генералъ Трюмбера *), убили въ семьдесятъ второмъ году. А Пугачъ-то ужъ послѣ появился.

— Пожалуй, не будемъ на счетъ этого спорить, — сказалъ Иванъ Михайловичъ. — Теперь, хоть что мнѣ при-

*) Фонъ-Траубенберга.

нью на умъ: ты говоришь, онъ объявился въ семьдесятъ третьемъ году. Это, пожалуй, и такъ, — это, пожалуй, говорится про то самое время, какъ онъ объявился у нашихъ казаковъ, — а вѣдь онъ, допрежь того года за полтора иль-бо за два, объявился на Волгѣ...

— Какъ на Волгѣ? — почти вскрикнулъ я и удивился рѣшительно не знавъ въ то время о самозванцѣ Богомоловѣ *). Старикъ самодовольно улыбнулся и сказалъ:

— То-то же! Вы все толкуете: „Пугачъ", да „Пугачъ", а не знаете, гдѣ онъ спервоначала и объявлялся-то. Этого, видно, въ вашихъ книгахъ не написано, — прибавилъ разсказчикъ и саркастически улыбнулся. Потомъ, немного погодя, старикъ продолжалъ:

— Пробираясь, по совѣту турскаго салтана, къ нашимъ казакамъ, Петръ Ѳедоровичъ погорюнился, взялъ, да и объявился на Волгѣ въ Царицынѣ, — понадѣялся, значитъ, на народъ, да на Волжскихъ казаковъ. Народъ хоша и признавалъ его и повѣровалъ въ него, да солдатскіе командиры держали руку царицы, оттого и вышла запятая. Знамо, простой народъ, примѣрно, мужики, купцы поддержать его не могли. Знамо, расейскій народъ не воинъ; расейскій народъ просто баранъ — больше ничего. Возможно ли простому народу устоять супротивъ солдатъ? И думать нельзя! — И на Волжскихъ казаковъ была плоха надежда. Сколько ихъ? — Горсть одна, да и тѣ въ разбродѣ, то-есь разбросаны: станица отъ станицы верстъ на сотню. Такимъ манеромъ куда, бывало, онъ ни придетъ, народъ вездѣ ретрѣчу ему дѣлалъ, какъ подобаетъ, съ хлѣбомъ-солью, съ колокольнымъ звономъ, а командиры гоняли его... Устанъ онъ шляться изъ города въ городъ по-пусту, взялъ, да и удалился съ Волги на Узени. — Вотъ она, исторія то, настоящая исторія!

---

*) Разсказъ г. М[illegible] [illegible] въ 1 № „Паруса", [illegible] какъ [illegible] съ Иваномъ Михайловичемъ Бакировымъ.

— Узнала объ этомъ государыня и тотчасъ же разослала съ курьерами по всей имперіи секретные указы ко всѣмъ командирамъ въ такой силѣ, чтобы нигдѣ его не принимали, а есть-когда будетъ гдѣ усиливаться, то арестовали бы и прислали бы за конвоемъ въ Питеръ, — и повелѣла объ немъ пустить въ мірѣ такую славу, якобы-де это не Петръ Ѳедоровичъ; онъ-де, волею Божіею, скончался, — а это-де, бѣглый съ Дона казакъ Емелька Пугачъ... Ужъ такъ, Богъ знаетъ почему, приплели тутъ донскаго казака, — замѣтилъ разсказчикъ; благо подъ руку попался, — не надоумились, видно, кого бы получше приписать... Ай, ай! — сказалъ Иванъ Михайловичъ и покачалъ головой. — Хитрый народъ, эти питерскіе спаралы, — что и баить! — хитрѣй теленка, однако, не будутъ...

— Послѣ того, какъ на Волгѣ-то онъ оставился и ушелъ на Узени, ему нельзя было прямо придти въ нашъ городъ и объявиться всѣмъ казакамъ: въ городѣ нашемъ, видишь ли, въ ту пору солдаты стояли, и командиръ ихъ сторожилъ его. Значитъ, и туда дошли царицыны указы объ немъ; вездѣ, значитъ, царица упредила. — По этой самой причинѣ онъ, до поры до времени, и пріютился на Узеняхъ, — мѣсто въ ту пору было дикое, уединенное. А укрывали его тамъ кой-кто изъ нашихъ же казаковъ, особенно Толкачевы: большая была семья, и въ городѣ дома имѣли, и въ Бударинѣ, и въ Таницкихъ хуторахъ *). У нихъ въ семьѣ по сѣрегу и харуки шили, шелками и золотомъ разшивали. А въ самомъ-то городѣ еще не знали, гдѣ онъ обрѣтается. Слышать, слышали — молва, батенька, далеко идетъ — слышать, слышали, что былъ-де, въ городѣ Царицынѣ, и ушелъ, де, оттуда, а куда? — не знали. По вскорости обозначился.

— Разъ двое гулебщиковъ (охотниковъ) изъ города ѣдутъ около Сакрыла **), и увидали: на чистень-

*) Нынѣ Владимірскій поселокъ. Ред.

**) Озеро между рр. Большимъ и Малымъ Узенями. Авт.

комъ бережкѣ на песочкѣ у самой воды стоитъ холодничекъ *), а въ немъ и лежитъ онъ, то-есь Петръ Ѳедоровичъ. Около него было человѣкъ пять нашихъ казаковъ.

— Знаете ли вы эту особу? — спрашиваютъ казаки гулебщиковъ.

— Нѣтъ, не знаемъ! — говорятъ гулебщики.

— Это царь! — говорятъ казаки, — Да вы, до поры до времени, молчите.

— Тутъ и самъ онъ сказалъ имъ, кто онъ такой есть. Говорилъ, что враги его гонятъ и нигдѣ не даютъ ему покою, что у него одна надежда на Яицкихъ казаковъ. То же просилъ ихъ, чтобы они, до поры до времени, никому не говорили, что видѣли его, а то-де хлопотъ себѣ наживутъ.

— Охотники вернулись въ городъ и сначала ни слова о томъ, что видѣли на Узеняхъ, а потомъ не утерпели, кой-кому по секрету сказали. Вскорости молва разнеслась по всему городу. Услыхалъ и солдатскій командиръ, что городомъ-то нашимъ въ ту пору правилъ, и тотчасъ потребовалъ къ себѣ гулебщиковъ. И тѣ сказали ему всеё правду, ничего, значитъ, не утаили. Того же дня командиръ послалъ на Узени команду, чтобъ схватить его, а его тамъ и слѣдъ простылъ — Митькой звали! Солдатскій командиръ хотѣлъ, знаешь, выслужиться предъ Государыней, да не успѣлъ; по той самой причинѣ, какъ звѣрь, расвирѣпѣлъ на гулебщиковъ, что не тое-жъ минуту по пріѣздѣ объявили ему и велѣлъ забить ихъ до смерти. И забили бѣдныхъ; а чѣмъ виноваты? Такъ за напрасно пострадали эти гулебщики, царство имъ небесное! — сказалъ Иванъ Михайловичъ и вздохнулъ.

— Тужишь ты о двухъ гулебщикахъ, Иванъ Михайловичъ, а въ эту пору сколько, чай, кромѣ гулебщиковъ пострадало народа! — замѣтилъ я.

— И то правда, — сказалъ Иванъ Михайловичъ. —

---

*) Среднее между шатромъ и навѣсомъ. Авт.

Сколько и гибло въ тѣ времена тяжкія народу — не сочтешь! Не даромъ въ пѣснѣ поется:

„Отъ Яицкаго городка
Протекла кровью рѣка...“

— Ужъ какое-то, въ самомъ дѣлѣ, кровопролитіе было на Яикѣ въ то время, какъ онъ гласно-то объявился народу,— ищо старики не запомнятъ!—продолжалъ разсказчикъ.— Отъ самаго зачатія нашего войска не бывало такихъ трусовъ-мятежей и кровопролитныхъ браней... И диву бы непріятель какой, что ли, напалъ, какъ въ древнія времена Агаряне нападали, иль-бо какъ въ двѣнадцатомъ году французъ съ двадесятью языками нападалъ; тогда хошь то значитъ, что бьетъ тебя басурманъ, и ты бьешь басурмана,— а то свои замутились, заколобродились, братъ на брата, сынъ на отца возсталъ!... Чудное дѣло, батенька!... Родитель мой самъ видѣлъ въ городѣ, какъ братъ брата застрѣлилъ; Горбуновы прозывались, — родитель зналъ ихъ. Одинъ братъ, молодшій, въ крѣпости былъ и стоялъ на валу,— значитъ, руку государыни держалъ; а другой братъ, старшой, на приступъ шелъ и лѣстницу несъ,—значитъ, держалъ руку Петра Ѳедоровича. Младшій братъ кричитъ съ валу: „Братецъ родимый! Не подходи! Убью!“—А старшій братъ ему въ отвѣтъ: „Несмотрю, какъ убьешь!“—Братъ съ валу: „Пожалуйста, братецъ родимый, не ходи! Убью!“— А братъ съ лѣстницей ему въ отвѣтъ:—„Я-те дамъ, убью! Постой, влѣзу на валъ, надеру тебѣ вихоръ,— впередъ не будешь стращать старшаго брата“. Сказалъ это и поставилъ лѣстницу къ валу. Но лишь только занесъ ногу на первую ступеньку, младшій братъ съ валу бацъ въ него изъ пистали! И покатился старшей братъ въ ровъ. Родителя моего внукъ пробила слеза, и онъ той-жъ секунду бросилъ стрѣльбу и бѣжалъ изъ города въ обозъ. Ужъ такое-то было кровопролитіе, батенька! Бывало, морозъ по кожѣ подираетъ, какъ слушаешь старинушки, что въ ту пору жили и своими

глазами видѣли... Значитъ, сбылось пророчество святыхъ отцовъ....

— Какое пророчество? — спросилъ я.

— Какъ какое?—спросилъ въ свою очередь старикъ.— Ты вотъ не знаешь, али знать не хочешь,—продолжалъ старикъ, понизивъ голосъ и придавъ ему таинственный тонъ,— а у насъ во всемъ народѣ извѣстно, изъ предковъ идетъ пророчество Алексѣя Митрополита. Когда наши праотцы задумали основать городъ между Яикомъ и Чаганомъ, — а допрежь того они жили вверху, на Кирсановскомъ Яру,— вотъ тогда-то, видишь-ли, являлся имъ святой Алексѣй Митрополитъ, на морѣ гдѣ-то, и возвѣстилъ, что на новомъ-де мѣстѣ постигнутъ ихъ трусы-мятежи и кровопролитныя брани... а въ едино-де время (пророчилъ Алексѣй Митрополитъ), а въ едино-де время появится между вами такой набѣглый царь, и изъ-за него-де вы примете много горя. Оно такъ и случилось,—добавилъ Иванъ Михайлычъ.—Ты думаешь—продолжалъ онъ, — ты думаешь, что Пугачъ, по вашему, просто такъ себѣ Пугачъ, явился, да и вся недолга. Какъ же! Нѣтъ, батенька! Онъ явился не спроста, а по опредѣленію Божію. Значитъ, и былъ онъ не Пугачъ, то-есь не Донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, а самъ настоящій Петръ Ѳедоровичъ.—И спорить нечего.

— Да я и не спорю,—сказалъ я.—Говори-ка, что дальше-то было?

— Что дальше-то было?—сказалъ Иванъ Михайловичъ, и призадумался.—Какъ тебѣ пересказать, что дальше-то было, я ужъ и не знаю,—промолвилъ онъ немного погодя.— На что ужъ родитель мой жилъ въ ту пору, многое своими глазами видалъ, а и тотъ, бывало, махнетъ рукой и скажетъ: „Кутерьма была!“ Знамо—продолжалъ старикъ,—народъ, какъ единъ человѣкъ, повѣрилъ въ н е г о, а начальники держали руку государыни и отклоняли отъ него народъ; говорили, что онъ не царь,—тотъ-де давно умеръ,—а самозванецъ; отъ того самаго и заварилась каша, поднялась пыль столбомъ отъ всего свѣта: кто за царя, кто за царицу

На что ужъ панъ Мартемьянъ Михайловичъ (Бородинъ), кажись, долженъ бы стоять за него, потому долженъ бы знать, что онъ не самозванецъ, а и его солдатскіе командиры соблазнили,—и онъ поднялъ руку на него...

— Почемъ же Мартемьянъ Михайловичъ долженъ былъ знать? — прервалъ я разсказчика.

— Какъ почемъ? — отвѣчалъ разсказчикъ. — Вѣдь его многіе изъ нашихъ казаковъ признавали, и онъ многихъ признавалъ. Къ примѣру, спроситъ, бывало, онъ: „а живъ ли у васъ сотникъ, иль-бо старшина такой-то?" Скажутъ: „живъ!" „А гдѣ онъ?" спроситъ. „Позовите-ка его ко мнѣ!" И приведутъ, бывало, къ нему, кого спроситъ. „Здравствуй, говоритъ, Иванъ иль-бо Сидоръ!" Тотъ скажетъ: „Здравствуйте, батюшка!" „А что, спроситъ, цѣлъ ли у тебя жалованный ковшъ (иль-бо сабля жалованная), что я тебѣ пожаловалъ, когда ты, тогда-то вотъ, пріѣзжалъ въ Питеръ съ царскимъ кусомъ?" „Цѣлъ, батюшка!" скажетъ тотъ, и тутъ-же вынетъ изъ-за пазухи, иль-бо домой сбѣгаетъ и принесетъ жалованный ковшъ, иль-бо другое что, чѣмъ жалованъ былъ въ Питерѣ. Какъ же онъ не царь-то былъ?— сказалъ старикъ. — Какъ же онъ не царь-то былъ, есть когда знать, кто, когда и чѣмъ жалованъ былъ?—повторилъ старикъ.—А разъ вышелъ, сударь мой, такой казусный случай, -продолжалъ старикъ.—Спросилъ онъ одного казака, цѣлъ ли у него жалованный ковшъ. А тотъ, сдуру ли, съ испугу ли, Богъ его знаетъ,—возьми, да и отрекись. Говоритъ, что никогда ничѣмъ не былъ жалованъ. Разгнѣвался Петръ Ѳедоровичъ на него и приказалъ повѣсить, какъ супротивника, и повѣсили! Лишь только вздернули бѣдняжку на рели, въ эту самую пору кто-то изъ домашнихъ нашелъ жалованный ковшъ, гдѣ-то въ сусѣкѣ съ мукой,— вишь куда запряталъ,—и представилъ къ Петру Ѳедоровичу, на ковшѣ-то и подпись была, кому пожалованъ. Однако, поздно было: умеръ тотъ въ петлѣ. Значитъ, отъ своей глупости пострадалъ. Да что объ этомъ толковать! — сказалъ старикъ. Всему міру было извѣстно, что Пугачъ былъ не

Пугачъ. Стало быть и Мартемьянъ Михайловичъ зналъ, однако, не повѣровалъ въ него, а присталъ къ солдатскимъ командирамъ, присуглаcилъ къ себѣ человѣкъ съ триста, иль-бо съ четыреста нашихъ казаковъ и бѣжалъ съ ними изъ Яицкаго городка, Бухарской стороной въ Оленбурхъ (Оренбургъ) и во все время, покуда продолжалось бунтовство, стражался супротивъ него. Знамо, выслужиться хотѣлъ передъ государыней и впрямь выслужился! — прибавилъ разсказчикъ.—Какъ кончилась завороха, Мартемьянъ Михайловичъ атаманство получилъ, да та бѣда, что атаманства-то своего не видалъ, да и родину свою не узрѣлъ: въ Питерѣ пропалъ! А все о н ъ его доѣхалъ, то-ись Пугачъ, по вашему..

— Спервоначала Петръ Ѳедоровичъ большую имѣлъ удачу,—продолжалъ старикъ,—по той самой причинѣ, что многіе изъ солдатскихъ командировъ, хоша явно и не приставали къ нему, хоша и распускали объ немъ славу не добрую; знамо, боялись государыни,—та тоже шутить не любила:—чуть не такъ—въ Сибирь! Иль-бо другое что, не лучше Сибири. Все таки, помня присяжную должность, нѣсколько потрафляли ему. Гдѣ бы примѣрно надобно выслать супротивъ его арміи полкъ, иль-бо два, а они вышлютъ только роту, иль-бо много что двѣ; гдѣ бы нужно выставить супротивъ него цѣлую батарею, примѣрно пушекъ двадцать-тридцать, а они, словно на смѣхъ, выставятъ пушченку, иль-бо много что двѣ. П у х ъ! П у х ъ! да и драло отъ него. Только славу сдѣлаютъ, что стражаются, а на самомъ-то дѣлѣ словно въ кулюкушки играли. И то надо сказать: боялись и е г о. Почемъ знать, куда-бъ дѣло повернуло? Есть когда бы онъ взаправду овладалъ царствомъ и сѣлъ на престолѣ,—тогда-бъ имъ и отъ него не уйти,—не сталъ бы и онъ ихъ гладить по головкѣ. Но женитьбой своей онъ всю кашу испортилъ. Какъ только узнали, что онъ женится на Устиньѣ Петровнѣ, такъ всѣ и заніяли: „Какой онъ царь“, всѣ заговорили, „коли отъ живой жены женился!“ Женитьбой, ничѣмъ другимъ, онъ и подгадилъ самъ себѣ,—прибавилъ разсказчикъ.

— Ка-ан, Иванъ Михайловичъ: какимъ родомъ онъ женился?—спросилъ я. — Самъ что ли захотѣлъ или кто смутилъ его?

— Знамо, смутили!—отвѣчалъ старикъ.

— Кто же? Наши, что ли?—спросилъ я снова.

— Куда нашимъ!—отвѣчалъ старикъ.—Нашимъ, чай, и во снѣ бы не привиделось лѣзть въ родню съ царской фамиліей.

— Да кто же?

— Знамо кто! — сказалъ Иванъ Михайловичъ. — Изъ Москвы или изъ Питера, все единственно, оттуда, вишь, подослали на Яикъ такого сахара-медовича: онъ и соблазнилъ его и всѣхъ приближенныхъ ввелъ въ грѣхъ великій. Шутка ли, въ самомъ дѣлѣ, отъ живой жены жениться? —прибавилъ разсказчикъ.

— Мудрено что-то, Иванъ Михайловичъ!—замѣтилъ я.

— Вовсе не мудрено, —сказалъ старикъ.—Родитель мой насчетъ этого дѣла разсказывалъ такъ: „Хоша-де государыня и отказала, что это не царь, а Пугачъ, однако, не много этимъ взяла: народъ все таки повѣровалъ въ него, и вездѣ, во всѣхъ, значитъ, городахъ и селахъ, куда онъ являлся, встрѣчалъ его, какъ подобаетъ, съ хлѣбомъ-солью, съ крестами, образами и колокольнымъ звономъ. Царица разсылаетъ во всѣ концы имперіи указы, чтобы не вѣровали въ него, а онъ разсылаетъ свои, чтобы ей не вѣрили. Ея указы не дѣйствуютъ, а его указы дѣйствуютъ. Знамо, мужу больше вѣры. По этой самой причинѣ Москва начинаетъ волноваться. Что Москва?—Вся Расея стала волноваться и потребовала царя! То же самое и армія: стала, какъ говорится, на распутьи: ни туда, ни сюда. Я ужъ сказывалъ, какъ армія-то стражалась: только отгодь дѣлала, а не стражалась. Государыня видитъ, что дѣло плохо и пошла на выдумки. И выдумала, говорятъ, такую штуку, чтобъ ославить ей, остраминть его на весь міръ; взяла да и подослала къ нему такого лукаваго человѣка: онъ и соблазнилъ его, напьетъ ему турусы-на-колесахъ. „Яицкіе казаки,—говоритъ подсыльный

Петру Ѳедоровичу,—первые тебя признали, первые въ тебя повѣровали, первые они тебя поддержали,—по ихъ-де милости ты престолъ себѣ добываешь: по этой самой, говоритъ, причинѣ, ты и долженъ отблагодарить ихъ, возвысить родъ ихъ, то-есь взять въ супруги себѣ изъ ихняго роду честную дѣвицу,—а та, что въ Питерѣ, самъ знаешь, для тебя не годится,—одна-де дорога ей въ монастырь. А изъ другого какого рода брать супругу тебѣ не приходится по той самой причинѣ, говоритъ, что долженъ же ты осчастливить яицкихъ казаковъ: вѣдь они кровью своею за тебя разливаются. Говорится: „на всякаго мудреца довольно простоты". Такъ и съ нимъ случилось, то-есь, съ Петромъ Ѳедоровичемъ: положился онъ на слова лукаваго человѣка и погубилъ себя! А на нашихъ казаковъ болтаютъ, якобы они соблазнили его на женитьбу; вовсе не они,—прибавилъ разсказчикъ.—Если и былъ грѣхъ съ ихъ стороны, то такой же, что и они повѣрили словамъ лукаваго человѣка.

— Смѣшная, однакожъ, исторія,—замѣтилъ я.—Трудно повѣрить такому несообразному дѣлу. Самъ посуди, Иванъ Михайловичъ, статочное ли дѣло, чтобы царь женился на своей подданной, на рабѣ, можно сказать?

— Смѣшного въ этомъ дѣлѣ ничего, батенька, нѣтъ!—отвѣчалъ разсказчикъ.—Рази онъ первый, что ли, женился на своей... на своей рабѣ, какъ ты называешь? Рази встарь благовѣрные цари наши не женились на своихъ, то-есь на расейскихъ боярышняхъ? А?—спросилъ меня разсказчикъ.—Женились, женились, батенька! На своихъ женились. Между нами будь сказано, вѣдь Петръ Первый Алексѣевичъ, дѣдушка Петра Ѳедоровича, проявилъ такую моду, женился на иностранной. Съ той поры цари наши и стали жениться на иностранныхъ царевнахъ, а до него этого, почитай, не бывало,—до него цари наши брали себѣ въ супруги изъ расейскихъ боярышень, какая кому полюбится. А что боярская дочь, что казачья дочь—рази не все равно? А? Никакой отлики нѣтъ: всяка жена по мужѣ честна. Петръ Ѳедоровичъ могъ проявить и свою моду, потому воленъ былъ! Вся притча

баченка, не въ томъ, что онъ женился на казачьей дочери, а въ томъ, что отъ живой жены женился: вотъ это-то самое и погубило его.

Противъ такого довода я не возражалъ. Старикъ продолжалъ:

— Съ той самой поры, какъ онъ женился на Устиньѣ Петровнѣ, міръ и усумнился въ немъ. Выходитъ, онъ не соблюлъ Божескаго устава, на семи Вселенскихъ Соборахъ установленнаго. Спервоначала ему слѣдовало овладѣть престоломъ и по уставу семи Вселенскихъ Соборовъ развестись съ Катериной Алексѣевной, а потомъ уже и приступить къ новому бракосочетанію съ Устиньей ли Петровной, или съ какой другой—все единственно; а онъ этого не соблюлъ, потому, значитъ, лукавые люди соблазнили; имъ того только и хотѣлось. Усумнился въ немъ народъ и мало сталъ оказывать ему почтенія и покорности. То же самое и казаки наши. Сначала всѣ горой за него стояли, а тутъ мало-по-малу стали отъ него отклоняться, хотя и не стражались супротивъ него, а и за него не стояли, лынялн... А пуще всего солдатскіе романцы съ этого самаго времени ободрились, подняли головы и стали наступать на него по настоящему, по вправдѣ, все смѣлѣе, да смѣлѣе,—смекнули, значитъ, что ему царства не видать, какъ ушей своихъ, а напослѣдокъ загнали его, голубчика, на Узени, словно, тушкана (зайца) на прежнее логово... Тутъ и похожденіямъ его конецъ! Съ Узеней чинимъ маперомъ взяли его и представили въ нашъ городъ, а изъ нашего города представили въ Москву, къ государынѣ. Только его и видѣли... Государыня, значитъ, приспокоила его...

— То есть, казнила!—подсказалъ я.

— Какъ бы не такъ! —возразилъ старикъ. -Не точію его, а и тѣхъ, кто изъ нашихъ казаковъ при немъ въ графахъ и сенаторахъ состоялъ, и тѣхъ, сударь мой никого не казнили...

— Какъ такъ?—спросилъ я съ крайнимъ изумленіемъ.

— Да такъ! Не казнили, и вся недолга! —сказалъ Иванъ Михайловичъ.- Я вѣдь русскимъ языкомъ говорю, что то

былъ не Пугачъ, а самъ Петръ Ѳедоровичъ. Такъ какъ же его-то казнить? Надо съ ума сойти, Христосъ съ тобой!

— Воля твоя, Иванъ Михайловичъ, а я не повѣрю этакому несообразному дѣлу,—сказалъ я.—Всему вѣдь міру извѣстно, что его казнили въ Москвѣ среди бѣлаго дня при собраньи всего московскаго народа.

— Всѣ знаютъ, что казнили,—возразилъ разсказчикъ,—а кого казнили? Не всякій, видно, знаетъ. Казнить-то казнили, что и бать!—прибавилъ старикъ,—да не его: объ этомъ и подумать-то грѣшно, а другого казнили, такого, вишь, человѣка подыскали изъ острожниковъ, что согласился умереть замѣсть его. Московскій народъ,—продолжалъ разсказчикъ,—знамо дѣло не зналъ, не видалъ, кто воевалъ на Яикѣ. Сказали: „вотъ, де, Пугачъ!“ Ну, и ладно! Пугачъ такъ Пугачъ! Нечего, значитъ, и толковать. А наши казаки, кои въ ту пору были въ Москвѣ, своими глазами видѣли, кому голову отрубили. Говорили, что похожъ-де, обличьемъ на Петра Ѳедоровича, а не онъ. Вотъ она притча-то какая,—прибавилъ разсказчикъ.—Значитъ, одинъ близиръ показали. То же насчетъ приближенныхъ его, паперсниковъ: ни одного, батенька, не казнили; всѣхъ, значитъ, отстоялъ, никого не далъ въ обиду, всѣ померли своей волей, кому когда конецъ пришелъ. Жили кто въ монастырѣ, кто на островахъ, а Зарубинъ, онъ же и Чика—весь вѣкъ прожилъ на Яикѣ, и умеръ своей волей на Яикѣ; только жилъ по тайности, подъ чужимъ именемъ, прозывался З у м о р ш е е в ы м ъ.

Я посмотрѣлъ на разсказчика съ крайнимъ удивленіемъ и хотѣлъ было замѣтить о нелѣпости подобной сказки, но старикъ предупредилъ меня, сказавъ:

— Ты не дивись, батенька! Врать тебѣ не буду. Родитель мой своими ушами слышалъ объ немъ отъ покойнаго благочиннаго Асафа Карчагина,—чай, помнишь его? Недавно умеръ. А благочинный Асафъ не разъ видалъ Зарубина въ Сергіевскомъ ли, въ Бударинскомъ ли скиту—хорошенько не помню. Онъ же передъ смертью Зарубина исповѣдывалъ и причащалъ его. Хошь вѣрь, хошь не вѣрь, а я не лгу,—

прибавилъ разсказчикъ.—Благочинный Асафъ—всѣмъ извѣстно—не такой былъ человѣкъ, чтобы съ вѣтру болтать.

— Быть по твоему, Иванъ Михайловичъ!—сказалъ я, немного погодя.—Однако, растолкуй-ка мнѣ вотъ это: какъ же онъ самозванный вашъ Петръ Ѳедоровичъ былъ не знающій грамоты.

— Болтаютъ, болтаютъ! — отвѣчалъ старикъ энергически. Господа сболтнули про него. Онъ, видишь ли, поперекъ горла имъ сталъ, солонъ показался; такъ изъ ненависти одной и навели на него эти наводы, чтобы унизить его. А онъ, правду надо сказать, куда былъ лютъ для нихъ, не спускалъ имъ—

„Пласталъ и рѣзалъ,
На колъ сажалъ и вѣшалъ...“

„И все значитъ изъ-за того, что сами они ему много насолили: невѣстѣ, значитъ, на отместку. Не знающій грамоты! говорилъ старикъ, покачивая головой и улыбаясь.— Да кто въ здравомъ умѣ повѣритъ такому несуразному дѣлу? А? Царь, и грамоты не зналъ! Смѣшно! Да вѣдь онъ былъ въ половину нѣмецъ, чудакъ ты этакой! А нѣмцы народъ мудреный, не хуже англичанъ. Такъ какъ же ему грамоты не знать? Онъ, я думаю, на всякихъ языкахъ зналъ. Только разве по-калмыцки да по-татарски не зналъ. Какъ же ему расейской-то грамоты не знать? Чудно толкуешь. Есть когда бы сызмальства не зналъ, то жимши въ Расеи научился бы. Толковать ли!

— Да вѣдь во всѣхъ бумагахъ, во всѣхъ книгахъ значится, что онъ не зналъ ни аза въ глаза,—замѣтилъ я.

— Что-жъ, что въ бумагахъ, въ книгахъ значится?— возразилъ старикъ.—Бумаги, книги кто писалъ? Господа писали! Поди и вѣрь имъ... А ты слушай, коли хочешь знать всю правду-истину,—ты слушай, что старики говорили,— продолжалъ разсказчикъ. Старики говорили вотъ что: бывало соберутся въ какомъ домѣ по тайности часы ли, всенощную ли отслужить, — онъ такъ отчитываетъ „псалтыри“.

„апостолы“, любо-дорого слушать; вчередъ-де, иному канонику, или уставщику прочитать“.—Вотъ, что говорили старики, а господа, не въ обиду будь сказано, болтаютъ... Въ чемъ другомъ не спорю,—може, господа и не лгутъ,—продолжалъ Иванъ Михайловичъ,—а ужъ насчетъ его, якобы онъ былъ Пугачъ, то-есь самозванецъ, якобы и грамоты не зналъ, якобы и въ одежкѣ нужду имѣлъ—насчетъ этого болтаютъ! Примѣрно, насчетъ одѣянья. Ну, кто въ здравомъ умѣ повѣритъ этакому несообразному дѣлу, якобы онъ въ ту пору, какъ объявился народу и покорилъ подъ свою державу Яицкій городъ и всѣ форпосты вверхъ по Илецкаго города, въ ту пору, якобы онъ не имѣлъ на себѣ хорошаго, приличнаго его званію, одѣянья?—А?—нападалъ на меня Иванъ Михайловичъ.—Вѣдь ты же говорилъ моему родителю, когда есауломъ у насъ былъ,—я помню родитель мой долго, долго послѣ того смѣялся надъ такой несуразностью,—ты же говорилъ, якобы онъ ходилъ оборванцемъ въ ту пору, какъ объявился народу подъ своимъ званіемъ, и разжился якобы хорошей одеждой въ Илецкомъ городкѣ послѣ атамана тамошняго, Портнова? А?—Не правда, что ли? Вѣдь объ этомъ въ книгахъ написано?—А?—вопрошалъ меня Иванъ Михайловичъ.

— Да!—сказалъ я, и утвердительно кивнулъ головой.

— И ты вѣришь? спросилъ старикъ.

— Какъ не вѣрить?—отвѣчалъ я, дѣло статочное.

— Не вѣрь, батенька!—сказалъ старикъ.—Совсѣмъ дѣло нестаточное,—дѣло несуразное. Болтаютъ, болтаютъ! А ты вѣрь старикамъ: они не солгутъ. Родитель мой,—продолжалъ разсказчикъ, родитель мой самъ лично удостоился видѣть его близъ Бударина, или Кожехарова въ ту самую пору, какъ онъ только что прибылъ съ Узеней и объявился народу, еще и къ нашему-то городу не подступалъ, а объ Илецкомъ городкѣ и слухомъ не слыхать было;—вотъ видишь ли, въ какую пору родитель мой видѣлъ его. И на немъ, батенька въ ту пору одѣянье было нарядное, пышное,—просто—съ брызгу!—Парчевый кафтанъ, кармазинный зипунъ, полоса-

ные канекзаны, шаровары запущены за сапоги,—а сапоги были козловые съ желтой оторочкой—родитель все запримѣтилъ, —шапка на немъ была кунья съ бархатнымъ малиновымъ верхомъ и съ золотой кистью,—а кафтанъ съ зипуномъ обшиты широкимъ въ ладонь прозументомъ. Лошадь подъ нимъ была бѣлая, словно лебедь; сѣдло киргизское съ широкой круглой лукой, оковано серебромъ, а въ середкѣ вставленъ сердоликъ съ куриное яйцо; тоже и уздечка, нагрудникъ, пахвы, стремена—вся конская збруя убрана была серебромъ и сердоликомъ—родитель мой все запримѣтилъ. Вотъ онъ какимъ оборванцемъ-то былъ!—заключилъ старикъ свое описаніе. Не много погодя, онъ продолжалъ:—Пущай, родитель мой и не видалъ бы его, а я въ жисть не повѣрю, чтобъ у него хорошей одежды не было. Спервоначала, какъ по тайности жили, лепто, онъ и въ армячишкѣ ходилъ, чтобы не признали кто его, дѣло видимое,—а въ ту пору,какъ объявился настоящимъ своимъ званіемъ, въ ту пору, баенька, хоча бы у него и не было своего хорошаго одѣянья, въ ту пору Толкачевы, или бы другіе кто изъ нашихъ казаковъ могли бы, чай, обрядить его, какъ слѣдуетъ; вѣдь, къ примѣру, —бабьихъ то сарафановъ да фуфаекъ не занимать стать было; а изъ одного сарафана парчеваго или азарбатнаго—въ старину все парчи да азарбаты въ ходу были—изъ одного бабьяго сарафана два-три мужскихъ кафтана сшить можно. Какъ теперича, такъ и въ старину по всякомъ малоумѣльномъ справномъ домѣ, гдѣ есть молодыя бабы и дѣвки по всякомъ домѣ отыщется шелковья на столько, чтобы обрядить одного человѣка,— объ этомъ и толковать нечего,—заключилъ старикъ.

— Хвастаетъ наши казаки въ горенкѣ съ рыбой,—про [illegible] [illegible] Иванъ Михайловичъ, [illegible] въ [illegible] [illegible] кормить. Только [illegible] [illegible] какъ увидали; [illegible] [illegible], человѣкъ пятнадцать [illegible], а [illegible] хорунжемъ, а у нихъ хорунки не двѣ [illegible] руки; хорунки тѣ намотаны на древкахъ, одна

только развѣвалась. Казаки наши дивуются, что бы такое это значило. Вдругъ во весь махъ подлетѣлъ къ нимъ одинъ вершникъ и закричалъ:

— Царь ѣдетъ! Царь ѣдетъ! На дорогу выходите!

Тутъ только наши догадались въ чемъ дѣло. Вышли всѣ на дорогу и пали на колѣни. А вершники подскакали къ дорогѣ и стали во фрунтъ и всѣ харунки распустили. А харунки были и алыя, и голубыя, и желтыя,—всякаго цвѣта,—съ крестами, съ кистями, -разнитыя и шелкомъ, и канителью—любо смотрѣть было! А онъ тихо, важно выѣхалъ на дорогу, подъѣхалъ къ обозникамъ,—тутъ и родитель мой былъ,—поздоровался съ ними, назвалъ ихъ дѣтушками и велѣлъ встать. Всѣ встали. А онъ, не слѣзая съ коня, протянулъ руку, и всѣ одинъ за другимъ подходили, прикладывались къ его ручкѣ. Почесть со всякимъ онъ разговаривалъ, спрашивалъ: какъ кого зовутъ, откуда, куда и зачѣмъ ѣдутъ? И всѣ ему отвѣчали съ почтеніемъ, какъ подобаетъ; говорили, что ѣдутъ въ городъ, везутъ рыбу на продажу, чтобы запастись мукой и всякими нужностями, чтобы оружіе исправить, свинцомъ-порохомъ запастись.

— Дѣло хорошее, — говоритъ онъ. — Поѣзжайте съ Богомъ! Да не торопитесь, говоритъ, обратно ѣхать: може, вы мнѣ пригодитесь въ городѣ,—може, чего Боже сохрани! може доведется мнѣ добывать городъ вашъ вооруженной рукой. Тамъ, говоритъ, знаю, недруги мои сидятъ.

— Это,—пояснилъ разсказчикъ,—намекалъ онъ на солдатскихъ командировъ. Всѣ тутъ-то,—продолжалъ Иванъ Михайловичъ, родитель мой и насмотрѣлся на него досыта,—съ ногъ до головы оглядѣлъ, запримѣтилъ, въ какомъ одѣяньѣ онъ былъ: одѣянье на немъ, батенька, было изрядное, первый сортъ, съ брызгу, а вы толкуете обрѣзаннемъ ходилъ.—Пустяки!

— Ладно, ладно, Иванъ Михайловичъ, сказалъ я:—быть по грому. А объясни-ка мнѣ тогда что въ пѣснѣ говорится:

„Онъ ко Гурьеву подходилъ,
Ничего онъ не учинилъ“.

— А по бумагамъ, по книгамъ,—продолжалъ я—не значится, чтобы онъ подходилъ къ Гурьеву. Растолкуй-ка?

— Что правда, то правда,—сказалъ старикъ.—Онъ точно, что къ Гурьеву не ходилъ своей особой, а посылалъ туда Максимича Сереберцева. Этотъ былъ изъ нашихъ же казаковъ, состоялъ при немъ въ графахъ. Самъ Петръ Ѳедоровичъ пошелъ отъ нашего города вверхъ къ Оленбурху, а Сереберцеву препоручилъ идти на низъ къ Гурьеву,—приводить, значитъ, народъ къ присягѣ. И Сереберцевъ пошелъ, Сначала шелъ онъ Бухарской стороной, чтобы не столкнуться съ тѣми, кто держалъ руку царицы—вѣдь и изъ нашихъ были такіе, что не вѣровали въ него, а все, знамо, Мартемьянъ Михайловичъ смущалъ. Въ Мергеневѣ перешелъ на Самарскую сторону и прошелъ всю линію вплоть до Гурьева. Съ форпостовъ казаковъ забиралъ. Въ Калмыковой попа повѣсилъ и еще кой-кого, кто Петра Ѳедоровича не признавалъ. Гурьевъ осаждалъ и приступомъ взялъ; роту солдатъ, что въ Гурьевѣ стояла, всю перебилъ, а казачьяго старшину, что въ Гурьевѣ атаманомъ надъ казаками былъ, въ примѣръ и страхъ другимъ, плетьми отпиналъ и повѣсилъ: винъ ли, и онъ не вѣровалъ въ Петра Ѳедоровича. Въ отрядѣ Сереберцева былъ съ нашего красноярскаго форпоста казакъ Степанъ Ефремовъ. Этотъ гораздо старше былъ родителя моего, я ужъ въ ребячествѣ помнилъ его древнимъ старикомъ. Много онъ денегъ вывезъ съ собой изъ этого похода, все золотомъ, въ Гурьевѣ добылъ. А Желѣзновъ, Тимофей Митричъ, дѣдушка иль-бо прадѣдушка Желѣзновымъ, что въ Гребенщиковѣ живутъ, этотъ былъ хорунжимъ въ отрядѣ Сереберцева, а послѣ состоялъ въ какихъ-то большихъ чинахъ при самомъ Петрѣ Ѳедоровичѣ. Я и его помню, Тимофея-то Митрича. Вотъ отъ него-то и слышалъ я про походъ Сереберцева къ Гурьеву, какъ они тамъ резолюцію дѣлали непокорнымъ. Въ Гурьевѣ присталъ къ Сереберцеву Ларочкинъ, гурьевскій казакъ, тоже воинъ былъ,—не давалъ никому спуску, кто не корился Петру Ѳедоровичу и не признавалъ его. Попа гурьевскаго, стараго старика, повѣ-

силъ,—тотъ не хотѣлъ народъ къ присягѣ приводить. Сынъ попа, тоже попъ, только помоложе, какъ ни упрашивалъ Ларочкина, съ крестомъ къ нему выходилъ, чтобъ помиловалъ старика-отца,—нѣтъ! не упросилъ; не помиловалъ Ларочкинъ,—такая ужъ душа была злющая... Три раза вздергивали попа на рели, и три раза петля обрывалась, а попъ пощады не просилъ. Каждый разъ, какъ повиснетъ, такъ и перекрестится, да бороду станетъ расправлять, чтобы въ петлѣ не завязла, -вишь, и старикъ-то былъ какой устойчивый, правный, даромъ что попъ. Въ четвертый разъ не оборвался,—повисъ... Еще, говорили, Ларочкинъ же повѣсилъ одну казачью женщину, беременную, батенька,—вотъ что не хорошо,—и повѣсилъ-то за одно какое-то слово... съ дуру ли, али съ чего другого сказала она что-то нехорошее насчетъ Петра Ѳедоровича. И Максимъ Сереберцевъ, говорили, не одобрилъ его за этакое дѣло. Да Ларочкину горя мало. Не объ немъ будь сказано, онъ много крови пролилъ за напрасно... не лучше былъ Карги...

— А Карга?—спросилъ я.

— Звѣрь! — сказалъ Иванъ Михайловичъ. — Настоящій звѣрь лютый былъ, что грѣха таить. Хоша и за царя стоялъ, а многихъ, кого бы совсѣмъ не слѣдовало, многихъ загубилъ изъ злобы одной. Я тебѣ разскажу объ немъ, что сдѣлалъ онъ съ одной женщиной,—родитель мой самъ былъ тому свидѣтелемъ.

Изъ всѣхъ нашихъ казаковъ, что состояли при Петрѣ Ѳедоровичѣ въ графахъ и сиаралахъ, самымъ первымъ яроемъ былъ Каргинъ, иль-бо Карга, все единственно,—говорилъ разсказчикъ.—Всѣ эти Перфильевы, Зарубины, Толкачевы и иные прочіе въ подметки не годились Каргѣ, всѣ они супротивъ Карги агнцы были, батенька мой; а Карга... одно слово—Карга,—готовъ былъ у отца родного глазъ выклюнуть. Разъ онъ сдѣлалъ доносъ на одну старшинскую жену, чуть ли не Донскову, хорошенько не знаю, родитель называлъ по имени, да я запамятовалъ. А доносъ былъ въ той силѣ, яко бы она провожала сына своего, молоденькаго

малолѣточка, съ Артемьяномъ Михайловичемъ въ Оленбурхъ плакала надъ нимъ и причитала: „легче-де мнѣ видѣть тебя, ненаглядное мое дитятко, убитымъ, нежели-де на службѣ у разбойника". Женщину присудили на смерть и подвели къ релямъ. Женщина была среднихъ лѣтъ, красная, высокая, дородная, лебедь-женщина и — беременна. Петръ Ѳедоровичъ посмотрѣлъ на нее и сжалился. Походилъ онъ около релей и говоритъ:

— Не напрасно ли мы ее казнимъ?

— Коли ее жаль казнить,—то казни меня!—говоритъ Карга.

„Петръ Ѳедоровичъ походилъ, походилъ около релей, да и опять говоритъ и смотритъ на Каргу:

— Не напрасно ли графъ?

— Коли не ее, — говоритъ Карга, — то меня казни!

„Видишь ли, Карга злобу питалъ на всю ту семью, изъ которой женщина была, прибавилъ разсказчикъ.—Може, она и словью-то тѣхъ совсѣмъ не говорила, что Карга на нее взялъ, да такъ сказанно, онъ злобу питалъ на ся семью, и конечь былъ! Ему, значитъ, нужно было утолить злобу на комъ ни на есть изъ этой семьи. Женщина-то и попалась.

„Петръ Ѳедоровичъ опять говоритъ:

— Беременна она, графъ: зачѣмъ губить въ утробѣ невинного младенца? Родится и царю пригодится.

— Не младенецъ въ утробѣ у ней,—говоритъ Карга,— а щенокъ отъ тѣхъ собакъ, что на твою царскую милость лаютъ!

„Петръ Ѳедоровичъ махнулъ рукой и стошелъ прочь.

— Дѣлай, какъ знаешь,—сказалъ онъ Каргѣ.

„Карга кричалъ съ радости. Вздернули бѣдную женщину на рели, а и тамъ обернулась. Другую навязали, и та обернулась. Карга и чуть не очухнулся, снялъ съ себя шелковый поясъ и на немъ удавилъ бѣдную... А младенецъ въ ней тамъ и задрыхнулся, тамъ и затрепехтался, видно рёбъ, — [illegible]. Вотъ, кто чуть былъ, всѣ тамъ и [illegible] мученья женщины. Только

Каргѣ ни почемъ: ухмыляется, да за ноги подергиваетъ удавленную... Вотъ онъ какой злюцій былъ, этотъ Карга! — заключилъ разсказчикъ.

— Нечего сказать, хорошъ былъ и главный-то заводчикъ!—замѣтилъ я.

— Каковъ бы ни былъ, хорошъ ли, дуренъ ли, не наше дѣло — суди его Царь Небесный, а не мы,—промолвилъ старикъ такимъ тономъ, который ясно давалъ разумѣть, что о поступкахъ Пугачева мы, ничтожные смертные, не должны разсуждать. Потомъ, немного погодя, старикъ продолжалъ:

— Пожалуй, что хошь про него говори, какъ хошь его называй, языкъ безъ костей, все мелетъ,—а все-таки онъ былъ не самозванецъ, а настоящій царь.

— Правда, и онъ много перевелъ народу, супротивъ этого говорить нельзя. Да разве солдатскіе командиры подъ конецъ бунтовства меньше перевели народу? Пожалуй, еще и больше!... Онъ, къ примѣру, казнилъ и вѣшалъ тѣхъ, кто не вѣровалъ въ него, а солдатскіе командиры казнили, вѣшали тѣхъ, кто вѣровалъ въ него. Поди и разбирай, кто правъ, кто виноватъ. И выходитъ—всѣ были хороши. Про него, примѣрно, говорится:

„Пласталъ и рѣзалъ,
На колъ сажалъ и вѣшалъ...“

А вотъ про солдатскихъ-то командировъ никто, чай, и заикнуться не смѣетъ, что они народъ вѣшали, да на глаголь вздергивали...

— На глаголь? Это что за штука?—спросилъ я.

— Это штука проста, да и забориста!...—сказалъ старикъ и улыбнулся.—Это, батенька, былъ столбъ, а на концѣ его, въ бокъ, рычагъ придѣланъ. И былъ столбъ этотъ съ рычагомъ, похожъ на слово (букву) глаголь, что въ азбукѣ. Поэтому самому, онъ и назывался глаголемъ. Понялъ?—спросилъ разсказчикъ.

Я утвердительно кивнулъ головой. Старикъ продолжалъ:

— Такъ родитель мой мнѣ разсказывалъ, онъ видѣлъ

эти глаголи, видѣлъ и то, что на нихъ дѣлали. На концѣ рычага кольцо было придѣлано, въ кольцо веревка продѣта съ желѣзнымъ багромъ. Кого надо, задѣнутъ за ребро багромъ, да и вздернутъ на воздуси, вертись, какъ хошь, а не сорвешься... Вотъ она какая штука, этотъ глаголь! Во всѣхъ главныхъ, то-неь причинныхъ мѣстахъ, стояли рели и глаголи, на чемъ народъ казнили послѣ бунтовства. И я помню въ Калмыковѣ и Кулагинѣ остатки ихъ долго стояли послѣ бунтовства. Когда, бывало, случилось ѣхать мимо, родитель указывалъ на нихъ и говорилъ: —„Смотри, Ваня, и помни:— на этихъ самыхъ столбахъ народъ усмиряли“.

IV.

Разсказъ Никифора Петровича Кузнецова

Въ Кругло-озерномъ форпостѣ, Свистунѣ, проживаетъ семейство казаковъ Кузнецовыхъ, потомковъ того самаго дома, изъ котораго была Устинья Петровна, жена Пугачева. Бесѣдуя съ старикомъ, Никифоромъ Петровичемъ Кузнецовымъ о разныхъ вещахъ и матеріяхъ, я, само собой разумѣется, навелъ разговоръ на тему о Самозванцѣ или о Самоназванцѣ, какъ говорятъ казаки, и, между прочимъ, высказалъ мнѣніе мое, что Самозванцу нельзя было быть тѣмъ лицомъ, за которое признали его, и теперь признаютъ казаки:—онъ былъ безграмотный. Но на замѣчаніе это получилъ слѣдующее возраженіе:

— Мы тоже люди темные, безграмотные,—сказалъ старикъ,—а умѣемъ различать, кто грамотенъ и кто безграмотенъ; достанетъ и у насъ ума понять, кто можетъ быть безграмотенъ и кому ни подъ какимъ видомъ нельзя быть безграмотному. Конечно, дѣло темное, закрытое,—прибавилъ старикъ,—доказать этого мы вамъ не можемъ. По нашимъ примѣтамъ, онъ царь, по вашимъ—не царь, по сказкамъ нашихъ стариковъ онъ грамотенъ, а по вашимъ—нѣтъ. Кто теперича разберетъ? Пущай будетъ по вашему, пущай это былъ не царь—такая ужъ, видно, планида его, не хочу спорить. Кто бы онъ ни былъ—это все единственно. Теперича я

вотъ къ чему рѣчь веду. Задумалъ онъ назваться царемъ не въ одинъ же часъ,—примѣрно, съ вечера задумалъ, а къ утру взялъ, да и ухнулъ, то-исъ взялъ да и объявился. Вѣроятно, онъ готовился къ этакому дѣлу не малое время. Еще года за полтора допрежь того, какъ объявился у насъ, онъ объявлялся на Волгѣ. Такъ какъ же ему не научиться было грамотѣ хотя для этакого случая? Человѣкъ онъ былъ лютой, доимый на всѣ руки: и арміей предводительствовалъ, и крѣпости бралъ, и самъ въ крѣпостяхъ отсиживался, и пушки отливалъ, и порохъ, говорятъ, дѣлалъ. Такой человѣкъ, хотя бы съ измальства и не умѣлъ грамотѣ, все-таки къ этому случаю приспособился, нарочно бы научился, хоть сколько-нибудь, хоть, къ примѣру, имя свое подписать, да какую ни на есть бумагу, хотя по складамъ, прочитать. Грамота не Богъ вѣсть какая вещь мудреная: все дѣло ума человѣческаго... Къ примѣру разскажу вамъ одинъ случай изъ нашего простого быта,—говорилъ старикъ, немного погодя.— Жилъ-былъ и теперь здравствуетъ, казакъ С.....въ...

— Ѳедулъ Ивановичъ?—прервалъ я.

Старикъ улыбнулся и спросилъ:

— Али знаете?

— Какъ не знать!—сказалъ я.—Четыре года къ ряду былъ и поваромъ, и экономомъ въ полковомъ штабѣ, въ М.. Весь штабный людъ поучалъ чтеніемъ душеспасительныхъ книгъ: примѣрно, о пришествіи антихриста, о проклятой травѣ-табакѣ, о картофелѣ, — откуда онъ взялся,—о Цареградѣ, о воинахъ, урядою казакахъ брадатыхъ,—кои Царьградъ возьмутъ...

— Значитъ, знаете, по какому случаю Ѳедулъ Иванычъ съ сѣдиной въ бородѣ выучился читать и писать?— спросилъ меня собесѣдникъ.

Я утвердительно кивнулъ головой. Старикъ продолжалъ:

— Ну, есть-когда знаете, нечего и толковать. Теперича я вотъ къ чему говорю: ужъ, коли Ѳедулъ Иванычъ, чело-

вѣкъ съ бѣлужинкой *), въ два—три мѣсяца научился читать и писать, для того единственно, чтобы получить чинъ урядническій (унтеръ-офицерскій), то можно ли сумнѣваться, чтобы онъ, Пугачъ по вашему, не научился грамотѣ,—онъ, такой лютый и дошлый человѣкъ,—онъ, который задумалъ произвести себя въ цари, который, между нами будь сказана, чуть-чуть не перевернулъ вверхъ дномъ всю Расею?! Что на это скажете?—спросилъ старикъ, глядя на меня пристально и слегка улыбаясь.

Выслушавъ такое сравненіе, приведенное старикомъ не въ смыслѣ чистаго убѣжденія иль-бо неопровержимаго факта, а въ смыслѣ остроты, ироніи, я отъ всей души засмѣялся. И вздумалъ же, въ самомъ дѣлѣ, старикъ сдѣлать такое повидимому наивное, а въ сущности саркастическое сравненіе.

— Важно, Никифоръ Петровичъ! — сказалъ я сквозь смѣхъ. — Теперь повѣрую, что Пугачъ зналъ грамоту.

— Ваша воля, хотите вѣрьте, хотите нѣтъ, для меня все единственно: вѣдь не я выпяливаюсь съ нимъ передъ вами, а вы сами допытываетесь, — сказалъ старикъ тономъ, болѣе уже серьезнымъ. — А мы, кромѣ шутокъ, вѣримъ, что онъ зналъ грамоту, — продолжалъ старикъ еще серьезнѣе, какъ будто желая возстановить авторитетъ Пугачева, человѣка лютого и дошлаго, Пугачева, униженнаго, хотя и въ шутку, но все-таки униженнаго сопоставленіемъ его съ Ѳедуломъ Ивановичемъ, человѣкомъ съ бѣлужинкой.

— Когда онъ задумалъ жениться,—говорилъ старикъ тѣмъ же серьезнымъ тономъ, — тогда со всего нашего города и со всѣхъ ближнихъ и дальнихъ хуторовъ собирали дѣвушекъ на смотрины въ домъ къ Толкачевымъ. Дѣвушекъ собирали что ни самыхъ лучшихъ, кои красотой и смиренствомъ славны были, а кой-какихъ не тревожили. Тутъ же, то-есь на смотринахъ была и Устинья Петровна. Она доводилась родителю моему тетушкой, а мнѣ, значитъ, доводится бабушкой. Дѣвушка она была красивая и „лютая“. Сама,

*) Съ умственной простотой.

говорили, сложила про него пѣсню, и, какъ онъ пришелъ, спѣла. Пѣсня, говорили, была хорошая, такая жалостная, все насчетъ него, какъ онъ страдалъ за правду и какъ Богъ щедро за доброту его навелъ на добрыхъ людей, которые рады животы свои за него положить... Понравилась ему пѣсня, понравилась и Устинья Петровна. Обошелъ онъ всѣхъ дѣвушекъ отъ первой до послѣдней, всѣхъ кое-о-чемъ разспрашивалъ, и всѣ, знамо дѣло, сидѣли ни живы, ни мертвы, говорили: да, да нѣтъ, а отъ иныхъ и слова не добилися. Одна только Устинья Петровна не оробѣла, смѣло съ нимъ обходилась, словно вѣкъ жила съ такими персонами. Сказано: дѣвка лютая была. Онъ и выбралъ ее себѣ въ невѣсты. И тутъ же, собственной своей рукой, отмѣтилъ на бумагѣ, гонись на сестрѣ,—дѣвушкамъ сестръ былъ сдѣланъ, — и отмѣтилъ, говорю, собственной рукой перомъ: „быть-де ей, тонись Устиньѣ Петровнѣ, его обручальницей". Значитъ, перомъ владѣть умѣлъ.

„Сестру Устиньи Петровны, Хавронью Петровну, молодую женщину, вдову, назначилъ къ ней въ штатъ-дамы, а двухъ дѣвушекъ, сестеръ Толкачевыхъ, опредѣлилъ къ ней во фрейлины, чтобы онѣ ходили за ней, какъ за настоящей царицей...

„Хавронью Петровну и я помню. Старушкой жила она у насъ въ домѣ, а когда умерла, въ ту пору мнѣ было лѣтъ десять съ чѣмъ-нибудь. Много, бывало, покойница разсказывала о разныхъ разностяхъ, что было въ ея пору и въ городѣ нашемъ, и въ самомъ Питерѣ, да всего-то не упомнишь.

„Когда немного поуспокоилось на Яикѣ, Устинью Петровну и съ штатъ-дамой, и съ фрейлинами, со всѣмъ, значитъ, по ихнему, штабомъ — взяли въ Москву, а изъ Москвы въ Питеръ. Фрейлинъ Толкачевыхъ недолго держали въ Питерѣ, скоро отпустили на родину, а Хавронья Петровна то все время безотлучно находилась при своемъ мѣстѣ, гонись при Устиньѣ Петровнѣ, до той самой поры, какъ вышло рѣшеніе отъ государыни насчетъ всего этого дѣла. А жили онѣ, Устинья Петровна и Хавронья Петровна, въ

одномъ дворцѣ съ государыней, только въ особыхъ покояхъ. И кушанье подавали имъ съ царскаго стола.

„Разъ позвали ихъ обѣихъ, то-есь Устинью Петровну и Хавронью Петровну, въ упокои къ государынѣ. И было тамъ многое множество сенераловъ и сенаторовъ, и всѣ они стояли въ вытяжку, словно солдаты во фрунту. Одна государыня сидѣла на стулѣ, съ короной на головѣ и державой въ рукахъ. Когда онѣ вошли, государыня посадила Устинью Петровну рядомъ съ собой по лѣвую сторону на другой порожній стулъ, поменьше того, на которомъ сама сидѣла, а Хавроньѣ Петровнѣ приказала стать позади Устиньи Петровны за стуломъ, такъ слѣдовало по чину штатъ-дамы. Посидѣли онѣ сколько-то времени, помолчали; напослѣдокъ государыня говоритъ Устиньѣ Петровнѣ:

— Устинья Петровна! Узнаешь ли своего обручальника?

— Какъ не узнать! Узнаю—говоритъ Устинья Петровна.

„Государыня подала знакъ, платочкомъ махнула.

„Растворились съ боку двери, и вывели изъ нихъ подъ руки человѣка въ красной хламидѣ, обличьемъ похожаго на Пугача.

— Этотъ, что ли, Устинья Петровна, твой обручальникъ?—спрашиваетъ государыня.

— Нѣтъ! Это не обручальникъ мой!—говоритъ Устинья Петровна.

„Государыня махнула платочкомъ, и человѣка этого вывели вонъ изъ упокоевъ въ тѣ же двери, откуда ввели. Немного погодя, растворились съ другого боку двери, и вывели оттуда подъ руки настоящаго Пугача въ бѣлой хламидѣ.

— Устинья Петровна! Этотъ, что ли твой, обручальникъ?—спрашиваетъ государыня, а сама закусила губки, чтобы не улыбнуться...

— Да! Это мой обручальникъ!—сказала Устинья Петровна.

„Государыня опять махнула платочкомъ, и Пугача вывели вонъ изъ упокоевъ въ тѣ же двери, откуда ввели. Когда вводили его, онъ только сверкнулъ глазами сперва на госу-

дарыня, а потомъ на спершалсь, — знамо, всѣ недруги его были, потупился и ничего не сказалъ. А когда повели его изъ опочивъ, онъ взглянулъ жалостно такъ-то на Устинью Петровну, вздохнулъ, да и сказалъ:

— Грѣхъ будетъ, есть-когда станете обижать ее: она ничѣмъ непричинна!

— Не безпокойся объ ней: будетъ сохранна!—промолвила государыня.

„Немного погодя государыня встала со стула и сказала:

— Ну, прощайтесь сестра съ сестрой!

„И бросились Устинья Петровна и Хавронья Петровна другъ другъ на шею и зарыдали. Долго плакали онѣ, рыдали, наконецъ, почитай силой, развели ихъ въ разные покои. Съ той минуты Хавронья Петровна не видала Устинью Петровну...

„Послѣ того, чрезъ нѣкоторое время, государыня обдарила Хавронью Петровну деньгами и съ миромъ отпустила на родимую сторону, а Устинью Петровну отвезли на острова, и тамъ кончила она жизнь свою, когда часъ воли Божіей пришелъ. На островахъ выстроенъ былъ для нея особый дворецъ, и жила она въ немъ до конца дней своихъ во всякомъ изобиліи: ей, значитъ, шло изъ казны нарѣшенное жалованье.

„Хавронья Петровна ѣхала изъ Питера черезъ Москву и видѣла тамъ, какъ казнили подложнаго Пугача, того, значитъ, самаго человѣка, что въ опочивахъ у государыни показывали, обличьемъ-то похожаго на Петра Ѳедоровича. Вывели его передъ народъ на площадь, подвели къ плахѣ, прочитали манифестъ, и палачъ отрубилъ ему голову, воткнулъ голову на шестъ и разъ три прокричалъ народу: „Вотъ вамъ государь императоръ! Вотъ голова Пугача самозванца!" А тотъ, значитъ, казненный человѣкъ, въ ту самую минуту, какъ палачъ сталъ замахиваться топоромъ да прежде чѣмъ отрубить, перекрестился и сказалъ: „Умираю за матушку-Россію, за батюшку-царя!"... Хотѣлъ, видно, еще что-то сказать и ротъ было разинулъ, да палачъ не далъ: хвативъ

топоромъ и съ одноразъ сѣкъ ему голову. Хавронья Петровна все это видѣла своими глазами, слышала своими ушами: она близехонько стояла у столба, гдѣ казнь совершали, ей, значитъ, начальство супротивъ другихъ дорогу дало. Этимъ самымъ и прекратилось замѣшательство.

— У Устиньи Петровны былъ отрокъ отъ Петра Ѳедоровича, — говорилъ далѣе старикъ. — Сама государыня воспитывала его. Отрокъ былъ дѣльный, разумный въ Сенатѣ засѣдалъ, да недолго прожилъ: извели его бояры, такъ и пропалъ безъ вѣсти... Ненавидѣли они самого Петра Ѳедоровича, по этой причинѣ ненавидѣли, гнали, искореняли и сѣмя его... Объ этомъ разсказывалъ въ семьѣ нашей шуринъ царскій Андріянъ Петровичъ. Послѣ всей этой заворохи, онъ ѣзживалъ иногда въ Питеръ съ царскимъ кусомъ, видалъ тамъ и отрока, только не открывался ему, а издали видалъ, нельзя иначе было, — видалъ изрѣдка и самё Устинью Петровну, ѣздилъ къ ней по тайности на острова. А какъ отрока извели, съ той самой поры и не стали допускать Андріана Петровича до Устиньи Петровны. Знамо, бояры мудрили изъ ненависти...

Подъ послѣдній конецъ замѣшательства, когда Петръ Ѳедоровичъ встрѣчалъ вездѣ одно утѣсненіе и потому самому укрылся-было опять на Узеняхъ, казаки стали совѣщаться насчетъ его особы, чтобы, знаете, выдать его начальству,— говорилъ далѣе старикъ.—Хотѣли вины свои искупить и къ тому же награжденіе получить, потому что объявлены были отъ государыни большія деньги, кто задержитъ и представитъ его къ ней живого или мертваго—все единственно,— на то, значитъ, дѣло пошло: «на иль-бо онъ, а обоимъ несовмѣстно стало... Петръ Ѳедоровичъ тотчасъ догадался, и сказалъ:

— Сѣльтъ держите обо мнѣ! Что жъ медлите? Приступайте, приступайте!.. Ничего, братія, не сдѣлаете. Только выдадите начальству, да я этого не боюсь. Смотрите, сами послѣ не раскайтесь!..

Тутъ же былъ царскій шуринъ, не Андріянъ Петровичъ,

а другой, старшій братъ, Егоръ Петровичъ. Петръ Федоровичъ подозвалъ его къ себѣ, вздохнулъ и тихо, жалостно проговорилъ:

— Не свѣтить двумъ солнцамъ на небѣ,—не бывать двумъ царямъ въ единомъ царствѣ. Одно солнце передъ другимъ должно померкнуть, одинъ царь другому долженъ уступить мѣсто; это—я!

Минуту спустя онъ заговорилъ другимъ, сердитымъ, громкимъ голосомъ:

— Смотри, Егоръ Петровичъ! Будутъ казаки меня брать, ты рукой до меня не моги дотронуться,—Боже сохрани. Ты знаешь, кто я, и чувствуй это! Ты родину свою узришь, а имъ воскресу не будетъ!...

Стали переѣзжать Большой Узень повыше Пороговъ. Одна половина казаковъ переѣхала прежде на этотъ берегъ, а другая половина осталась на томъ берегу. И Петръ Федоровичъ оставался на томъ же берегу. Напослѣдокъ стали переѣзжать и остальные казаки и какъ доѣхали до середины рѣки, тутъ и рѣшились исполнить свое намѣреніе: въ лодкѣ же и взяли его... Онъ не противился, а только примѣчалъ, кто изъ казаковъ накладывалъ руки на него...

Когда представили его въ нашъ городъ въ ту пору всѣхъ казаковъ, кто при послѣднемъ концѣ при немъ на Узеняхъ находился—всѣхъ тѣхъ казаковъ угнали въ Оренбургъ по канату, и тамъ разсадили по острогамъ. Егоръ Петровичъ по канату же шелъ туда, но года черезъ два его освободили и онъ пріѣхалъ изъ Оренбурга въ нашъ городъ одинъ одинехонекъ, сплылъ по Яику въ лодочкѣ на одно весло, а прочихъ всѣхъ разослали по разнымъ удаленнымъ мѣстамъ въ гарнизоны, а тѣхъ, кто взялъ Петра Федоровича, тѣхъ въ Сибирь на каторгу сослали. Выходитъ, правду онъ сказалъ, что имъ воскресу не будетъ, и не воскресли. А Егоръ Петровичъ узрилъ родину свою и на родинѣ вѣкъ свой кончилъ.

— Ложь ли, правда ли, говорили, что всѣхъ тѣхъ, кто до послѣдняго конца за него стоялъ, всѣхъ тѣхъ онъ об-

стоялъ, никого изъ нихъ не казнили, а всѣ кончили жизнь свою обыкновеннымъ порядкомъ, кому какъ на роду написано; всѣ жили по тайности въ скрытныхъ мѣстахъ, а про Ивана Чику говорили, что изжилъ вѣкъ свой на Яикѣ въ Сергіевскомъ скиту.

На счетъ женитьбы, не знаю, какъ сказать,—говорилъ Никифоръ Петровичъ, когда я коснулся этой статьи.—Все разное толковали. Какимъ манеромъ случилась такая оказія, что онъ отъ живой жены женился — не точію изъ посторонпихъ, а изъ нашей семьи никто вѣрнаго не зналъ, иль-бо ужъ говорить-то не хотѣли — Богъ ихъ знаетъ. — По крайности въ ту пору, какъ я помнить себя сталъ, а родился-то я послѣ Пугачева лѣтъ двадцать спустя, — разные ходили толки. Хавронья Петровна, помню, такъ говорила, будто еще до смотринъ онъ влюбился въ Устинью Петровну и потому самъ собой захотѣлъ на ней жениться, и никто супротивничать ему не смѣлъ, — воленъ былъ, одно слово: царь. А со стороны говорили и такъ, будто Толкачевы погрѣшили въ этомъ дѣлѣ, будто бы они вложили въ него такую мысль: „Есть когда-де ты возьмешь себѣ въ жены дѣвицу изъ природныхъ казачекъ, то-де всѣхъ казаковъ, что ни есть въ Расеи, привлечешь на свою сторону". Онъ будто бы и польстился на это. А у Толкачевыхъ, говорили, была такая мысль: „Казаки-де мы славуцки, дочери-де у насъ красивы:— авось-де изъ нашего дома возьметъ; тогда-де родъ нашъ возвысится". А онъ взялъ изъ нашего дома—замѣтилъ старикъ.

— Были и такіе толки, будто-бы лукавые люди нарочно смутили его жениться, для того единственно, чтобы вѣру въ него у народа помутить.

— Дѣло темное,—продолжалъ старикъ, осталось оно на душѣ у тѣхъ, кто рудовалъ этимъ дѣломъ. Самъ ли онъ далъ маху—отъ живой жены женился,—нарочно ли кто соблазнилъ его, чтобы испортить дѣло его, или кто изъ нашихъ, примѣрно Толкачевы, съ простоты вложили въ него такую мысль—разузнать этого теперь не можно. Одно вѣрно, я такъ мекаю, да и другіе вамъ скажутъ то же самое,—го-

ворилъ старикъ, — одно вѣрно, что во всемъ этомъ было произволеніе Божіе. Не женись онъ—кровопролитіе не скоро бы утишилось,—не женись онъ—къ нему многіе-бъ генералы съ полками преклонились: кровопролитіе пошло бы тогда въ оттяжку. А какъ свѣдали, что онъ отъ живой жены женился, такъ во всемъ народѣ и во всей арміи пошло сумнѣніе, и стали отъ него отпадать: кровопролитіе-то и прекратилось. Значитъ, предѣлъ Божій,—значитъ, такъ тому и быть.

— Чтожъ съ нимъ-то сдѣлали, есть коли казнили не его, а подложнаго? —спросилъ я моего собесѣдника.

— Да тоже, что и съ Устиньей Петровной!—отвѣчалъ собесѣдникъ.—Какъ она изжила вѣкъ свой на островахъ подъ секретомъ, такъ, значитъ, и онъ изжилъ вѣкъ свой въ какомъ ни-на-есть удаленномъ мѣстѣ подъ секретомъ-же..

— Мудреная вещь!—замѣтилъ я.

— Точно, что мудреная! — замѣтилъ въ свою очередь и разсказчикъ.

Затѣмъ разговоръ нашъ въ общихъ чертахъ вертѣлся около корабельной пристани, записи, и т. под.; а потомъ коснулся судьбы извѣстнаго казацкаго старшины Бородина. Исторію о корабельной пристани, записи и т. под. читатель знаетъ уже изъ предыдущихъ разсказовъ—слѣдовательно, повторять ее здѣсь не для чего. Что-же касается до старшины Бородина, — объ немъ, какъ уже и прежде замѣчено, рѣчь впереди. Теперь послушайте еще кой-кого изъ старшковъ-казаковъ.

V.

Разсказы разныхъ лицъ.

— ...Дядюшка мой, Василій Степановичъ Толкачевъ, и товарищъ его Иванъ Ивановичъ Ерофеевъ, оба молодые парни, были въ числѣ приближенныхъ къ Петру Ѳедоровичу, — говорилъ мнѣ семидесятилѣтній старикъ-казакъ Толкачевъ, житель Чаганскаго форпоста.—Когда еще онъ не объявлялся всенародно,—продолжалъ старикъ, а жилъ по тайности на Узеняхъ, въ ту пору сознакомился онъ тамъ съ дядюшкой моимъ, Васильемъ Степановичемъ, а дядюшка, Василій Степановичъ, изволите ли знать, гулебщикъ былъ первой руки, часто ѣзжалъ на Узени по дикаго звѣря. Черезъ Василья Степановича Петръ Ѳедоровичъ сознакомился и со всей нашей семьей, а семья наша была большая, справная. У насъ въ семьѣ и харуики вышивали; для этого и золото, и серебро, и золотыя бахромы, и прочее доставляли Петру Ѳедоровичу изъ Москвы сугласнички его. Такъ въ семьѣ нашей послѣ разсказывали,—добавилъ старикъ.

Еще при немъ былъ,—продолжалъ старикъ, — не то товарищъ, не то дядька, Богъ его знаетъ, какой-то невѣдомый человѣкъ, должно быть не изъ расейскихъ, а изъ иностранныхъ: говорилъ онъ не чисто по-русски, а нѣмецко. И мудреный же былъ этотъ человѣчекъ, отдать справедливость,—дошлый на все и чертовщинки, видно, зналъ. Одно слово, голова!...

Разъ пошли они на охоту, дядюшка Василій Степанычъ и этотъ иностранецъ. Пришли къ ильменю. Плаваетъ на ильменѣ лебедь, да слишкомъ далеко, убить нельзя, никакое, значитъ, ружье не дострѣлитъ. Дядюшка поворотилъ прочь, а иностранецъ и говоритъ:

— „Васенька! Али не хочешь бить?“

— „Далеко очень! — говоритъ дядюшка... Не убьешь. Зачѣмъ даромъ зарядъ терять?“

— „Ничего, что далеко,—говоритъ иностранецъ.—Знай, ложись на ра̀жки, близко будетъ.“

Дядюшка послушался, взвелъ курокъ и прилегъ на ра̀жки. Иностранецъ отошелъ немного прочь и сталъ шептать что-то. Вдругъ лебедь ни съ того, ни съ сего замахалъ крыльями и на хлопка̀хъ пошелъ прямо на дядюшку; подплылъ саженъ на десять и остановился, словно привязанный. Дядюшка прицѣлился и выстрѣлилъ, лебедь свернулся. Выходитъ, иностранецъ слово такое зналъ, что тварь слушалась его.

Подъ послѣдній конецъ замѣшательства человѣкъ этотъ пропалъ, словно въ воду канулъ—сказывалъ дядюшка;— убили ли его на какой баталіи или самъ собой отшатился, Богъ вѣсть, а только дядюшка Василій Степанычъ мѣсяца за два до послѣдней баталіи, что была на Волгѣ, не видалъ его. А допрежь того, дядюшка сказывалъ, допрежь того онъ безотлучно находился при Петрѣ Ѳедоровичѣ и подавалъ совѣты, какъ баталіи вести.

На Волгѣ не счастливилось ему, Петру-то Ѳедоровичу,— продолжалъ разсказчикъ.—Въ одной, въ не добрый часъ, видно, значитъ баталіи онъ потерялъ и пушки, и порохъ, и казну, и харуги, и вся армія его разстроилась и разбѣжалась. Оставшись ни при чемъ, онъ перекинулся на сю (луговую) сторону Волги и укрылся опять на Узеняхъ, гдѣ и прежде прилгался. Дядюшка Василій Степанычъ и товарищъ его Иванъ Иванычъ Ерофеевъ вмѣстѣ стражались, другъ отъ друга ни на шагъ не отставали, выходитъ, друзья были. Когда побѣдили ихъ на Волгѣ, они думали, что по-

слѣдній конецъ пришелъ, бросились въ Волгу и поплыли на сю сторону. Какіе-то люди гнались за ними въ лодкѣ, однако, не догнали, посередь Волги опрокинулись и пошли на дно. Дядюшка мой былъ о двуконь. Бурый меринъ былъ сильный и надежный конь, а и мухортый былъ хорошъ, однако, супротивъ бураго не стоилъ, немножко послабѣе, пожидковатѣе бураго былъ. Дядюшка попадѣялся на бураго и привязалъ ему подъ шею мѣшокъ съ золотомъ, фунта съ два вѣсомъ, а пучекъ ассигнацій, замѣстъ пропажи, привязалъ на холку мухортому, чтобы на всякъ случай не обмочить. Мухортый меринъ переплылъ рѣку благополучно и спасъ хозяину бумажки, а бурый, на кого надежа-то была, бурый-то, сударь мой, не доплылъ до берега саженей пять-шесть, утонулъ, а съ нимъ и золота казна пропала. Знай дядюшка, что такой грѣхъ случится съ бурымъ, привязалъ бы золото на мухортаго, иль-бо по ровну раздѣлилъ. Да почемъ было знать? Не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь.

Когда выдали его начальству,—продолжалъ собесѣдникъ,—дядюшка Василій Степанычъ и Иванъ Иванычъ Ерофеевъ со многими казаками, кои несогласны были на этакое дѣло, то-есь чтобы выдать его начальству, оставались на Узеняхъ и долгое время скрывались тамъ въ камышахъ, питались отъ охоты, били, значитъ, кабановъ и сайгаковъ, тѣмъ и продовольствовались. А въ дома возвратились тогда только, когда вышелъ отъ царицы милостивый манифестъ. Въ ту же пору и указъ отъ государыни послѣдовалъ таковой: „Не называть-де впредь Яикъ рѣку Яикомъ, а называть Ураломъ, и Яицкимъ-де казакамъ не называться впредь Яицкими, а называться Уральскими“.—И съ той поры рѣка наша стала называться Ураломъ, а сами мы Уральскими. И такая перемѣна въ имени нашемъ сдѣлана въ наказаніе намъ: больше ничего нельзя было сдѣлать... Выходитъ, онъ былъ не простой побродяга, не самозванный, а настоящій царь!—заключилъ старикъ.

— Бѣжалъ онъ изъ Питера отъ „налоги“ и прибѣжалъ къ намъ на Яикъ, — говорилъ слѣпой и очень старый казакъ Лоскутовъ, житель Краснаго умёта.—Спервоначалью никому изъ нашихъ невдомёкъ, что онъ бѣжавшій царь. Былъ онъ у севрюгъ *) въ обозѣ у казаковъ въ кашеварахъ. Бывало, соберутся позавтракать, али пообѣдать, и онъ собираетъ имъ на столъ, кормитъ, прислуживаетъ, а какъ дойдетъ дѣло до сухарей, схватитъ пригоршни и бросить ль чашку или-бо въ котелъ съ азартомъ и скажетъ: „Царь сухари ѣстъ!“ Всѣ только засмѣются, да межъ себя истолкуютъ:“ какой прокуратъ, какой забавникъ нашъ кашеваръ!“ А то и въ башку никому не придетъ оболтусамъ, что кашеваръ-то не просто побродяга, а самъ царь. О себѣ, значитъ, навѣтки давалъ.

Пришли отъ севрюгъ и забыли про кашевара. А онъ живетъ у кого-то изъ нашихъ казаковъ—у Толкачевыхъ ли, у Пьяновыхъ ли, у Шелудяковыхъ ли, навѣрное не могу сказать, да это все единственно, у кого бы тамъ не было.— Живетъ онъ себѣ по убожеству въ передбанникѣ. Каково? Изъ царскихъ-то палатъ въ передбанникѣ, и каждную, бывало, ночь затеплитъ передъ образомъ свѣчку и молится. Однажди хозяева и подслушали: читаетъ онъ, батенька кануитъ заздравный, а за кого?—чудеса, батенька мой! Читаетъ онъ за царя-наслѣдничка, за Павла Петровича, величаетъ его рожденнымъ чадомъ своимъ!—Хозяевъ, какъ услыхали они это, словно колотушкой кто огрѣлъ по лбу.—И разнеслась объ этомъ слава по всему городу. Тутъ только и раскусили слова его у севрюгъ: „Царь сухари ѣстъ!“ Пристали къ нему: кто онъ такой? Онъ и повинился.—И дивился же народъ такому чуду! Царь — кашеваръ! Царь сухари ѣстъ!—Царь въ передбанникѣ!... Чудны, чудны дѣла Господни.

---

*) Не какъ рыболовства, гдѣ полезительно ловятъ рыбу севрюгъ. Онъ пишется [illegible] и на бумагахъ пишется: Севрюжное рыболовство; но [illegible] называютъ это: Севрюги: напр., идти по севрюги, былъ у севрюгъ.

Съ той поры онъ и сталъ оперяться: взялъ вскорости силу большую и пошелъ к е т и т ь! И пошелъ! И пошелъ! Дымъ коромысломъ всталъ. Дрогнула мать-сыра земля, и застонала вся Расея!... Не проходило дня, въ кой бы не повѣсилъ онъ кого, кто не вѣровалъ въ него. Особенно г о с п о д а м ъ доставалось. Долго, чай, помнили его,—никому не спускалъ, кто въ руки попадался, всякаго на рели вздергивалъ, а все за то, что самъ отъ нихъ натерпѣлся муки вволю. Значитъ, долгъ платежемъ красенъ,—невѣсткѣ, значитъ, на отместку.—А къ простому народу былъ милостивъ.

— Началъ онъ свое похожденіе отъ нашего города и пошелъ супротивъ солнца къ Оленбурху (Оренбургъ); отъ Оленбурха поворотилъ на заводы, оттуда на Волгу,—съ Волги пришелъ на Узени,—все, значитъ, шелъ супротивъ солнца. На Узеняхъ остановился. Дальше никуда не пошелъ. Тамъ, значитъ, предѣлъ былъ положенъ!—заключалъ старикъ.—Потомъ, погодя немного, продолжалъ:

— Привезли его съ Узеней чинимъ манеромъ въ нашъ городъ и при всемъ народѣ заковали въ кандалы, да и повезли за конвоемъ въ Москву.—Конвойнымъ былъ нашъ Мартемьянъ Михайловичъ Бородинъ, самый первый супротивникъ его. Ладно.—Пугача, значитъ, нѣтъ въ городѣ.—увезли.—Хорошо.—Слушай-ка, что́ вышло.

– Вечеромъ въ тотъ день, какъ увезли его, Кузнецовы, родня его, сидѣли за ужиномъ. Вдругъ отворились двери и входитъ купецъ.—„Хлѣбъ соль!“ сказалъ купецъ.—Кузнецовы вздрогнули, и ложки выпали у нихъ изъ рукъ: это, значитъ, о н ъ былъ; они по голосу его узнали.—Не бойтесь: это я!—говоритъ онъ.—Пришелъ провѣдать васъ и успокоить, что не пропалъ я.—Хотъ Мартемьянъ Михайловичъ и везетъ въ Москву Пугача, да не того, кого бы хотѣлъ. Я, говоритъ, по милости Божіей не пропаду.—Ну, прощайте! Живите по добру по здорову!—Сказалъ это, да и былъ таковъ.—Только что Кузнецовы опамятовались, сію-жъ минуту выбѣжали на дворъ, чтобы воротить его и толкомъ

поговорить, а его и слѣдъ простылъ,—Митькой звали. — Слышно только, какъ по улицѣ покатила повозка, да колокольчикъ зазвенѣлъ. Кузнецовы за ворота и видятъ: домъ ихъ оффруччиваютъ солдаты. Что за оказія? — Оказія, баенька!—Случилась эта оказія вотъ по какому побыту.

— Въ тотъ же самый вечеръ часами двумя раньше сидѣлъ у атамана въ гостяхъ купецъ. Пришелъ другой купецъ, помолился образу, поклонился атаману, взглянулъ на перваго купца и онѣмѣлъ!... Два часа совсѣмъ безъ языка былъ. Тѣмъ временемъ первый купецъ всталъ, раскланялся съ атаманомъ и ушелъ, какъ ни въ чемъ не бывало.—Часа черезъ два у второго купца языкъ кой-какъ, кой-какъ и поворотился.

— Кто это былъ у тебя?—спросилъ онъ атамана.

— Купецъ!—говоритъ атаманъ.

— Не купецъ, а это самъ Пугачъ! — говоритъ второй купецъ.

Онъ, значитъ, призналъ его сразу и отъ испугу онѣмѣлъ. —Тутъ и атаманъ догадался,—сію-жъ минуту взялъ у солдатскаго командира солдатъ и кинулся къ Кузнецовымъ, да не засталъ его. Оффруччилъ домъ, да безъ толку: ничинь взялъ. Слышалъ только, какъ колокольчикъ заливался по дорогѣ къ Чувашскому умёту. — Не такой, значитъ, онъ человѣкъ былъ, этотъ, по вашему, Пугачъ, одно слово: штукарь! въ одно ухо влѣзетъ, въ другое вылѣзетъ!

— Покойный родитель мой состоялъ при Петрѣ Ѳедоровичѣ опараломъ и носилъ черезъ плечо голубую ленту,— говорилъ мнѣ Филиппъ Ивановичъ Павловъ, житель Рубежнаго форпоста.—Жалованъ былъ отъ него суконнымъ, изъ аглицкаго сукна, кафтаномъ малиноваго цвѣта, обшитымъ по борту, по поламъ и по подолу широкимъ, въ ладонь ширины, золотымъ прозументомъ.—Послѣ отца кафтанъ этотъ донашивалъ я, насилу донесилъ: ужъ больно сукно-то было добротное; такихъ нынче нѣтъ.

До объявки себя царемъ,—говорилъ Павловъ,—онъ чаще всего надерживался у Толкачевыхъ, подъ видомъ, якобы работникъ, а на самомъ дѣлѣ какой работникъ, только отводъ одинъ дѣлалъ, выжидалъ удобнаго времени, чтобы дѣло свое начать. Когда явился въ городъ съ арміей, сталъ на фатеру къ Толкачевымъ. Тутъ сосѣди Толкачевыхъ и признали его. „Смотрите-ка, смотрите-ка! Какое чудо! Право чудо!!“—Толковали межъ собой сосѣди.—„Ну, кто могъ подумать, что это царь былъ?“

Съ этого времени и началась война, и длилась она до самой женитьбы его. До женитьбы онъ воевалъ счастливо: всѣ, значитъ, города ему сдавались. А какъ женился, такъ и отрубило!

На вопросъ мой, какимъ образомъ Пугачевъ женился?—Филиппъ Ивановичъ отвѣчалъ:

— Подгадилъ кто-то! Поговаривали про Толкачевыхъ, якобы они присовѣтовали ему жениться. Есть когда взаправду они присовѣтовали,—замѣтилъ Павловъ,—то великій грѣхъ на душу взяли, незамолимый: отъ живой жены жениться не подобаетъ. Да и его-то, батюшку, въ искушеніе ввели; чай, спокаялся и онъ, да поздно: „снявши голову, надъ волосами не плачутъ“, старые люди такъ говаривали. Послѣ его женитьбы казаки наши стали уклоняться отъ него: значитъ, усумнились въ немъ. Осталась при немъ самая малость казаковъ. Правда, собиралъ онъ рати много, да все изъ крестьянъ—что толку-то? Съ такою ратью ничего не подѣлаешь, хоть бы и совсѣмъ ее не было. Разбилъ его князь Голицынъ подъ Татищевой, и съ той поры пошелъ онъ на утекъ,—нигдѣ удачи не имѣлъ. Напослѣдокъ попался въ руки царицы, первой своей супружницы.

А былъ онъ,—родитель сказывалъ,—былъ онъ воинъ настоящій, за рѣдкость такихъ: и храбрый, и проворный, и сильный,—просто богатырь!.. Въ гору лошадь обгонялъ! *) А разъ, подъ Оленбурхомъ, самъ своей персоной одинъ бута-

*) Подразумѣвается: самъ будучи пѣшкомъ.

рей управлять, всѣхъ двѣнадцать орудій было, а онъ успѣвалъ и заправлять, и наводить, и палить; и въ то же время полковникамъ и сварамъ своимъ приказанья отдавалъ. Вотъ онъ молодчина какой былъ! А деньги, порохъ и всякіе припасы изъ аврооніи *) получалъ: значитъ, сугласничьи его высылали ему... И былъ онъ грамотный...

При этихъ словахъ я замѣтилъ, что по всѣмъ свѣдѣніямъ, какія мы имѣемъ, самозванецъ-Пугачевъ былъ безграмотный. Но Павловъ возразилъ: какъ не знать ему грамоты? онъ нѣмецъ былъ!!" **).

...Удалился онъ изъ Питера на кораблихъ, — говорилъ Семенъ Марковичъ Столыпиковъ, восьмидесятилѣтній старикъ, житель Генварцевскаго форпоста,—и былъ въ разныхъ иностранныхъ земляхъ, а напослѣдокъ объявился на Яикѣ.

Шелъ съ своею ратью изъ Яицкаго городка къ Оренбургу Самарской стороной,—продолжалъ старикъ,—а Маремьянъ Михайловичъ Бородинъ съ своимъ отрядомъ пробирался туда же Бухарской стороной. Съ форпостовъ Петръ Егоровичъ забиралъ всѣхъ казаковъ въ свою рать. Въ Генварцевъ останавливался ночевать у насъ въ домѣ, родителя моего пожаловалъ въ сварады. Въ Бердѣ остановился, и всю разрубилъ. Весь товаръ изъ лавокъ перешелъ въ руки къ нашимъ казакамъ. И было пьянство въ Бердѣ отъ всего съѣла, просто разливанное море. Изъ Берды казаки наши, то-есть генварцевскіе, вернулись и привезли съ собой мѣшки. Бабы спрашиваютъ: „что у нихъ въ мѣшкахъ?" а казаки говорятъ: „портянки!.." Бабы полюбопытничали, развязали мѣшки и ахнули: мѣшки бишкомъ набиты были штофами, ленитиномъ, парчей и всякимъ шелковьемъ! Изъ этихъ самыхъ портянокъ бабы надѣлали себѣ и сарафа-

---

*) [illegible] Америка [illegible].

**) [illegible] грамоты [illegible] былъ! [illegible] Столыпиковъ.

новъ, и фуфаекъ, и разнаго одѣянья. Вотъ какія были портянки!...

Жутко приходилось Оленбурху,—говорилъ старикъ.— Мартемьянъ Михайловичъ и всѣ, кто тамъ въ осадѣ сидѣлъ, ѣли лошадину, и ту за честь. Едва ли бы Оленбурхъ удержался, есть когда самъ онъ не испортилъ дѣло свое безвременной женитьбой. Лишь только государыня узнала, что онъ женился на Устиньѣ Петровнѣ, тотчасъ же и послала самаго вѣрнѣйшаго ей сварала, князя Голицына, приказала, чтобы непремѣнно разбилъ его. И Голицынъ постарался, разбилъ его подъ Татищевой. Съ той поры онъ и пошелъ скитаться. Напослѣдокъ съ Узеней сами же казаки представили его въ городъ, а оттуда къ государынѣ въ Питеръ препроводили. Государыня заключила его въ монастырь; тамъ онъ и дни свои скончалъ...

На вопросъ мой: „кого же казнили?" Семенъ Марковичъ отвѣчалъ, какъ обыкновенно и другіе отвѣчали, вотъ что: Богъ вѣсть кого, только не его! Знамо, подыскали такого человѣка.

...Когда онъ подступалъ подъ нашъ городъ,—говорилъ восьмидесятишестилѣтній старикъ, житель Илецкаго городка, Василій Степановичъ Рыбинсковъ,—атаманъ Портновъ подговорилъ команду, чтобъ не впускать его въ нашъ городъ и не кориться ему. Сначала казаки послушались атамана, человѣкъ-то онъ былъ хорошій, казаки любили его и по его приказу подшили свои подъ мостомъ, чтобы нельзя было по немъ пройти. А онъ не будь дуренъ, заѣхалъ съ яицкими казаками вверхъ отъ города и вплавь перебрались черезъ Яикъ на нашу сторону. Атаманъ Портновъ, Лазарь Иванычъ, и команда въ триста человѣкъ стоятъ у моста и ждутъ, думаютъ, что онъ тутъ на нихъ пойдетъ, а онъ задами вступилъ въ городъ и взялъ его. Команда обробѣла и преклонилась ему. Лазарь Иванычъ и тутъ вздумалъ супротивничать, и потому самому Петръ Ѳедоровичъ велѣлъ казнить

его, и повѣсили Лазаря Иваныча!.. А есаулъ Жеребятниковъ успѣлъ ускакать въ Оленбурхъ и тѣмъ самымъ избавился казни.

Родитель мой,—продолжалъ разсказчикъ,—состоялъ при Петрѣ Ѳедоровичѣ, но не долгое время. Изъ-подъ Татищевой, когда князь Голицынъ разбилъ ихъ, отецъ мой бѣжалъ домой; а послѣ при допросахъ отрекся, показалъ, что состоялъ при немъ изъ-подъ неволи, смотря на другихъ; а когда-де увѣровалъ, что онъ не царь, тотчасъ же-де и бѣжалъ отъ него. Этимъ самымъ показаніемъ отецъ мой и спасъ себя, остался безъ наказанія. А другихъ прочихъ изъ нашей братьи куда какъ крѣпко жарили плетьми, кто до конца держалъ его сторону и считалъ его за царя, а иныхъ смертію казнили.

— А кто онъ былъ по твоему?—спросилъ я Рыбинскова.

— Знамо кто: Петръ Ѳедоровичъ! Объ этомъ и толковать нечего,—отвѣчалъ Рыбинсковъ.—А потомъ, когда я высказалъ совсѣмъ противное мнѣніе, старикъ заговорилъ:

— Коли намъ вѣры нѣтъ, можно, чай, повѣрить командирамъ. Послѣ того, какъ онъ бѣжалъ изъ-подъ Татищевой, нагнали въ нашъ городъ много солдатъ и гусаръ. Гусарскій командиръ у насъ въ домѣ квартировалъ, и по часту съ отцомъ моимъ бесѣдовалъ объ немъ, разспрашивалъ, каковъ онъ изъ себя. Отецъ не таясь сказывалъ: такой-де и такой.

— А нѣтъ ли на лицѣ у него знака какого? —спросилъ гусарскій командиръ.

Отецъ сказалъ—„есть!“

— Какой?—спрашиваетъ гусарскій командиръ.

— Подъ лѣвымъ глазомъ маленькій рубчикъ,—говоритъ отецъ.

— Ну, такъ и есть! —сказалъ гусарскій командиръ и вскочилъ идю съ мѣста.—Самый онъ и есть, Петръ Ѳедоровичъ!

„А другимъ прочимъ командирамъ куда какъ противно было, коли казаки показывали объ немъ, что онъ не Пугачъ, а царь,—продолжалъ Рыбинсковъ.—Бывало, пригонятъ къ

допросу казаковъ, поставятъ въ рядъ и по одиночкѣ съ крайняго начнутъ допрашивать:

— Какъ признаешь Пугача?—спрашиваютъ командиры.

— Какъ вы, такъ и я!—отвѣчаетъ иной казакъ.

— Однако какъ?—спрашиваютъ командиры.

— Знамо какъ: анператоръ!—скажетъ казакъ.

— Врешь!!!—говорятъ командиры и цыкаютъ.—Онъ подлый казачишка! Понимаешь ли, пустая твоя борода?!

— Понимаю-ста,—говоритъ нехотя казакъ.—Быть по вашему: казачишка, такъ казачишка...

— То-то же!—говорятъ командиры.—И впередъ такъ говори. Онъ подлый казачишка!..

— Слушаю-ста, — говоритъ казакъ, — а самъ думаетъ, какъ бы только отдѣлаться.

„А со стороны иной казакъ не вытерпитъ, да и скажетъ:

— Зачѣмъ напрасно корить человѣка? какой онъ казачишка? Развѣ казакъ,—вотъ это дѣло!..

— А!—кричатъ командиры.—Не казачишка, казакъ! Такъ мы же вамъ покажемъ. Эй! Плетей!

И отдерутъ бѣдняжку, словно Сидорову козу, а за что? не хотѣлъ Пугача назвать паскуднымъ именемъ: казачишкой... Послѣ того всякій и говоритъ, что угодно командирамъ, а въ душѣ-то у каждаго другое... Да ничего не сотворишь, супротивъ начальства не пойдешь: сила солому ломитъ... Есть когда бъ въ самомъ дѣлѣ то былъ Пугачъ, то-есь донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, а не Петръ Ѳедоровичъ, то Мартемьянъ Михайловичъ Бородинъ не пропалъ бы! — прибавилъ Рыбниковъ.—А вѣдь всему міру извѣстно,—заключилъ старикъ,—что Бородинъ сгинулъ въ Питерѣ, а отъ кого? все отъ него же, то-есь отъ Петра Ѳедоровича: онъ его и допекъ!..

Теперь, кстати, о Бородинѣ.

VI.

Легенда о Бородинѣ.

Старшина Мартемьянъ Михайловичъ Бородинъ, при появленіи на Яикѣ самозванца, не принялъ его сторону, собралъ подъ свое знамя до четырехсотъ казаковъ и степной стороной Яика пробрался на помощь Оренбургу. Во все время осады Оренбурга Пугачевымъ, Бородинъ съ своимъ отрядомъ держался въ этомъ городѣ, дѣлалъ частыя вылазки противу скопищъ самозванца и безспорно много содѣйствовалъ обороне города. Потомъ, когда Пугачевъ оставилъ Оренбургъ и перенесъ бунтъ на берега Волги, Бородинъ преслѣдовалъ и громилъ отдѣльныя шайки самозванца, скитавшіяся между Волгой и Яикомъ. Наконецъ, когда Пугачевъ выданъ былъ въ руки правительства, Бородинъ въ числѣ другихъ конвоировалъ его до Москвы *).

Изъ Москвы Бородинъ съ частью казаковъ, бывшихъ съ нимъ въ конвоѣ, отправился въ Петербургъ, гдѣ, само собой разумѣется, былъ милостиво принятъ, обласканъ и по

*) По преданіямъ казаковъ, Бородинъ былъ въ числѣ конвойныхъ Пугачева, но по нѣкоторымъ даннымъ, до меня дошедшимъ, я заключаю, что онъ не конвоировалъ Пугачева, а пріѣхалъ въ Петербургъ уже въ ноябрѣ или даже декабрѣ 1774 г. А до этого времени Бородинъ, кажется, занимался преслѣдованіемъ разрозненныхъ шаекъ Пугачева, скитавшихся между Волгой и Яикомъ.

своему званію щедро награжденъ государыней, какъ вѣрный и усердный слуга, успѣвшій на Яикѣ составить въ свое время оппозицію самозванцу и тѣмъ не допустить весь народъ (я разумѣю яицкихъ казаковъ) стать подъ знамя Пугачева. Еще въ іюнѣ 1774 г., когда бунтъ продолжался, Бородинъ былъ произведенъ въ маіоры, пожалованъ золотою медалью и награжденъ тысячью рублями (цыфра по тому времени порядочная, особенно для казака, не имѣвшаго родоваго!). Съ прекращеніемъ же мятежа, когда, какъ выше сказано, Бородинъ явился въ Петербургъ, государыня произвела его отъ арміи въ полковники и назначила Войсковымъ Атаманомъ уральскаго (переименованнаго изъ яицкаго) казацкаго войска. Получивъ такое назначеніе, въ январѣ 1775 года, Бородинъ оставался въ Петербургѣ и—скоропостижно умеръ *). Такая смерть Бородина послужила народу поводомъ сочинить насчетъ его слѣдующую легенду.

— ...Не умеръ нашъ Мартемьянъ Михайловичъ своею смертью, а допекъ его лишь Пугачъ, а нашъ Петръ Ѳедоровичъ!—говорилъ мнѣ одинъ старикъ **).—Хотѣлъ онъ выслужиться передъ государыней и самъ повезъ Пугача въ Москву. Мартемьяна Михайловича провожали сродственники и знакомые. За башней на прощаньѣ стали по обычаю пить водку, наливку и все такое. Пугачъ сидѣлъ въ закрытой телѣгѣ, выглянулъ оттуда и спросилъ: „Мартемьянъ Михайло

---

*) Неизвѣстно, т. е. у меня нѣтъ данныхъ, когда Бородинъ умеръ; но полагать надо, онъ умеръ въ апрѣлѣ, потому что высочайшее повелѣніе о назначеніи вмѣсто Бородина другого атамана, Ив. Кир. Акутина, послѣдовало 7-го мая. А промежутокъ времени отъ смерти одного атамана до назначенія другого по тогдашнимъ смутнымъ обстоятельствамъ не могъ быть слишкомъ продолжительнымъ.

**) Здѣсь я приведу имена разсказчиковъ по тои причинѣ, что одинъ и тотъ же варіантъ настоящей легенды мнѣ доводилось слышать отъ нѣсколькихъ лицъ.

*

вичъ! Что пьете одни? Поднесите-ка и мнѣ!" А Мартемьянъ Михайловичъ ему въ отвѣтъ: „Куда тебѣ, паршивому бѣсу, изъ одной посуды съ нами пить!..“ Пугачъ побѣлѣлъ и сказалъ: „Хорошо же! Ты хочешь видѣть мою смерть—не удастся: я скорѣе твою увижу!“ Немного погодя одинъ изъ старшинъ, Михайловъ, подошелъ къ телѣгѣ, гдѣ Пугачъ сидѣлъ, и поднесъ ему изъ своего стакана. Пугачъ выпилъ, крякнулъ и сказалъ:

— Спасибо, дружище! Не забуду я тебя. Господа честные! Запомните, что скажу, — сказалъ Пугачъ ко всѣмъ, кто тутъ былъ:—отнынѣ родъ Михайловъ возвысится, а родъ Бородинъ падетъ!

— Такъ и случилось,—прибавилъ разсказчикъ.—За двѣ станціи до Москвы выѣхалъ на встрѣчу къ Пугачу царевичъ Павелъ Петровичъ и увезъ его съ собой. „А съ тобой, — сказалъ онъ Мартемьяну Михайловичу,—съ тобой увидимся послѣ, въ Петербургѣ. Богъ дастъ, тамъ и потолкуемъ!“.

Пріѣхалъ чрезъ сколько-то времени Мартемьянъ Михайловичъ въ Питеръ, и отвели ему тамъ гдѣ-то по край города фатеру. Живетъ Мартемьянъ Михайловичъ и ждетъ, что-то будетъ. Разъ является къ нему на фатеру офицеръ и требуетъ его во дворецъ. Побѣлѣлъ Мартемьянъ Михайловичъ, сдѣлался словно полотно, и нехотя пошелъ за офицеромъ. „Чуетъ кошка, чье мясо съѣла“. Пошелъ Мартемьянъ Михайловичъ и пропалъ, словно въ воду канулъ. Никто изъ нашихъ казаковъ больше ужъ не видалъ его. Чрезъ сколько-то времени двое изъ казаковъ, что были съ нимъ въ Питерѣ, пошли во дворецъ понавѣдаться объ немъ, но тамъ сказали имъ, что старшина Бородинъ умеръ... Такъ на томъ и положили: умеръ, да умеръ Мартемьянъ Михайловичъ, а никто и мертваго-то его не видалъ. Ложь ли, правда ли, говорили, что его живаго въ столбъ заклали. А Михайловы пошли съ того времени все въ гору, да въ гору! Значитъ, какъ Пугачъ сказалъ, такъ и вышло: родъ Михайловъ возвысился.

— ...Когда Мартемьянъ Михайловичъ ѣхалъ съ Пугачемъ въ Питеръ, Пугачъ часто съ усмѣшкой говаривалъ ему: „Мартемьянъ Михайловичъ, куда ѣдешь? Зачѣмъ ѣдешь? Не вернуться ли домой, —лучше будетъ. Эй, Мартемьянъ Михайловичъ! Поверни-ка оглобли назадъ, покуда время есть. Не слушаешь! Ну, Богъ съ тобой! Послѣ самъ на себя пеняй“.

Пріѣхали въ Питеръ. Мартемьяна Михайловича тотчасъ же позвали въ сенатъ, а казаковъ, что съ нимъ были, въ сенатъ не впустили, остановили на улицѣ у крыльца. Чрезъ нѣкоторое время вдругъ во всѣхъ церквахъ зазвонили въ сполохъ. Казаки подумали, что пожаръ, но ни дыму, ни пламя нигдѣ не видать, и народъ по улицамъ спокоенъ. Казаки дивуются, что бы это такое значило, а то и въ голову никому не придетъ, что звонятъ о рабѣ Божіемъ Мартемьянѣ Михайловичѣ. Напослѣдокъ вышелъ изъ сената какой-то сенаторъ, весь въ крестахъ, да въ звѣздахъ, и объявилъ казакамъ: „Бородинъ умеръ!...“

Послѣ того одному изъ казаковъ трафилось быть въ комнатахъ у государыни. Вдругъ, братецъ ты мой, изъ-за ширмъ вышелъ Пугачъ и прямо къ казаку: „Здорово, дружище! Узнаешь ли меня?“

— Какъ не узнать!—говоритъ казакъ.

— То-то же! Думали, что я умру: умеръ Мартемьянка Бородинъ! Самъ виноватъ. Зачѣмъ шутъ тащилъ сюда? Не безъ чего говорилъ дураку, чтобы воротился. Однако, не хочешь ли винца? Выпей!

И поднесъ казаку цѣлую кружку какого-то заморскаго вина, насилу тотъ ноги дотащилъ до фатеры—больно ужъ захмѣлѣлъ. А Мартемьянъ Михайловичъ пропалъ. Съ живаго съ него, говорили, шкуру содрали, какъ хивинцы съ Бекича. И подѣломъ,—прибавилъ разсказчикъ: —не суйся не въ свое дѣло. Однако, Павелъ Петровичъ, когда на царство сѣлъ, сжалился надъ сыномъ его, надъ Давыдомъ Мартемьяновичемъ, далъ ему атаманство. Съ того времени Бородины

опять пошли въ ходъ, а дотолева ихъ и въ пару не знать было.

— Всю дорогу отъ Уральска до Питера Мартемьянъ Михайлычъ и Пугачъ грызлись межъ собой, перекорялись и грозили другъ дружкѣ. Мартемьянъ Михайловичъ грозился царицей, а Пугачъ—царевичемъ. Мартемьянъ Михайловичъ говаривалъ Пугачу: „Дай срокъ доѣхать до матушки-царицы: задастъ она тебѣ такую баню, что до новыхъ вѣниковъ не забудешь!" А Пугачъ говаривалъ Мартемьяну Михайловичу: „Дай срокъ доѣхать до царевича Павла Петровича: задастъ онъ тебѣ такого жару, что небо съ овчинку покажется!"

Случилась еще такая исторія. На какой-то станціи перемѣняли телѣгу. Мартемьянъ Михайловичъ приковывалъ Пугача къ новой телѣгѣ, да, видно, больно сжалъ кандалами ему ноги. Пугачъ не вытерпѣлъ, сказалъ: „Мартемьянъ Михайловичъ! Сжалься! Ослабни немного кандалы". Могуты моей нѣтъ, больно ноги жметъ". А Мартемьянъ Михайлычъ усмѣхается, да говоритъ: „Потерпи! Въ Питерѣ, Богъ дастъ, совсѣмъ снимутъ..."

— Ну, Мартемьянъ! Не забуду я этого! —сказалъ Пугачъ. — На Яикѣ ты мнѣ много солилъ, да я забылъ то. А этого во-вѣки вѣковъ не прощу.—Переѣхалъ ты мнѣ теперича черезъ ногу:—Богъ дастъ, придетъ время, переѣду и тебѣ черезъ шею. Попомни!

Пріѣхали въ Питеръ. Пугача взяли во дворецъ, а Мартемьяна Михайловича поставили на обывательской квартирѣ. Чрезъ недолгое время позвали и его во дворецъ. Съ нимъ пошелъ вѣстовой казакъ. Мартемьяна Михайловича ввели въ горницу, а вѣстоваго остановили въ прихожей. Вѣстовой полюбопытничалъ, отворилъ немного дверь въ горницу и заглянулъ туда. Что же увидалъ онъ?—Увидалъ онъ, сударь мой, диво дивное, чего и не ожидалъ!—На кровати, за бѣлыми кисейными занавѣсками, лежитъ Пугачъ, — похоже,

только что вышелъ изъ бани: волосы мокры, а лицо красно. — У ногъ его, на стулѣ, сидитъ царевичъ Павелъ Петровичъ,— а у окна сидитъ царица. И всѣ плачутъ, платочками слезы утираютъ.—А у притолки, словно солдатъ, стоитъ на вытяжку Мартемьянъ Михайловичъ,—стоитъ и дрожитъ, словно на морозѣ. Вѣстовой тоё-жъ минуту попятился назадъ и вышелъ изъ прихожей въ сѣни, будто ничего не видалъ. Знамо, боялся, какъ бы бѣды какой не нажить. Долго вѣстовой ждалъ Мартемьяна Михайловича—не выйдетъ ли изъ горницы,—и не дождался, ушелъ на квартиру. На другой день всѣ казаки, что находились при Мартемьянѣ Михайловичѣ, человѣкъ съ шесть, пошли во дворецъ повавѣдаться о старшинѣ. Когда они пришли, ихъ спросили:— „Кого вамъ надо?" — „Атамана!"—сказали казаки.— „Какого?" — „Мартемьяна Михайловича Бородина!" —сказали казаки.

— Атаманъ у васъ теперь другой въ Уральскѣ, Иванъ Кирилычъ Акутинъ! —сказали казакамъ. — А Мартемьянъ Михайловичъ приказалъ долго жить: вчера волею Божіею умеръ въ одночасъ!

Тутъ же вынесли и отдали казакамъ кафтанъ и саблю Мартемьяна Михайловича.

— Возьмите!—сказали казакамъ.—Отвезите на Уралъ и отдайте сродственникамъ Бородина. А завтра, —сказано казакамъ,—завтра приходите хоронить его.

Ни живы, ни мертвы казаки воротились на квартиру, взяли съ собой кафтанъ и саблю Мартемьяна Михайловича.— На другой день, какъ было приказано, пришли казаки во дворецъ и видѣли гробъ заколоченный, а что было въ гробу, —не видали.—Сказано только имъ, что въ томъ гробу лежитъ тѣло атамана Бородина, а правда ли? Богу одному извѣстно. Однако, по секрету кой-отъ-кого слышали, что Мартемьянъ Михайловичъ и не думалъ умирать, а засадилъ его въ темницу, тамъ онъ и кончилъ жизнь свою, не видя свѣта Божьяго. А удружилъ ему все-таки не другой кто, а самъ Пугачъ.—Извѣстно, не его казнили, а казнили под

стальной. Самъ же онъ ѣзжалъ въ сѣдой по секрету, не показывался народу.

— Если когда я долженъ жить по секрету, —говоритъ онъ государынѣ,—то и супротивника моего, Мартынку Боровина, посади въ секретную же, чтобы не досадно мнѣ было. А есть когда не такъ,—то, говоритъ, убѣгу, не удержать меня никакіе замки и караулы; убѣгу, говоритъ, и опять взбунтую всю Расею, да не такъ, а почище.

По этой самой причинѣ и засадили Мартемьяна Михайловича въ темницу. А кто говорилъ что его подсыпали, и умеръ онъ отъ яда.—То ли, сё ли, а доканалъ Мартемьяна Михайловича Петръ Ѳедоровичъ! И по дѣламъ, — прибавилъ разсказчикъ: —Мартемьянъ Михайловичъ обращался съ нимъ очень грубо, когда везъ его въ Питеръ.

...Собрался Мартемьянъ Михайловичъ ѣхать изъ Питера въ Уральскъ и полетѣлъ проститься съ государыней, а денщику велѣлъ исподволь укладываться. Вдругъ прибѣжалъ на квартиру испуганный, блѣдный, словно кто гналъ за нимъ.—„Скорѣй бѣги за подводами!...—кричитъ онъ денщику. „Живѣй укладывайся! Ѣдемъ!" Денщикъ въ одинъ мигъ сбѣгалъ на ямской дворъ и привелъ коней. — Поѣхали.—„Погоняй!"—безпрерывно кричитъ Мартемьянъ Михайловичъ на ямщика.—Проѣхали сколько-то станцій. Мартемьянъ Михайловичъ пришелъ въ себя и говоритъ денщику по-киргизски, чтобы ямщикъ не понялъ:

— Какое, братецъ мой, я чудо видѣлъ, если бы только ты зналъ!—Сидю это я у молодки-царицы въ опочивальнѣ, разсказываю ей, какъ мы тряслись супротивъ злодѣя Емельки Пугача.—А онъ, Пугачъ-то, вдругъ изъ за ширмы какъ вскочитъ, словно бѣшеный, да какъ ринется на меня съ кулаками—я ни жива, ни мертвъ, не зналъ, куда дѣваться. Спасибо, на мое счастіе царевичъ подоспѣлъ, пришелъ изъ другой комнаты и за меня заступился, не далъ ему бить меня, а то бы, вѣрно, пересчиталъ онъ мнѣ ребра

и вычистилъ зубы; пожалуй, и хуже бы что сдѣлалъ.—Теперь, братецъ мой, вижу, что далъ маху: не ѣздить бы мнѣ совсѣмъ сюда... Богъ бы съ ними... Хоша и публиковали, что онъ Амелька Пугачевъ, а выходитъ, вонъ какой онъ Пугачъ... за ширмами въ опочивальнѣ обрѣтается. Однако, помолчи объ этомъ до поры до времени: Богъ знаетъ, что можетъ выйти.

Лишь только проговорилъ Мартемьянъ Михайловичъ эти слова, не отъѣхали послѣ того и съ версту, какъ догоняетъ ихъ кульеръ и велитъ Мартемьяну Михайловичу ѣхать назадъ въ Питеръ:—„матушкѣ, де, парнцѣ ты спонадобился чтой-то", говоритъ кульеръ. — Ни живъ, ни мертвъ Мартемьянъ Михайловичъ пересѣлъ изъ своей повозки въ бричку кульера и поѣхалъ съ нимъ обратно въ Питеръ, а денщику велѣлъ ѣхать слѣдомъ за собой.—На другой день денщикъ пріѣхалъ въ Питеръ, но Мартемьяна Михайловича не засталъ: отдалъ Мартемьянъ Михайловичъ Богу душу... Денщикъ и мертваго-то его не видалъ, а видѣлъ только гробъ одинъ.—Такъ и пропалъ Мартемьянъ Михайловичъ!.. А отчего пропалъ?—Оттого самаго, что никакого почтенія не оказывалъ ему, то есть Петру Ѳедоровичу: онъ его и допекъ!—заключилъ разсказчикъ.

Изъ этого, что выше разсказано, читатель видитъ, что хотя варіаціи легенды о Бородинѣ разны, но тонъ, по смыслъ ея одинъ и тотъ же, то есть, что старшина Бородинъ погибъ по проискамъ Пугачева. Это голосъ всего народа, т. е. яицкихъ казаковъ,—народа, по понятію котораго самозванецъ Пугачевъ и императоръ Петръ III—суть одно и то же лицо. — Но были и есть и такіе люди, которые смерть Бородина приписываютъ совсѣмъ другимъ причинамъ, нисколько не примѣшивая тутъ Пугачева, какъ самозванца. Послушаемте этихъ людей.

— Болтаютъ, болтаютъ, батюшка, якобы Мартемьяна Михайловича нашего погубилъ Пугачъ,—совсѣмъ не Пу-

гачъ. Пугачъ какую имѣлъ власть?—Пугачъ былъ самозванецъ, буянъ, разбойникъ; Пугача самого казнили, пятерили. —За то, что Мартемьянъ Михайловичъ не корился Пугачу, сражался супротивъ него, когда тотъ бунтовалъ и за царя себя выдавалъ,—за это самое государыня Катерина Алексѣевна и полюбила Мартемьяна Михайловича, выписала его къ себѣ въ Питеръ, наградила полковничьимъ чиномъ, деньгами обдарила и сдѣлала его атаманомъ надъ нашимъ войскомъ.

Пора была ѣхать Мартемьяну Михайловичу изъ Питера въ Уральскъ, а государыня не пускала.—„Поживи, да поживи. Что торопишься? Успѣешь еще!" говорила государыня.—Очень ужъ полюбила она Мартемьяна Михайловича. Покуда онъ жилъ въ Питерѣ, не проходило дня, чтобы государыня обѣдала безъ него; каждый Божій день приглашала его къ столу и сажала около себя на первое мѣсто.

Видя въ такой чести Мартемьяна Михайловича, питерскіе князья и бояре испугались, чтобы онъ не пошелъ въ гору, не перебилъ у нихъ дороги, обозлились на него, взяли, да и отравили его! Звали его въ удаленные покои во дворцѣ и поднесли ему рюмку вина. Онъ выпилъ, да тутъ же, голубчикъ, не сходя съ мѣста, и умеръ.—царство ему небесное!..

Государыня очень тужила и соболѣзновала о Мартемьянѣ Михайловичѣ, плакала, когда его въ гробъ клали. Допытывалась, кто погубилъ его, да не допыталась. Всѣ лѣкаря были подкуплены боярами, за одно, значитъ, были съ ними. Потрошили Мартемьяна Михайловича и донесли государынѣ, что Бородинъ умеръ отъ прилива крови. Такъ и прелали дѣло тотъ Божіей. —А мы навѣрное знаемъ, что Мартемьянъ Михайловичъ умеръ не отъ прилива крови, а отъ мышьяку или-бо отъ другого какого яда".

VII.

Заключительное слово отъ автора.

Хорошо ли, худо ли—первая часть моей задачи кончена, т. е. преданія о Пугачевѣ, слышанныя мною изъ устъ народа, переданы.—Въ особой статьѣ, если позволятъ обстоятельства, я приведу кое-какіе факты, относящіеся вообще къ эпохѣ Пугачевскаго бунта и на основаніи ихъ займусь по возможности подробнымъ разборомъ народныхъ преданій, а теперь считаю необходимымъ сказать объ нихъ только вотъ что.

Какъ бы эти преданія ни казались намъ баснословными, сказочными, но въ нихъ мы должны видѣть своего рода летопись. Въ отношеніи къ личности самого Пугачева преданія эти, само собой разумѣется, чистѣйшая басня—объ этомъ и говорить бы не слѣдовало, да ужъ сказалось. Но въ отношеніи того лица, роль котораго Пугачевъ разыгрывалъ—не басня, или хотя и басня, но басня, имѣющая въ основѣ своей историческія событія: на этихъ-то событіяхъ и сложилась басня.—Преданія эти, по крайней мѣрѣ большая и главная ихъ часть не сочинены народомъ, напротивъ, они сочинены въ свое время для народа, и народъ въ простотѣ сердечной вѣрилъ имъ, какъ и теперь вѣритъ: такъ для пониманія народнаго онѣ сочинены ловко, лучше требовать нельзя... Потомки, т. е. дѣти и внуки яицкихъ казаковъ,

вѣрятъ, потому что слышали отъ отцовъ и дѣдовъ,—а отцы и дѣды, т. е. современники пугачевщины, вѣрили потому, что исторія о корабельной пристани, о дѣвицѣ Воронцовой, о загородномъ дворцѣ, о записи отреченія императора Петра III и т. под., однимъ словомъ, исторія переворота 28 іюня 1762 г. была извѣстна имъ настолько, насколько, напримѣръ, извѣстна намъ осада Севастополя и вся Крымская война.

Не говоря о томъ распространенномъ манифестѣ, который возвѣщалъ объ отреченіи Петра III и о восшествіи на престолъ Екатерины II, этотъ манифестъ, допустимъ это, могъ и не дойти до Яика,—яицкіе казаки могли знать о переворотѣ и помимо этого манифеста,—во-первыхъ, по пословицѣ: „слухомъ земля полнится", а во-вторыхъ, потому, что одинъ изъ ихъ старшинъ, Алексѣй Ивановичъ Митрясовъ, въ компаніи съ войсковымъ атаманомъ донскихъ казаковъ и съ старшинами и казаками того войска, принималъ личное участіе въ походѣ императрицы въ Петергофъ и обратно,—за что, въ числѣ другихъ, получилъ въ награду золотую медаль въ 30 червонцевъ съ изображеніемъ государыни и съ надписью: 28 іюня 1762 г. [1]. Былъ ли живъ Митрясовъ въ Пугачевскую пору—не извѣстно; по крайней мѣрѣ, по бу-

---

[1] Казаки, участвовавшіе въ петергофскомъ походѣ, попали тутъ случайно. Они пріѣзжали въ Петербургъ станицами, по поводу существующаго обычая быть челомъ государю. Между тѣмъ, случился переворотъ, и они пристали къ гвардейскимъ полкамъ. Кромѣ Донскихъ и Яицкаго, были въ то время въ Петербургѣ Гребенскіе и Терскіе казаки; но объ нихъ въ докладѣ Вен. Коллегіи государыни, упершимъ подпись свою руки, сказано: „оные скорѣе за отъѣздомъ домой, но за неимѣніемъ докладу не были".—Наградъ имъ не было.— А участвовавшіе въ походѣ получили слѣдующія награды: атаманъ Степанъ Ефремовъ—золотую гребенную стрѣлу съ именемъ государыни, старшина Михаилъ Позднѣевъ, войсковой дьякъ Ив. Яковъ, подъ.ачіе сотники Сем. Сулинъ и Ив. Горбиковъ (донскіе) и старшина Ал. Митрясовъ (яицкій) именныя золотыя медали въ 30 червонцевъ съ надписью 28 іюня 1762 г.,—а „принадлежащихъ человѣкъ казаковъ (донскіе) — сотнику Горбикову, дабы гвардейскихъ солдатъ" сказано въ докладѣ.— Изъ Арх. Г. Коллегіи Докладовъ, возвращ. кн. № 104, листъ 19.

магамъ того времени онъ мнѣ не встрѣчался; но въ 1771 г. онъ былъ живъ, это я знаю по походамъ его за калмыками. Во всякомъ случаѣ, Митрясовъ, въ теченіе девяти лѣтъ послѣ событій 28 іюня 1762 г., живя на Яикѣ и щеголяя золотою медалью на шеѣ, могъ служить казакамъ своимъ землякамъ живымъ фактомъ, живой исторіей о тѣхъ событіяхъ. Слѣдовательно Пугачеву или его сугласникамъ, какъ выражаются казаки, весьма легко и сподручно было рисовать какіе угодно узоры по канвѣ, хорошо извѣстной народу. А что Пугачевъ мастеръ былъ на подобнаго рода художества и не жалѣлъ красокъ на описанія своихъ мнимыхъ похожденій, тому служитъ доказательствомъ слѣдующій фактъ.—Въ августѣ 1774 г. близь г. Петровска въ послѣдніе, значитъ, дни своей ужасной дѣятельности, Пугачевъ, между прочимъ, говорилъ донскимъ казакамъ, приставшимъ къ его шайкѣ, вотъ что. — Слушайте, други мои! Я былъ въ Египтѣ три года, въ Цареградѣ — три года, да въ третьемъ, не упомнить гдѣ, мѣстѣ) два года. И я примѣры всѣ чужестранные узналъ. Я знаю, какъ съ господами поступить!... *).

На походѣ или въ лагерѣ—все равно—среди военныхъ заботъ, въ виду, такъ сказать, непріятеля, Пугачевъ, мы видимъ,—не преминулъ пришлести и Египетъ, и Царьградъ. Послѣ этого можно ли сомнѣваться, что сочиненіе всѣхъ басенъ о корабельной пристани, о прусцкомъ королѣ, о турскомъ султанѣ и т. под.—принадлежитъ самому Пугачеву или его „сугласникамъ". Пугачеву, который, будучи на свободѣ въ первое время своего появленія, или даже прежде, приготовляясь къ своему дѣлу, не торопясь, могъ баснословить о себѣ, что хотѣлъ и какъ хотѣлъ, сидя за полуштофомъ пѣвника, въ кругу своихъ

*) Изъ подлиннаго допроса донскихъ казаковъ, кадрешкина Малахова и сотника Мелехова. Изъ Арх. В. Кол. изъ дѣлъ гр. Потемкина, кн. № 45, листъ 9. — Слова, поставленныя въ скобкахъ „въ третьемъ не упомнить гдѣ, мѣстѣ" относятся къ разсказу Малахова.

сшаралов и сенаторов? Это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Даже и тѣ изъ преданій, которыя, по содержанію своему, носятъ явный признакъ позднѣйшаго относительно Пугачева происхожденія, если вдуматься въ нихъ, представляются въ иномъ свѣтѣ. Напримѣръ, басня объ отрокѣ, подаренномъ королю иной земли. Кто выдумалъ этого мнимаго отрока? Казаки? Едва ли! Такіе династическіе, если можно такъ выразиться, разсчеты уму простыхъ людей недоступны, чужды.— Въ баснѣ объ отрокѣ видна, такъ по крайней мѣрѣ мнѣ представляется,—въ баснѣ этой видна мысль заговорщиковъ высшаго полета—мысль такого рода: „Если не удался Пугачъ,—авось удастся Пугаченокъ!“

И такъ, еще разъ скажу, что какъ бы не казались намъ преданія о Пугачевѣ баснословными, сказочными, въ нихъ есть своего рода правда, въ томъ смыслѣ, что преданія эти не сочинены, не выдуманы народомъ, а сочинены, выдуманы въ свое время для народа,—короче, источникъ ихъ въ самомъ Пугачевѣ или, правильнѣе, въ заговорѣ, разрѣшившись Пугачевскимъ бунтомъ.

Москва. 1860. Февраль.

———

III.

СКАЗАНІЯ УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

I.

Змій и комета.

Въ концѣ лѣта 1858 года, въ киргизской Букеевской ордѣ, случилось диво-дивное, чудо-чудное, подобнаго которому и старики старожилые не запомнятъ. Въ степи, неподалеку отъ Ханской Ставки, среди бѣлаго дня, упалъ съ неба на землю огромной величины змій, толщиной въ самаго большого верблюда, а длиной саженей въ двадцать. Съ минуту змій лежалъ неподвижно, а потомъ, свернувшись въ кольцо, поднялъ голову сажени на двѣ отъ земли и сильно, пронзительно, подобно бурѣ, зашипѣлъ. Люди, скотъ и все живое въ страхѣ ницъ попадали. Думали, что настало свѣтопреставленіе. Вдругъ съ неба же спустилось облако, почти къ змію саженей на пять и остановилось надъ нимъ. Змій прыгнулъ на облако, облако одѣло собой змія, закружилось и ушло подъ небеса. На землѣ, послѣ змія, остался только чадъ и смрадъ. Но черезъ нѣсколько минутъ потянулъ съ востока свѣжій вѣтерокъ, и воздухъ очистился. Все пришло въ прежнее нормальное состояніе.

Толки о такомъ чудномъ явленіи долгое время занимали умы степного народа. Около этого времени я странствовалъ по Узенямъ, прилегающимъ къ степямъ Букеевскихъ киргизовъ, и, само собой разумѣется, не могъ не слыхать о паденіи съ небесъ на землю чуднаго змія. Возвращаясь съ

Уралъ на Уралъ, я льстилъ себя пріятной мыслью, что мнѣ чуть ли не одному изъ первыхъ выпадалъ завидный жребій сообщить знакомымъ моимъ казакамъ, живущимъ на Уралѣ, такую любопытную и интересную новость. Но каково же было мое удивленіе и разочарованіе, когда, пріѣхавши на Уралъ, я узналъ, что вѣсть о змѣѣ давнымъ-давно упредила меня и перешла уже въ область преданій; въ это время занимало умы народа другое, всѣмъ и каждому видимое чудо—звѣзда съ хвостомъ!

Вѣсть о паденіи съ неба на землю змія прошла между казаками безъ особенныхъ толковъ. Иные слегка вѣрили ей, а иные и вовсе не вѣрили, то и тѣ, кто вѣрилъ, не придавали ей большого значенія. „Случилось это чудо въ ордѣ, у нехристей, басурмановъ, стало быть, до нихъ и касается, а до насъ, православныхъ, ему дѣла нѣтъ". Такъ говорили казаки про киргизскаго змія.

Но появленіе кометы—совсѣмъ иное дѣло! Комета, или звѣзда съ хвостомъ, видима была всему міру, стало быть, до всего міра и касается. Кометѣ, какъ и слѣдуетъ, народъ приписывалъ сверхъестественное значеніе. Иные видѣли въ ней предвѣстницу мора, голода, повсемѣстныхъ кровопролитныхъ войнъ и т. п. бѣдствій; иные видѣли въ ней предзнаменованіе, что народился великій, грозный царь, въ родѣ Петра Перваго Алексѣевича; иные—эти ужъ слишкомъ далеко заходили—принимали ее прямо за одно изъ апокалипсическихъ явленій, предшествующихъ кончинѣ міра. Словомъ, впечатлѣніе, произведенное на народъ кометою, было не шуточное: за весьма малыми исключеніями, почти всѣ и каждый ждали чего-то необыкновеннаго, страннаго. Приведу фактъ.

Въ одной изъ нашихъ станицъ, въ Кр.....мъ форпостѣ, живетъ коротко знакомый мой, Иванъ Михайловичъ Б.....въ, старикъ почтенный и веселый, любящій побесѣдовать о чемъ угодно, охотникъ и пѣсенокъ попѣть какихъ угодно, не отказывающійся при случаѣ, „если линія такая подойдетъ", въ „прокладной компаніи и чарочку другую—третью пропу-

стить, словомъ, старикъ умный, милый, симпатичный. Проѣздомъ черезъ ту станицу, гдѣ живетъ Иванъ Михайловичъ, я останавливался въ ней дня на три, а Иванъ Михайловичъ почти не выходилъ изъ моей квартиры, а я квартировалъ у Павла Осиповича В....на. Между толками о томъ, о семъ, Иванъ Михайловичъ частенько пѣвалъ пѣсни, а я записывалъ. Вечеромъ, наканунѣ моего отъѣзда, подъ конецъ нашей бесѣды, когда я записалъ уже нѣсколько пѣсенъ, Иванъ Михайловичъ запѣлъ пѣсню про Добрыню. Онъ пѣлъ, я записывалъ. Пѣсня выходила длинная, конца не видать было. По крайней мѣрѣ, пѣвецъ, послѣ каждыхъ почти двухъ стиховъ, останавливался и приговаривалъ: „Ой, длинна исторія!“ Замѣтно было, что пѣвецъ утомился. Между тѣмъ, у меня рука устала до такой степени, что я съ большимъ трудомъ водилъ перомъ по бумагѣ. Я прерывалъ писаніе, а Иванъ Михайловичъ пѣніе.

Отдохнемъ,—сказалъ я моему собесѣднику.

- Пожалуй, отдохнемъ,—отвѣчалъ тотъ; а потомъ, немного погодя, прибавилъ:

— Да что мы привязались, словно ребятишки? Не выгнаты, чай. Не каплетъ надъ нами. Оставимъ лучше до другого раза. Коли опять заѣдешь къ намъ, я докончу про Добрыню. Да, кстати, и другихъ пѣсенокъ къ тому времени попрошомшю.

Я согласился, оставаясь въ полной увѣренности, что Добрыня Никитичъ не уйдетъ отъ меня. Черезъ нѣсколько недѣль я снова былъ въ той станицѣ, гдѣ живетъ Иванъ Михайловичъ. При первомъ съ нимъ свиданіи, я напомнилъ ему о Добрынѣ, а онъ напомнилъ мнѣ о кометѣ, красовавшейся въ то время на горизонтѣ во всемъ блескѣ.

— Неточію пѣсни нѣтъ, а и баляся точить страшно въ нынѣшнее время,—сказалъ Иванъ Михайловичъ, принимая на себя чрезчуръ постную, набожную физіономію. -Видишь, какое знаменіе въ небесахъ. Не даромъ эта звѣзда съ хвостомъ восходитъ: иль-бо моръ, иль-бо что другое!

Сколько я ни настаивалъ, Иванъ Михайловичъ былъ не-

преклоненъ. Я попотчивалъ Ивана Михайловича водкой. Куда! Иванъ Михайловичъ закачалъ головой и замахалъ руками.

— Что такъ?—спросилъ я.

— Неточію вино потреблять, я и хлѣбъ-то мало ѣмъ въ нонѣшнее время,—отвѣчалъ старикъ.

И это была правда: Иванъ Михайловичъ, дѣйствительно постился. И не одинъ Иванъ Михайловичъ, а многіе, многіе постились. Хозяйка дома, гдѣ я останавливался, женщина еще молодая, чуждая многихъ изъ тѣхъ предразсудковъ, какіе можно видѣть въ старухахъ, оставила въ то время чай пить, и все по поводу звѣзды съ хвостомъ!..

Вотъ какое впечатлѣніе произвела комета на умы моихъ земляковъ. Послѣ этого, куда ужъ киргизскому змію спорить съ кометой, видѣнной всѣмъ міромъ!

Наконецъ, и комета изъ глазъ народа скрылась; но я оттого все-таки ничего не выигралъ. Съ Иваномъ Михайловичемъ мнѣ не довелось послѣ того видѣться: Добрыня Никитичъ такъ и остался за нимъ. Придется ли мнѣ когда встрѣтить этого почтеннаго старика и добьюсь ли когда отъ него или отъ другого кого изъ моихъ земляковъ конца пѣсни про Добрыню — Богъ вѣсть. Подожду такой счастливой встрѣчи, а теперь покуда приведу здѣсь то, что слышалъ отъ Ивана Михайловича. Вотъ, что онъ пѣлъ:

Не громъ гремитъ у насъ во Кіевѣ,
Не громъ гремитъ передъ дождичкомъ,
Не молонья свѣтитъ передъ тучкою:
Тутъ бьетъ челомъ Добрыня передъ матерью,
Передъ старой вдовой, Афимьей Александровной:
— „Ужъ ты гой еси, родима, мила матушка,
Стара вдова, Афимья Александровна!
Ужъ ты, дай-ка мнѣ свое-де благословеньице
Отнынѣ мнѣ и во вѣки —
Во чисто поле Добрынѣ ѣхати.
Я поѣду, Добрыня, во чисто поле,
Во чисто поле, разгуляюся,
Съ казаками мнѣ, Добрынѣ, показаковать,

Съ молодцами мнѣ, Добрынѣ, повидатися,
Съ богатырями мнѣ, Добрынѣ, поборотися,
Богатырскую силу испровѣдати".
Тутъ возговоритъ его матушка родимая,
Стара вдова, Афимья Александровна:
— „Ужъ ты, гой еси, дитя мое, чадо милое,
Добрынюшка, сынъ Никитичъ!
Молодехонекъ ты, зеленехонекъ:
Не умѣешь ты, Добрынюшка, коня сѣдлать,
Ты коня сѣдлать, Добрынюшка, конемъ владать.
Тебѣ отъ роду только двѣнадцать лѣтъ.
На тринадцатомъ годочкѣ ты погулять захотѣлъ,
По большому полю по Куликову".
Возговоритъ тутъ Добрыня, сынъ Никитичъ:
— „Ужъ ты, гой еси, родима, мила матушка,
Стара вдова, Афимья Александровна!
Благослови меня ѣхать во чисто поле на двѣнадцать лѣтъ.
Я поѣду отъ восхода до запада,
Къ тому озеру къ Бѣлозерову,
Ко дядюшкѣ своему къ родимому,
Для грѣховъ своихъ избавленія.
Тутъ возговоритъ его матушка родимая,
Стара вдова, Афимья Александровна:
— „Ужъ ты, гой еси, дитя мое, дитятко,
Добрыня, сынъ Никитичъ!
Будутъ ли отъ сухова дерева отрасли:
Тогда будь надъ тобой мое благословеньице.
На кого ты меня, Добрынюшка, покинешь?
Молоду свою жену кому прикажешь?"
Возговоритъ тутъ Добрыня, сынъ Никитичъ:
— „Ужъ ты, гой еси, родима—мила матушка,
Стара вдова, Афимья Александровна!
Я покину тебя, матушка, на Бога,—
Молодой женѣ своя ей воля:
Хошь замужъ иди, хошь вдовой сиди—
Хошь за князя поди, хошь за боярина,—
Иль за сильнаго могучаго богатыря,
Только не ходи, моя жена, за Алешку Поповича:
Алешка Поповичъ мнѣ названный братъ.
Мы въ полѣ съ нимъ съѣжалися,
Крестами съ нимъ мѣнялися.
Благослови, матушка, взойти на конюшенъ дворъ,
Выбрать подъ себя мнѣ коня добраго,

Кони добрые, все иноходые!
Тутъ входилъ Добрыня на конюшенку,
И вскричалъ Добрыня своимъ громкимъ голосомъ:
— „Ужъ вы, гой еси, мои кони добрые,
Кони добрые, все иноходные!
Сослужите мнѣ службу недальную и неближнюю.
Совезите меня отъ восхода до запада,
Ко тому озеру, къ Бѣлозерову"...
Тутъ всѣ кони испугалися,
Повѣсили свои буйны головы,
Потупили очи ясны во сыру землю.
Отвѣтъ изъ нихъ держалъ одинъ буланый конь:
— „Ужъ ты, гой еси, нашъ хозяинъ ласковый,
Добрыня, сынъ Никитиничъ!
Сослужу я тебѣ службу недальнюю и неближнюю,
Когда минетъ двѣнадцать лѣтъ".

Здѣсь Иванъ Михайловичъ остановился. Случалось мнѣ, кромѣ Ивана Михайловича, сталкиваться съ казаками-пѣсенниками,—пѣвали они про Добрыню эту же самую пѣсню, но дальше начала всегда не шли, всегда почти останавливались на словахъ старой вдовы, Афимьи Александровны:

„Не умѣешь ты, Добрынюшка, коня сѣдлать,
Ты коня сѣдлать, Добрынюшка, конемъ владать"...

Вообще, въ памяти молодого поколѣнія казаковъ мало сохранилось старинныхъ пѣсенъ, а если и сохранилось что, то въ весьма небольшихъ и, большею частію, нескладныхъ отрывкахъ. Одинаковую участь съ пѣснями терпятъ и преданія,—эти совсѣмъ почти забываются. Дѣло понятное; духъ времени беретъ свое.

При настоящемъ направленіи литературы, обращающей вниманіе на всѣ стороны народной жизни, я считаю для себя не только позволительнымъ, но даже обязательнымъ заносить на бумагу и предавать печати кой-какія преданія, пѣсни, повѣрья и т. под., подслушанныя мною у моихъ земляковъ. Да не пропадетъ вдосталь, что живетъ еще въ народѣ, хотя отрывочно, смутно! Лучше немного, нежели ничего.

II.

Еще змій.

— Слыхалъ ли ты о змѣѣ, что съ неба упалъ въ Букеевской киргизской ордѣ? —спросилъ я однажды собесѣдника моего, Афанасья Дмитрича Барсукова.

— Какъ не слыхалъ? Слыхалъ! —отвѣчалъ онъ.—Молва объ этомъ давно прошла.

— Правда ли?

— Кто ее знаетъ; слыхалъ я отъ многихъ, —всѣ говорятъ только слышанное; а такихъ, кто бы самъ видѣлъ этакое дивовище, не доводилось мнѣ встрѣчать, нечего лгать. А впрочемъ,—присовокупилъ старикъ, —дѣло сбыточное. Мало ли какихъ чудесъ не бываетъ на вольномъ свѣтѣ, —всяко бываетъ.

— Мудрено что-то,—замѣтилъ я, —огромнѣйшій змій, съ верблюда толщиной, нѣсколько саженъ длиной. Ну, самъ посуди, откуда этакое дивовище возьмется? Да еще толкуютъ, съ неба,—хоть бы изъ озера какого.

— Почемъ мы знаемъ, чего не знаемъ! —сказалъ Афанасій Дмитричъ.—Вотъ, являлась же звѣзда съ хвостомъ: откуда она взялась? изъ озера, что ли?—Знамо, на все произволеніе Божіе: Его святая воля, Его надъ нами власть!... Тоже и насчетъ змія. Какъ узнаешь, откуда онъ взялся и зачѣмъ? —Може, знаменіе какое. А може, и спроста упалъ

на землю—вы вѣдь никакимъ знаменіямъ не вѣрите.— Може, радуга-дуга изъ кіянь-моря вытянула, да урошла, а послѣ опять подъ небеса втянула,—и это бываетъ. На моей памяти—я тогда въ Сарачикѣ жилъ—разъ съ неба съ дождичкомъ лягушки да ящерицы падали; всю степь покрыли. Старики, помню, тогда говорили, что радуга-дуга втянула ихъ съ водой, когда воду пила.—А насчетъ того,— продолжалъ старикъ,—что змій былъ огромнѣющій—и этакіе бываютъ: вольный свѣтъ всѣмъ полонъ.—Къ примѣру, взгляни на образъ Егорья Храбраго: тамъ змій-то какой огромнѣющій, больше самого Егорья, да еще крылатый и съ лапами.— А къ киргизамъ-то, говорятъ, свалился простой, безъ лапъ и безъ крылъ. Этакихъ-то, чай, не занимать стать на вольномъ свѣтѣ,—сказано: вольный свѣтъ всѣмъ полонъ.

— Ты не повѣришь,—продолжалъ старикъ,—разъ и у насъ на Яикѣ въ старину появлялся такой змій,—много пакостей, говорятъ, дѣлалъ, совсѣмъ было казаковъ отъ Яика отбилъ.—Тѣ, бывало, съ неводомъ, или съ сѣтью сунутся въ рѣку, а онъ, проклятый, къ нимъ въ неводъ, или въ сѣть, навертитъ, навертитъ на себя, закувыркается да и высучитъ изъ рукъ казаковъ неводъ иль-бо сѣть, и утащитъ на дно, въ глубь. И грѣхъ, и смѣхъ, батенька.—Это бы ничего, съ этимъ бы казаки справились какъ нибудь; нѣтъ, мошенникъ, дальше пошелъ! Сталъ, проклятый, по ночамъ выходить на берегъ и таскать коровъ, телятъ и всякій скотъ, что въ зубы попадетъ.—Вотъ это ужъ не ладно, убыточно.—Казаки собирались партіями и выходили супротивъ него съ ружьями и копьями, но ничего не брало; пули отскакивали отъ него, словно горохъ отъ стѣны, а пики скользили по чешуѣ, словно сковородникъ по сковородѣ, этакая мерзость. Побились, побились казаки и отступились, махнули рукой и положились на волю Божію. Стали ждать зимы.—Что-то она, родимая, скажетъ. „Авось-де, думаютъ казаки, зимой змій околѣетъ иль-бо въ другія страны удалится“.—Только осторожность стали наблюдать, чтобы вдосталь не разорилъ, разбойникъ, насчетъ скота; стали гонять скотъ въ степь,

дальше отъ Яика. Прошло сколько-то времени спокойно, змій притихъ, не слышно было про него, думали, уплылъ на низъ въ море, а оттуда въ Персію. Вдругъ случилась такая сказія, что весь народъ диву дался, испугался: змій снова появился, поймалъ на берегу и стлопулъ казачьяго мальчугана лѣтъ десяти иль-бо двѣнадцати! Вотъ онъ, проклятый, за какое ремесло взялся,—чего еще гаже! —Народъ хорошенько еще не опамятовался, а отецъ мальчугана отмочилъ диковинную штуку,—разъярился, аки, левъ и вышелъ съ змiемъ на поединокъ, одинъ-на-одинъ, батенька, и -убилъ змія!

— Какъ же такъ?—спросилъ я.—Казаки, говоришь ты, партіями выходили супротивъ него, и ничего не сдѣлали. Какъ же одинъ-то одолѣлъ?

— А вотъ какъ!—сказалъ старикъ.—Казакъ, значитъ, пошелъ на отчаянность: что будетъ, то будетъ, а змія баловать не слѣдъ: разлакомится, и всѣхъ людей, пожалуй, переведетъ. Главное, казакъ за кровь свою вступился; тутъ, значитъ, всяка боязнь въ сторону: иль-бо нанъ, иль-бо палъ!—Ну, и смекальце маленькое имѣлъ казачекъ. Насадилъ онъ на винтовку косу на манеръ солдатскаго штыка, намоталъ на дуло всякаго тряпья цѣлый ворохъ, напиталъ сначала это тряпье селитрой и порохомъ, и сталъ караулить змія на берегу.—Чуялъ, что ли, змій, что добираются до него вплотную, что не пройдетъ ему даромъ казачій мальчуганъ—не могу сказать, только долго что-то, проклятый, не показывался изъ воды и не выходилъ на берегъ. Казачекъ изо-дня-въ день, изъ-ночи-въ ночь караулилъ его, и соскучился. Напослѣдокъ сдѣлалъ змію приманку: раздѣлъ до нага другого своего сынишку и посадилъ на берегу, а самъ залегъ около него въ яму.—Въ первую же ночь, какъ казачекъ это сдѣлалъ, змій вышелъ изъ воды, выползъ на берегъ, увидалъ нагого мальчугана и къ нему, но лишь только подползъ къ нему и разинулъ пасть—казачекъ и тутъ! всадилъ винтовку съ косой въ гортань змію и выстрѣлилъ: коса сдѣлала свое дѣло—распольснула, значитъ, гортань змію,—пуля, то-есь, не пуля, а цѣлый жеребій, кусокъ свинцу,

сдѣлала свое—разорвала, значитъ, змію внутренности, то-есть, кишки и лютики, а пуще всего тряпье съ селитрой и порохомъ—треснула, значитъ, и разворотила змію чрезъ-чрезъ! Змій и покатился подъ гору—рванулъ раза два-три, потрепехался, потрепехался и—издохъ!

— А змій былъ преогромнѣйшій,—прибавилъ старикъ,—съ самое большущее сосновое бревно, такъ старики разсказывали. Водился онъ, старики говорили, на Старой Ямѣ. Тамъ, въ талахъ, и гнѣздо у него нашли. А дурнѣ подымался выше, къ устьямъ Чагана. Тутъ казачекъ и доканалъ его,—заключилъ разсказчикъ.

— Хорошъ киргизскій змій, а нашъ, яицкій, кажется еще лучше,—замѣтилъ я, выслушавъ разсказъ Аѳанасья Дмитрича о такомъ происшествіи.

— Что? — спросилъ разсказчикъ.—Аль не вѣришь?

— И вѣрю, и нѣтъ!—отвѣчалъ я.

— Какъ знаешь, — проговорилъ старикъ. — Мое дѣло сторона: за что купилъ, за то и продаю. Завѣрять не хочу.

— Хорошо! — сказалъ я.—Такъ и сдѣлаю, то-есть, введу въ книгу и скажу: „за что-де, господа честные, купилъ, за то и продаю!“

— Важнечь!—сказалъ Аѳанасій Дмитричъ.—Значитъ, ни ты, ни я въ отвѣтѣ не будемъ?

— Какъ въ отвѣтѣ? — сказалъ я.—Еще спасибо скажутъ.

— Кто же?

— Да господа, что книжки читаютъ.

— Неужто?!—спросилъ старикъ не безъ удивленія.

— Вѣрно такъ! —сказалъ я. А потомъ, немного погодя, прибавилъ:

— Это мало, Аѳанасій Дмитричъ! Тѣ господа, что книжки печатаютъ, къ сему деньги закладываютъ.

— Неужто?!

Старикъ отъ удивленія разинулъ ротъ и поднялъ вверхъ указательный палецъ. Немного спустя, онъ спросилъ:

— Да они-то изъ какой радости платятъ деньги?

— Изъ-за той,—отвѣчалъ я:—печатованныя книжки они продаютъ тѣмъ, кто книжки читаетъ.

— А!—проговорилъ старикъ.—Теперь понялъ. Это, значитъ, все-единственно, какъ, примѣрно, я покупаю или вымѣниваю у киргизовъ барана, продаю его купцу, а купецъ гонитъ въ Русь, рѣжетъ и продаетъ людямъ мясо и сало. Значитъ, всѣмъ барышъ, всѣмъ польза: и мнѣ, и купцу, и тѣмъ, кто покупаетъ у него мясо и сало. Такъ вотъ чѣмъ ты маракуешь? Ахъ, ты, прокуратъ! А мы, признаться, вчера съ племянникомъ Ермошей долго ломали голову и разсуждали про тебя: зачѣмъ, молъ, сподобились ему старинныя пѣсни и прочее такое? Это-то слышимъ, что въ книжки вводишь. Да изъ-за чего хлопотать-то, убытиться?—толкуемъ. На все, вѣдь, знаемъ, надо лишній трудъ, лишніе расходы.—Да, да, да!—говорилъ старикъ.—Вотъ въ чемъ штука-то. Понялъ, понялъ!—Ну, теперь ты отъ меня не открутишься,—сказалъ Аѳанасій Дмитричъ:—за всякую, значитъ, пѣсню, за всякую, значитъ, исторію магарычъ съ тебя. Уговоръ лучше денегъ.

— Идетъ,—сказалъ я.—Разсказывай теперь о томъ, какъ ты мары копалъ и клады искалъ.

— Клады?—спросилъ старикъ.

— Да, да! Клады.

— Почемъ же ты знаешь?

— Слухомъ земля полнится.

— Однако?

— Въ К—нѣ, сватъ твой, Иванъ Иванычъ, сказывалъ мнѣ. Я у него цѣлую недѣлю жилъ.

— Сурсковъ?! — почти вскрикнулъ Аѳанасій Дмитричъ.—Ахъ, онъ, старый хрѣнъ! Доказчикъ! Наябедничалъ!—сказалъ Аѳанасій Дмитричъ и засмѣялся.—Что касается до маровъ,—продолжалъ старикъ,—правда, много я поработалъ около нихъ, хоша и попусту, а насчетъ настоящихъ кладовъ—что сказать?—всего-то разъ только пытался, и—закаялся.

— Для меня все равно, — сказалъ я:—разъ ли, два ли, больше ли. Разсказывай, знай.

— Пожалуй, разскажу. Таиться нечего,—сказалъ старикъ.—Слушай.

III.

Клады.

— Тому будетъ годовъ тридцать,—говорилъ собесѣдникъ мой, Аѳанасій Дмитричъ,—жилъ въ З...номъ мужикъ-палаташникъ, торговалъ пряниками, орѣхами, стручками и разными сластями. Мужикъ онъ былъ такой неуклюжій: хромой, косой, красный, рябой, до мерзости суровый, одно слово, похожъ на всѣхъ звѣрей. Съ людьми мало имѣлъ обращенія. По зимамъ торговлю велъ какъ слѣдуетъ, а лѣтней порой почитай бросалъ: палатку открывалъ только по воскресеньямъ, да по большимъ праздникамъ, а въ будни пропадалъ изъ форпоста, слонялся все по степямъ да лугамъ. Бывало, спроситъ кто его, какого шута дѣлаетъ онъ въ степи?—„Травы, скажетъ, собираю"—и больше ничего.—„Какія?"—спросятъ его.—„Лекарственныя!"—скажетъ.—„Отъ какой болѣзни?—спросятъ.—„Отъ любопытства!"—скажетъ, и насупится, словно боровъ. Больше никакихъ словъ, бывало, отъ него не допущаешься. Послѣ ужъ дознались, что онъ клады искалъ; почитай всѣ мары *) въ степяхъ нашихъ изрылъ, ископалъ, такіе подѣлалъ погреба, что и донынѣ знать. Досталось и лугамъ: и тамъ подѣлалъ ямъ порядочныхъ. Я и прежде отъ людей знающихъ слыхалъ, что въ иныхъ марахъ должны быть клады: остались-де они отъ прежнихъ людей, отъ татаръ золотой орды, отъ сарачинъ, что

*) Мочиловы гурины, разсѣянные по степямъ уральскимъ.

въ старину, допрежь нашихъ казаковъ, на Яикѣ жили. У людей утаишь, у Бога не утаишь, грѣшный человѣкъ, — говорился разсказчикъ,—я давно зарился на марш, но побаивался пуститься на такое художество. Какъ бы чего не вышло! Всѣ толкуютъ, что съ кладами шутить нельзя, неровень-де кладъ, иному, пожалуй, и самъ не радъ будешь, есть-когда положенъ на голову.

Узнамши про палаганщика, что онъ маракуетъ этимъ дѣломъ, — продолжалъ старикъ, — я задумалъ познакомиться съ нимъ, въ дружбу къ нему войти. У него же, говорили со стороны, имѣлись и записи о кладахъ, — въ примѣрѣ, зарыты и съ какимъ уговоромъ. Записи эти, какъ онъ разсказывалъ мнѣ самъ, когда мы съ нимъ коротко познакомились, добылъ онъ въ Сибири отъ какихъ-то знающихъ людей. Онъ живалъ когда-то въ Сибири, служилъ, видишь ли, по своей охотѣ, на заводахъ, гдѣ серебряную и золотую руду копаютъ. Это онъ самъ про себя сказывалъ, а правду ли? шутъ его знаетъ; може, и болталъ, може, на каторгѣ былъ, — это всего вѣрнѣе: такой ужъ мужикъ былъ несуразный, дикій, одно слово, на всѣхъ звѣрей похожъ. Сначала онъ и говорить-то со мной по-людски не хотѣлъ, куда ужъ тутъ до знакомства, а тутъ до дружбы. Сказано: мужикъ былъ нелюдимъ, словно борсвъ. Однако, сама собой подошла такая линія, что онъ самъ навязался ко мнѣ въ дружбу: разъ избавилъ я его отъ дикой свиньи, отъ борова...

— Что? — спросилъ я.

— Отъ борова, говорю, избавилъ его! — отвѣчалъ старикъ.

— Какъ такъ?

— А вотъ какъ, — сказалъ Аѳанасій Дмитричъ:

„Однажды ходилъ я по лугамъ, гати рубилъ. Дѣло было глубокой осенью, въ самые заморозки. Кой-какіе ерики и старицы покрылись уже синичкомъ [1], а по Яику

---

[1] Неясно, что — хлопья льда. Синичкомъ ли, съ синѣвы, названъ отъ синяго или синеватаго цвѣта.

кой-гдѣ были только закрайницы. Хорошо. Рублю это и талы и слышу: въ сторонѣ, недалеко отъ меня, кричитъ благимъ матомъ человѣкъ. Что за оказія? думаю. Не тонетъ ли кто, иль-бо не рѣжутъ ли кого киргизы: тогда еще бывали отъ нихъ такія баловства. Со мной было ружье, фузея, заряжено дробью, на случай, не попадется ли тушканъ (заяцъ), иль-бо тволька (лиса). Какъ только услыхалъ человѣческій голосъ, тое-жъ минуту взялъ я ружье въ руки, а топоръ заткнулъ за поясъ и пошелъ на голосъ. На всякій случай, запустилъ въ ружье поверхъ заряда еще пульку. Шелъ, шелъ на голосъ, и пришелъ къ Янку, къ небольшому яру; взглянулъ подъ яръ и увидалъ дивовище: въ водѣ, то-есь, въ закрайницѣ, сажени на двѣ отъ берега, по сихъ поръ (разсказчикъ провелъ рукой по подбородку), сидитъ человѣкъ,—это нашъ палаташникъ; а на берегу, у самой закрайницы, стоитъ преогромнѣйшій боровъ, хрюкаетъ, чмокаетъ и навастриваетъ клыки! Мужикъ лишь только пошевелится,—кабанъ опетинится, запрыгаетъ и хочетъ броситься на мужика: тотъ и присмирѣетъ. А ступить на закрайницу кабанъ, видится, боится: скользко. Вижу, мужику плохо, а самого меня такъ смѣхъ и разбираетъ; а засмѣяться боюсь, чтобъ кабана не испугать. Отошелъ я немного въ бокъ, приложился по кабану и влѣпилъ ему весь зарядъ дроби, да вдобавокъ пулю, подъ переднюю лопатку, кабанъ и повалился.

- А случилась этакая оказія съ мужикомъ такимъ побытомъ,—продолжалъ разсказчикъ.—По своему обычаю, шатался онъ по лугамъ и отыскивалъ, по запиши, трехствольный осокорь, около котораго яко-бы котелъ зарыть съ казной. Такого осокоря онъ не нашелъ, а нашелъ, чего совсѣмъ и не искалъ—нашелъ давешняго кабана, раненаго, вотъ въ чемъ и бѣда-то, вотъ отчего и весь грѣхъ-то случился. Дня за два доголева, кто-то изъ гулебщиковъ задѣлъ этого кабана пулей по уху, значитъ, ранилъ только, а не убилъ. Раненый звѣрь, извѣстно, робокъ, сейчасъ бѣжитъ отъ человѣка, лишь только почуетъ, а раненый—статья иная, раненый

вѣрь частенько кидается на человѣка. Такъ и этотъ. Мужикъ пучилъ глаза вверхъ, смотрѣлъ, значитъ, на деревья, а подъ ноги мало глядѣлъ и нечаянно подошелъ къ кусту, гдѣ лежалъ кабанъ. Кабанъ бросился на мужика и сшибъ его съ ногъ. Къ счастію, не задѣлъ ни однимъ клыкомъ, а только мордой ударилъ по ногамъ. Исторія эта случилась у самаго яра. Мужикъ взвизгнулъ и кубаремъ полетѣлъ подъ яръ; кабанъ—туда-жъ за мужикомъ. Мужикъ въ безпамятствѣ бросился въ Яикъ, то-есь, на ледъ, на закрайницу, и провалился по самое горлышко. Кабанъ сталъ у закрайницы. Въ этомъ видѣ я и засталъ ихъ.

— Убивши кабана, я вытащилъ изъ воды и мужика. Тотъ не зналъ, какъ и благодарить меня, совалъ въ руки мнѣ золотой, да я не взялъ. Зачѣмъ? Какой бы послѣ того я былъ казакъ, еслибъ плату взялъ за этакое дѣло! Всякій на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы то же. А правду сказать,— прибавилъ старикъ,—не случись я тутъ по близости, пропалъ бы мужикъ: кабанъ не далъ бы ему выйти на берегъ, сгонялъ бы; а сидѣть въ водѣ, подо льдомъ, самъ посуди, не шутка,—та-же смерть.

— Съ той поры, сдѣлались мы съ налатанникомъ друзьями закадычными,—продолжалъ старикъ. — Бывало, въ длинные зимніе вечера, сидимъ мы съ нимъ вдвоемъ, у него на фатерѣ, потягиваемъ ерофеичъ, чай и сахары въ ту пору не были у насъ въ ходу, -потягиваемъ ерофеичъ, и мужикъ разсказываетъ о своихъ похожденіяхъ, а я, разиня рогъ, слушаю. Разъ, подъ веселую руку, и говоритъ онъ:

— Былъ я, говоритъ, въ Сибири на Тоболъ-рѣкѣ; былъ, говоритъ, въ Сибири и на Иртышъ-рѣкѣ, видѣлъ, говоритъ въ Иртышъ-рѣкѣ ту самую суводь, гдѣ Ермакъ утонулъ. .

— Я за это слово и ухватился, -проговорилъ Аѳанасій Дмитричъ,—и спрашиваю пріятеля:

— Какъ какъ! Ты и суводь-то ту видѣлъ, гдѣ Ермакъ утонулъ?

— Это мало! говоритъ пріятель. Я даже купался въ той суводи.

— Вотъ какъ! говорю я. Купался!—Ай-ай, голова же ты! А потомъ опять спрашиваю его, допытываю:

— Да кто жъ знаетъ, кто видѣлъ, въ какой суводи Ермакъ утонулъ?

— Ермаковы казаки, говоритъ пріятель. Ермаковы казаки видѣли! Они, говоритъ, изъ рода въ роль пересказывали объ этомъ. Въ сибирскихъ горахъ, говоритъ палаташникъ, я видѣлъ одного стараго-престараго старика, жилъ въ пещерахъ для души спасенія. Онъ, говоритъ палаташникъ, отъ колѣна Ермаковыхъ казаковъ. Онъ, говоритъ, слышалъ отъ своего отца, а тотъ отъ своего отца, а тотъ отъ своего, и такъ дальше, словно по лѣстницѣ, до самыхъ Ермаковыхъ казаковъ. Онъ, говоритъ, и разсказалъ мнѣ объ этомъ, онъ и суводь-то указалъ. Есть-когда любопытно,— говоритъ палаташникъ, — я разскажу тебѣ, какъ и отчего дѣло это стало.

— Сдѣлай милость, говорю, разскажи.

— И палаташникъ разсказалъ мнѣ, чего я прежде не зналъ. То-есь,—оговорился Аѳанасій Дмитричъ, не желая уронить въ глазахъ моихъ своего авторитета, — то-есь, я зналъ, по пѣснямъ и по сказкамъ старыхъ людей, какъ Ермакъ воевалъ, какъ Сибирь покорилъ, какъ Казань и Астрахань взялъ, и все прочее; а насчетъ того, какъ онъ, голубчикъ, въ суводь-то попалъ, насчетъ этого, что лгать? не зналъ, не слыхалъ; въ пѣсняхъ объ этомъ не говорится.

Послѣ такой оговорки, Аѳанасій Дмитричъ началъ-было:

— Всему свѣту извѣстно, что Ермакъ Тимофѣевичъ командовалъ донскими, гребенскими и яицкими казаками...

— Постой, постой, Аѳанасій Дмитричъ!—перебилъ я рѣчь моего собесѣдника.—Объ этомъ-то послѣ, а теперь, для порядка, о кладахъ. Разсказывай-ка, какъ ты за кладами ухаживалъ, поживился ли?

— Какъ! До поживы ли!—сказалъ старикъ. — Слава Богу, что кончилось благополучно, что пятками назадъ не пошелъ,—сострилъ старикъ.

— Что же?—спросилъ я.

— Да то же! —сказалъ Аѳанасій Дмитричъ.—Справедливо, видно, сказано: „не положа, не ищутъ“. По крайности, со мной такая притча случилась. Другому кому изъ вашей братьи не въ жисть бы не сказалъ, а отъ тебя не скрою. Слушай!

— Спервоначала, какъ только прошла весна, я, по совѣту палаташника, раскапывалъ марь; въ нихъ, по сказкамъ, можно было найти и деньги, и разныя дорогія вещи, примѣрно: серебряныя чашки, миски, тарелки, кольцы, серьги и прочее такое. Эти клады не опасны, около нихъ нѣтъ черновщины, а если при которыхъ и есть, то самая малость, одной воскресной молитвы достаточно, чтобы оборониться. Молодъ я тогда былъ, въ головѣ вѣтеръ ходилъ, думалъ безъ труда разбогатѣть. Принялся за это дѣло очень усердно. Изрылъ-перекопалъ маровъ довольно, но ничего путнаго не нашелъ. Кромѣ маровъ раскапывалъ и Марникинъ Городокъ *), что около Кулагиной крѣпости. Тамъ, отыскалъ не то печь, не то горнъ изъ нежженыхъ кирпичей, да ушатъ деревянный;—весь сгнилъ, съ желѣзными обручами, и обручи-то всѣ ржа съѣла, ни на какое дѣло негодны были; да еще глиняной горшокъ нашелъ; этотъ, проклятый, цѣлъ, да пустой; я тутъ же съ досады и разбилъ его. И подъ Дуванный Яръ подкапывался, что повыше Марникина Городка, на бухарской сторонѣ. Тамъ нашелъ не то человѣчью, не то слоновую кость, твердую, словно камень,—эту въ воду забросилъ; да вырылъ еще одинъ кирпичъ большущій, не такой, какъ обыкновенные наши кирпичи: наши длинны и узки, а тотъ совсѣмъ отличный, плоскій что въ длину, то и въ ширину. На кирпичѣ томъ была отпечатована рука, точно, пятовая ладонь человѣчья со всѣми пятью пальцами, да такая большущая, что ужасть, вдвое больше верблюжей лапы! Значитъ, въ старину великанъ какой-нибудь дѣлалъ его. Когда кирпичъ былъ сыръ, тогда, значитъ, великанъ

*) Преданіе о Марникиномъ Городкѣ напечатано въ „Б. для Чтенія“ 1860 г. № 2. Авт. См. выше. Ред.

нарочно отпечатовалъ на немъ рукой: „знайте-де насъ; вотъ-де какіе мы были!"—Для рѣдкости, кирпичъ этотъ я взялъ, привезъ домой и показывалъ сосѣдямъ, и всѣ дивились огромнѣющей рукѣ. Послѣ кирпичъ этотъ какимъ-то манеромъ извелся. Еще за Багырдаемъ, въ мару, нашелъ лошадиный остовъ, съ сѣдломъ и со всей сѣдельной сбруей, да остовъ человѣка, старинпаго лыцаря должно быть, весь былъ въ желѣзномъ уборѣ; только все, что было на лыцарѣ и что было на лошади, все это истлѣло, изоржавѣло; уцѣлѣли кой-какія мѣдныя бляшки, да колечки, да шлычка (шлемъ) на лыцарѣ не совсѣмъ изоржавѣла, похожа на воронку. Мѣдныя штучки подобралъ, и онѣ по дому извелись, а желѣзную шлычку бросилъ тамъ же, гдѣ и нашелъ: на кой шутъ она годна! Одно слово, изрылъ-ископалъ маровъ довольно, но ни черта не нашелъ путнаго, кромѣ человѣческихъ костей, да угольевъ, да глиняныхъ кувшиновъ, да ржавыхъ коньянокъ (лезвее стрѣлъ), да разной ерунды, съ позволенія сказать, ни къ чему для нашего брата негодной. Однажды пробовалъ рыть такое мѣсто, гдѣ, по примѣтамъ, чаялъ найти деньги иль бо другое что, кромѣ костей и угольевъ,—но и тамъ ничего путнаго не нашелъ. Это было вотъ какъ. Разъ шелъ я изъ степи домой—лошадь пропащую отыскивалъ—и, не дошедши до форпоста версты полторы, противу Пыжкиной Луки, сѣлъ отдохнуть на одинъ маленькій марочекъ. Сижу и закусываю калачъ съ огурцами—дѣло было, помню, въ самыя Осножники. Сижу я на марочкѣ, закусываю, поглядываю и вижу: близехонько около меня роетъ суслик нору и мордочкой высовываетъ наружу землю. Я смотрю на суслика, не пугаю его,—сижу, не шевелюсь. И суслик нѣтъ-нѣтъ, да и взглянетъ на меня, однако, не пугается, дѣло свое дѣлаетъ: то выскочитъ изъ норы и задними ножками начнетъ отгребать землю, то скроется въ нору и мордочкой почнетъ высовывать землю; одно слово, дѣло свое дѣлаетъ. Забавно было на него смотрѣть. Главное, видитъ человѣка—и не боится. Долго я любовался на суслика. Напослѣдокъ пришло мнѣ въ голову

покормить его, бѣсенка; взялъ, отщипнулъ кусочекъ калача и бросилъ къ норѣ. Сусликъ сначала обнюхалъ кусочекъ, а потомъ схватилъ въ зубы и скрылся въ нору. Черезъ минуту или-бо черезъ двѣ, гляжу, сусликъ тихонько выкатываетъ изъ норы, вмѣстѣ съ землей, серебряную копѣечку, за ней другую, третью, четвертую... „Батюшки свѣты, думаю, чудо!" И впрямь было чудо. Въ самое короткое время сусликъ накаталъ изъ норы цѣлую горсть серебряныхъ копѣечекъ. „Вотъ гдѣ, думаю, кладъ-то! Самъ дается". Творя молитву, сгребъ я эти копѣечки, завязалъ въ платокъ и пошелъ домой, какъ ни въ чемъ не бывало. А суслику, въ благодарность за его услугу, оставилъ на мѣстѣ полкалача. Съ слѣдующей же ночи принялся раскапывать маръ. Сряду три ночи работалъ, отъ вечерней до утренней зари. Напослѣдокъ дорылся до кирпичнаго свода. Кирпичный сводъ былъ мнѣ не въ диковинку, не одинъ разъ дорывался я до сводовъ. -Но что подъ сводомъ-то?—вотъ занятая! Разломалъ я сводъ: тамъ выходъ. Хорошо. Спустился въ выходъ—это ужъ было утромъ на четвертый день—и вижу: на кирпичатомъ полу лежитъ что-то длинное, словно тридцати-пудовая бѣлуга,—накрыто кожей, на болгару похожа. Взялся я за кожу, хотѣлъ, значитъ, приподнять, а она тлѣнъ-тлѣномъ, такъ и разсыпается, словно зола. Я ну по ней колотить палкой, а самъ, на всякъ случай, читаю: „Да воскреснетъ Богъ". Кожа вся разлетѣлась, словно ее и не было. Открылись два человѣчьихъ остова, лежатъ другъ къ дружкѣ головами. „Видалъ я васъ много, думаю, да корысть-то въ васъ небольшая". Сталъ шарить въ выходѣ,- ничего нѣтъ путнаго — дребедень одна, что и въ прежнихъ марахъ. Одна только вещица похожа была на-стать: —красной мѣди топорикъ, съ толстымъ длиннымъ обухомъ, — похожъ на киргизскій чеканъ. Топорикъ этотъ я взялъ и послѣ продалъ разнощику -коробочнику за семь гривенъ сигнаціями. А серебряныя копѣечки, что сусликъ накаталъ изъ норы, промѣнялъ на корову Кильдебеку, киргизскому дархану (кузнецъ), а тотъ извелъ ихъ на насѣчку стремянъ, нагрудниковъ и прочаго. Копѣ-

счки были не круглыя, а продолговатыя, аляповатыя, на иныхъ и слова были видны, но не наши, а какія-то мудреныя съ закорючками. Только и было всей моей поживы,— заключилъ разсказчикъ. Потомъ, немного погодя, заговорилъ:

„Это была послѣдняя моя работа около маровъ, больше ужъ я не занимался этимъ дѣломъ—надоѣло оно! Нужно бы совсѣмъ закаяться, ан—нѣтъ, лукавый соблазнилъ, пустился за настоящими кладами! А все пріятель мой, палаташникъ, чтобъ ему ни дна, ни покрышки,—все онъ смутилъ меня.

— Коли не имѣлъ удачи около маровъ, говоритъ однажды онъ мнѣ,—то попытай счастія около настоящихъ кладовъ. Въ вашихъ мѣстахъ, говоритъ, довольно ихъ. Ермаковы казаки, говоритъ, оставили послѣ себя. Попытай!—говоритъ

— Страшно!—говорю я палаташнику.—Ты же говорилъ мнѣ, что эти клады подъ заклятіями, и что стерегутъ ихъ разные звѣри. Боюсь, говорю, страхъ, какъ боюсь.

— Я,—говоритъ палаташникъ,—укажу тебѣ такой, что не больно страшный. По запискамъ Ермаковыхъ казаковъ, должно быть въ вашихъ мѣстахъ, въ Пыткиной лукѣ...

— Въ какой, спрашиваю, лукѣ?

— Въ Пыткиной!—говоритъ палаташникъ.

— Не въ Пыткиной, говорю. Рази Пыжкиной? Этакая есть.

— Може, и Пыжкина,—говоритъ палаташникъ.—Тебѣ лучше знать. Въ записяхъ неразборчиво написано. Вотъ въ этой, говоритъ, лукѣ, растутъ три осокоря, а промежъ нихъ три куста гребенщика, а промежъ гребенщика зарытъ, говоритъ, кладъ изъ денегъ, изъ ружей и изо всякой, золотой и серебряной посуды. Стережетъ его пестрый быкъ, но не опасный. Я,—говоритъ палаташникъ,—искалъ, да нигдѣ этакого мѣста, какъ значится въ записяхъ, не находилъ. Деревья есть, а гребенщика нѣтъ, должно быть, срубленъ.

— Срубленъ, говорю; пять лѣтъ тому срубленъ. Я знаю, говорю, это мѣсто.

— Тѣмъ лучше, говоритъ палаташникъ,—есть когда

знаешь. Попытай, говоритъ, авось добудешь. Только, говоритъ, быка не бойся. Станетъ онъ на тебя мычать, рогами поводить, а ты, говоритъ, и не отмахивайся отъ него, и не кричи, и не смотри на него, знай, работай, быкъ самъ пропадетъ въ тотъ моментъ, какъ дотронешься до клада. Не забудь, говоритъ, возьми съ собой икону и чистое полотенце, на нихъ кладъ скорѣй пойдетъ.

— Давай, говорю палаташнику, вдвоемъ добывать этотъ кладъ. Двоимъ, говорю, лучше, не такъ будетъ страшно.

— Нельзя,—говоритъ палаташникъ:—съ тѣмъ и кладъ положенъ, чтобы одинъ кто добывалъ, такъ и въ записяхъ обозначено. Двоимъ иль-бо троимъ, говоритъ, не дастся, въ томъ и штука-то. Ермаковы казаки,—говоритъ палаташникъ,—были не дураки. Отъѣзжая съ Ермакомъ въ Сибирь, они, говоритъ, закапывали въ землю свое добро съ такимъ заговоромъ, чтобы далось оно только одному смѣлому человѣку, кто пустится добывать его, а не двоимъ иль-бо троимъ. Я, говоритъ палаташникъ,—только по дружбѣ къ тебѣ открываю тебѣ этотъ кладъ. Другому кому ни за какія деньги не открою. Рѣшайся! говоритъ. Чего боишься? Смотри, говоритъ, на меня: бывалъ я, говоритъ, въ разныхъ передѣлкахъ; однако, ничего, живъ и здоровъ. Воскресная, говоритъ, молитва отъ всего оборонитъ.

„Хорошо. Послушался я моего пріятеля, и пошелъ къ Пыжкиной Лукѣ, сначала днемъ, чтобы осмѣдовать и хорошенько запримѣтить мѣсто. Отыскалъ мѣсто, гдѣ росъ гребенщикъ. Мѣсто хоша было и въ лугахъ, однако, на высокой гривѣ, полая вода, значитъ, рѣдко понимаетъ. Хорошо. Выждалъ тихую и темную ночь—дѣло было осенью, передъ заговѣньемъ,—взялъ мотыгу, заступъ, деревянную лопату, желѣзный щупъ, переметныя сумки, во что бы кладъ положить, взялъ и икону съ полотенцемъ, какъ палаташникъ совѣтовалъ, и пошелъ на добычу. Пришелъ, разостлалъ на землѣ около себя полотенце, положилъ на него икону и принялся рыть. Рою, а самъ дрожу, словно въ лихорадкѣ. Долго ли, коротко ли рылъ, не помню, вырылъ яму почитай

въ грудь. Вдругъ поднялся вихорь, откуда онъ взялся—Богу одному извѣстно! Поднялся, говорю, вихорь, закрутилъ около меня и сорвалъ съ земли полотенце. Я выскочилъ изъ ямы, чтобы удержать полотенце, и прямо, носъ къ носу, что называется, наткнулся на быка!...

— На пестраго? — спросилъ я разсказчика, невольно улыбаясь.

— Шутъ его знаетъ, прости Господи, какой онъ былъ,— сказалъ старикъ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ: — пестрый ли, черный ли, не знаю, не разглядѣлъ. Хошь вѣрь, хошь не вѣрь,—прибавилъ разсказчикъ,—а я истину тебѣ говорю, ни на волосъ не лгу. Тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ случилась со мной эта исторія, а мнѣ кажется—словно вчера была; такъ и врѣзалось вотъ тутъ. Старикъ показалъ на лобъ.

— Какъ только узрѣлъ я быка,—продолжалъ разсказчикъ,—такъ всѣ жилы, всѣ поджилки во мнѣ и задрожали, а душа въ пятки ушла. Быкъ только разъ рявкнулъ, какъ на меня забыть нашла: что я, гдѣ я—ничего не помнилъ. Къ утру только очнулся. И гдѣ же? У Разбойной Старицы, батенька, верстъ за шесть отъ Пыжиной Луки! Вонъ гдѣ очнулся! А какъ туда попалъ? Доднесь, батенька, не знаю. Самъ ли въ забытьѣ забѣжалъ, или пришли затащили — хоть убей, не знаю. И не прошла эта исторія мнѣ даромъ. Какъ пришелъ домой, такъ и слегъ въ постелю. Шесть недѣль пролежалъ, бредилъ, ахинею несъ: все быкъ представлялся. Покаялъ, за родительскія молитвы, окаялмался. Съ той поры зарокъ на себя положилъ, чтобъ больше кладовъ не искать, — будь они не ладны. Каялся на духу священнику, и тотъ запретилъ, да еще за прежніе грѣхи епитемію наложилъ. Подѣлемъ!

— А что пріятель твой?—спросилъ я.

— Скрылся!—отвѣчалъ старикъ.—Когда я выздоровѣлъ, его ужъ не было въ нашемъ форпостѣ. Бѣжалъ, будь онъ проклятый! Теперь, — продолжалъ старикъ, — теперь, ка-

жется, и отъ того клады убѣгу, который самъ будетъ даваться; больно ужъ Пыжикина Лука напугала.

— А развѣ есть такіе клады, которые сами даются?— спросилъ я моего собесѣдника.

— Есть!—отвѣчалъ онъ.— Всякіе есть. Коли требуется я разскажу тебѣ, что знаю. Слушай!

И старикъ началъ:

— Примѣрно, живетъ на свѣтѣ какой-нибудь жидоморъ, накопитъ казны бездну. Придетъ къ нему смертный часъ, съ собой казну взять на тотъ свѣтъ нельзя, старики говорятъ, никакая монета тамъ не въ ходу, а предоставитъ людямъ — жаль. Вотъ онъ, изъ ненависти, возьметъ, да и закопаетъ казну въ землю, да и наложитъ на нее такое заклятіе: „Будь-де ты, казна моя, проклята стыдъ и до вѣку! Не давайся-де, казна моя, никому, ни старому, ни малому, до скончанія вѣка!“ Ну, и баста! Бѣсу это и на руку. Онъ тотъ-часъ минуту и осѣдлаетъ казну и ужъ никому не даетъ. Около этакого клада и близко не ходи. Кто рѣшится добывать такой кладъ, того бѣсъ стращаетъ разными ужастями и привидѣніями. Иной робкій человѣкъ не вынесетъ страху, умретъ, и душа его пойдетъ къ чорту. Къ примѣру, кто знаетъ, что бы со мной сталось, коли-бъ засталъ меня быкъ въ самой ямѣ? —замѣтилъ разсказчикъ. —Не знай, вылелся ли бы я изъ ямы. Може, умеръ бы тамъ.

Еще вотъ какъ бываетъ,—продолжалъ разсказчикъ. Зарыли казну въ землю, иной человѣкъ, изъ злобы, изъ ненависти къ роду человѣческому, положитъ на нее такое заклятіе: „Лежи, моя казна, въ мать сырой-землѣ тихо и спокойно столько-то лѣтъ“ (примѣрно „сто“ иль-бо „двѣсти“ скажетъ, какъ вздумается). „Дайся, моя казна, тому, кто въ церковь Божію не ходитъ, отца, мать не почитаетъ, поста и священскія заповѣди не соблюдаетъ, нищей братіи не помогаетъ, святыя иконы не украшаетъ, священническій и монашескій чинъ не уважаетъ. Дайся, ему, казна моя, не въ корысть, не въ радость, дайся на пагубу души и тѣла, и въ семъ и въ будущемъ вѣцѣ!“ Ну, и это бѣсу на руку. Какъ

только изойдетъ срокъ заклятью, бѣсъ тотчасъ и подсунетъ эту казну какому-нибудь отпѣтому молодцу. За этотъ кладъ бѣсъ не держится, а сейчасъ же постарается сбурить его; знаетъ, что онъ не пройдетъ даромъ. Кто достанетъ такой кладъ, тотъ въ добрѣ не бываетъ: иль-бо умретъ въ одночасъ, иль-бо съ кругу сопьется, иль-бо въ напасть попадетъ какую. Этотъ кладъ показывается свѣчкой, ничѣмъ другимъ. Если случится, ночной порой, въ полѣ, въ степи ли, въ лугахъ ли -все единственно—увидать теплющуюся свѣчку, то крестись, батенька, и твори молитву, да скорѣй бѣги прочь: это заклятый кладъ, душу твою уловляющій.

— Еще вотъ какъ бываетъ. Живетъ на свѣтѣ человѣкъ доброжелательный и богатый; казны у него много, а дѣтей и сродниковъ никого нѣтъ. Придетъ смертный часъ, да еще въ иную пору и на чужой сторонѣ, гдѣ и знакомыхъ-то никого нѣтъ. Ну, кому предоставить казну? И самъ не знаетъ. Думаетъ, гадаетъ и положится на судьбу: пускай-де она рѣшитъ, кому казной владать. Возьметъ и зароетъ казну въ землю и положитъ на нее такое заклятіе: „Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Лежи моя казна въ мать-сырой землѣ до той поры, покуда наверпется достойный человѣкъ. Дайся казна моя тому, кто въ церковь Божію ходитъ, отца и мать почитаетъ, евангельскія заповѣди соблюдаетъ, нищей братіи помогаетъ, святыя иконы украшаетъ, священническій и монашескій чинъ уважаетъ. Дайся ему казна моя и въ корысть, и въ радость, чтобы въ семъ и въ будущемъ вѣцѣ вкушалъ сладость. Аминь". Вотъ къ этому-то кладу нечистая сила и подступиться не смѣетъ, а бережетъ его сила ангельская. Кто добудетъ такой кладъ, тотъ, и разсказывать нечего, заживетъ богато и счастливо. Этотъ кладъ дается иль-бо курочкой, иль-бо куропаткой, иль-бо другой какой невинненькой птичкой,—бѣленькой, пестренькой, красненькой,—а въ иную пору дается иль-бо теленочкомъ, иль-бо жеребеночкомъ, иль-бо собачкой, иль-бо свинкой, одно слово—или какой-нибудь птичкой, или какимъ-нибудь звѣркомъ. Если птичка или звѣрокъ бѣленькіе, то, значитъ, дается одно чисто серебро, если пе-

стренькіе—то серебро и золото вмѣстѣ, а если красненькіе — то одно чисто золото. Если увидишь, ночной порой, въ степи, къ примѣру, такую курочку, то ступай за ней, твори только молитву. Гдѣ курочка остановится, пропадетъ,—тутъ смѣло копай землю: что да нибудь непремѣнно найдешь.

— Бываетъ и такъ, есть когда кто догадается, то и землю копать не надо; стоитъ только ударить курочку иль-бо звѣрка слегка палочкой по лбу, и проговорить Іисусову молитву: кладъ тутъ же, самъ собой, разсыплется; одна забота—деньги подбирать. Только при этакихъ кладахъ, что сами собой, безъ всякаго подвоха, даются,—при этакихъ кладахъ слѣдуетъ одно правило строго-на-строго соблюсти: есть когда одинъ человѣкъ нашелъ — одинъ и казну бери, — двое нашли — пополамъ, по ровну,—трое—на три части дѣли,— одно слово, сколько бы человѣкъ ни нашли, и какія-бъ люди ни были, старые ли, малые ли, все единственно,—всѣмъ по равной части: иначе кладъ опять уйдетъ въ землю. Былъ такой случай въ нашихъ мѣстахъ, въ Сарачикѣ. Я тебѣ разскажу.

Лѣтъ болѣе ста тому будетъ, какъ сарачиковскіе жители нечаянно открыли такой кладъ. Искали они въ Мажарахъ *) кирпичи и открыли выходъ. Въ выходѣ нашли лодку, покрыта лодка болгарой. Приподняли съ одного конца болгару, и—удивились и обрадовались: лодка биткомъ была набита, съ краями вровень, деньгами, и серебряными и золотыми, больше золотыми. Тутъ жители и вспомнили, что на этомъ самомъ мѣстѣ допрежъ того они часто видѣли, кто курочку, кто теленка, кто жеребеночка, но никому и въ голову не приходило, что это кладъ казался. Хорошо. Стали теперь судить и рядить, какъ съ кладомъ поступить, то-есь, какъ его дѣлить, какой кому дай дать, по той самой причинѣ, что на ту пору были тутъ и казаки, и малые ребятишки, и бабы съ грудными младенцами, почитай все жительство, семей

*) Холмообразная мѣстность близь Сарайчиковской крѣпости, съ остатками древнихъ подземныхъ жилищъ и кладбищъ.

двадцать. Въ Сарачикѣ оставались только одни караульные казаки съ есауломъ, да хворые. Сначала рѣшили, какъ и быть должно, по христіански: раздѣлить кладъ поровну по всѣмъ обывателямъ, кто и былъ тутъ, кто и не былъ, одно слово, по всѣмъ живымъ душамъ, даже и по тѣмъ младенцамъ, что были еще въ утробѣ матерей. Хорошо. Дѣло было подъ вечеръ. Отложили раздѣлъ до утра, и разошлись по домамъ, а къ кладу приставили троихъ караульщиковъ, что ни самыхъ лучшихъ богобоязныхъ казаковъ. Ночь никому не спалась — однимъ, семейнымъ, у кого ребятишекъ много было,—съ радости, другимъ, одинокимъ, безсемейнымъ,—съ зависти. Вотъ эти, безсемейные-то казаки, и подняли бунтъ, сошлись на крѣпостной дворъ, взбулгачили и есаула, на грѣхъ и тотъ былъ безъ семьи, и тотъ принялъ ихъ сторону; сошлись, говорю, на крѣпостной дворъ и подняли гвалтъ; кричатъ, что раздѣлъ положенъ неправедно. „Мы по крайности казаки!“ кричатъ они. „Служимъ Богу и великому государю. Зачѣмъ же равнять насъ съ бабами, да съ ребятишками, да съ дѣвчатами, а пуще съ нерожденными младенцами? Это обидно! кричатъ. Этакихъ порядковъ, чай, ни въ одной землѣ нѣтъ! У насъ и военная добыча дѣлится не всегда поровну“. И пошла, и пошла потѣха! Дѣло чуть до драки не дошло. Напослѣдокъ успокоились, и рѣшили такъ: есаулу, яко начальнику, дать два пая; каждому взрослому мужчинѣ по паю, каждой женщинѣ по полпаю, каждому мальчишкѣ, кто на своихъ ногахъ, по четвертой долѣ пая, каждой дѣвчонкѣ и каждому грудному ребенку по восьмой долѣ, а нерожденнымъ младенцамъ ничего! Но лишь только рѣшили такъ, и ударили по рукамъ, какъ въ тотъ же мигъ раздался подъ землею громъ, трескъ и—зашумѣло!... Это, значитъ, лодка съ казной пошла въ землю. Когда затихло, казаки бросились, сломя голову, туда, гдѣ лодка была; но тамъ пропасть одна, а по край пропасти, оглушенные громомъ караульщики! Пожадничали казаки, и всего лишились.

— Еще вотъ какъ бываетъ,—говорилъ разсказчикъ.— Запрячетъ кто-нибудь въ землю деньги или другое какое

добро спроста, безъ всякихъ, значитъ, заклятій и уговоровъ, чтобы самому послѣ взять. Но случится, что человѣкъ этотъ умретъ какъ-нибудь нечаянно, не успѣетъ никому открыть, гдѣ запряталъ деньги. Ну, и лежитъ добро его въ землѣ до поры до времени, до счастливаго, значитъ, человѣка. Вотъ и со мной была такая же исторія, что сусликъ накаталъ мнѣ цѣлую горсть серебряныхъ копѣечекъ. Мнѣ сусликъ открылъ копѣечки, а одному казаку такъ воронъ указалъ. Это случилось въ городѣ Уральскѣ, въ Переволочной рощѣ, давно, годовъ сорокъ тому, а пожалуй, и больше. Любопытная исторія: слушай-ка.

..Ходилъ казакъ по рощѣ и выбиралъ вербовое дерево на бударку. Выбралъ дерево и сталъ рубить его подъ корень. А на деревѣ томъ было гнѣздо вороново съ дѣтенышками. Слушай, какая причта-то вышла. Только лишь принялся казакъ за работу, воронъ и подлетѣлъ къ казаку, и такъ-то жалобно закаркалъ, идно казакъ остановился, пересталъ дерево рубить. Смотритъ на ворона, а тотъ такъ и вьется около него, словно ласточка; то къ ногамъ казака бросится, то сядетъ близъ него на вѣточку, и замотаетъ головой, словно кланяется, а самъ стонетъ. Казакъ жалостливый былъ, догадался въ чемъ дѣло, оставилъ это дерево и подошелъ къ другому дерево было тоже хорошее—и сталъ его рубить. Воронъ успокоился и сѣлъ на гнѣздо. Черезъ малое время прилетѣлъ другой воронъ, пара, значитъ, первому, прилетѣлъ съ кормомъ для дѣтей. Второй воронъ былъ гораздо больше перваго, значитъ, самецъ, да такой сизый, бѣлесовый, почти сѣдой, значитъ, старый-престарый воронъ. Перекликнулись воронъ съ вороной, покаркали промежъ себя, значитъ, переговорились по своему. Вдругъ самецъ спустился съ дерева и прямо подъ ноги къ казаку; остановился, посмотрѣлъ на казака и закивалъ въ одну сторону головой и пошагалъ отъ казака, туда пошагалъ, куда головой кивалъ. Шагаетъ воронъ, а самъ безпрестанно оборачивается къ казаку и даетъ головой знакъ, чтобы казакъ шелъ за нимъ. Но казакъ смотритъ только на ворона и улыбается, думаетъ: хи-

тритъ воронъ, отъ гнѣзда отводитъ. Три раза ворочался воронъ, три раза манилъ казака за собой. Напослѣдокъ вплоть подошелъ къ казаку, схватилъ носомъ за шаровары и дергаетъ, и тащитъ, словно ученая собака. Тутъ ужъ казакъ догадался.—Что-нибудь да не такъ, думаетъ казакъ, и пошелъ за воронъмъ. И привелъ воронъ казака къ одному старому вязу, и остановился подъ нимъ, и давай долдыкать носомъ въ землю, подъ самымъ корнемъ. Казакъ не будь дуренъ, тотъ же мигъ давай топоромъ разрывать землю, гдѣ воронъ носомъ колотилъ, и скоро, братецъ мой, докопался до дубовой шкатулки, желѣзомъ окованной. Казакъ хвать по ней обухомъ,—она и разсыпалась: трухлява была—въ землѣ, значитъ, долго лежала. И очутилась передъ казакомъ порядочная кучка цѣлковиковъ, старинныхъ, царя Петра Перваго Алексѣевича!

— Въ старые годы—пояснилъ разсказчикъ,—во время какого-нибудь замѣшательства, примѣрно, въ пугачевское бунтовство иль-бо въ другое какое, кто-нибудь изъ нашихъ же обывателей зарылъ эти цѣлковики для сбереженья, а послѣ и самъ погибъ въ замѣшательствѣ: рублевики его и остались въ землѣ. Воронъ—они вѣдь долго живутъ, по нѣскольку сотъ лѣтъ,—воронъ, значитъ, видѣлъ, какъ хозяинъ закапывалъ шкатулку, и указалъ ее счастливому казаку замѣсто благодарности, что тотъ уважилъ, гнѣздо его не разорилъ. Тварь, тварь, а свой разумъ имѣетъ,—прибавилъ старикъ.

— Только такихъ простыхъ кладовъ мало бываетъ,—продолжалъ разсказчикъ,—а больше все съ заговорами, да съ заклятіями, особенно разбойничьи клады, куда какъ неприступны. Разбойники, сударь мой, мало того, что зарывали клады съ какимъ ни на-есть лихимъ уговоромъ на пагубу людскую,—нѣтъ! Еще разной мерзостью закрѣпляли, чтобы не такъ скоро достались. Примѣрно, на нашемъ морѣ (Каспійское), чай знаешь, есть Дувалная коса. На ней въ старину притонъ былъ разбойничій. Тамъ разбойники ду-

ванъ дувалили, то-есь, добычу дѣлили между себя,— оттого она и прозвалась Дувановой. Оставляя это прибѣжище, разбойники зарыли тамъ лодку съ деньгами, значитъ, лишнія были! Лодка перегорожена на двѣ половины, въ одной чистое золото, въ другой чистое серебро.—Что бы положить спроста? Вѣдь самимъ не нужно. Нѣтъ, бестіи! закрѣпили-таки, чтобы никто не покорыстовался. Поверхъ казны положили по чашкѣ, на серебрѣ чашку небольшую, а на золотѣ большую, и въ обѣ чашечки набурили такой мерзости—гдѣ только они ее добыли, баловники!—такой набурили мерзости, что лишь вспомнишь про нее, такъ съ души и тянетъ!.. А они, подлецы, еще такой уговоръ сдѣлали, подписали на чашкахъ: „кто-де съѣстъ изъ маленькой чашки, тому дастся серебро, кто съѣстъ изъ большой чашки, тому дастся золото, а кто съѣстъ изъ обѣихъ, тому и золото, и серебро". Вотъ какую штуку отмочили, мошенники! Поди и добудь, кто хочетъ. Въ старые годы не разъ, однако, пробовали добрые молодцы добывать этотъ кладъ, дорывались до лодки, но взять никоимъ манеромъ не могли: лишь только протянутъ къ ней руки,— она и уйдетъ въ землю. Иные, отчаянныя головы, пробовали, говорятъ, исполнить разбойничій уговоръ, брались за чашки, подносили, зажмуря глаза, ко рту, но нѣтъ! не могли и отвѣдать такой мерзости: отъ одного смрада всѣ внутренности тянуло вонъ!...

— Разъ только одни разбойники дали маху, смѣшно идно,—говорилъ старикъ.—Я долго смѣялся, какъ пріятель мой, палатанникъ, разсказалъ мнѣ объ этомъ. Шли, видишь ли, четверо разбойниковъ по берегу Волги, и совѣтовались, гдѣ бы схоронить имъ золотую казну.

— Вотъ здѣсь,—говоритъ одинъ разбойникъ,—зароемте нашу казну: мѣсто очень примѣтно. Коли самимъ понадобится, можно скоро отыскать.

— Хорошо. Зарыли разбойники казну подъ однимъ большимъ деревомъ, подъ елью. Другой разбойникъ, самый, видно, дошлый, сказалъ:

— Дайся наша золота казна кому-нибудь тогда, когда у матушки-Волги берегъ съ берегомъ сойдется!

— Разбойники расхохотались.

— Ну, братъ,—говорятъ они тому, кто заклятье дѣлалъ,—выдумалъ же ты штуку! Теперь, значитъ, до преставленья свѣта лежать казнѣ нашей въ мать-сырой землѣ.

— Такъ и слѣдуетъ! —сказалъ заклятчикъ. — Однако, пойдемте отсюда, чтобъ кто не увидалъ.

— Разбойники ушли. Только, на ихъ бѣду, около того мѣста, гдѣ они зарыли кладъ, лежалъ въ кустахъ прохожій мужикъ, видѣлъ, что они дѣлали, и слышалъ, отъ слова-до-слова, ихъ заклятье. Пришелъ прохожій въ одно село, остановился въ одномъ домѣ ночевать и разсказалъ, отъ нечего дѣлать, хозяйкѣ дома, старухѣ, что видѣлъ и слышалъ. Старуха смекнула въ чемъ дѣло и на другой же день пошла въ лѣсъ и отыскала, по сказкамъ прохожаго, ту самую ель, гдѣ разбойники зарыли кладъ,—потомъ съѣздила на другой берегъ Волги, набрала тамъ въ мѣшокъ песку и высыпала подъ елью: кладъ тотъ же часъ и вышелъ наружу. Значитъ, берегъ съ берегомъ сошелся. Какова старуха-то,—а? Одурачила разбойниковъ и сдѣлалась богачкой,—молодецъ!—заключилъ разсказчикъ. Но немного погодя прибавилъ:

— Неизвѣстно однако, пошла ли старухѣ въ прокъ богачество. Вообще кладъ—вещь опасная, особенно тотъ, что отъ разбойниковъ поступаетъ; знамо, деньги кровавыя. Разскажу тебѣ одинъ случай,—въ нашихъ мѣстахъ это было. Слушай!

И Афанасій Дмитричъ началъ:

— Ѣздили наши казаки въ Астрахань за хлѣбомъ. Разъ, вечеромъ, трафилось одному изъ казаковъ проходить мимо острога. Увидалъ онъ тамъ въ окнѣ за рѣшеткой одного арестанта, сжалился надъ нимъ, купилъ калачъ и подалъ арестанту. Арестантъ поблагодарилъ казака и спрашиваетъ его:

— Кто ты, добрый человѣкъ?

— Разве не видишь, кто? казакъ!—говоритъ казакъ.

— Какой казакъ?—спрашиваетъ арестантъ.—Яицкій, что ли?

— Да, яицкій!—говоритъ казакъ.

— Это было въ ту пору,—замѣтилъ разсказчикъ,—когда мы звались еще яицкими.

— Гдѣ живешь на Яикѣ-то, въ Гурьевѣ, что ли?—спрашиваетъ арестантъ.

— Нѣтъ!—говоритъ казакъ—въ Баксайской крѣпости.

— Ну, это еще лучше,—говоритъ арестантъ.—Приходи, говоритъ, ко мнѣ подъ это самое окно завтра утромъ рано, какъ только солнышко взойдетъ. Я открою, говоритъ, тебѣ одинъ секретъ, а теперь некогда: сейчасъ, говоритъ, позовутъ меня къ ужину, а послѣ ужина запрутъ въ секретную.

— Хорошо. Утромъ, ни свѣтъ ни заря, казакъ явился къ арестанту.

— Слушай,—говоритъ арестантъ казаку:—можешь ли взяться достать кладъ?

— Казакъ былъ неробкаго десятка, и говоритъ арестанту:—Могу, есть когда онъ не заколдованъ!

— Заколдованъ-то онъ заколдованъ,—говоритъ арестантъ, да это ничего, я заколдовалъ и отколдую.

— Есть когда такъ,—говоритъ казакъ,—согласенъ. Говори, гдѣ кладъ?

— А вотъ гдѣ,—говоритъ арестантъ.—Поѣзжай на Яикъ, на протокъ Б а к с а й, къ нижнему устью. За версту отъ взморья, на правомъ берегу Баксая, отыщи кучку дикихъ камней. Отъ нея на полночь отмѣрь пятнадцать шаговъ и рой землю; тутъ и кладъ! Стережетъ его волкъ, но ты,—говоритъ арестантъ казаку,—волка не бойся: оборонитъ тебя отъ него эта вещица.

И далъ арестантъ казаку небольшой корешокъ плотно-на-плотно оплетенный красными нитками.

— Рыть можно,—говоритъ арестантъ,—и днемъ, и ночью, какъ хочешь. Коли представится тебѣ волкъ,—а онъ тотчасъ же представится, какъ начнешь рыть,—ты не говоря ни слова, брось въ него этотъ корешокъ, и больше ничего: волкъ

тотъ же мигъ исчезнетъ. А какъ исчезнетъ, можешь безъ препятствія рыть. И выроешь ты переметныя хивинскія сумки: въ нихъ-ъ и лежитъ кладъ—въ одной сумкѣ золото, въ другой серебро. Только смотри, дружище, — говоритъ арестантъ казаку, — какъ добудешь кладъ, такъ, немедля ни дня, ни часа, возьми третью, а хоша и четвертую долю изъ него, и этого достаточно, — возьми, говорю, и привези ко мнѣ: этими деньгами, говоритъ, я откупиться могу, избавиться отъ острога и отъ ссылки. Остальное, говоритъ, жертвую тебѣ. Владай на доброе здоровье. Мнѣ, говоритъ, не дороги деньги—наживу, а дорога свобода. Не забудешь меня?—спрашиваетъ арестантъ казака.

— Коли забуду,—говоритъ казакъ,—не забуду.

Распростился казакъ съ арестантомъ и побѣжалъ на пристань, гдѣ были товарищи. Пришелъ и сталъ горонить товарищей скорѣе ѣхать домой. Тѣ говорятъ, чтобы погодить съ недѣлю время: „може, де, мука подешевлетъ". Куда! Казакъ и слышать ничего не хочетъ. А былъ онъ хозяинъ лодки, на которой они пріѣхали; значитъ, его воля. „Ѣдемте, ѣдемте, братцы!—говоритъ онъ товарищамъ.—Почесь домовой меня давилъ, да такой голый, холодный! Я ощупалъ его, и спрашивалъ: къ худу, аль къ добру? И онъ простопалъ: къ худу! Безпремѣнно,—говоритъ казакъ товарищамъ,—какое-нибудь несчастье случилось дома. Ѣдемте, братцы, ѣдемте!"

„Нечего дѣлать, послушались казаки, закупили муки, хоша и по дорогой цѣнѣ, и поѣхали домой; добрались до нашихъ чернеей (берега моря) и въѣхали въ Баксай. „Стой! —говоритъ хозяинъ лодки, и присталъ къ берегу, за версту отъ взморья, какъ сказывалъ арестантъ.—Подождите меня здѣсь,—говоритъ казакъ товарищамъ, —а я схожу на часикъ къ одному старцу, недалечко отсюда, снесу, говоритъ, ему вотъ этотъ заступъ, что купилъ для него въ Астрахани". Сказалъ это и ушелъ. Скоро отыскалъ то мѣсто, гдѣ зарытъ кладъ, и сталъ рыть. Представился ужасѣющій волкъ и оскалилъ на казака зубы. Казакъ не струсилъ и бросилъ въ волка кореннокъ, что отъ арестанта получилъ:

въ ту-жъ минуту всплылъ и провалился сквозь землю. Казакъ вырылъ сумки, завернулъ ихъ въ армякъ, принесъ и положилъ въ лодку, въ кормушку, гдѣ самъ сидѣлъ. Товарищи спросили:

— Что это у тебя?

— Ничего,—говоритъ казакъ.—Это армякъ я свой свернулъ.

Обманулъ товарищей. Тѣ больше и не спрашивали: у каждаго на умѣ было свое дѣло. Хорошо. Пріѣхали казаки въ свое жительство и разошлись по домамъ. Остался казачекъ нашъ съ кладомъ; пересчиталъ его: денегъ оказалось велѣ—нѣсколько тысячъ! Радуется казачекъ, а жена его вдвое: значитъ, есть на что наряды купить. Отсчиталъ казакъ четвертую долю и сталъ собираться въ Астрахань къ арестанту; но жена разговорила.

— Что торопишься? — говоритъ жена мужу.—Успѣешь еще съѣздить на будущее лѣто. А теперь, говоритъ, нужно позаботиться о самихъ себѣ.

Казакъ послушался жены и не поѣхалъ тѣмъ лѣтомъ въ Астрахань, а сталъ обстраивать домъ и обзаводиться баранами. Однако, совѣсть мучила казака и не давала спокою. Зимой, крадучись отъ жены, запрегъ тройку лошадей въ сани, будто къ баранамъ ѣхать, и по льду поѣхалъ въ Астрахань, но ужъ было поздно.

— Богъ съ тобой, —говорилъ арестантъ казаку, когда тотъ принесъ ему деньги.—Забылъ ты меня. Еслибъ въ то время, какъ нашелъ деньги, ты явился ко мнѣ, я бы вышелъ отсюда, деньгами бы откупился. А теперь поздно, теперь никакія деньги не помогутъ. Судъ кончен,—говоритъ арестантъ казаку.—Вчера была экзекуція, видишь? И арестантъ показалъ на свою рожу: на ней стояли клеймы.—Это,—говоритъ арестантъ казаку,—по твоей милости! Послѣ-завтра, говоритъ, погонятъ меня на каторгу, такая ужъ, значитъ, моя звѣзда. За то и тебѣ не сдобровать,—сказалъ арестантъ казаку,—вспомянешь меня не одинъ разъ. Хоша и вырылъ ты кладъ безпрепятственно, однако, заклятіе съ него не со-

всѣмъ снято. Это я бы только могъ сдѣлать, а теперь не сдѣлаю. Пропадешь ты съ нимъ, съ этимъ кладомъ, будешь не лучше меня, чѣмъ я теперь есть. Ступай, расторговывайся!

„Сказалъ это и отошелъ отъ окна; не принялъ отъ казака деньги, что тотъ привезъ ему.

„Какъ арестантъ сказалъ, такъ и случилось,—продолжалъ разсказчикъ.—Въ ту же зиму занесло буранами у казака всѣхъ барановъ, а лѣтомъ и домъ сгорѣлъ. Къ осени казакъ опять выстроился и намѣнялъ барановъ больше прежняго; хотѣлъ, значитъ, наверстать потерянное. Та же исторія: зимой всѣ бараны передохли, а къ веснѣ опять пожаръ; и пошло, и пошло богачество у казака подъ котелъ. Съ горя казакъ запилъ смертовую и совсѣмъ обнищалъ; сталъ хуже, чѣмъ прежде былъ. Этого, мало, пустился въ воровство и попалъ въ острогъ. Тамъ, значитъ, и сгнилъ!..

„Или вотъ еще, я тебѣ разскажу, былъ случай на моей уже памяти,—сказалъ Афанасій Дмитричъ.—Случай похожъ на этотъ же. Слушай.

„Стоялъ нашъ казачій полкъ въ Камень-Подольской губерніи, на цыцарской границѣ,—началъ старикъ. Одному казаку довелось лежать въ госпиталѣ. Рядомъ съ его койкой лежалъ солдатъ, человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, трудно больной. Пришелъ къ солдату смертный часъ. Солдатъ и говоритъ казаку:

— Въ годъ Волконскаго *), я былъ въ вашемъ городѣ Уральскѣ на усмиреніи. У меня былъ товарищъ, солдатъ же. Разными неправдами, гдѣ воровствомъ, гдѣ обманомъ, каюсь, дружище, добыли мы съ товарищемъ много денегъ, дѣвать идно некуда было. Думали дослужиться до отставки и потомъ въ торгъ пуститься. Но не по нашему вышло. Случилась война съ Турчиной. Потребовали и нашъ полкъ на войну. Передъ походомъ изъ Уральска, мы и зарыли казну нашу въ степи, повыше Уральска, у Савушкина ери-

*) Въ 1804 г.

ка. Мѣсто очень примѣтно: на самомъ яру Савушкина есть большая сурочина **), одна одинехонька, а кругомъ ея чистая гладь, нѣтъ ни марика, ни бугорка. Въ этой самой сурочинѣ, съ боку, на солнечный восходъ и зарыли мы съ товарищемъ мѣдный чайникъ, полнехонекъ золотыми и цѣлковыми, всей казны десять тысячъ. Товарища моего убили на войнѣ, а я, за грѣхи мои, подъ штрафъ попалъ, отставку не получилъ. Теперь, видишь, умираю; казна, значитъ, не нужна. Возьми ее себѣ, когда Богъ вынесетъ тебя на родину. Только не забудь, дружище, подать сколько-нибудь въ церковь Божію, чтобы помолились за упокой души моей и товарища моего. Еще вотъ тебѣ какой наказъ, говоритъ солдатъ казаку: если одинъ выроешь кладъ, одинъ и владай, если кто будетъ помогать тебѣ, и съ нимъ подѣлись; если кто нечаянно увидитъ тебя, когда будешь добывать кладъ, и тому удѣли малую толику. Безпремѣнно такъ сдѣлай, какъ наказываю, говоритъ солдатъ казаку. А если не исполнишь этого, то кладъ не пойдетъ тебѣ въ прокъ. Товарищъ мой немного мараковалъ кое чѣмъ, и когда зарывали деньги, онъ что-то нашепталъ на нихъ. Не забудь это.

„Солдатъ умеръ, казакъ изъ госпиталя вышелъ. До смѣны оставалось еще долго, года два. Казака нетерпѣнье взяло. Хотѣлъ было бѣжать изъ полка на Уралъ, да постыдился общества и побоялся суда. „Найдешь ли, нѣтъ ли кладъ— Богъ вѣсть, разсуждалъ казакъ, а отъ покора да отъ наказанья не уйдешь". Думалъ, думалъ казакъ, да придумалъ вотъ что: взялъ, да и отписалъ въ домъ къ отцу-старику обо всемъ, что солдатъ разсказалъ. Хорошо. Получилъ старикъ отъ сына письмо и пошелъ къ казаку, къ сосѣду, чтобы тотъ прочелъ ему сыновнее письмо; самъ старикъ не умѣлъ грамотѣ, а сосѣдъ умѣлъ. Поглядѣлъ сосѣдъ на письмо, прочиталъ про себя, понялъ въ чемъ дѣло, помузюкалъ нарочно, да и говоритъ старику: „Не разберу теперь (дѣло было ночью,

**) Холмъ или, правильнѣе, бугоръ, образуемый сурками изъ земли, выгребаемой этими звѣрками изъ норъ.

при огнѣ, пояснилъ разсказчикъ), слѣпо написано. Приходи, говоритъ, завтра, днемъ". Хорошо. Старикъ ушелъ съ письмомъ домой и утромъ рано опять пришелъ къ сосѣду, а того дома нѣтъ. „Гдѣ?" спросилъ старикъ домашнихъ. Кто-то сказалъ ему: „Уѣхалъ-де, чѣмъ свѣтъ, куда-то верхомъ". Нечего дѣлать, старикъ пошелъ домой и на улицѣ встрѣтилъ мальчика, тотъ шелъ къ мастеру, писать, значитъ, учился, Старикъ и заставилъ его прочесть письмо. Тотъ, кое-какъ, кое-какъ, по складамъ, черезъ пятое ъ десятое, сталъ читать, читалъ, читалъ и дошелъ до того мѣста, гдѣ говорится о Савушкинѣ, о сурчинѣ, о мѣдномъ чайникѣ... Старикъ смекнулъ въ чемъ дѣло, вырвалъ у мальчика письмо, бросился домой, сѣлъ на лошадь и поскакалъ за городъ, къ Савушкину. А сосѣдъ ѣдетъ уже оттуда, и везетъ въ торокахъ въ мѣшкѣ кладъ.

— Стой! —кричитъ старикъ.—И наша доля тутъ есть. Давай дѣлить!

— Что орешь? Сумасшедшій! — говоритъ сосѣдъ.—Разве дома моего не знаешь? Приходи ужо ко мнѣ и раздѣлимъ. Не здѣсь же въ самомъ дѣлѣ завести дѣлежку; кто-нибудь, пожалуй, увидитъ. Разе этого хочется!

„Старикъ согласился и вернулся съ сосѣдомъ. Ѣдутъ. Подъѣзжаютъ къ городу. Сосѣдъ и говоритъ старику:

— Разъѣдемся врозь и въѣдемъ въ разныя вороты, чтобы не подать никому сумнѣнье. Ты поѣзжай хоть вотъ въ эти и указалъ старику на малый выѣздъ, что у кирпичныхъ сараевъ, а я, говоритъ, въѣду вонъ въ тѣ (и указалъ на другой выѣздъ, что къ Чагану).

„Хорошо. Старикъ и на это согласился, въѣхалъ въ малый выѣздъ, а сосѣдъ поѣхалъ къ другому, что у Чагана. Старикъ пріѣхалъ домой, оставилъ лошадь и тое-жь минуту пошелъ къ сосѣду, а тотъ еще не пріѣзжалъ. Старикъ ждетъ-пождетъ, а сосѣда нѣтъ. Напослѣдокъ въ обѣденную пору явился и сосѣдъ, но въ торокахъ у него пусто. Старикъ въ страхѣ спрашиваетъ сосѣда:

— Гдѣ жъ деньги-то?

„А сосѣдъ, какъ ни въ чемъ не бывало, спрашиваетъ старика:

— Какія? Не тѣ ли, говоритъ, что во снѣ тебѣ ночесь приснились? Очнись, старый чортъ! Что попусту орешь?

— Какъ какія?—закричалъ старикъ и вытаращилъ глаза: тутъ только въ настоящую догадался, что сосѣдъ обулъ его въ лапти.

— Не тужи, старикъ, — говоритъ сосѣдъ, — а самъ смѣется.—Подожди, сынъ еще отпишетъ тебѣ, гдѣ зарыты деньги. А о тѣхъ, что давича видѣлъ, не хлопочи попапрасну: я и безъ тебя найду имъ мѣсто.

— Такимъ маперомъ,—продолжалъ разсказчикъ,—и завладалъ казакъ кладомъ одинъ, завладать-то завладалъ, что и говорить,—однако не на радость: пустился было въ торгъ, но вскорости умеръ въ одночасъ. Послѣ него взялась орудовать хозяйствомъ жена, но и та черезъ короткое время умерла. Тутъ, словно грачи, со всѣхъ сторонъ налетѣли сродники, и мужчины, и женщины, и давай тащить богатство по себѣ, и все растащили, и никому оно не пошло въ прокъ, а разошлось прахомъ, словно его и не было.

„Или вотъ еще какой былъ случай,—продолжалъ разсказчикъ.—Разъ тому будетъ годовъ болѣе ста, разъ казачата купались на Яикѣ, подъ Краснымъ Яромъ. Одинъ казаченокъ взглянулъ вверхъ и увидалъ: изъ яра торчитъ бокъ кубатки. Казаченокъ указалъ товарищамъ. Тѣ по ребячеству, и давай кидать въ кубатку камнями. Кидали, кидали да и разбили кубатку,—чего только и добивались казачата. Разбили, говорю, кубатку, а изъ нея и посыпались цѣлковики. Казачата и давай сгребать ихъ, и нагребли полные подолы, и принесли домой. Хорошо.—Слѣдовало бы отцамъ-матерямъ, чьи были ребятишки, священника позвать и молебенъ отпѣть, да сколько-нибудь въ церковь подать. Нѣтъ, и въ голову никому не пришло. Зато, въ первую же ночь, отъ того ли, не отъ того ли, всѣ тѣ дома, куда ребятишки деньги принесли, всѣ тѣ дома, сударь мой, разомъ вспыхнули, а отъ нихъ и весь

городъ до тла сгорѣлъ. Вотъ тебѣ и кубатка!—заключилъ старикъ.

— Да, кладъ вещь мудреная и привередливая,—сказалъ онъ немного погодя.—И достать его трудно, а достамши, надо умѣючи обращаться съ нимъ.

— Что правда, то правда,—замѣтилъ я.—Ну, а насчетъ Харкина клада что скажешь?—спросилъ я моего собесѣдника.—Вѣдь онъ по сосѣдству у васъ: пытался, что ли?

— Нѣтъ!—отвѣчалъ старикъ.—И безъ меня добры люди ухаживали за нимъ, да ничѣмъ взяли. Значитъ, не нашлось между нашими такого молодца, кто бы могъ владѣть этимъ кладомъ.

Съ позволенія читателя, маленькое отступленіе, или поясненіе. Харко, баснословный герой, сподвижникъ Разина, жилъ нѣкоторое время на Яикѣ и воевалъ съ киргизами. У Харка было двѣнадцать товарищей. Тѣ измѣннническимъ образомъ погибли отъ рукъ плѣнницъ, басурманскихъ амазонокъ. Послѣднихъ было тоже двѣнадцать. Харко ужаснымъ образомъ отмстилъ смерть товарищей: вмѣстѣ съ ними онъ живыхъ похоронилъ и убійцъ ихъ, басурманскихъ амазонокъ. Сверхъ того, въ могилу каждаго товарища положилъ, между прочимъ, по ковшѣ золота и по ковшѣ серебра. Вотъ объ этомъ-то кладѣ я и завелъ рѣчь съ моимъ собесѣдникомъ *).

— Ты, чай, знаешь,—продолжалъ мой собесѣдникъ,—что Харко, зарывши у Красныхъ Яровъ кладъ, сдѣлалъ такой уговоръ, чтобы онъ дался тому, кто на своемъ вѣку убьетъ двѣнадцать дюжинъ басурмановъ, или басурманокъ—все единственно. Ну, этакого-то вотъ молодца, видно, и не выискалось. Встарину не выискалось,—добавилъ разсказчикъ, а теперь и подавно не выищется: теперь, дѣло извѣстное, орда присмирѣла, не воюетъ,—стало быть колотить ее не за что.

---

*) Легенду о Харкѣ см. въ „Русск. Вѣстн." 1859 г. № 5. Авт.
См. выше. Ред.

— Зарымши клад, — продолжал разсказчик, — Харько, для примѣты, зарылъ около вербовую жердь, кугой обмотанную. И сверхъ того на могилѣ каждаго сугласника посадилъ по лѣсной яблонѣ, —значитъ, всѣхъ яблоней было двѣнадцать, но старики наши помнили только одну. Годовъ съ тридцать тому, какъ и эта яблоня извелась, высохла, а все оттого, что казаки часто подрывали корни у нея, искали, значитъ, Харькинъ кладъ. Съ той поры, какъ яблони не стало, не сталъ казаться и кладъ,—должно быть чортъ его осѣтовалъ, или-бо что другое. А покуда цѣла была яблоня, онъ нѣтъ, нѣтъ, да и дастъ бывало о себѣ знать.

— Разъ красноярскій казакъ Адсковъ неподалеку отъ яблони рылъ, рылъ да и дорылся до вербовой жерди, обмотанной кугой. И жердь, и куга цѣлехоньки, ничуть не загнили, словно со вчерашняго дня въ землѣ. Адсковъ смекнулъ, что это—примѣта Харькина клада, тотчасъ же прибѣжалъ на форпостъ и объявилъ казакамъ. Тѣ обрадовались и, словно пальные, цѣлой оравой бросились къ тому мѣсту, гдѣ Адсковъ видѣлъ жердь,—но ея и слѣдъ простылъ. Значитъ, кладъ только о себѣ знать далъ: „вотъ-де я гдѣ лежу— не забывайте!“

Въ другой разъ ѣхалъ черезъ Красны Яры ревизоръ по таможенной части, не изъ русскихъ, а изъ новокрещеновъ, должно быть кизылбашенинъ. Подводчикомъ былъ покойный Данила Мостовщиковъ, а конвойнымъ Кузьма Ефремовъ. Этотъ еще живъ, онъ самъ тебѣ объ этомъ разсказетъ. Только лишь поровнялись съ яблоней, а она недалеко была отъ дороги, — и видятъ: саженяхъ въ пяти отъ яблони торчитъ изъ земли конецъ жерди, обмотанной кугой, той самой, значитъ, что и Адсковъ видѣлъ. Первый увидалъ подводчикъ, сдержалъ лошадей и показалъ конвойному на жердь. А конвойный замоталъ головой и махнулъ подводчику рукой, чтобы тотъ не останавливался, погонялъ. Проѣхали. Пріѣхали въ Калмыковъ и сдали ревизора тамошнимъ казакамъ, а сами, сломя голову, поскакали назадъ, прискакали къ яблонѣ, а жерди нѣтъ, словно и вовсе ее не было, и

слѣда на землѣ никакого не видно. Тутъ только казаки спохватились, что дали маху, да ужъ поздно. Кладъ, значитъ, не имъ однимъ давался, а и левизору; може, онъ-то и былъ тотъ молодецъ, что на своемъ вѣку перебилъ до двѣнадцати дюжинъ басурмановъ. Пожадничали казаки и ничего не получили. Вскорѣ послѣ того и яблоня повалилась. И съ той поры о Харкинѣ кладѣ ни слуху, ни духу,—заключилъ разсказчикъ.

— Еще чего нѣтъ ли?—спросилъ я собесѣдника, когда онъ кончилъ разсказъ о Харкинѣ кладѣ.

Афанасій Дмитричъ отрицательно покачалъ головой, и отвѣчалъ:

— Больше покуда ничего нѣтъ. Рази послѣ попридумаю.

— Какъ ничего?—вмѣшался въ разговоръ молодой казакъ, племянникъ старика, вошедшій на тотъ разъ въ комнату.—Хоша о томъ разскажи, дядя,—прибавилъ племянникъ,—что толкуетъ о кладѣ-то сватъ нашъ, Иванъ Иванычъ...

— Сурсковъ!—быстро прервалъ Афанасій Дмитричъ.—Чепуху онъ городитъ! Насмѣшникъ онъ, больше ничего!—сказалъ старикъ, стараясь принять на себя недовольную, сердитую физіономію.—Разъ этотъ досадный человѣкъ какую штуку отмочилъ насчетъ меня, да еще въ компаніи, страхъ, какъ оконфузилъ меня,—заговорилъ старикъ, обращаясь ко мнѣ.—Сидѣли мы у него въ гостяхъ и разговорились о кладахъ. Я, разумѣется, въ головахъ, разсказываю и о своихъ и о чужихъ похожденіяхъ. Вдругъ сватушка мой и говоритъ:

— Толкуете вы, братцы, все не то. Я такъ вотъ разскажу вамъ исторію, дивную исторію. Слушайте-ка!

— Всѣ замолчали и насторожили уши, а я пуще всѣхъ. Въ это самое время я собирался выпить рюмку вина, под-

несъ-было ко рту, и остановился. Любопытно было послушать, что скажетъ неговорливый сватушка. Онъ и говоритъ:

— На одномъ мару лежалъ большой камень. На камнѣ была подписочка: „кто сей камень переверпетъ, тотъ получитъ несмѣтное богачество".—Многіе пробовали, но камня не перевернули. Напослѣдокъ выискался одинъ силачъ, понатужился и камень перевернулъ. На исподней сторонѣ камня была другая подписочка: „дуракъ тотъ человѣкъ, кто не положа ищетъ!..."

— Вотъ какую штуку онъ отмочилъ, грѣховодникъ!— сказалъ Афанасій Дмитричъ и самъ засмѣялся.—Всѣ, кто тутъ былъ,—продолжалъ онъ,—всѣ такъ и покатились со смѣху; а я чуть-чуть не лопнулъ со стыда, съ досады, Да ты, смотри,—оговорился старикъ,—смотри, въ книжку это не введи. Стыдно!

— Вотъ еще что выдумалъ! — сказалъ я. — Стыдъ не дымъ, глаза не выѣстъ. Теперь за Ермакомъ чередъ,—валяй.

— Слушаю; радъ стараться!—былъ отвѣтъ старика.

Я приготовился слушать Ермака.

IV.

Ермакъ.

...Всему свѣту извѣстно, что Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ, былъ предводителемъ, то-есь, по нашему, атаманомъ донскихъ, гребенскихъ и яицкихъ казаковъ.—Такъ началъ рѣчь свою Аѳанасій Дмитричъ.

— Спервоначала,—продолжалъ онъ,—спервоначала Ермакъ разбой держалъ по синю-морю Каспицкому, да по матушкѣ Волгѣ-рѣкѣ. Чай, и у васъ, по вашимъ книгамъ, это значится?—обратился ко мнѣ разсказчикъ.

Я кивнулъ утвердительно головой. Старикъ Продолжалъ:

— Ну-съ, спервоначала Ермакъ разбой держалъ, а потомъ спокаялся, очувствовался и захотѣлъ загладить грѣхи и всѣ вины свои какъ передъ Господомъ Богомъ, такъ и передъ царемъ державнымъ. Для этого, не спросясь, не доложась, безъ указа, значитъ, государева, пошелъ и покорилъ Сибирь: выходитъ, самовольно покорилъ. Изъ Сибири пришелъ въ Москву къ царю съ повинною. Хорошо. Царь собралъ бояръ на совѣтъ: что дѣлать съ Ермакомъ?—Одинъ боярин сказалъ: „надо-де Ермаку голову срубить". А Ермакъ на тѣ его слова сказалъ:—„Не къ тебѣ я пришелъ, а къ царю: царь меня и суди. Я самъ не хуже тебя!"—Съ этимъ словомъ Ермакъ выхватилъ изъ ножонъ саблю вострую и смахнулъ тому боярину буйну голову. Объ

этомъ и въ пѣснѣ сказано. Всѣ остальные бояре ужастились, прикусили язычки; а иные изъ царскихъ палатъ убѣжали: такъ сѣлонъ пришелся имъ Ермакъ. Царь и говоритъ:

— Ай-да, Ермакъ! Въ бѣдѣ сидитъ, бѣдой кутитъ!

А Ермакъ молчитъ, стоитъ, не шевелится, смотритъ прямо въ глаза царю, не смигнётъ, будто и не про него рѣчь.—Царь спрашиваетъ его:

— Какъ ты смѣлъ мои корабли разбивать?

Ермакъ отвѣчаетъ:

— Ваше царское величество! Не прикажи казнить, прикажи слово молвить. Разбивалъ я корабли татарскіе, армянскіе и всѣ басурманскіе. Въ томъ числѣ, видно, и твои подъ руку подвернулись. Почемъ я зналъ, что твои? Они вѣдь не орлены, не клеймены!...

— Резонъ!—говорилъ царь.—Правда, корабли мои не орлены, не клеймены.—А, ну, спрашиваетъ царь: какъ ты смѣлъ въ моихъ глазахъ боярина моего убить?

— А какъ онъ смѣлъ,—отвѣчаетъ Ермакъ,—какъ онъ смѣлъ въ твоихъ глазахъ такія дерзкія слова говорить, чтобы мнѣ голову срубить? Никакое яройское сердце этого не вытерпитъ! Есть-когда я виненъ,—суди ты, а не бояринъ: я самъ не хуже его, може, еще получше!

Сказалъ это Ермакъ и ударилъ кулакомъ себя въ грудь, надо стальной латъ на немъ затрещалъ и лопнулъ по спайкамъ.

— Резонъ!—говорилъ царь. — Умѣешь дѣла дѣлать, умѣешь и отвѣтъ держать. За Сибирь всѣ вины тебѣ прощаю. Только, говоритъ, сослужи мнѣ еще одну службу, послѣднюю; а тамъ —хошь служи, хошь на спокой иди. Не хватаетъ у меня силы-мочи Казань и Астрахань взять. Возьми, говоритъ, Казань и Астрахань на мое царское имя, да безъ рати, —говоритъ царь. -По-крайности, на мою не надѣйся: нѣтъ у меня; всю, говоритъ, растеряли глупые воеводы. Извернешься, чай, какъ-нибудь?—спрашиваетъ царь.

— Еще бы!—говоритъ Ермакъ.—Не учиться стать. Не впервой такія дѣла обрабатывать. Оба града, говоритъ, въ

три часа съ половиною возьму; и рати съ тебя не спрошу: свою найду. Затѣмъ, говоритъ, прощенья просимъ; счастливо оставаться, ваше царское величество!

И пошелъ Ермакъ на Казань и Астрахань. И взялъ Ермакъ Казань и Астрахань, взялъ безъ силы-рати, одинъ взялъ съ двумя своими вѣстовыми,—самъ третей, значитъ. - Ермакъ, между нами будь сказано, съ прибыльцой немного былъ,—добавилъ разсказчикъ,—то-ись, имѣлъ въ послушаніи у себя малую толику шишиговъ (чертей). Гдѣ рати не доставало, тамъ онъ и выставлялъ ихъ.

Взявши Казань и Астрахань, Ермакъ опять уѣхалъ въ Сибирь: сторона та ему очень понравилась. Поѣхалъ Ермакъ въ Сибирь затѣмъ, чтобы жизнь свою тамъ кончить. Царь послалъ ему туда, за Казань и Астрахань, богатѣющій подарокъ—золотой латъ, въ двѣнадцать пудъ. Ермакъ обрадовался царскому подароку и задалъ товарищамъ своимъ банкетъ на лодкахъ посередь Иртышъ-рѣки. Пили, гуляли, изъ пушекъ палили, Расею и царя прославляли. Ермакъ нарядился въ царскій латъ, разгуливалъ по банкету, съ лодки на лодку перепрыгивалъ, но какъ-то неспопашился, оступился и полетѣлъ въ воду, и попалъ въ самую то-ись суводистую суводь! Она его, голубчика, и втянула. Справиться-то онъ никоимъ манеромъ уже не могъ, потому самому, что на немъ былъ царскій латъ двѣнадцать пудъ: онъ пуще всего и утопилъ его. Такимъ-то побытомъ и кончилъ жизнь свою вонгель Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ! И съ той самой поры, заключилъ разсказчикъ, стали орлить и клеймить царскіе корабли и всякія казенныя вещи. Значитъ, Ермакъ научилъ.

— Такъ, что-ли, я разсказалъ?—спросилъ меня, немного погодя, Аѳанасій Дмитричъ.—Чай, и у васъ, въ исторіяхъ, есть про Ермака. Нельзя же, думаю, обойти такого важнаго яроя.

- Почитай все такъ,—сказалъ я.—Одно только немного не такъ.

— Что же?—спросилъ меня старикъ.

— А вотъ что! —сказалъ я.—По нашимъ исторіямъ, Ермакъ утонулъ не во время банкета, а во время сраженія съ басурманами.

— Только въ этомъ разница?

— Въ этомъ только,—сказалъ я, не желая входить съ собесѣдникомъ моимъ въ дальнѣйшія разсужденія и подвергать критикѣ его разсказъ.—А все прочее,—прибавилъ я, все прочее, Аѳанасій Дмитричъ, чистѣйшая быль, словно по писанному иль-бо по печатованному. Теперь, кстати, спой-ка пѣсню про Ермака.

— Ихъ двѣ: которую тебѣ?—спросилъ старикъ.

— Которую? сказалъ я.—Валяй обѣ: много добра не надоѣстъ.

— Изволь!—сказалъ старикъ.—Только не обезсудь,—оговорился онъ, голосъ у меня не такъ-то хорошъ: старъ становлюсь. —Не позвать ли лучше племянника Ермошу? Знаешь, онъ лучше меня поетъ.

— Зачѣмъ?—сказалъ я.—Для меня не голосъ важенъ, а слова важны.

— Хорошо,—сказалъ старикъ, прокашливаясь и расправляя усы и бороду. Сначала вотъ эту, коротенькую.

И старикъ запѣлъ:

Какъ на Волгѣ-рѣкѣ, да на Камышенкѣ
Казаки живутъ, братцы, люди вольные:
Все донскіе, гребенскіе со яицкими.
У казаковъ былъ, братцы, атаманушка —
Ермакомъ звали Тимофеевичемъ.
Не злата труба, братцы, вострубила,
Не звонка ли, не громка ли рѣчь возговорила —
То возговорилъ, братцы, Ермакъ Тимофеевичъ:
„Ужъ вы, думайте, казаки-братцы, попридумайте,
Какъ проходитъ у насъ лѣто теплое,
Настаётъ, братцы, зима холодная.
Еще гдѣ намъ, братцы, зимовать будетъ?
Намъ на Волгѣ жить — все ворами слыть.
На Яикъ идти—переходъ великъ.
На Казань идти—грозенъ царь стоитъ,
Грозенъ царь стоитъ, братцы, немилостивый.

Онъ послалъ на насъ рать великую,
Рать великую, въ сорокъ тысячей.
Такъ пойдемте же, да возьмемъ Сибирь!"

— Эту пѣсню, батенька, вездѣ въ нашей сторонѣ услышишь; почитай каждый мальчишка ее знаетъ,—заговорилъ Аѳанасій Дмитричъ, кончивъ пѣніе. —А вотъ эту за рѣдкость,—сказалъ онъ и запѣлъ:

Шатался, мотался, Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ.
Онъ шатался, мотался по чисту полю,—
По чисту полю, Ермакъ, да по синю морю.
Разбивалъ же, Ермакъ, всѣ бусы-корабли:
Татарскіе, армянскіе, басурманскіе;
А и больше того корабли осударевы!
Осударевы корабли безъ примѣтушекъ,
Да безъ царскаго они безъ ерыычка.
Возговоритъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ:
— „Ой вы, гой еси, мои братцы-товарищи,
Вы морскіе удалые разбойнички!
Еще гдѣ намъ зиму зимовать будетъ?
Намъ на Волгѣ жить, братцы, все ворами слыть,
На Яикъ идти—переходъ великъ.
Идти-ль намъ, не идти на Иртышъ-рѣку.
Мы съ Иртышъ-рѣки возьмемъ Тоболъ-городъ.
Тоболъ-городъ возьмемъ бѣлой грудью,
Бѣлой грудью возьмемъ, безъ свинца, безъ пороху,
Безъ свинца, безъ пороху, съ камчатной съ одной плетью.
И поѣдемъ мы къ царю съ повинною,
Повеземъ ему свои буйны головы,
Во правой рукѣ повеземъ топоръ—плаху".—
Ермакъ Тимофеевичъ ловилъ добра коня,
Добра коня что ни лучшаго,
Добра коня богатырскаго.
Надѣвалъ на него уздечку тесьмянную,
Накладывалъ потнички бѣлы-бумажные,
Накидывалъ сѣделице черкасское,
Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ —
Не для красы—для крѣпости.
Садился-де Ермакъ на добра коня,
На добра коня, Ермакъ, на иноходаго.
Передомъ ѣдетъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ.

Ужъ онъ ѣдетъ, ѣдетъ потихохоньку,
Ужъ онъ ѣдетъ, ѣдетъ посмирнехоньку.
Подъѣзжаетъ онъ къ широку дворцу,
Къ широку дворцу, ко царскому,
Ко крылечку подъѣхалъ, ко крашеному.
Какъ слѣзалъ Ермакъ со добра коня,
И пошелъ Ермакъ въ царскія палатушки;
Ужъ идетъ-де онъ безъ докладушекъ,
Идетъ Ермакъ потихохоньку, посмирнехоньку.
Какъ вошелъ Ермакъ во палатушки,
Во свѣтлыя царскія залушки.
Возговоритъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ:
— „Здорово ты, нашъ батюшка, православный царь.
Православный царь, ты, Пётръ Алексѣевичъ,
Со своими князьями и боярами!
Узнаёшь ли Ермака ты, сына Тимофеевича?
Я пріѣхалъ къ тебѣ съ повинною,
Привезъ тебѣ свою буйну голову,
Во правой рукѣ топоръ—плаху.
Я шатался, я мотался по чисту полю,
По чисту полю и по синю морю.
Разбивалъ я, Ермакъ, бусы-корабля:
И татарскіе, и армянскіе, и басурманскіе,
А и больше твои осударевы.
Осударевы кораблики безъ примѣтушекъ,
Да безъ царскихъ они безъ ербычковъ".
Возговоритъ нашъ батюшка, православный царь:
— „Ужъ вы, гой еси, мои князья-бояры,
И вы думчіе мои с е н а т о р у ш к и!
Еще что намъ съ Ермакомъ будетъ дѣлати:
Иль казнить его, или вѣшати?
Иль во всѣхъ винахъ его простити?
Иль велѣть ему Казань, Астрахань взять?..."
Возговоритъ одинъ-де, бояринъ-то,
И старшій думчій сенаторушка:
— „Ой, ты, гой еси, батюшка, православный царь!
Еще мало намъ Ермака казнить-вѣшати!"
Тутъ возговоритъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ:
— „Ой, ты, гой еси, ты врешь, собака!
Безъ суда, безъ допроса хочешь Ермака вѣшати".
Богатырская сила въ немъ разгоралася,
Богатырская кровь въ немъ подымалася,
Вынималъ онъ изъ к о л ч а н а свою саблю острую,

Онъ срубилъ, смахнулъ боярину буйну голову:
Буйная его головушка отъ плечъ отвалилася,
Да по царскимъ залушкамъ покатилася.
А и царская картина перемѣнилася,
А и думчіе сенаторы испугалися,
И по царскимъ заламъ разбѣжалися.
Возговоритъ нашъ батюшка, православный царь:
— „Ермакъ въ бѣдѣ сидитъ—бѣдой кутитъ.
Еще что намъ надъ Ермакомъ дѣлать?"
Ни одинъ князь отвѣту не далъ.
Во всѣхъ винахъ прощалъ его.
Только Казань, Астрахань взять велѣлъ...

Пѣснѣ конецъ, а Ермаку слава!—сказалъ Аѳанасій Дмитричъ, кончивъ пѣніе.—Еще разъ скажу, прибавилъ онъ, пѣсня эта за рѣдкость въ нашей сторонѣ.

Дѣйствительно, прибавлю и я отъ себя, пѣсня эта весьма мало извѣстна современнымъ уральскимъ казакамъ. Обще употребительная нынче между ними первая, которая начинается словами:

„Какъ на Волгѣ на рѣкѣ, да на Камышенкѣ"

и которую каждый казачекъ споетъ вамъ съ большими или меньшими пропусками. Но ту, о которой Аѳанасій Дмитричъ отозвался, какъ о рѣдкостной, мнѣ случилось слышать всего только разъ. Я записалъ её, какъ и слѣдуетъ, слово-въ-слово.

V.

Ядъ.

— Бѣгали отъ насъ казаки въ погоню за разбойниками-киргизами,—говорилъ собесѣдникъ мой, Аѳанасій Дмитричъ.—Догнали киргизовъ за Кара-Кулемъ, отбили у нихъ добычу и, какъ водится, самихъ порядкомъ пощипали. Все хорошо, однимъ только нехорошо: киргизы ранили одного изъ нашихъ казаковъ стрѣлой въ икру, такъ самую малость, и небольно было, не больнѣе того, какъ бы, къ-примѣру, оса ужалитъ. Кажись, дѣло пустое, анъ, вышло не пустое: разворотило у казака ногу, словно бочку, и кинуло всего въ жаръ, и въ третій день казачекъ побывшился. Думали, что казакъ съ-глазу умеръ,—анъ, не съ-глазу. Которой стрѣлой ранили его, эту стрѣлу онъ вывезъ съ собой изъ похода и, когда пришелъ домой, воткнулъ ее въ сѣняхъ подъ застрѣху. Черезъ сколько-то времени послѣ того, какъ схоронили казака, ребятишки его достали стрѣлу и стали баловаться, и одинъ другого укололъ. Что-жъ сталось? Мальчикъ, котораго укололи, распухъ. Слава Богу, не умеръ. Случился на ту пору въ нашемъ форпостѣ купецъ,—съ торгомъ на низъ ѣхалъ,—человѣкъ свѣдущій. Онъ-то и избавилъ мальчика деревяннымъ масломъ—и внутрь давалъ, и снаружи мазалъ. Купецъ этотъ и разсказалъ, что стрѣла, то-ись копьяика, ядомъ напитана. Чтобы увѣриться въ словахъ купца, нароч-

но, тихонько отъ него, сдѣлали пробу надъ собакой; уколо ли,—и собака черезъ два дня издохла.—Вотъ какія вещи бываютъ!—прибавилъ разсказчикъ.

— Почемъ же зналъ купецъ, что стрѣла ядомъ была напитана?—спросилъ я разсказчика.—Что онъ, докторъ, что-ли, какой?

— Дохтуръ, не дохтуръ, а эти вещи хорошо, видно, зналъ,—сказалъ старикъ.—Разсказалъ онъ намъ послѣ такую ужасную исторію, что и теперь, какъ вспомнишь, и теперь морозъ по кожѣ подираетъ. Слушай-ка.

—Жили-были въ одномъ селѣ двое сиротъ, мальчикъ и дѣвочка,—началъ разсказъ Аѳанасій Дмитричъ.—У сиротъ этихъ не было ни отца, ни матери, ни сродниковъ; кормились они милостынею. Мальчику было лѣтъ десять, а дѣвочкѣ лѣтъ восемь. Однажды заѣхалъ въ то село, гдѣ жили сироты, странній мужикъ, торговецъ,—торговалъ разными сластями. Сироты пришли къ нему попросить Христа-ради. Мужикъ спросилъ ихъ: есть-ли у нихъ отецъ и мать, иль-бо сродственники какіе? Тѣ говорятъ, что они круглые сироты, кормятся именемъ Христовымъ. Тогда мужикъ и сталъ уговаривать ихъ, чтобы пошли къ нему въ дѣтищи.

— У меня,—говоритъ мужикъ сиротамъ,—нѣтъ дѣтей. Идите ко мнѣ жить. Я,—говоритъ,—буду поить-кормить васъ, обувать и одѣвать. А когда выростете, тебя—говоритъ мальчику—женю, а тебя—говоритъ дѣвочкѣ—замужъ выдамъ. А имѣніе мое,—говоритъ,—раздѣлю между вами поровну.

Дѣло дѣтское,—сироты ничего не понимали, только плакала. Тутъ узнали и обыватели того села, гдѣ они жили, и говорятъ мужику:

— Чего съ ними толковать: глупы! Коли у тебя есть желаніе, добрый человѣкъ, воспитать сиротъ,—возьми, говорятъ, ихъ и поѣзжай съ Богомъ, куда путь-дорога лежитъ.

Знамо, обывателямъ на руку, что выискался такой добрый человѣкъ, что избавляетъ отъ сиротъ: эти, значитъ, съ хлѣбовъ и съ податей долой. Хорошо. Взялъ мужикъ сиротъ,

посадилъ въ повозку и повезъ съ собой. Мѣсяцъ цѣлый ѣхали, напослѣдокъ пріѣхали къ мужику на хуторъ. Хуторъ былъ въ мѣстѣ уединенномъ, лѣсномъ, глухомъ, вокругъ все болота и ни души живой. Но сиротамъ до этого дѣла нѣтъ. Живутъ они у мужика на хуторѣ, словно у Христа за пазухой. Мужикъ не знаетъ чѣмъ и кормитъ ихъ, что ни самыми, значитъ, лучшими яствами. Особенно кормилъ и холилъ дѣвочку, такъ и пичкалъ ее пряниками, изюмомъ и разными сластями. Въ полгода она у него такъ отъѣлась, что и узнать нельзя было: дотолѣ была худенькая, черненькая, а тутъ сдѣлалась пухленькая, бѣленькая, словно тѣсто пшеничное.

Хорошо. Прошло еще сколько-то времени, перезимовали. Весной и состряпалъ мужикъ такую штуку, что вчужѣ, какъ только раздумаешься, морозъ по кожѣ подираетъ. Взялъ онъ пустую бочку и выбилъ у нея дно,—потомъ взялъ дѣвочку, разнагишалъ и засадилъ въ эту бочку, а дно у бочки опять задѣлалъ. Дѣвочка, знамо, плакала, кричала,—да ничто. Мальчикъ тоже пустился-было въ слезы,—да ничто: мужикъ пригрозилъ топоромъ, и мальчикъ замолчалъ. Задѣлавши бочку, мужикъ взялъ большой буравъ и навертѣлъ въ ней много дыръ, почесть изрѣшетилъ бочку. Сдѣлавши это, мужикъ покатилъ бочку со двора и вкатилъ въ середину болота, неподалеку отъ хутора. Вкативши бочку въ болото, мужикъ досталъ изъ кармана дудочку и засвисталъ на ней. И въ болотѣ засвистали: это змѣи засвистали. И подползли змѣи въ бочку сквозь набуравленныя дыры, и стали змѣи дѣвочку грызть, жалить, и стали изъ нея кровь точить. Ужасть, что такое! Сначала дѣвочка, бѣдняженька, сильно кричала, а потомъ тише и тише; напослѣдокъ перестала. Значитъ, змѣи задушили бѣдняженьку! Мальчикъ опять было поднялъ крикъ, но мужикъ—съ топоромъ къ нему, и говоритъ:

— Есть когда не замолчишь, то и тебѣ тоже будетъ! А я, говоритъ, не хочу съ тобой такъ поступить: довольно и сестренки твоей. И черезъ нея, говоритъ, мы получимъ не-

смѣлное богатство. Тогда, говоритъ, и ты заживешь по-барски. Молчи, глупый мальчишка!

„Мальчикъ замолчалъ. Прошло сколько-то времени, мужикъ опять засвисталъ на дудкѣ, и въ болотѣ опять засвистали, но ужъ тише прежняго. Это были тѣ змѣи, кои въ бочку еще не попали. И эти змѣи полѣзли въ бочку.—Черезъ нѣкоторое время мужикъ опять засвисталъ; но въ болотѣ было тихо.—„Всѣ!" сказалъ самъ про себя мужикъ и выкатилъ изъ болота бочку со змѣями. Тѣ, пока тонци были, слободно лѣзли въ бочку сквозь дыры, а изъ бочки вылѣзть ужъ не могли; напились и нажрались, значитъ, человѣчьей крови и раздулись; только головы ихъ торчатъ изъ дыръ, словно пропизки. Ужасть, что такое!—Выкатимши изъ болота бочку, мужикъ развелъ огонь и повѣсилъ надъ нимъ большой котелъ на половину съ водой. Когда вода стала закипать, мужикъ надѣлъ на руки кожаныя рукавицы, взялъ желѣзные клещи и давай ими таскать змѣй—схватитъ клещами змѣю за голову, вытащитъ изъ дыры и въ котелъ, и въ котелъ. Такимъ маперомъ всѣхъ змѣй перетаскалъ въ котелъ и сталъ варить;—самъ варитъ, а самъ уполовникомъ помѣшиваетъ. Долго ли, коротко ли, мужикъ варилъ этакую гадость, напослѣдокъ прилегъ на полъ отдохнуть, а мальчику приказалъ слегка поддерживать подъ котломъ огонь и помѣшивать уполовникомъ въ котлѣ, чтобы ни одна капля этого взвара не упала черезъ край. И рукавицы съ себя снялъ и отдалъ мальчику.—Ладно.

„Мужикъ лежалъ, лежалъ и захрапѣлъ; а мальчикъ сидитъ на корточкахъ у котла, подкладываетъ подъ него дрова и помѣшиваетъ въ котлѣ уполовникомъ, какъ мужикъ приказалъ, а самъ, бѣдняженька, тихонько плачетъ. Не помнитъ мальчикъ, какъ случилось, что скинулъ съ одной руки рукавицу и дотронулся голымъ пальцемъ до уполовника, то-есть, до самой чапечки, что въ котелъ опускается,—и въ одинъ мигъ палецъ у него вздулся. Мальчикъ удивился, однако, не обробѣлъ, а захотѣлъ попробовать, отчего такая оказія случилась; взялъ и зачерпнулъ уполовникомъ немного этого

взвара, далъ остыть и маленькую капельку капнулъ себѣ на ладонь, и въ одинъ мигъ капля прошла сквозь ладонь, дыру, значитъ, прожла. Больно было мальчику, что и толковать, однако, не струсилъ онъ, не заплакалъ, не закричалъ, самъ Богъ, значитъ, подкрѣпилъ его и надоумилъ.—„Одна капля, да еще остуженая, что сдѣлала, думаетъ самъ про себя мальчикъ.—Что же можетъ сдѣлать цѣлый уполовникъ этого зелья, да еще горячаго?! -Господи благослови!"—сказалъ мальчикъ самъ про себя, и въ ту-жъ минуту зачерпнулъ полный уполовникъ этого зелья и бухъ на рожу мужику. Мужикъ только вздрогнулъ и тутъ же окочурился; даже и голоса никакого не издалъ. Значитъ, попала коса на камень.

„Послѣ такого случая, знамо дѣло, мальчикъ пустился бѣжать, куда глаза глядятъ. Утромъ наткнулся въ лѣсу на дровосѣковъ и разсказалъ имъ, что и какъ было. Тѣ выслушали мальчика, посмотрѣли на его руку, а она стала уже запухать. Тогда одинъ изъ дровосѣковъ, человѣкъ, видно, знающій, не говоря ни слова, прижалъ руку мальчика къ дереву и отхватилъ топоромъ, повыше кисти и пониже локтя. Этимъ самымъ и избавилъ мальчика отъ неминучей смерти.—По сказкамъ мальчика, дровосѣки отыскали хуторъ и нашли въ немъ все такъ, какъ мальчикъ разсказывалъ: и котелъ съ зельемъ, и мертваго мужика;—у того, у подлеца, и рожи не знать было—зелье сожгло — и издыравленную бочку. Бочку разбили и въ ней нашли однѣ бѣлыя косточки дѣвочкины. Собрали эти косточки и, какъ подобаетъ, схоронили тутъ же въ лѣсу, а избушку съ мертвымъ мужикомъ и съ зельемъ и со всѣмъ, что въ ней было, завалили хворостомъ и предали огню.

— Зачѣмъ же мужику нужно было этакое зелье?—спросилъ я разсказчика, когда онъ кончилъ свой разсказъ.

— Какъ зачѣмъ? Разве не догадываешься?—спросилъ старикъ.—Этимъ самымъ зельемъ,—продолжалъ онъ,—мужикъ торговалъ, спроваживалъ, значитъ, его за границу, къ непріятелямъ, а тѣ, знамо дѣло, закаляли въ немъ стрѣлы, копья и всякое оружіе на пагубу нашу и всѣхъ добрыхъ

людей. Довольно слегка поранить человѣка стрѣлой иль-бо саблей, что зельемъ такимъ напитана иль-бо намазана,—и человѣку тому неминуемо приключится смерть, если только не успѣютъ во-время захватить какимъ ни на есть лекарствомъ.

— Отъ кого-жъ купецъ слышалъ эту исторію?—снова спросилъ я моего собесѣдника.

— Отъ дѣдушки!—отвѣчалъ тотъ.—А дѣдушка его и былъ тотъ самый сирота-мальчикъ, что угомонилъ мужика ядомъ,—заключилъ старикъ.

VI.

Оборотни.

...На моемъ вѣку мнѣ только разъ довелось видѣть оборотня въ нашихъ мѣстахъ и то давнымъ-давно, когда я маленькимъ мальчишкой былъ,—говорилъ старикъ.—Въ нашихъ мѣстахъ, чтобы не сглазить, этакихъ мерзостей нынче ужъ совсѣмъ нѣтъ; да и въ старину, сказывали старики, было мало. Народъ-то, что ли, былъ совѣстливый, иль-бо потому, что въ достаткѣ жилъ и ни въ чемъ нужды не имѣлъ—не знаю, какъ сказать; а только въ томъ могу завѣрить, что хоша и изъ нашихъ въ старину бывали такіе доки, что съ нечистой силой знались, однако, на такія штуки не пускались, чтобы образъ звѣря какого принять и тѣмъ людей стращать и обирать, иль-бо кого по пасердкамъ въ звѣря оборотить. А вотъ въ Расеи, между мужиками,—продолжалъ разсказчикъ,—и въ старину, говорятъ, бывало и въ нынѣшнее время много бываетъ такихъ пакостей. Тамъ, говорятъ, нѣлые свадебные поѣзды въ волковъ оборачивали и оборачиваютъ, есть-коли дружка плохъ, не можетъ, значитъ, супротивъ заговора свой отговоръ представить.

„Оборотни бываютъ двухъ сортовъ, продолжалъ старикъ:—одни вольные, другіе подневольные. Вольный оборотень тотъ, кто самъ собой, своей волей, оборачивается въ какого-нибудь звѣря, чтобы невзначай людей пугать и ихъ

обирать, когда тѣ испугаются. Подневольный оборотень тотъ, кого кто-нибудь по насердкамъ оборотитъ въ звѣря, чтобы тотъ скитался и нужду спознавалъ. Подневольные оборотни безопасны, жалости подобны, они никакихъ худностей никому не дѣлаютъ, ихъ и обижать грѣшно. А вотъ тѣхъ, кои сами собой, ради корысти, на эти штуки пускаются, тѣхъ, знамо, и убить не грѣхъ—туда и дорога. Былъ такой примѣръ и у насъ, на моей памяти, годовъ пятьдесятъ тому. Жили мы тогда въ Гурьевѣ-городкѣ. Въ одно время прошла по городу молва, что оборотень ходитъ въ образѣ свиньи. Сначала не всѣ вѣрили, а подъ конецъ всѣ увѣрились. Разъ ночью шла изъ гостей домой женщина. Вдругъ изъ-за угла, словно стрѣла, выскочила преогромнѣющая свинья и прямо женщинѣ подъ ноги. Женщина обмерла и безъ чувствъ упала на землю; а когда очувствовалась, то ни жемчужной сороки,—тогда еще въ модѣ были сороки,—ни индѣйской ширинки на головѣ не осталось. Значитъ, оборотень сграбаталъ. А женщина была изъ хорошаго, богатаго дома и хмѣльного въ ротъ не брала. Въ другой разъ, вскорѣ послѣ этого, оборотень напалъ на казака и стащилъ съ него шелковый азямъ, норковую шапку и козловые сапоги. Правда, казакъ былъ выпимши, но не совсѣмъ, былъ еще въ чувствѣ, во всѣ глаза глядѣлъ, видѣлъ, какъ свинья зубами сорвала съ него и шапку, и азямъ, и сапоги, но оборониться и закричать не могъ: отъ испуга и руки, и ноги у него отнялись и голосъ замеръ.

Послѣ этихъ исторій стали обыватели беречься, по ночамъ не стали ходить по одиночкѣ, а стали ходить по двое, по трое, съ фонарями да съ оружьемъ. Съ того ли, не съ того ли, перестала свинья разгуливать по городу. Прошло сколько-то времени спокойно, стали свинью забывать. Вдругъ, середи бѣла дня, въ какой-то праздникъ, появилась она въ слободкѣ, около дѣвичьяго хоровода: хотѣла, значитъ, поживиться чѣмъ-нибудь отъ дѣвчатъ. Тѣ, словно отъ дождя, въ разныя стороны, подняли крикъ-плачъ и взбулгачили весь народъ. Загромонился народъ и кинулся на свинью, кто съ

ружьемъ, кто съ дубьемъ. Свинья видитъ, что дѣло плохо, поворотила оглобли назадъ и драло вонъ изъ города, и побѣжала къ шишамъ *). Народъ за ней. Кто-то, набѣгу, выстрѣлилъ по ней изъ ружья и раздробилъ ей правую переднюю ногу. Еще кто-то выстрѣлилъ и попалъ свиньѣ въ морду. Однако, совсѣмъ не убили. Успѣла, бестія, забѣжать за одинъ шишъ и пропала; спряталась, значитъ, въ шишъ. Народъ окружилъ шишъ и давай палить въ него изъ ружей. Палили, палили и перестали. Слышутъ: въ шишѣ что-то шевелится и стонетъ. Принесли багры и стали растаскивать шишъ. Оттащили сколько-то пучковъ и увидали: на лоскуткѣ конопы (войлокъ) стоитъ на колѣняхъ сѣдой, какъ лунь, старикъ, въ голубой китаечной рубашкѣ. Правая рука у него перебита пулькой и виситъ, словно плеть; зѣвки разбиты; изъ нихъ и изъ руки, какъ теперь помню, струится черная кровь. Старикъ силится что-то сказать, а не можетъ; только мычитъ, да стонетъ, да головой качаетъ, кланяется, да лѣвой рукой-то на себя покажетъ, то на церковь.

— Кантся! кантся!—закричалъ кто-то изъ народа. — Попа, видно, просятъ.

— Дьявола ему, еретику, а не попа! Не достоинъ онъ этого! Добивай его, ребята!—закричалъ еще кто-то.

— По этому слову кто-то выстрѣлилъ, и старикъ повалился. Въ тоё-жъ минуту завалили его опять камышомъ и подожгли. Шишъ былъ огромнѣющій, возовъ болѣе ста, запылалъ словно адъ: къ вечеру отъ старика и праху не осталось! Съ той поры никто ужъ больше не видалъ свиньи-оборотня.

„Это я самъ, своими глазами, видѣлъ,—прибавилъ разсказчикъ.—А разъ довелось мнѣ говорить съ однимъ человѣкомъ. Тотъ, ложь ли, правда ли, самъ былъ въ оборотняхъ, только не по своей волѣ, а по волѣ тещи своей, колдуньи. Я тебѣ разскажу. Слушай-ка.

---

*) Запасы камыша, приготовляемаго для топлива и складываемаго въ конусообразныя кучи. Эти-то кучи называются шишами.

„Жилъ онъ, этотъ человѣкъ,—говорилъ старикъ,—съ женой не въ ладахъ, часто колотилъ ее, а все изъ-за того, что взялъ ее нечестную, ошибся. Жена жаловалась своей матери. Та часто выговаривала зятю, чтобы унялся, не тиранилъ жену, чтобы забылъ ея дѣвичій проступокъ. „Грѣхъ да бѣда,говоритъ теща зятю, съ кѣмъ не бываетъ. Не то, говоритъ теща, сыграю я съ тобой такую штуку, что неточію дочь мою, а и дома своего не узришь". Зять, однако, не унимался, колотилъ жену по-прежнему, а того и въ головѣ не держалъ, что теща его колдунья.

„Разъ, въ пьяномъ видѣ, поколотилъ онъ жену очень больно; та и убѣжала къ матери, въ другое село. На другой иль-бо на третій день, съ похмѣльной головой, зять пошелъ къ тещѣ за женой. Теща притворилась, будто ничего не знаетъ, что тамъ у нихъ съ женой произошло, встрѣтила зятя ласково, усадила за столъ и стала потчивать обѣдомъ. Но зятю не до обѣда: у него голова трещитъ съ перепоя.

— Нѣтъ ли чѣмъ опохмѣлиться, любезная тещенька?— спрашиваетъ зять.

— Коли нѣтъ,—говоритъ теща ласковымъ голосомъ:— есть! По пословицѣ, не для зятя, собаки, а для своего дитяти, говоритъ теща будто шутками. Вотъ, говоритъ теща, кушай, да только, смотри, не обожгись.

„Сказала это и достала изъ-за печки стаканъ вина и поднесла зятю. Тотъ, не перекрестясь и не благословясь, духомъ выпилъ стаканъ. Хотѣлъ порожній стаканъ поставить на столъ, а онъ, то-есть стаканъ, самъ собой выпалъ изъ рукъ. Зять взглянулъ на руки, а онѣ не руки, а волчьи лапы. Онъ взглянулъ самъ на себя, и весь-то онъ не человѣкъ, а волкъ, отъ головы до пятокъ волкъ! Зять съ мыслями еще не успѣлъ сообразиться, какъ теща и жена схватили одна ухватъ, другая кочергу и давай гнать его изъ избы. Въ дверь ли, въ окно ли, не помнитъ, зять выпрыгнулъ на дворъ. Тамъ собаки принялись рвать его. Онъ на улицу, и тамъ собаки. Онъ въ лѣсъ, а тамъ волки, и тѣ стали-было пощипывать его. Однако, вскорѣ заступился за

него волчій предводитель, къ примѣру, атаманъ. Подошелъ онъ къ оборотню, обнюхалъ его и зарычалъ на своихъ. Тѣ замолкли, присмирѣли, подошли къ оборотню, обнюхали его, полизали и хвостами завертѣли; значитъ, въ компанію къ себѣ приняли. Къ вечеру вся стая поднялась съ мѣста и пошла на промыселъ. Оборотень съ ней же. Дѣло было зимой, снѣгъ былъ глубокій, по брюхо волкамъ. Пстовымъ волкамъ, знамо, это ни по чемъ, а оборотню куда какъ жутко было. Однако, со временемъ и онъ обдержался, сталъ бѣгать, какъ и настоящій волкъ. Въ ту же ночь зарѣзали волки лошадь и стали ѣсть. На нихъ глядя, и оборотень присунулся-было къ лошади, но ѣсть не могъ—въ душу не пошло. Замѣтилъ это волчій предводитель, подошелъ къ оборотню и знаками показалъ, какъ слѣдуетъ съ махаиной обращаться. Сперва волкъ положилъ лапу на махаиъ—„гляди-де!", потомъ рвануль зубами и вырвалъ кусокъ махаины; вырвалъ и бросилъ на снѣгъ; потомъ опять взялъ со снѣга въ зубы и три раза встряхнулъ въ воздухѣ; напослѣдокъ сталъ ѣсть. Оборотень сдѣлалъ точно такъ же. И показалась послѣ того оборотню махаина вкусной-превкусной, что твоя жареная гусятина иль-бо поросятина, и сталъ онъ уписывать ее за обѣ щеки. Съ этого самаго раза оборотень и языкъ волчій сталъ понимать, сталъ и разговаривать съ волками, а всѣ человѣческіе помыслы изъ головы совсѣмъ вышли, одно слово, сдѣлался настоящимъ волкомъ, будто и не былъ никогда человѣкомъ.

Такимъ манеромъ цѣлыхъ три года оборотень жилъ съ волками и вошелъ у волковъ въ большую славу, какъ храбрый, небоязливый, ловкій и проворный рѣзакъ. Бывало, никто лучше не подцѣпитъ и не зарѣжетъ овцу, корову иль-бо другую какую скотину. Стараго предводителя гдѣ-то убили по промыслѣ. На мѣсто его волки выбрали себѣ атаманомъ оборотня: ужъ больно ловокъ былъ, пострѣлъ! Черезъ три года, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, пришелъ оборотень въ человѣчій разумъ и вспомнилъ прежнюю свою человѣчью жизнь, вспомнилъ и тещеньку свою любезную. И захотѣлось ему отмстить тещѣ чѣмъ возможно. Что-жъ, зачѣмъ дѣло

стало? Подъ началомъ цѣлая стая волковъ! Въ одну ночь онъ и скомандовалъ волкамъ, чтобы шли за нимъ. Волки повиновались и пошли. Подошли къ тому селу гдѣ жила теща оборотнева, зашли задами къ тещину двору, знамо, оборотень показывалъ, влѣзли на базъ, гдѣ овцы содержались, разломали сверху дыру и спустились въ базъ, чтобы перерѣзать у тещи всѣхъ овецъ, такой приказъ былъ отъ оборотня. Спустились въ базъ, и попали въ западню: овецъ въ базѣ не было. Правда, были двѣ-три ледащія овцы, да шутъ ли въ нихъ? Волкамъ, а пуще оборотню, не того хотѣлось. Ну, нѣтъ овецъ—это еще не бѣда: „на нѣтъ и суда нѣтъ"; а то бѣда, что волкамъ вылѣзть изъ базъ нельзя, вотъ это для волковъ скверно! Прежде они, пострѣлы, такъ дѣлывали: залѣзутъ, бывало, къ кому-нибудь въ овчарню, нарѣжутъ овецъ многое-множество, накладутъ ихъ полѣнницей и по нимъ вылѣзутъ вонъ. А теперь не то вышло; значитъ, попала коса на камень. Пробовали волки стѣну грызть,—скоро ли прогрызешь: стѣна толстая, изъ сырого кирпича. Принялись за дверь и около нея ничего не взяли: дверь была дубовая, обита желѣзомъ. Стали землю рыть, чтобы подъ стѣну подрыться, и тутъ ничего не взяли: земля мерзлая, не скоро подроешься. Взвыли волки и въ досадѣ кинулись на оборотня, что завелъ ихъ въ такое мѣсто. Растерзали-бъ волки оборотня, еслибъ не подошли въ эту минуту къ дверямъ люди. Волки осѣлись притихли, поджали хвосты и забились въ уголъ. Оборотень ни живъ, ни мертвъ, забился въ другой и слышитъ на дворѣ за дверью голосъ тещи. Та смѣхомъ говоритъ сыновьямъ:

— Гость дорогой пришелъ, да не одинъ, а съ цѣлой компаніей. Приготовьтесь, дѣтушки, хорошенько угостить.

Сказано, теща была колдунья. Она знала и день, и часъ, когда зять-оборотень вернется; припасла къ тому времени такой крѣпкій базъ и оставила въ немъ, для приманки волкамъ, двѣ-три паршивыя овцы, а остальныхъ припрятала въ другое мѣсто.

Немного погодя, растворилась дверь и въ базъ вошла

тещa съ фонаремъ и съ веревкой въ рукахъ. За нею вошли три сына ея, три здоровенные мужика, съ топорами и веревками. Подошла теща къ волкамъ, посмотрѣла на нихъ, пересчитала—ихъ было двѣнадцать—и говоритъ: „Хороши гости, нарядные". А волки, словно сонные, сидятъ на заднихъ лапахъ, не шевелятся; нечистая сила и ихъ пригвоздила. Потомъ подошла теща къ оборотню, погладила его по головѣ, смѣется и говоритъ:

— Что, мой другъ, соскучился видно объ насъ? Извѣстить пришелъ?—Милости просимъ!

Сказала это и накинула оборотню на шею веревку и повела вонъ изъ база.

— А вы,—говоритъ она сыновьямъ,—угостите пріятелей его, какъ должно. Скиньте съ нихъ тулупы-то, чай, жарко имъ въ нихъ.

Привела теща оборотня въ избу, поставила супротивъ печки, достала изъ-за печки стаканъ вина и подала оборотню.—Выпей,—говоритъ теща. — Оборотень не знаетъ, какъ съ стаканомъ сладить. Теща велѣла ему сѣсть на заднія лапы, а переднія протянуть. Онъ такъ и сдѣлалъ. Теща вставила ему стаканъ между лапъ и помогла выпить. Оборотень выпилъ и въ тотъ же мигъ обратился опять въ человѣка. Тогда теща и говоритъ зятю:

— Не разъ говорила я тебѣ: не бей мою дочь; но ты не слушалъ. Теперь пеняй самъ на себя. Но, любезный зятюшка, это только одни цвѣточки, а ягодки еще впереди. Берегись! Если отнынѣ слово одно услышу отъ дочери, что ты обижаешь ее, то оборочу тебя въ волка на цѣлую жизнь.

Зять, знамо дѣло, клянется передъ тещей всѣми богами, что не будетъ обижать жену, а у самого на умѣ одно, какъ бы только вырваться живому отъ тещи. Та напоила его, накормила и отпустила домой; дала ему и одежду, а его одеженка, что была на немъ, вся износилась, покуда оборотнемъ ходилъ. Лишь только вырвался отъ тещи, зять и побѣжалъ, сломя голову, куда глаза глядятъ; и въ село свое не зашелъ,

и отъ жены, и отъ дома, и отъ всего сродства своего отступился,—пошелъ, значитъ, странствовать.

Показывалъ этотъ человѣкъ мнѣ руки свои. На всѣхъ, сударь мой, пальцахъ первыхъ суставовъ не было: отморозилъ онъ ихъ въ первую зиму, какъ оборотнемъ бѣгалъ! А на ногахъ пальцы уцѣлѣли, по той самой причинѣ, что на ногахъ сапоги были. Послѣ, знамо, и сапоги износились, да ничего: ноги, значитъ, обдержались.

Мужичка этого я видѣлъ старичкомъ. Бакчи онъ у насъ караулилъ. Послѣ, какъ слышно было, ушелъ онъ на Иргизъ и постригся въ монахи. Это было въ ту пору, когда иргизскіе монастыри не были еще разорены,—заключилъ старикъ.

VII.

Проклятые.

„По понятіямъ уральцевъ, заимствованнымъ, конечно, отъ великоруссовъ, шутовки суть проклятыя жены и дѣвы. Онѣ живутъ во плоти, невидимо отъ людей, и будутъ жить до пришествія Христова. А какъ онѣ не совсѣмъ еще отрѣшились отъ земли, то часто ходятъ между людьми, похищаютъ одежду и пищу... и выбираютъ для себя любовниковъ изъ мужчинъ. Обыкновенно шутовки нападаютъ на тѣхъ, которые горюютъ объ отсутствующихъ или умершихъ женахъ или любовницахъ... Кромѣ шутовокъ, т. е. проклятыхъ женщинъ, есть между чертями и шуты, т. е. проклятые мужчины. Эти полуземные молодцы въ свою очередь обольщаютъ между людьми молодыхъ женщинъ... Конечно, случается, что кромѣ женщинъ попадаютъ въ сѣти шутовъ и неопытныя дѣвушки... Отецъ или мать можетъ проклясть и погубить свое дѣтище безъ всякаго намѣренія, отъ одной глупости и неосторожности. Стоитъ только отцу или матери сказать не въ часъ сыну или дочери два слова: „будь проклятъ"—и дитя тотчасъ исчезнетъ. Нечасомъ простолюдины считаютъ самые глухіе полдни, т. е. промежутокъ или, правильнѣе, переходъ отъ 12-го къ 1-му часу — переходъ, продолжающійся, впрочемъ, только одно мгновеніе или и еще меньше".

(Изъ разказа: „Василій Струняшевъ").

Ѣхалъ одинъ казакъ изъ Самары въ Уральскъ,- говорилъ собесѣдникъ мой, старикъ. —Ѣхалъ по Обчему (Общій Сыртъ). Телѣжонка у казака была ледащая, словно у башкирца; связана, какъ говорится, лыкомъ да мочалой; въ добавокъ, не смазана, будто въ Самарѣ и дегтю не нашлось на

базарѣ; и поэтому самому скрыпить на всѣ лады; особенно одно колесо отличалось: какъ только обернется, такъ и вскрыкнетъ: „тырлы!“ И все, братецъ мой, на одинъ ладъ: „тырлы“ да „тырлы“. Ничего, однако, казакъ привыкъ къ этому „тырлы“. Спустилась дорога подъ гору и пошла лѣсомъ, осинникомъ. Казакъ сидитъ на одной наклескѣ и пѣсенки мурлычитъ. А колесо все свое: какъ обернется, такъ и вскрикнетъ „тырлы“. И въ лѣсу откликнется: „тырлы!“ Колесо „тырлы“ и въ лѣсу „тырлы“. Сначала казаку невдомекъ, что это „тырлы“ не спроста; думаетъ, что это въ лѣсу отдается. Немного погодя, дорога вышла изъ лѣсу и пошла по увалу, по ровному мѣсту, а тамъ и по степи. Казакъ ѣдетъ,—колесо: „тырлы!“ И въ степи, позади телѣги: „тырлы!“—„Тырлы“ да „тырлы!“ Что будешь дѣлать? Немного погодя, это самое „тырлы“ слышно не позади, а по правую сторону телѣги. Чудеса! Еще немного погодя, это „тырлы“ слышно по лѣвую сторону. Чудеса! Еще немного погодя, это „тырлы“ слышно въ самой телѣгѣ, на другой наклескѣ, супротивъ казака. Чудеса! Казакъ остановился, слѣзъ съ телѣги, обошелъ кругомъ, тяжи и кое-что поправилъ, пересѣлъ на другую наклеску и поѣхалъ. Казакъ ѣдетъ, а колесо опять „тырлы“, а въ отвѣтъ колесу опять „тырлы!“ Это „тырлы“ на другой ужъ сторонѣ, гдѣ прежде казакъ сидѣлъ.

— Что за оказія?—говоритъ казакъ самъ про себя.—Ужъ не чортъ ли шутитъ?

— Чортъ не чортъ, а похожъ на него!—говоритъ въ отвѣтъ казаку невидимый голосъ.

Казакъ ужаснулся и давай творить молитву, а самъ, выпуча глаза, озирается на всѣ стороны. Думаетъ и то, не прячется ли кто гдѣ, не пугаетъ ли. Но никого нѣтъ, и быть негдѣ: мѣсто гладкое, ни кустика, ни марика.

— Не безпокойся,—говоритъ казаку невидимый голосъ, ничего не увидишь. А если тебѣ хочешь,—говоритъ невидимый голосъ,—я самъ тебѣ покажусь.

Казака передрало, по кожѣ у него мурашки пробѣжали.

— Будь спокоенъ,—говоритъ невидимый голосъ,—никакого худа тебѣ не сдѣлаю, да и не могу: не въ моей власти.

— Да ты кто?!—почти заніялъ казакъ.—Прежде скажись, чтобы я зналъ, а потомъ ужъ и покажись.

— Я проклятой!—говоритъ невидимый голосъ.—Ну, что, хочешь, чтобы я тебѣ показался?—спрашиваетъ невидимый голосъ.

Казакъ видитъ, что не отбояриться ему отъ проклятого, коли тотъ самъ навязывается,—думаетъ: надо-де, уважить, а то, пожалуй, долго-ли до грѣха,—худа бы какого не сдѣлалъ.

— Кажись!—говоритъ казакъ, а у самаго голосъ дрожитъ.

— Только, пожалуйста,—упрашиваетъ казакъ проклятого,—пожалуйста, почтенный, покажись въ пристойномъ образѣ, чтобы вдосталь не испугаться...

— Хорошо,—говоритъ невидимый голосъ, со смѣхомъ.—Зажмурь глаза!

Казакъ зажмурился.

— Гляди!—говоритъ невидимый голосъ.

Казакъ открылъ глаза и увидалъ прямо передъ собой, на другой наклескѣ, мужчину въ красной александрійской рубахѣ. Мужчина былъ парень молодой, усъ только рѣжется,—парень бѣлый, кудрявый, краснощекій, здоровенный, на лбу хошь опучи сушп—высохнутъ.

— Ну, что? Каковъ я на твои глаза?—спрашиваетъ проклятой казака.

— Ничего,—говоритъ казакъ,—на мои глаза, ты такой же человѣкъ, какъ и всѣ люди.

— Да!—говоритъ проклятой, и вздохнулъ.—Я такой же былъ человѣкъ, какъ и ты, какъ и всѣ люди. Да вотъ, по грѣхамъ моимъ, попалъ въ дьявольское общество и почитай на одномъ конѣ съ дьяволами сижу.

— По какому же случаю ты попалъ въ дьявольское общество?—спрашиваетъ казакъ.

— Извѣстно, по какому,—говоритъ проклятой:—мать

проклята; не въ часъ лихое слово молвила и погубила меня.—Правда,—говоритъ проклятой,—самъ я тому причиной: на мать руку поднялъ... Ѣхалъ я купецъ города Нижняго,—чай, слыхалъ?—спрашиваетъ проклятой казака.

— Какъ не слыхать? — говоритъ казакъ. — Слыхалъ! Тамъ Макарьевска ярманка.

— Родителя у меня не было въ живыхъ, а была одна родительница, — говоритъ проклятой.—Держала она меня въ строгости, что и говорить, да не воздержала; значитъ, чего въ комъ не положено, въ того не положишь. Однажды я загулялся въ разныхъ веселыхъ домахъ. Слыхалъ ты, какъ нашъ братъ гуляетъ?—спрашивалъ проклятой казака.

— Ну,—говоритъ проклятой,—я и загулялся, и задолжалъ: вина много перебралъ. Денегъ со мной было немного, расплатиться нечѣмъ. Надѣялся на товарища, а тотъ измѣнилъ, подлецъ, скрылся. Хозяева въ долгъ не вѣрятъ и отъ себя не отпускаютъ. „Расплатись, говорятъ, за вино да за музыку; не то, говорятъ, въ полицію представимъ".—Что дѣлать? Послать къ матушкѣ за деньгами—боюсь. Знаю, мать денегъ не дастъ. А тамъ пристаютъ:—„Расплатись, говорятъ,—сію-жъ минуту расплатись; не то, говорятъ, за будошниками пошлемъ."—Дулся, дулся, да и перевернулся: скинулъ съ себя всю одежду, какая была, и отдалъ подъ закладъ. „Когда, говорятъ, принесешь деньги,—тогда возьмешь свое обратно".—Остался я въ одной рубахѣ, и въ такомъ видѣ пришелъ домой. Мать вскинулась на меня, стала бранить и бить. Я, съ пьяныхъ-то глазъ, возьми и толкни матушку въ грудь. Этого, знамо дѣло, матушка не стерпѣла, плюнула мнѣ въ рожу, да и сказала:—„Будь же ты за это, анаѳема, проклятъ!"—На бѣду мою,—говоритъ проклятой,—пришлось матушкѣ слова эти выговорить не въ часъ. Ну, и конченъ балъ! Въ тотъ же мигъ подцѣпили меня дьяволы и увлекли въ свое сонмище! Теперь,—говоритъ проклятой,—и исполняю повелѣнное мнѣ дьяволомъ.

— Что-жъ ты дѣлаешь?—спрашиваетъ казакъ.

— Извѣстно, что,—говоритъ проклятой: слоняюсь по

міру между людьми, отыскивая такихъ дѣвушекъ, иль-бо молодушекъ, кои по полюбовникамъ или по мужьямъ тоскуютъ, примазываюсь къ нимъ и... Дальше нечего разсказывать, самъ знаешь.

— Какая же польза тебѣ оттого?—спрашиваетъ казакъ.

— Какъ какая? говоритъ проклятой.—Чудной ты человѣкъ! Вѣдь я во плоти... Опять и то, еслибъ я и не хотѣлъ, такъ дьяволы приневолятъ: я въ ихъ власти. Что прикажутъ, то и исполняй. А вздумай-ка ослушаться, бѣда! такъ отстегаютъ желѣзными, раскаленными прутьями, что въ другой разъ не захочешь супротивничать. Таковъ предѣлъ.

— Да дьяволамъ-то какая польза отъ этого?—спрашивалъ казакъ.

— Казакъ молодецъ, любопытничаетъ, до всего, значитъ, доходитъ,—замѣтилъ разсказчикъ.

— А вотъ какая!—говоритъ проклятой.—Къ которой женщинѣ я прикачиусь, вѣдь она можетъ забеременѣть и родить. Вотъ этого-то младенца, что отъ меня родится, дьяволы и подцѣпятъ и утащатъ къ себѣ,—ни въ жисть не оставятъ между людьми. Дьяволы, видишь ли, какую-то выгоду находятъ въ томъ, чтобы какъ можно больше залучить въ свое общество человѣческихъ душъ и во плоти, и безъ плоти,—особенно дорожатъ младенческими душами. Хорошенько не умѣю тебѣ объяснить,—говоритъ проклятой,—какую выгоду изъ этого дьяволы чаютъ получить, — насчетъ этого они больше не откровенны съ нашимъ братомъ. Одно замѣтно, что они больше дорожатъ младенческими душами.

— Значитъ, всѣ проклятые занимаются этимъ же ремесломъ?—допытывается казакъ.

Нѣтъ, не всѣ!—говоритъ проклятой.—Тѣ только занимаются этимъ ремесломъ, кто въ совершенныхъ лѣтахъ.

— А разъ, окромѣ младенцевъ, что отъ вашего брата родится, есть между вами и несовершенныхъ лѣтъ?—спрашиваетъ казакъ.

— Есть,—говоритъ проклятой,—примѣрно, мальчики и дѣвочки. Они, глядя по возрасту, около дома шныряютъ; при-

мѣрно, мальчики дрова собираютъ, провизію запасаютъ, а дѣвочки ѣсть готовятъ, одежду починяютъ, новую шьютъ, прочее такое, все по домашности...

— Гдѣ-жъ провизію-то берете, гдѣ одежду-то берете? — спрашиваетъ казакъ.

— Какъ гдѣ? между людьми побираемся!—говоритъ проклятой.—Для этого нарочно снаряжаемъ партіи мальчишекъ. Тѣ, невидимо отъ людей, ходятъ по домамъ, по базару, по мяснымъ рядамъ, выглядываютъ, гдѣ что положено безъ молитвы и отъ всего этого дерутъ по малости,—нарочно берутъ по малости, чтобы хозяевамъ не въ догадъ было. Примѣрно, если побирушки наши изъ всѣхъ лавокъ въ мясномъ ряду по фунтику возьмутъ мяса, такъ и то съ пудъ наберутъ. Вотъ этимъ-то и пробавляемся.

— По какому же побыту маленькіе-то попадаются къ вамъ?—спрашиваетъ казакъ.

— Да по такому же, по какому, примѣрно, и я попалъ,—говоритъ проклятой;—знамо, родители проклинаютъ. Къ примѣру, раскричится иль-бо разбалуется ребенокъ, надоѣстъ матери. Та съ досады и скажетъ ребенку: „о, чтобъ черти тебя взяли!“ или: „отвяжись, ты, проклятый!“ иль-бо что другое похожее на это. И скажетъ мать такое не въ часъ, и не случится на ту пору на ребенкѣ креста,—ну и кончено балъ! Черти въ тотъ же мигъ подхватятъ ребенка и утащатъ къ себѣ,—помнай, какъ звали.

— А есть между вами старики иль-бо старухи? —допытывался старикъ.

— Нѣтъ!—говоритъ проклятой.—По той самой причинѣ нѣтъ: кто же будетъ проклинать ихъ, то-есть, стариковъ и старухъ? Некому! Правда, бываютъ средственныхъ лѣтъ мужчины и женщины, да рѣдко, очень-очень рѣдко, а всё молодежь одна, да мелюзга. А сами мы,—говоритъ проклятой,—не растемъ и не старѣемся: какъ кого въ какомъ возрастѣ застанетъ проклятіе, такъ тотъ въ такомъ возрастѣ и остается на всю жизнь; а жизнь наша,—говоритъ проклятой

и вздыхаетъ,—жизнь наша долга, до второго пришествія, до суда страшнаго.

— А тогда что будетъ?—спрашиваетъ казакъ.

— Не вѣдаемъ!—говоритъ проклятой.—Эта статья отъ насъ закрыта.

— Ну, а совершенныхъ лѣтъ проклятыя дѣвки и молодыя женщины, то-есь, по нашему, шутовки, тѣ тоже этимъ художествомъ занимаются, какимъ, къ примѣру, и ты?—спрашиваетъ казакъ.

— Непремѣнно!—говоритъ проклятой.—Онѣ еще больше нашего брата объ этакихъ дѣлахъ хлопочатъ, да только, горе ихъ, мало успѣваютъ....

— По какой же причинѣ мало?—спрашиваетъ казакъ.

— А по той самой,—говоритъ проклятой,—что къ мужчинѣ трудно прикачнуться: мужчина супротивъ женщины крѣпче. Рѣдкій, рѣдкій мужчина, разъ изъ тысячи одинъ, предается тоскѣ по женѣ иль-бо по любовницѣ; а безъ этого и прикачнуться нельзя. Женщины же супротивъ мужчинъ гораздо слабѣе, къ грѣху самохотному, чтобы не сглазить, большую привержность имѣютъ; и потому самому нашему брату лафа около женщинъ: купаемся, словно сыръ въ маслѣ. Я тебѣ про себя скажу,—говоритъ проклятой.—Недавно, съ годъ тому, въ селѣ, подъ городомъ Самарой, одна дѣвушка врѣзалась въ молодого парня, въ работника. Нѣкое время пробавлялись они сухою любовью: надзоръ въ домѣ былъ строгій. Вдругъ случился наборъ, и забрили работнику лобъ. Всплакалась дѣвушка и предалась тоскѣ-отчаянію; лишилась, бѣдняжечка, сна и пищи. На ту пору я проходилъ черезъ то село, гдѣ жила дѣвушка, узналъ ея положеніе, увидалъ и самое: ничего, дѣвка смазливая. „Хорошо, думаю, къ этой можно прикачнуться“. Вѣдь и у насъ,—говоритъ проклятой казаку,—и у насъ губа-то не дура, языкъ не лопатка, знаетъ, что сладко. Насчетъ этой статьи мы разборчивы, на кой-какихъ не заримся, а выбираемъ, чтобъ была и молода, и хороша, и сдобна. А вотъ шутовки, говоритъ проклятой, тѣ не разбираютъ, всякому рады, былъ бы только

мужчина, по той самой причинѣ, я ужъ тебѣ сказалъ, что имъ не лафа около мужчинъ. Хорошо,—говоритъ проклятой,—рѣшилъ я, значитъ, прикачнуться къ той дѣвушкѣ, и для того выбралъ такую минуту, когда она сидѣла въ избѣ одна и плакала по полюбовничкѣ, принялъ на себя образъ полюбовничка,—на этотъ счетъ мы молодцы, можемъ всякія личины принимать,—обрядился въ солдатскую шинель...

— Гдѣ жъ ты шинель-то взялъ?—спрашиваетъ казакъ.

Вотъ еще о чемъ спрашиваетъ?!—говоритъ проклятой.—Гдѣ взялъ?—Да сбондилъ! Нарочно въ городъ Самару слеталъ и тамъ у гарнизонныхъ солдатъ изъ цехауза стянулъ. Больше негдѣ было взять. Обрядившись некрутикомъ, я, говоритъ проклятой, и представился Машѣ,—дѣвушку Машей звали. Та, какъ только узрѣла меня, такъ, словно безумная, и бросилась мнѣ на шею, и давай цѣловать: этого только мнѣ и нужно было. Съ того самаго раза, говоритъ проклятой,—какъ женщина, своей волей, коснется до нашего брата, она наша... Откуда ты, соколикъ мой?—говоритъ Маша,—а сама цѣлуетъ меня.—Тише, тише, говорю ей: кто бы не услыхалъ. Бѣжалъ, говорю, изъ роты: о тебѣ соскучился. — Куда-жъ мнѣ дѣвать тебя? — спрашиваетъ Маша, когда мы съ ней нацѣловались и намиловались. — Объ этомъ, говорю, не безпокойся. Теперь лѣто, проживу, говорю, на огородѣ, въ конопляникѣ. И зажилъ я въ конопляникѣ, говоритъ проклятой. Маша каждую ночь приходила ко мнѣ и ѣсть приносила. Сначала я не могъ ѣсть этой пищи, по той причинѣ, что съ молитвой готовлена. Приказалъ Машѣ, чтобъ она сама готовила, безъ молитвы; Маша такъ и сдѣлала. Къ осени перешелъ я изъ конопляника въ теплый погребъ, что въ избѣ былъ подъ поломъ, и въ немъ поселился. День, бывало, сижу въ погребѣ, а въ ночь къ Машѣ. Жисть была славная, хоть бы и не проклятому: пилъ—ѣлъ сладко, спалъ мягко. Главное, никто не безпокоилъ, никто, значитъ, не догадывался. Напослѣдокъ догадались: Маша забрюхатѣла... Отецъ Маши принялся сейчасъ же за крестъ, да за молитву. Ну, супротивъ этого нашему

брату не устоять, я тое-жъ минуту обернулся въ муху и драло изъ погреба, а тамъ изъ избы: улепетнулъ, значитъ. Не въ похвальбу сказать,—говоритъ проклятой,—нашъ братъ никогда крѣпко не держится за полюбовницъ. Чуть не такъ,—поплюнъ, да и былъ таковъ. А все по той причинѣ, что завести нашему брату другую полюбовницу не трудно; во всѣхъ странахъ, куда не заверни, вездѣ сыщешь. Въ иную пору у нашего брата по нѣскольку полюбовницъ въ разъ бываетъ. Такъ и странствуемъ отъ одной къ другой, скуку разгоняемъ. Если разстояніе малое, примѣрно въ одномъ селѣ или въ одномъ городѣ, —ходимъ пѣшечкомъ, не торопясь, а если разстояніе большое,—примѣрно, одна полюбовница въ селѣ, а другая въ другомъ, то оборачиваемся въ какую-нибудь птицу иль-бо въ огненный шаръ, и перелетаемъ. Въ послѣднее время, однако, говоритъ проклятой, черти запретъ положили, чтобъ мы, безъ крайней нужды, огненнымъ шаромъ не летали, по той причинѣ, что-де люди скоро узнаютъ.—Да,—говоритъ проклятой,—на насъ людямъ много жаловаться грѣхъ: мы не привязчивы. А вотъ шутовки—статья иная: тѣ не въ насъ. Тѣхъ какъ ни гоняй, какъ ни обжигай, онѣ все свое. Примѣрно, засадятъ осѣдлованнаго шутовкой мужчину въ избу, и всѣ двери, всѣ окна, всѣ, значитъ, продухи заградятъ крестомъ и молитвой. Кажись, что бы тутъ дѣлать? Одно —махнуть рукой и уйти Нашъ братъ такъ и дѣлаетъ; а шутовка не такъ. Шутовка ни за что скоро не разстанется съ своимъ полюбовникомъ, готова околѣть, шельма, около того дома, гдѣ полюбовникъ, отыщетъ какую-нибудь щелочку и влѣзетъ-таки, влѣзетъ къ нему. Жалко, значитъ, разстаться. А все потому, я ужъ тебѣ говорилъ, что на ихъ несчастье мало выдается такихъ слабодушныхъ мужчинъ, а безъ мужчинъ, дѣло извѣстное, жить скучно, особенно тѣмъ, кои привержены къ самохотному грѣху. Изъ нихъ,—говоритъ проклятой,—такія есть жалудьи до мужчинъ, что если осѣдлаютъ какого, то ни въ жисть не разстанутся съ нимъ, возьмутъ да и задушатъ бѣднаго, чтобы никому не достался. Такія злюціи.

— Гдѣ-жъ вы живете? —спрашиваетъ казакъ.

— Въ одиночку — гдѣ приведется, — говоритъ проклятой.—А домами—артами живемъ завсегда подъ водой, на днѣ озера, прудовъ, старицъ,—вобче въ стоячихъ и тинистыхъ водахъ, гдѣ никогда не бываетъ водосвятія, то-есь, куда не ходятъ православные на ярдань и не дѣлаютъ намъ помѣхи.

— А разве отъ водосвятія бываетъ вамъ помѣха?—спрашиваетъ казакъ.

— Еще какая помѣха-то, кто бы зналъ!—говоритъ проклятой.—Какъ только погрузятъ въ воду крестъ, такъ всѣ наши „чертоги" затрясутся и разрушатся,—а самимъ намъ бываетъ душно, тяжко,—всѣ вонъ и бѣжимъ. Одно слово, при такихъ оказіяхъ намъ жить нельзя,—и мы въ такихъ водахъ не живемъ.

— Вотъ какъ!—говоритъ казакъ.

— Да этого еще мало—говоритъ проклятой,—намъ и въ такихъ-то водахъ, куда никогда на ярдань не ходятъ, и въ такихъ-то водахъ иногда помѣха бываетъ.

— Отчего же?—спрашиваетъ казакъ.

— Оттого, — говоритъ проклятой, — если обыватели по воду ходятъ.

— Неужто и отъ этого вамъ помѣха бываетъ?—спрашиваетъ казакъ.

— Бываетъ и отъ этого,—говоритъ проклятой. -Вѣдь иная степенная и кроткая женщина, знаешь, не зачерпнетъ воды спроста, а непремѣнно сотворитъ молитву, да призоветъ крестную силу. Ну, и кончилъ балъ! Сила крестная низойдетъ на воду и перевернетъ вверхъ дномъ всѣ наши чертоги. По этой самой причинѣ,—говоритъ проклятой, —мы и выбираемъ себѣ въ жилище такія стоячія и болотистыя воды, куда неточію на ярдань, а и по воду никто не ходитъ. Вотъ, къ примѣру, у насъ въ Яикѣ ни одного нашего притона нѣтъ, а въ Солдатской Старицѣ *) цѣлыхъ два.

---

*) Солдатская Старица—старое русло Яика, огибающее Пере-

— Ну, а въ Баскачкиной ростоши[1] разве нѣтъ у васъ притона? —спрашиваетъ казакъ.

Проклятой покачалъ головой.

— Помилуй!—говоритъ казакъ.—Неужто міръ лжетъ? Вѣдь всѣ говорятъ, что въ Баскачкиной ростоши черти живутъ.

— Ну, да-да-да! —говоритъ проклятой.—Тамъ точно, есть притонъ, да не нашъ. Тамъ, говоритъ проклятой, живутъ черти, а не мы; тамъ,—понимаешь ли?—истовые черти живутъ съ душами опивицъ, удавленниковъ и утопленниковъ, кто, значитъ, самъ себя удавитъ, утопитъ,—вобче съ душами тѣхъ, кто самъ на себя руки накладетъ.—А мы, говоритъ проклятой, живемъ особнякомъ, съ опивицами, удавленниками и другими самоубивцами не якшаемся, по той причинѣ, что наша жизнь особая: мы, проклятые, во плоти, а они, то-есть, самоубивцы, безплотны: мы, есть-когда говорить правду, живемъ все-таки въ свое удовольствіе, на всей своей волѣ, а они вѣчно въ цѣпяхъ, вѣчно въ хомутахъ, вѣчно подъ огненнымъ кнутомъ, вѣчно, что называется, въ каторгѣ.

— Вотъ какъ! —говоритъ казакъ.—Вы врозь отъ опивицъ и всѣхъ самоубивицъ. Я этого не зналъ.

— Да, да, врозь!—говоритъ проклятой.—Черти насъ не мѣшаютъ. И сами черти съ нами мало живутъ. У нихъ свои особыя собранья. У насъ, въ нашихъ притонахъ, говоритъ проклятой, только для надзора, для порядка, живутъ поочередно нѣсколько чертей. Тѣ, къ примѣру, въ родѣ кварганьихъ, комиссаровъ, блюдутъ порядокъ, судъ и расправу чинятъ.

— Вотъ какъ! —говоритъ казакъ. —И у васъ есть начальство. Я этого не зналъ.

---

[1] Солочную Рощу, близь г. Уральска. Солдатской названа она, въ отличіе отъ солдатскихъ казармъ, близь нея построенныхъ.

[2] Баскачкина ростошь—отрасль, сообщающаяся однимъ концомъ съ Сухой Сырой, и давно славится мѣстомъ пребыванія чертей. Объ этомъ будетъ сказано въ особой главѣ.

— Нельзя,—говоритъ проклятой,—и намъ жить безъ начальства. Вѣдь и межъ нами всяко бываетъ: и ссоры, и драки, и разные кляузы. Такъ было бъ кому разобрать, разсудить и въ порядокъ произвесть.

— Да изъ-за чего же,—говоритъ казакъ,—изъ-за какого, прости Господи...

— Ты, однако, не призывай это Имя вслухъ, при мнѣ,— упредилъ проклятой казака, не давъ ему слова договорить. Пожалуйста, говоритъ, не призывай это Имя при мнѣ: тяжко слышать. На умѣ-то, если хочешь, пожалуй держи, а вслухъ не говори.

— Ладно, ладно,—говоритъ казакъ,—не буду. Скажи-ка мнѣ,—спрашиваетъ казакъ,—изъ-за чего же у васъ могутъ происходить ссоры и драки? Что дѣлите? Чай, сѣно не косите, на плавню не ходите?

— Да изъ-за всего,—говоритъ проклятой.—Примѣрно, одинъ у другого вещь какую-нибудь зажилитъ, или одинъ другого какъ обзоветъ нехорошо, обругаетъ, или одинъ у другого дорогу перебьетъ у полюбовницъ, или одинъ другого въ картахъ падуетъ.

— Вотъ какъ, — говоритъ казакъ. — Вы и въ карты играете. Я этого не зналъ. Да гдѣ-жъ вы карты-то берете?— спрашиваетъ казакъ.

— Чудной ты человѣкъ!—говоритъ проклятой.—Гдѣ беремъ? Знамо гдѣ: у людей крадемъ! Я вѣдь тебѣ сказывалъ, что мы только воровствомъ и живемъ. Своего хозяйства заводить не можемъ...

— Такъ, такъ!—говоритъ казакъ.—Извини, почтенный, забылъ. Да когда-жъ вы находите время картежничать?— спрашиваетъ казакъ.—Вѣдь ты же сказывалъ, что больше занимаетесь насчетъ женскаго пола.

— Ну, не все же насчетъ этого,—говоритъ проклятой,— одно вѣдь и надоѣстъ. Хоша мы проклятые, то-есть, люди необыкновенные, хоша въ насъ и есть капелька нечистой силы, однако мы не двужильные, устатокъ знаемъ; ну, и отдыхаемъ. Кромѣ того, говоритъ проклятой, въ нѣкоторые дни

и сами черти даютъ нашему брату вольготу. Примѣрно, весь Великій Постъ, особенно Страстная Недѣля, всѣ Осподскіе, всѣ тѣ дни, въ кои люди постятся и молятся, всѣ такіе дни полагаются намъ на отдыхъ, на гулянку; эти дни на изволяцаго: кто хочетъ—въ міру шатайся, кто хочетъ—въ притонъ иди. Вотъ въ это-то время и собираемся мы въ притоны, кому куда ближе, или у кого гдѣ больше знакомыхъ, и заводимъ танцы, пляски и всякія игрища,—дымъ коромысломъ! А разъ въ году, говоритъ проклятой, въ понедѣльникъ на Фоминой недѣлѣ, всѣ шутыи всѣ шутовки безпремѣнно должны являться въ притоны, каждый въ свой, гдѣ приписанъ. Въ этотъ день дѣлается намъ перекличка, поверка: всѣ ли на лицо, не пропалъ ли кто.

— А рази случается, пропадаетъ кто изъ васъ? спрашиваетъ казакъ.

— Случается,—говоритъ проклятой.—Въ міръ опять возвращается.

— Какимъ же побытомъ?—спрашиваетъ казакъ.

— Ну, этого ужъ я тебѣ не скажу!—говоритъ проклятой.—Нельзя,

— Отчего же? допытывается казакъ.

— А вотъ отчего! говоритъ проклятой.—Примѣрно, я разскажу тебѣ, отчего нашъ братъ переходитъ въ міръ, а ты перескажешь людямъ; ну, и конченъ балъ! Міръ узнаетъ это средство и будетъ уловлять нашего брата, а чертямъ отъ того большой убытокъ. Тогда весь сонмъ чертей, и съ самимъ сатаной, поднимется на меня, и житья мнѣ не будетъ, пожалуй, причтутъ къ опивицамъ и запрячутъ въ хомутъ.

— Такъ вотъ какъ вы поживаете! говоритъ казакъ.—Въ томъ только и время у насъ проходитъ, что иль-бо женскій полъ, иль-бо игрища.

— Да, говоритъ проклятой,—въ томъ только и жисть наша состоитъ.

— Ну, спрошу я тебя еще вотъ о чемъ, говоритъ казакъ проклятому:—межъ себя вы не женитесь, не сходитесь, то-есь, шутъ съ шутовкой?

— Нѣтъ!—говоритъ проклятой.—Этого не бываетъ и быть не можетъ.

— Отчего же?—допытывается казакъ:—По моему, говорить, кажись, все единственно: и шутъ во плоти, и шутовка во плоти.

— Нѣтъ, не все единственно,—говоритъ проклятой. Къ примѣру, я хоша и во плоти, но не полный человѣкъ. Тоже и шутовка: хоша и во плоти, но и она не полный же человѣкъ. А не полный человѣкъ съ неполнымъ человѣкомъ не можетъ соединяться. Для этого, говоритъ проклятой, нужно чтобы хоша одинъ человѣкъ былъ полнымъ человѣкомъ, таковъ предѣлъ. Оттого-то вѣдь шутовки жлудны насчетъ мужчинъ, я тебѣ ужъ сказывалъ. А есть когда-бъ можно было намъ съ шутовками сходиться, намъ бы житья отъ нихъ не было: засѣдлали бы онѣ насъ и взнуздали, не стали бы онѣ и по міру шататься, мужчинъ отыскивать, а выѣзжали бы на нашемъ братѣ.

— Такъ, такъ!—говоритъ казакъ.—Теперь понимаю. А вотъ что еще, почтенный, не во гнѣвъ будь тебѣ сказано,—говоритъ казакъ проклятому:—повернись-ка, пожалуйста, ко мнѣ задомъ: я посмотрю.

— Чего посмотришь?—спрашиваетъ проклятой.

— Спину твою,—говоритъ казакъ.—Хочу, значитъ, увѣриться, правду ли говорятъ люди, что у вашего брата спина жолобомъ, то-есь корытомъ?

— Изволь,—говоритъ проклятой, и повернулся къ казаку спиной.

Казакъ повелъ кнутовищемъ по спинѣ проклятого: спина, какъ спина, на корыто ничуть не похожа.

— Ну, что?—спрашиваетъ проклятой.

— Ничего!—говоритъ казакъ.—Спина, какъ спина, никакого изъяна нѣтъ. Значитъ, болтаютъ. Извини, что побезпокоилъ.

— Болтаютъ-то, болтаютъ, да не совсѣмъ, — говоритъ проклятой.—Я тебѣ это объясню. Спина корытомъ, говоритъ

проклятой, бываетъ не у насъ, а у настоящихъ чертей. Тѣ вѣдь тоже иногда, по нуждѣ, пускаются въ наше ремесло.

— Какъ такъ? —спрашиваетъ казакъ.

— А вотъ какъ!—говоритъ проклятой.—Примѣрно выйдетъ такая линія, что иная женщина очень ужъ тоскуетъ о мужчинѣ, съ ума бѣдняжка сходитъ, а нашего брата на ту пору близко не случится. Ну, какъ тутъ быть? Искать насъ? Да скоро ли отыщешь! Вѣдь въ иную пору нашего брата семью собаками не сыщешь. А женщина тѣмъ временемъ можетъ образумиться, въ разсудокъ придти. Вотъ по этой самой причинѣ, чтобы, знаешь, не упустить такой удобный случай, вѣдь и черти-то придерживаются вашему правилу: „куй желѣзо, покуда горячо",—вотъ по этой-то причинѣ кто-нибудь изъ настоящихъ дьяволовъ и приметъ на время образъ человѣческій и явится къ женщинѣ. Знамо, черту нужно только, на первыхъ порахъ, осѣдлать женщину, а послѣ онъ передастъ ее кому-нибудь изъ проклятыхъ, кто первый на глаза попадется. Самъ же дьяволъ жить съ нею по нашему не можетъ, не дано. На первыхъ порахъ отъ него въ этомъ дѣлѣ одинъ только отводъ, обманъ. Вотъ у этихъ-то чертей, говоритъ проклятой, кои прикидываются нашимъ братомъ, и бываетъ спина коротомъ, сладить ее, значитъ, не могутъ. Кромѣ того,—говоритъ проклятой,—у нихъ и хвостъ, никуда спрятать не могутъ, таковъ предѣлъ. Кромѣ того,—говоритъ проклятой—у нихъ и ногъ настоящихъ, человѣчьихъ, не бываетъ, а бываетъ иль-бо звѣриныя лапы, иль-бо лошадиныя копыты, таковъ предѣлъ. По этимъ вещамъ, говоритъ проклятой, мало-мальски толковая женщина скоро можетъ узнать и догадаться, кто таковъ есть ея душенька. А нашего брата, говоритъ проклятой,—распознать трудно. Мы, братецъ мой, какъ есть совершенные... Ай, ай!—вдругъ заревѣлъ проклятой, и пячма полетѣлъ съ тельги.

Казакъ остановился.

— Что съ тобой? —спрашиваетъ онъ проклятого.

— Ой-ой! —говоритъ проклятой, а самъ ежится и чешется. Разговорился я съ тобой и не замѣтилъ, какъ на-

ѣхали на такое мѣсто, что обожгло меня, словно огнемъ. Посмотри, -говоритъ проклятой казаку,—что впереди-то?

Дорога въ этомъ мѣстѣ спускалась подъ гору. Внизу изъ-за березника виднѣлся крестъ часовни. Больше ничего.

— Ничего!—говоритъ казакъ.—Вонъ только Сергіевскій Скитъ виднѣется.

— Въ томъ-то и штука, что скитъ!—говоритъ проклятой.—Давеча у старцевъ крестный ходъ былъ, вотъ здѣсь, на самомъ этомъ мѣстѣ, прошелъ. Ну, и нельзя мнѣ черезъ эту черту переступить. До трехъ денъ,—говоритъ проклятой,—никакая нечистая сила не можетъ переступить чрезъ ту черту, гдѣ крестный ходъ пройдетъ. Дорога идетъ прямо черезъ скитъ, говоритъ проклятой казаку.—Поѣзжай одинъ, а я, говоритъ, кругомъ обойду, и по ту сторону опять тебя встрѣчу.

— Хорошо,—говоритъ казакъ,—ступай. Только вотъ что, почтенный, говоритъ казакъ проклятому: може, я остановлюсь въ скиту-то и долго тамъ пробуду. Неужто-жъ ты ждать меня будешь? Соскучишься. Не лучше ли, почтенный, намъ совсѣмъ разстаться, а? Какъ ты думаешь? спрашиваетъ казакъ проклятого.—Чай, самъ знаешь, конный, пѣшему не товарищъ.

— И то дѣло,—говоритъ проклятой.—Пожалуй, разстанемся. Поѣзжай ты себѣ, а я пойду себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ проклятой,—скоро ли я съ тобой дотащусь до Уральска, а мнѣ надо туда поспѣшить.

— Что такъ?—спрашиваетъ казакъ.

— Какъ что?—говоритъ проклятой.—На дняхъ отъ васъ полкъ выступилъ на Ахтубу.

— Ну, такъ что жъ?—спрашиваетъ казакъ.

— Какъ что?—говоритъ проклятой.—Ты что за болтолочь? Рази не догадываешься? Все же сколько нибудь осталось такихъ женъ, кои по мужьямъ тоскуютъ. Значитъ, пѣшему брату ножива. Понялъ?—спрашиваетъ проклятой казака.

Казакъ только плюнулъ, махнулъ рукой, сотворилъ ме-

литву и погналъ лошадь. Казакъ, значитъ, смѣло ужъ тутъ поступалъ, надѣялся, значитъ, на черту, замѣтилъ разсказчикъ. А проклятой ударился о земь, оборотился, братецъ мой, корпуномъ и полетѣлъ къ Уральску.

Недѣлю спустя, казакъ пріѣхалъ въ Уральскъ и, словно сонъ въ руку, получилъ нерадостную вѣсть: одна молодая баба, сродственница его, связалась съ проклятымъ, съ тѣмъ самымъ, который балясничалъ съ казакомъ на Обчемъ.

— Почемъ же знали, что съ тѣмъ, а не съ другимъ?— спросилъ я разсказчика.

— Видали люди, что проклятой корпуномъ летать, — отвѣчалъ старикъ.—Ну, кромѣ того, продолжалъ онъ, и женщину вскорѣ въ чувство привели, и она разсказывала, каковъ изъ себя проклятой. По примѣтамъ, вышелъ тотъ самый, что къ казаку на Обчемъ приставлялся. —А что проклятой толковалъ казаку насчетъ того, какъ они въ своихъ притонахъ живутъ, какъ время проводятъ, какъ въ міру пищей побираются и прочее, —все это, сударь мой, сущая правда,—подтвердилъ разсказчикъ.—Бывали случаи, что люди—настоящіе люди, а не проклятые—ганцивали у проклятыхъ, иные по своей волѣ, а иные по неволѣ,—а послѣ выходили на свѣтъ Божій и разсказывали, что видѣли и что слышали. — Бывали и такіе случаи, что люди улавливали шутовокъ, и тѣ, знамо дѣло, разсказывали про свое житье-бытье. Я тебѣ разскажу одну любопытную исторію, какъ шутовку улавили. Слушай!

— Къ одному холостому парню прикачнулась шутовка и обѣтовала его. Случилась этакая сказія вотъ по какому случаю. Парень, видишь ли, любилъ дѣвушку и хотѣлъ на ней жениться, да не довелось, сердечному: не отдали. Нагрянулся другой женихъ, богатый,—за того и отдали. Парень и предался тоскѣ-отчаянію, а шутовка и шасть къ нему, словно тутъ и была. Сначала домашніе не догадывались; а потомъ дознались, дѣло сдѣлалось явнымъ. Прежде парень былъ разбитной, веселый, здоровый, а тутъ, словно въ воду опустился: не пьетъ, не ѣстъ, пожелтѣлъ, исхудалъ —

сдѣлался шкилетъ-шкилетомъ,—ходитъ унылъ, задумчивъ, ни съ кѣмъ словечка не вымолвитъ,—отъ всѣхъ бѣгаетъ, прячется, забивается на подволоку, въ базы, въ разные закоулки, и когда гдѣ бываетъ одинъ, шепчется, смѣется, цѣлуется. Тутъ ужъ и сомнѣніе всякое въ сторону; дѣло видимое, парень съ шутовкой живетъ.

Многажды мать приступала къ сыну,—продолжалъ разсказчикъ,—уговаривала его, чтобы онъ повѣдалъ ей свое горе; но тотъ, бывало, молчитъ, головой качаетъ. Напослѣдокъ мать пошла къ священнику и разсказала ему, что съ сыномъ ея творится,—и священникъ далъ матери совѣтъ, какъ она должна къ сыну подступиться, чтобы вывѣдать отъ него всю подноготную.—Мать, по совѣту священника, и приступила къ сыну. Сначала говорила о томъ, о семъ, а напослѣдокъ завела рѣчь о Грушѣ, то-есть, о той самой дѣвушкѣ, пояснилъ разсказчикъ, на которой не довелось парню жениться. Потому мать завела рѣчь о Грушѣ, что въ домѣ извѣстно было, что шутовка являлась къ парню въ образѣ Груши,—не разъ, значитъ, подслушивали, какъ онъ называлъ шутовку этимъ именемъ.

— Слышу отъ людей,—говоритъ мать,—что къ тебѣ, дитятко, Груша ходитъ. Правда ли?

„Сынъ головой качаетъ: врутъ-де! Мать опять говоритъ сыну:

— Ты, дитятко, отъ меня не скрывай. Я не для того спрашиваю, чтобы журить тебя или-бо запретъ на тебя положить, а для того единственно, чтобы совѣтъ тебѣ подать къ лучшему. Если ужъ ходитъ она къ тебѣ, то видались бы мы съ ней по секрету, чтобы огласки большой не было. Долго ли до грѣха, мужъ Грушинъ узнаетъ, и выйдетъ бѣда. Мнѣ, яко матери твоей, и говорить-то съ тобой объ такихъ дѣлахъ не слѣдовало, да что буду дѣлать? сердце не терпитъ; вѣдь мнѣ жаль тебя, вѣдь ты дитя мое, мое рожденье.

„Парень и проговорился.

— Да мы, говоритъ, и такъ по секрету видаемся.

— Гдѣ жь вы видаетесь-то? —спрашиваетъ мать.

— Да гдѣ доведется,—говоритъ сынъ, —когда на подволокѣ, когда въ баню, когда въ передбанникъ, когда гдѣ, какъ случится.

— Ну, а въ избу рази она не ходитъ къ тебѣ?—спрашиваетъ мать.

— Нѣтъ, ходитъ, —говоритъ сынъ,—только тогда ходитъ, когда въ избѣ, кромѣ меня, никого не бываетъ! да еще когда икона бываетъ задернута занавѣской; а есть-когда икона не бываетъ задернута занавѣской, то останется въ дверяхъ и прикажетъ мнѣ задернуть, я и задерну, она и войдетъ.

— А есть ли на тебѣ крестъ-то?—спрашиваетъ мать.

— Нѣтъ! говоритъ парень.—Я бросилъ его: она такъ приказала.

— Зачѣмъ же ты послушался, глупенькій? —спрашиваетъ мать.

— Нельзя не послушаться, —говоритъ сынъ, — страшасть, что ходить ко мнѣ не станетъ, а мнѣ безъ нея, матушка, смерть; хоть сейчасъ же ройте могилу. Еще вотъ что вчера, какъ уходила, она сказала мнѣ,—говоритъ парень: „можеде, родные будутъ мазать тебя какимъ снадобьемъ, можеде, святой водой спрыскивать станутъ, можеде, призовутъ священника или какого-нибудь капушника, чтобы молитвы надъ тобой читать; то ты, говоритъ, ни подъ какимъ видомъ не давайся: я этого, говоритъ, терпѣть не могу. А есть-когда даешься, то, говоритъ, иль-бо тебя задушу, иль-бо сама на себя руки наложу, иль-бо домъ вашъ огнемъ спалю, иль-бо всю скотину у васъ переморю!“ Я, говоритъ сынъ матери, обѣщалъ ей, что этого не будетъ. Пожалуйста, мамынька! умаливаетъ сынъ мать; пожалуйста, родимая, не трожьте меня, оставьте въ покоѣ.

„Говоритъ это, а самъ такъ и заливается слезами. Мать тоже плачетъ и говоритъ сыну, успокаиваетъ; знамо, говоритъ такъ, какъ священникъ научилъ:

— Хорошо, хорошо, дитятко! не будемъ тебя безпокоить никакими мазями, никакими отчитываньями; жалко мнѣ

тебя, вѣдь ты дитя мое. Живи въ свое удовольствіе, какъ знаешь. Только, дитятко, по подволокамъ, да по базамъ, да по передбанникамъ не укрывайся. Къ чему? Вотъ тебѣ вся горница въ твое владѣніе, располагайся здѣсь какъ знаешь; наша и нога сюда не коснется. А чтобы, говоритъ мать, чтобы и ей не было никакой помѣхи, я и образа-то отсюда вынесу, въ другую избу перенесу.

„Сынъ обрадовался и бросился матери на шею. Мать поласкала сына, поплакала, и подъ какимъ-то предлогомъ увела сына изъ дома, а сама и виду не показываетъ, что задумала что-то противъ него и противъ шутовки. Въ то самое время, какъ мать ушла съ сыномъ изъ дома, пришелъ въ ихъ домъ священникъ и велѣлъ очистить избу отъ всего святого, чтобы шутовкѣ было не въ домекъ; а самъ обошелъ снаружи домъ, и всѣ окны, всѣ щели, всѣ, значитъ, продухи оградилъ крестомъ и молитвой и окропилъ св. водой; не тронулъ только однѣ двери, оставилъ ихъ, какъ и были, не огражденными, чтобы шутовка могла войти въ избу безъ препятствія.

„Въ первую же ночь послѣ того, какъ все это устроили, шутовка и явилась къ возлюбленному прямо въ горницу. Эту ночь, и другую ихъ не безпокоили, дали имъ всю волю. Шутовка радуется такому счастью, не замѣчаетъ подвоху, совсѣмъ поселилась у парня, и ручки, и ножки, что называется, склала. Хорошо. На третью ночь, часу во второмъ съ полуночи, когда парень съ шутовкой наигрались вдоволь, угомонились и легли спать, явился къ дверямъ священникъ съ причтомъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ, съ евангеліемъ, съ св. водой, съ мѣстными иконами, съ кадилами и со свѣчами, подошелъ къ дверямъ, оградилъ ихъ крестомъ, окропилъ св. водой и вошелъ въ избу,—вошелъ, поднялъ святой крестъ надъ головой, оградилъ въ воздухѣ и возгласилъ: во имя Отца, и Сына, и св. Духа! Да исчезнетъ сила нечистая, да сокрушится она передъ силою Животворящаго креста Господа нашего Іисуса Христа“.

*

— Аминь! — возгласилъ причтъ и запѣлъ ангельскія пѣсни.

Шутовка взвизгнула, въ видѣ жука завертѣлась и закружилась по горницѣ,—попалась, голубушка! Шутовка ищетъ мѣста, гдѣ бы улизнуть, но мѣста такого нѣтъ; подлетитъ къ дверямъ—тамъ священникъ съ крестомъ—жжетъ, къ окну—тамъ тоже жжетъ; къ трубѣ—тамъ тоже; къ болтовой дырѣ—тамъ тоже; одно слово, куда не кинется, вездѣ отказъ! А священникъ съ причтомъ возглашаютъ молитвы, поютъ ангельскія пѣсни, читаютъ евангеліе, кадятъ кадилами, кропятъ св. водой, одно слово, вздохнуть не даютъ шутовкѣ! Вилась, вилась шутовка по горницѣ, стукалась, стукалась о косяки да о стѣны, напослѣдокъ измучилась, изъ силъ выбилась и рухнула на полъ, идно стѣны задрожали. Это, значитъ, нечистая сила пошла сквозь землю. Въ эту самую минуту пропѣли пѣтухи, и, на мѣсто жука, очутилась на полу дѣвушка въ красномъ ситофномъ сарафанѣ. Священникъ къ ней, осѣнилъ ее крестомъ, окропилъ святой водой и надѣлъ на шею ей нательный крестъ, а евангеліе возложилъ ей на голову. Нѣкоторое время дѣвушка лежала словно убитая, напослѣдокъ очувствовалась, приподнялась, перекрестилась и сотворила молитву. Этимъ и дѣло завершилось,—сказалъ старикъ.—Устигли шутовку, и она перешла въ міръ, стала истовымъ человѣкомъ.

— Дѣвушка эта, —продолжалъ разсказчикъ,—сказывали про себя, что она родомъ купеческая дочь, города Кіева, и что въ давнихъ годахъ согрубила своей матери, и та проклила ее. Она же, знамо дѣло, разсказывала людямъ и про житье-бытье свое, какъ жила и что дѣлала, бывши шутовкой, — выходитъ то же самое, какъ и проклятой парень толковалъ казаку на Обчемъ. Ѣхать дѣвушкѣ въ свой городъ и отыскивать родню было поздно, чай, давнымъ-давно вся родня повымерла, повыродилась. Да и не для чего было хлопотать, старую родню отыскивать: новую Богъ далъ. Благо, собой дѣвушка красавица, еще краше той, въ образѣ которой являлась къ возлюбленному. Черезъ шесть недѣль и обвѣнчали

парня съ дѣвушкой, и зажили они, какъ живутъ и всѣ добрые люди. Только священникъ наказалъ молодому строго-настрого, чтобы онъ до году отнюдь не снималъ съ молодой креста, хоша бы она и просила его о томъ; а сама она до году не могла и прикоснуться до креста, чтобы снять.

„Хорошо. Живутъ мужъ съ женой чиннымъ манеромъ. Жена, какъ подобаетъ, забеременѣла, была уже насносяхъ. Разъ случилось имъ быть въ банѣ. Жена раздѣлась и говоритъ мужу:

— Снялъ бы ты, миленькій, съ меня крестъ, вѣдь грѣшно быть въ банѣ въ крестѣ.

— А священникъ-то что приказалъ?—говоритъ мужъ.— Рази не знаешь?

— Коли не знаю,—говоритъ жена,—знаю. Да вѣдь годъ-то минулъ. Припомни-ка хорошенько,—говоритъ жена: въ первый-то разъ надѣли на меня крестъ дня за два до Троицы? а нынче уже пятый день, какъ Троица прошла. Значитъ, больше году вышло.

„Мужъ припомнилъ время, счелъ: выходитъ такъ, какъ жена говоритъ; а того и въ голову, дуралей, не заберетъ, что Троицынъ день—праздникъ не въ числахъ, а переходящій, взялъ да и снялъ съ жены крестъ. Отмочилъ штуку, нечего сказать! Лишь только мужъ снялъ съ жены крестъ, жена и исчезла! До году-то, сударь мой, еще дня два не доставало.

— Погубилъ ты меня и съ дѣтищемъ своимъ, что въ утробѣ у меня!—говоритъ съ вышины невидимый голосъ жены.—Зачѣмъ ты меня послушался? Вѣдь не сама я отъ себя говорила, а съ приказу чертей. Тѣ во весь годъ изо дня въ день приставали ко мнѣ, утягощали и тоску на меня нагоняли, чтобы я упросила тебя снять крестъ. Я по-неволѣ это дѣлала: мнѣ тошно было! А ты, по своей глупости, не разсчелъ время и исполнилъ мое хотѣнье. Мнѣ, конечно, такая ужъ дорога. Да дѣтище-то твое зачѣмъ гибнетъ? Вотъ о чемъ подумай! По прошествіи года этого бы не случилось.

Теперь пеняй самъ на себя, дружокъ! Прощай!—сказалъ въ вышинѣ голосъ жены и—замолкъ.

„Мужъ какъ стоялъ, такъ и ошалѣлъ,—сказалъ старикъ,—насилу въ чувство привели. А жена все-таки пропала; пропало и чадо нерожденное! А исполнись годъ,—замѣтилъ старикъ,—этого бы ничего не было, черти рѣшительно бы отступились отъ бывшей шутовки. Но такъ ужъ, видно, тому быть,—добавилъ старикъ.—Теперь, сударь мой, — сказалъ онъ, немного погодя,—рѣчь о томъ, какъ люди, сами-собой, отъ своего, значитъ, дурачества, отъ своего необдуманнаго языка, попадаютъ въ дьвольское обчество. Слушай!

— Разъ партія ребятъ пришла къ озеру купаться. Одинъ изъ нихъ, парень такой бойкій, прибаутникъ, скоморошникъ,—одно слово, бѣдовый парень, отпѣтый, раздѣлся, скинулъ съ себя и крестъ, подошелъ къ берегу—озеро было крутоярое—посмотрѣлъ на воду, что-то скверное сказалъ,—потомъ оборотился къ товарищамъ и смѣхомъ проговорилъ:

— Прощайте, братцы! Къ нишнигамъ въ гости иду.

Товарищи засмѣялись.

— Ступай не въ воротиму!—кто-то изъ нихъ сказалъ.

„Парень засмѣялся, отошелъ отъ берега, разбѣжался и прокричалъ: „Ободранный баранъ черту готовъ!“—прокричалъ эти слова и въ тотъ же мигъ нырнулъ въ воду, внизъ головой,—нырнулъ и—пропалъ! Только и видѣли его. Думали, что парень утонулъ. Принесли изъ хуторовъ—это было въ Щаповыхъ хуторахъ,—прибавилъ разсказчикъ,—принесли бредни, волокушки, — этого мало,—привезли цѣлый неводъ, и давай искать парня; но не нашли. Цѣлыхъ двѣ недѣли, изо-дня-въ день, бились, искали и все-таки не нашли. А какъ бы не найти?—замѣтилъ разсказчикъ.—Вѣдь не въ Яикѣ, а въ озерѣ. И озеро-то было небольшое; изъ конца въ конецъ, съ берега до берега, прощѣдили его,—ни одного карасика, ни одной лягвы, ни одного рака не оставили—все повыловили;—всякій колбяшекъ, всякій камешекъ, что на днѣ лежали, все это на берегу очутилось.

Только парня не нашли. Да и какъ найти?—замѣтилъ старикъ.—Вѣдь парень не утонулъ, вѣдь онъ, сударь мой, живьемъ попался къ чертямъ! Онъ сказалъ: ободранный баранъ черту готовъ; по этимъ самымъ словамъ черти-то и сцапали его, и утащили въ свой вертепъ! И по дѣломъ,—прибавилъ старикъ,—не напрашивайся!

„Утащили парня къ себѣ и не знаютъ, что съ нимъ дѣлать. Вотъ какая голова,—прибавилъ разсказчикъ,—и чертей-то поставилъ въ тупикъ!—Если бы парень былъ пьяный,—продолжалъ старикъ,—они задушили бъ его и душу его причислили къ партіи опивцъ. Если бы парня проклятили мать или-бо отецъ—черти пріобщили бы его къ партіи проклятыхъ. А то ни то, ни сё,—вышелъ парень межеумкомъ.—На другой день черти собрали сходку, но и на сходкѣ не рѣшили: дѣло было по новости. Шатали—валяли, напослѣдокъ послали въ адъ, къ сатанѣ, значитъ, просятъ разрѣшенія, какъ съ парнемъ поступить? — И въ аду, у сатаны, дѣло это, должно быть, тоже явилось по новости: долго что-то рѣшенье не выходило. Напослѣдокъ вышло въ такой силѣ: „Сдать парня въ партію проклятыхъ, чтобы жилъ онъ у нихъ до поры до времени.—А чтобы парень не ѣлъ даромъ хлѣба—приписано было въ указѣ — женить его покуда на какой-нибудь шутовкѣ, чтобы прилодъ отъ нихъ былъ!“

— Хоша парень и попалъ по своей глупости въ сонмъ чертей, но все-таки былъ полнымъ человѣкомъ, стало-быть жениться ему на шутовкѣ можно было,—пояснилъ разсказчикъ.

— Получимши отъ сатаны таковое повелѣніе,—продолжалъ старикъ,—черти и приступили къ парню, чтобы онъ женился.

- Женись!—говорятъ черти парню.—Житье тебѣ будетъ важнецъ, лучше нашего. Шутовочку, говорятъ, предоставимъ тебѣ первый сортъ, красавицу отъ всего свѣта.

Парень оробѣлъ, не знаетъ, что дѣлать. А шутовокъ налетѣло со всей округи веліе,—одна другой моложе, одна другой краше; облѣпили парня, словно мухи, затормошили парня,—каждая забѣгаетъ къ нему въ глаза,—тамо, каждой

хочется замужъ. Парень мыслями расшевелился, однако, сразу не поддался. Попросилъ у чертей на недѣлю отсрочки, чтобы обдумать это дѣло. Черти согласились и дали парню отсрочку, а шутовкамъ приказали покуда убираться по своимъ мѣстамъ. Парень думалъ, думалъ, но ничего въ свою пользу не выдумалъ. Напослѣдокъ, подобно утопающему, что за соломенку хватается, парень обратился къ одной шутовкѣ, женщинѣ не молодыхъ лѣтъ. Изъ всѣхъ шутовокъ только эта одна не навязывалась парню въ жены; извѣстно, лѣта были не такія. Она жила у проклятыхъ замѣсто кухарки, варила имъ, значитъ, пищу, стирала рубахи, заготовляла провизію и прочее такое, а въ бѣсовскія и самохотныя дѣла не вмѣшивалась; извѣстно, лѣта ея были не такія. Вотъ къ этой-то шутовкѣ парень и обратился за совѣтомъ, и говоритъ ей однажды ночью, когда очередные черти были въ отлучкѣ, а проклятые, которые спали, которые тоже были въ отлучкѣ,—и говоритъ парень шутовкѣ:

- Тетушка! Научи меня, что мнѣ дѣлать? Неточію жениться,—мнѣ и жить-то здѣсь тошно; а какъ о женитьбѣ вздумаю, такъ во мнѣ вся внутренность воротится.—Ты, тетушка, живешь здѣсь издавна,—стало-быть порядки здѣшніе знаешь. Не придумаешь-ли какое средство, какъ бы мнѣ вырваться отсюда на свѣтъ Божій. Я тебя въ вѣкъ не забуду, по гробъ моей жизни молельщикомъ за тебя буду.—Може, молитва моя во что да нибудь тебѣ поставится. Сжалься, родимая. Помоги!

- Жаль мнѣ тебя, парнекъ,—говоритъ шутовка:—отъ своего глупаго языка пропадаешь.—Жаль и родительницу твою: чай, плачетъ, бѣдняжечка, о тебѣ; но себѣ это знаю,—говоритъ шутовка и вздыхаетъ.—Дѣлать нечего, хоша послѣ и побои приму отъ чертей, а совѣтъ тебѣ дамъ; только будь ловокъ и мужественъ. Скажи чертямъ,—научаетъ парня шутовка,—что жениться ты согласенъ, но съ уговоромъ, чтобы прежде женитьбы сводили они тебя въ родительскій домъ. „Хочу-де, скажи имъ,—хочу-де, въ останный разъ взглянуть на домъ родительскій и заочно проститься съ роди-

телями и съ родными".—Черти будутъ отговаривать, а ты стой на своемъ,—научаетъ парня шутовка.—Черти будутъ резонъ представлять, чтобы ты сперва женился, а потомъ уже они поведутъ тебя въ домъ; но ты стой на своемъ, не соглашайся: коль скоро женишься—все пропало: шутовка не отпуститъ тебя, хоша бы и черти были согласны. Крѣпись, паренекъ,—говоритъ шутовка:—черти побьются, побьются и все-таки съ тобой согласятся, чтобы выполнить наказъ сатанинскій, и поведутъ тебя къ вашему дому. Вотъ тутъ-то ты и не плошай,—говоритъ шутовка.—Тропинка отъ озера ведетъ на дорогу,—дорога прямо поведетъ къ вашимъ хуторамъ. Черти пойдутъ дорогой, а ты дорогой не ходи, сверни въ сторону, влѣво отъ дороги. Тутъ вся низь,—я знаю, говоритъ шутовка,—я часто тутъ хожу,—вся низь поросла чертополохомъ. Знаешь ли ты эту траву?—спрашиваетъ шутовка.

— Знаю,—говоритъ парень.

— Ну, это и хорошо,—говоритъ шутовка.—Какъ войдешь въ чертополохъ,—научаетъ парня шутовка, такъ и рви эту траву, и кидай отъ себя во всѣ стороны, и иди не торопясь. Черти будутъ тебѣ говорить, чтобы ты этого не дѣлалъ, чтобы вышелъ на дорогу; но ты не слушай, твори молитву и дѣлай свое дѣло. Черти будутъ кричать, бранить, стращать, но ты не бойся: ни одинъ изъ нихъ къ тебѣ не приблизится. Подойдешь ты къ большой дорогѣ, къ почтовой, и ты черезъ нее, черезъ большую дорогу, не переходи: за ней нѣтъ чертополоха, да и черти на дорогѣ тебя переймутъ, схватятъ, а остановись ты тутъ, гдѣ чертополохъ, и жди первыхъ пѣтуховъ. Какъ пѣтухи пропоютъ, такъ черти и исчезнутъ. Тогда смѣло иди черезъ дорогу и ступай домой: будешь спасенъ.—Только слушай, паренекъ,—говоритъ шутовка,—не забудь вотъ что: до трехъ лѣтъ хмѣльнаго въ ротъ не бери, а пуще, не упивайся,—не то черти задушатъ тебя. Помни это, паренекъ.

„Хорошо. Какъ шутовка научила, такъ парень и сдѣлалъ: наотрѣзъ сказалъ чертямъ, что ни въ жисть не же-

нится, есть-когда они не сводятъ его взглянуть въ останный разъ на домъ родительскій. Черти дулись, дулись, да и согласились, и въ самую глухую полночь вывели парня изъ озера и повели къ хуторамъ. Идутъ дорогой: впереди чертъ, позади чертъ, по одну сторону чертъ, по другую сторону чертъ, а въ серединѣ парень, словно арестантъ. Парень осмотрѣлся, увидалъ въ сторонѣ отъ дороги траву чертополохъ. Улучивши такую минуту, когда одинъ крайній чертъ зазѣвался, парень и шмыгнулъ съ дороги въ чертополохъ. „Куда ты?“ вскричали черти, и остановились. Но парень молчитъ, дѣлаетъ то, чему шутовка научила. Сначала черти и вида не подали, что догадываются о замыслѣ парня, говорятъ ему безъ брани, безъ угрозъ, чтобы вышелъ на дорогу: „ближе-де!“ Но парень свое дѣло дѣлаетъ, рветъ чертополохъ и бросаетъ имъ въ чертей. Тѣ все терпятъ, надѣются переманить парня на большой дорогѣ, но парень за дорогу не пошелъ, а присѣлъ недалеко отъ нея въ кусты чертополоха. Тутъ уже черти не стерпѣли, вскинулись на парня, давай ругать его всякими скверными словами и стращать всякими ужастями, но ничего не взяли. Парень порываетъ травку и подбрасываетъ въ чертей. Черти отошли подальше, столпились въ кучу, и говорятъ парню:

— Ахъ, ты, подлецъ! Ахъ, ты, такой-сякой, немазаный-сдѣной! Надулъ насъ. Ну, подлецъ! — говорятъ черти парню,— не забудемъ мы этого, никогда не простимъ тебѣ! Не нынче, завтра, а доберемся мы до тебя, подлеца. Рано ли, поздно ли, а будешь спать у насъ, тогда крѣпись, подлая душа!...

Тутъ вспѣлъ пѣтухъ, и черти исчезли. Дождался парень свѣта и пришелъ домой, то-есть, не прямо въ домъ, а залѣзъ въ баню; прямо въ избу прийти стыдно было, по той причинѣ, что парень былъ нагой, въ томъ самомъ, значитъ, видѣ, въ какомъ попался къ чертямъ.

„Хорошо. Жилъ послѣ того парень въ родительскомъ домѣ годъ два благополучно, но на третьемъ году, на послѣднемъ, значитъ, не вытерпѣлъ, прорвался: разъ на свадьбѣ у

товарища напился мертвецки пьянъ, напился и пропалъ! Не выпустили его черти и изъ-за стола: гдѣ парень сидѣлъ, тутъ они и задушили его. Самъ, значитъ, виноватъ,—замѣтилъ разсказчикъ: — п е б е з ч е в о шутовка упредила, чтобы не пилъ.

„Этотъ парень, видишь, какимъ побытомъ спервоначала попалъ къ проклятымъ въ притонъ—совсѣмъ не думано, не гадано, отъ одного озорничества своего,—сказалъ старикъ.— А вотъ другой, я тебѣ разскажу, другой парень нарочно пошелъ къ проклятымъ; зналъ, грѣховодникъ, куда шелъ. Слушай-ка!

„Былъ онъ знакомъ, этотъ парень, съ однимъ мужикомъ, съ сарайщикомъ, что въ кирпичныхъ сараяхъ жилъ и кирпичи дѣлалъ. А кирпичные сараи, знаешь, у Солдатской слободы, между солдатскими казармами и между Баскачкиной ростошью. Слушай, что было—оказія, сударь мой! Разъ ночью парень сидѣлъ у пріятеля своего, сарайщика, и тотъ угощалъ его виномъ. Вино все вышло, а пить хочется тому и другому, а купить негдѣ: поздно, кабаки заперты.

— Вотъ что, дружище! говоритъ сарайщикъ парню. — Есть у меня одно такое мѣсто, вплоть отсюда, рукой подать; хорошіе люди живутъ, угостятъ они насъ и виномъ, и чѣмъ хочешь, и пельменей наварятъ, и денегъ не возьмутъ. Только, не знаю, достанетъ ли у тебя храбрости идти туда: мѣсто, впередъ говорю, мѣсто очень бойкое. Храбрый ли ты?—спрашиваетъ сарайщикъ парня.

— Хвалиться не смѣю, -говоритъ парень;—однако, до селева трусу не праздновалъ. Правда, въ сраженіяхъ не бывалъ,—говоритъ парень,—а что касается до кулашной расправы, въ этомъ постоять могу: сердце не дрогнетъ, кулакъ не сфальшитъ.

— Не въ томъ дѣло,—говоритъ сарайщикъ.—Ни драться, ни бороться не приведется; въ этомъ завѣрить могу. Нужно только имѣть сердце яройское, чтобъ и самого черта не испугаться, есть-когда доведется увидать его.

— Что мнѣ чертъ! говоритъ захмѣлѣвшій парень.—

Дѣдушка мой видалъ ихъ у Баскачкиной ростоши цѣлый легіонъ; однако, ничего они ему не сдѣлали. Чертъ нипочемъ, черта не испугаюсь! —говоритъ парень.

— Хорошо, -говоритъ сарайщикъ.—Въ самомъ дѣлѣ, черта бояться не слѣдуетъ. Чертъ не дуракъ, зря не кидается. Слушай! -говоритъ сарайщикъ.—Я поведу тебя къ чертямъ, то-есь, не къ самимъ чертямъ, а къ проклятымъ, что у чертей подъ началомъ живутъ, пріятели мои. Согласенъ?—спрашиваетъ сарайщикъ парня.

— Что-жъ?—говоритъ парень.—Не мѣшаетъ, хоша разъ, побывать и у чертей въ гостяхъ. Кто знаетъ, куда попадешь, какъ умрешь. Идемъ!

— Идемъ!—говоритъ сарайщикъ.

„Пошли добры-молодцы къ Солдатской старицѣ.

— Скидай и крестъ, и поясъ!—говоритъ сарайщикъ парню, когда подошли къ старицѣ.—Въ этомъ, говоритъ, уборѣ тамъ не принимаютъ.

„Парень скинулъ съ себя и крестъ, и поясъ.

— Иди за мной!—говоритъ сарайщикъ, и самъ пошелъ въ воду.

„Парень пошелъ за нимъ. Зашли въ воду по самую шейку.

— Зажмуръ глаза! -говоритъ сарайщикъ.

„Парень зажмурилъ.

— Опускайся съ головой!—говоритъ сарайщикъ.

„Парень опустился.

— Открой глаза! -говоритъ сарайщикъ.

„Парень открылъ глаза, и очутился не въ водѣ, сударь мой, а посередь просторной избы. Изба сдѣлана была не изъ лѣса, иль-бо изъ кирпича, иль-бо изъ чего другого, а изъ чего-то свѣтлаго, словно будто бы изъ хрусталя, иль-бо изо льда: сквозь стѣны все видно, что въ водѣ; видно, какъ и рыбка плаваетъ, какъ и лопухи ростутъ; а сквозь потолокъ видно, какъ на небѣ звѣздочки блещутъ. Въ избѣ, какъ быть слѣдуетъ, всякаго буторя и всякой хурды-бурды довольно: и одежды мужской и женской, и столовъ, и стульевъ, и пола-

вошниковъ, и посуды всякой; одно слово—домъ справный; только одного нѣтъ—св. иконъ. Людей въ избѣ никого не видать было. Сарайщикъ кашлянулъ; но никто не откликнулся. Сарайщикъ крикнулъ: „Эй, хозява! Есть ли кто дома?“ Изъ-за перегородки послышался съ просонокъ женскій голосъ:

— Кто тутъ?

— Я!—говоритъ сарайщикъ.—Иванъ міряниннъ.

„Немного погодя, вышла изъ-за перегородки, съ заспанными глазами, женщина среднихъ лѣтъ, въ нашемъ, казачьемъ, уборѣ.

— Ба-ба-ба!—говоритъ женщина сарайщику.—Гость дорогой. Давно не видать было. Милости просимъ. А это кто?—спрашиваетъ она сарайщика и киваетъ головой на парня.

— Товарищъ мой,—говоритъ сарайщикъ. — Угощай, тетка Матрена. Да, смотри-ка, нельзя ли насчетъ пельменей?

И тетка Матрена принялась угощать гостей, выставила четвертную бутыль вина и уставила столъ разными закусками и фруктами.

— А насчетъ пельменей не обезсудьте, гости дорогіе,—говоритъ тетка Матрена, сдѣлавъ шутовка,—пояснилъ разсказчикъ:—сдѣлать не изъ чего. Баранины хоша и много, да мука вся вышла. Не взыщите. Въ другой разъ, милости просимъ, приходите; всего попринасу. Наши всѣ въ разбродѣ; одна домовничу, оторваться-то теперь и некогда, чтобы провизіей запастись.

„Дальше какой былъ разговоръ, парень не помнитъ: очень ужъ сильнился,—продолжалъ разсказчикъ.—На другой день утромъ парень очутился въ сараяхъ. Какъ вынесъ изъ вертепа проклятыхъ, и этого не помнитъ. Сарайщикъ, значитъ, вывелъ. Когда совсѣмъ отрезвился и принесъ въ настоящій разсудокъ, парень чувствовалъ себя какъ-то неловко, будто бы бѣду какую-то сдѣлалъ. Шутка ли, въ самомъ дѣлѣ, быть у проклятыхъ въ вертепѣ, вѣдь это то же, что быть и у самихъ чертей!—замѣтилъ разсказчикъ. Однако, парень смолчалъ, никому, значитъ, не сказалъ, ни

роднымъ, ни знакомымъ, что былъ въ гостяхъ у проклятыхъ; только самъ себѣ зарокъ далъ, не знаться больше съ сарайщикомъ. Шутъ его знаетъ, что онъ за человѣкъ! Може, самый нечовый шпинта иль-бо самый коренной проклятой, уловляющій людей въ свое обчество!

„Прошло сколько-то времени спокойно,—говорилъ старикъ далѣе.—Разъ трафилось парню быть въ мясныхъ рядахъ. Идетъ онъ по рядамъ и видитъ: ходитъ по рядамъ, съ мѣшкомъ за плечами, женщина, и въ глазахъ мясниковъ подбираетъ съ прилавковъ куски говядины. Мясники ни слова, будто и не видятъ. Что за оказія!—думаетъ парень.—Сталъ вглядываться въ женщину. Ба! да это тетка Матрена, то-есь, та самая проклятая, что принимала ихъ съ сарайщикомъ въ вертепѣ и угощала! Парень не успѣлъ еще хорошенько образумиться, какъ проклятая подошла къ нему и говоритъ:

— Здравствуй, сударикъ! Что не зайдешь къ намъ? Приходи! Наши нынче всѣ въ сборѣ.

— Хорошо!—говоритъ парень.—Какъ-нибудь на-дняхъ зайду.

— Пожалуйста, заходи!—говоритъ проклятая.—Худости никакой не увидишь, окромя удовольствія. У насъ преотмѣнное веселье.

— Безпремѣнно! говоритъ парень, а самъ думаетъ: „Отвяжись только, проклятая. Сейчасъ къ попу побѣгу“.

— И въ самомъ дѣлѣ,—продолжалъ разсказчикъ,—прямо изъ мясныхъ рядовъ парень побѣжалъ къ священнику и разсказалъ ему все, что и какъ было.—Священникъ почиталъ надъ нимъ нѣкія молитвы, а одну, воскресную, написалъ на бумажкѣ и привязалъ парню на крестъ; да въ запасъ далъ ему другой нательный крестъ на длинномъ и толстомъ гайтанѣ, и наказалъ парню, чтобы онъ поступилъ такъ: какъ-де, представится ему проклятая, такъ бы онъ и накинулъ на нее этотъ крестъ.—Хорошо. Черезъ нѣкоторое время парень въ самомъ дѣлѣ опять повстрѣчался съ проклятой. Та-было къ парню, хотѣла, видно, что-то сказать, а онъ не допустилъ

ее до себя, поторопился, чтобы, знаешь, избавиться поскорѣе отъ нея, и вынулъ изъ-за пазухи запасный крестъ: въ одинъ минъ проклятая исчезла! Съ той поры тетка Матрена никогда ужъ парню не представлялась. И лучше,—прибавилъ разсказчикъ:—пожалуй, грѣхъ бы какой случился.

— Насчетъ проклятыхъ, не хочу лгать,—сказалъ старикъ, немного погодя;—самъ я не видалъ такихъ молодцовъ, и не дай Богъ видѣть.—А вотъ насчетъ шутовскъ,—прибавилъ онъ,—смѣю завѣрить, самъ, своими, значитъ, глазами, видѣлъ одну шутовку, и вотъ по какому побыту. Слушай-ка!

И старикъ началъ:

Одно время родитель мой служилъ на передовыхъ постахъ за Яикомъ и стоялъ на Лысыхъ горахъ, то-есъ, на Лысогорскомъ пикетѣ; а мы съ родительницей жили въ Дарынскихъ хуторахъ,—нарочно переѣхали туда, чтобы къ родителю быть поближе. Разъ, лѣтней порой, когда стала поспѣвать ежевика, родительница поѣхала къ родителю на пикетъ, чтобы первенькихъ ягодокъ посбирать, и меня взяла съ собой. Я былъ тогда по восьмому году и все хорошо помню.—Однажды, въ самые глухіе полдни, пошли мы съ родительницей за ежевикой. Я бѣжалъ впереди, а родительница шла позади. Подбѣжалъ я къ спуску, хотѣлъ, значитъ, спуститься внизъ къ Яику и увидалъ: подъ горой, на песочкѣ, у самой воды, подъ кустомъ таловъ, сидитъ женщина нагишкой; сидитъ и расчесываетъ гребнемъ, и крутитъ руками на головѣ мокрые волосы,—а волосы, какъ теперь смотрю, длинные-предлинные до самой до земли и такъ сквозь таловъ на солнцѣ переливаются голубью и зеленью, словно голова у кряковаго селезня,—а тѣло у женщины такое бѣлое, пробѣлое, что твой снѣгъ первенькой. Я испугался и бросился къ родительницѣ. Та взяла меня за руку и спрашиваетъ, что со мной. А я дрожу и только рукой показываю подъ гору. Родительница подошла къ тому мѣсту, откуда я бѣжалъ, взглянула внизъ и увидала то же самое. А женщина сидитъ къ намъ спиной, насъ не видитъ, и убираетъ свои волосы, плететъ въ косы.—Постояли мы съ родительницей сколько-

ю времени, вернулись на пикетъ и сказали родителю. Родитель сказалъ казакамъ, и всѣ они пошли къ тому мѣсту. Мы съ родительницей пошли съ ними же. Подошли къ спуску, взглянули внизъ, а женщины нѣтъ. Только слышно было, когда подходили къ спуску, какъ что-то бултыхнулось въ воду, и видно было, какъ круги на водѣ расходились: значитъ, кто-нибудь нырнулъ въ воду. Казаки спустились подъ гору и нашли на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сидѣла женщина, большой-пребольшой роговой гребень и черный, словно уголь. Казаки обшарили всѣ кусты по ближности, и никого не нашли. Потомъ сѣли въ бударку и переѣхали на Самарскую сторону—и тамъ всѣ кусты обыскали, но и тамъ никого не нашли. Вернулись къ тому мѣсту, гдѣ гребень лежалъ, а гребня нѣтъ, исчезъ,—а къ гребню никто изъ казаковъ и не дотрогивался: всѣ боялись.—Выходитъ, это была праздношатающаяся шутовка! —заключилъ старикъ.

— Може статься, ты слову моему не повѣришь,—оговорился старикъ,—по той причинѣ, что кромѣ меня никого нѣтъ вживѣ, кто видѣлъ эту шутовку. Но коли доведется тебѣ быть въ Илецкомъ городкѣ,—продолжалъ разсказчикъ,—то спроси тамъ кого хочешь, хоша, къ примѣру, чиновника Солдатова,—и онъ тебѣ скажетъ, что въ недавнихъ годахъ, близъ Илецка, въ Старомъ Яикѣ, водилась шутовка, и ее почитай всѣ обыватели видали, кому случалось бывать въ лугахъ. Чрезъ Старый Яикъ, изволишь ли знать, былъ прежде мостъ, а теперь моста нѣтъ, теперь плотина, по той причинѣ, что Старый Яикъ пересохъ. Когда былъ мостъ, на немъ, всякій почесть Божій день, въ лѣтнюю пору, въ самые глухіе полдни видали шутовку и все-то, сударь мой, за однимъ занятіемъ: сидитъ, бывало, она на мосту, свѣся ноги, и чешетъ гребнемъ волосы, и распѣваетъ заунывныя пѣсни,—пѣсенница, знать, была; —но какъ завидитъ, бывало, людей, такъ засмѣется и бултыхнетъ въ воду. — Высохла вода, и шутовка пропала: переселилась, значитъ, въ другое мѣсто

VIII.

Баскачкина ростошь.

— Скажу тебѣ о Баскачкиной ростоши,—говорилъ собесѣдникъ мой, старикъ.—Мѣсто, самъ знаешь, не уединенное, не глухое, на большомъ тракту и отъ Уральска близехонько, всего версты двѣ, а черти издавна тамъ водятся.

Мы иногда промежъ себя разсуждали: „зачѣмъ, мол, черти тутъ поселились, а не въ другомъ какомъ уединенномъ мѣстѣ? Чай, нашли бы такое удобное мѣсто,—земля, слава Богу, не клиномъ сошлась! Толкуемъ этакъ-то промежъ себя, ломаемъ головы, а дѣло-то выходитъ очень просто: на большомъ тракту больше, значитъ, поживы чертямъ,—вотъ она штука-то въ чемъ! Разсудилъ это одинъ старецъ изъ Иргизскихъ монастырей. И справедлива была его рѣчь. Къ примѣру, ѣдетъ ночной порой пьяный человѣкъ, упихся, что называется, до-зѣла; въѣдетъ на мостъ, что черезъ ростошь стеланъ, въѣдетъ, знамо, не перекрестясь, не благословясь,—черти-то и тутъ: испугаютъ, окаянные, лошадь, та и бросится въ сторону и опрокинетъ телѣгу; иль бо какъ-нибудь колесо подвернутъ, иль бо ось изломаютъ, иль бо другое что сдѣлаютъ надъ телѣгой, и та свернется на бокъ,—и полетитъ пьяный съ моста вверхъ тормашкой, и сломитъ себѣ голову! А это дьяволамъ и нужно: душа убившагося пьяницы, значитъ, будетъ въ ихъ рукахъ.

— Вотъ ужъ въ моей памяти,—продолжаетъ разсказчикъ, — сколько было такихъ исторій, а въ старину,—старики, бывало, разсказывали,—въ старину, сударь мой, не обо мнѣ, было, такихъ исторій. Вотъ что однажды случилось:

Ѣхалъ изъ города старикъ съ внученкомъ, мальчикомъ лѣтъ восьми или десяти. Проѣхали Баскачкину рощицу, нагрузили они обозъ,—съ хлѣбомъ изъ Руси шли. Отрокъ правилъ лошадью, свернулъ немного въ сторону, придержалъ лошадь и говоритъ старику:

— Дѣдушка! Что я вижу? Страсти Господни!..

— Что, дитятко?—спрашиваетъ старикъ.

— Да, что, дѣдушка! Страсти!—говоритъ отрокъ. Надъ обозомъ, что идетъ намъ навстрѣчу, окаянные вьются—съ хвостами, съ рогами, съ когтями, съ огненными языками, какъ на Страшномъ Судѣ пишутся. Вьются они, дѣдушка, надъ одной телѣгой, что позади всѣхъ,—такъ и облѣпили ее, словно карги*) махонину, негдѣ курочкѣ клюнуть: и на колесахъ-то сидятъ, и на оглобляхъ-то сидятъ, и на дугѣ-то сидятъ; а въ воздухѣ-то рой-роемъ, словно мошки въ жаркую пору.

Старикъ смотритъ на обозъ, но ничего не видитъ, хотя ночь и лунная была,—однако тотчасъ догадался, что отроку, яко чистой и безгрѣшной душѣ, откровеніе дается. Сію жъ минуту велѣлъ старикъ отроку остановиться, а самъ, крестясь и творя молитву, вылѣзъ изъ телѣги и подошелъ къ обозу, взглянулъ на послѣдній возъ и видитъ: лежитъ на возу мертвецки пьяный мужикъ и такъ зря, на вѣтеръ, сквернословитъ.

— Почтенный! —говоритъ старикъ пьяному мужику.— Вставай, бѣдный, и пробудися немного пьяненькимъ.

— Съ какимъ чертомъ?— спрашиваетъ мужикъ.

— Да впереди, почтенный, глубокая рощица, высокій

*) Вороны.

мостъ,—говоритъ старикъ:—грѣха бы какого не случилось,—дѣло ночное, мостъ-то не очень надежный...

— Убирайся къ чорту!..—сказалъ пьяный старику и повернулся внизъ лицомъ.

— Почтенный! Я тебѣ не шутя говорю,—говоритъ старикъ мужику.—Встань, касатикъ, перекрестись, сотвори молитву и пройдись пѣшечкомъ черезъ мостъ-то,—а есть-когда тебѣ одному не въ мочь, я, пожалуй, помогу. Между нами будь сказано,—говоритъ старикъ,—мѣсто не очень чистое, не шутя говорю.

— И я тебѣ не шутя говорю: убирайся къ чорту!—сказалъ мужикъ, перевернулся опять вверхъ лицомъ и заоралъ какую-то скверную пѣсню.

Нечего дѣлать, старикъ отступился отъ пьянаго, и поѣхалъ съ отрокомъ своимъ путемъ-дорогой. Отрокъ и говоритъ старику:

— Дѣдушка! Какъ ты подошелъ къ возу и сталъ говорить съ мужикомъ, черти-то прочь отлетѣли; а какъ отошелъ отъ воза, они опять его облѣпили.

— Пишши, дитятко!—говоритъ старикъ.—Крестись и твори молитву. Не наше дѣло.

На другой день старикъ ѣдетъ одинъ назадъ въ городъ,—ѣздилъ-то онъ недалеко, въ Рубежную; кажется, отвозилъ отрока къ роднымъ,—ѣдетъ старикъ назадъ, подъѣзжаетъ къ Баскачкиной ростоши и видитъ—около нея дрожки и роспуски стоятъ, и народу бездна. Старикъ подъѣхалъ къ народу и спросилъ:

— Что такое?

— Мертвое тѣло поднимаютъ!—сказали старику.

Старикъ полюбопытничалъ, подошелъ къ мертвому, взглянулъ—и узналъ: это былъ вчерашній пьяный мужикъ, кого онъ уговаривалъ пройтись пѣшкомъ. Случилась съ нимъ эта исторія такимъ побытомъ: весь обозъ благополучно прошелъ черезъ мостъ, одна только задняя лошадь, на серединѣ моста, вдругъ чего-то испугалась и шарахнулась; телѣга—на бокъ, а пьяный полетѣлъ въ ростошь, внизъ головой, и урѣзался

о балку!—Только и было его житія. Недаромъ, значитъ, окаянные вились и ластились около пьянаго, душой попользовались, подлецы!—замѣтилъ разсказчикъ.

— А разъ случилась пресмѣшная, сударь мой, исторія съ нашимъ казакомъ,—продолжалъ разсказчикъ.—Ѣхалъ онъ этотъ казакъ, изъ Савушкина ерика въ городъ,—не одинъ, а съ женой ѣхалъ. Жена лежала въ телѣгѣ и дремала, а мужъ распѣвалъ пѣсни—навеселѣ былъ. Дѣло было ночью подъ какой-то праздникъ. Ночь была мѣсячная, свѣтлая, хоть узоры вышивай. Вдругъ передъ самымъ мостомъ лошадь остановилась, уперлась и пойдетъ.

— Ну, ну, одрань,—кричитъ казакъ на лошадь.—Какого шута испугалась?

Жена проснулась, выглянула изъ телѣги и увидала на мосту, на перилахъ, значитъ, сидятъ барыни въ нѣмецкихъ платьяхъ, въ шляпкахъ, съ зонтиками, а около барынь стоятъ господа, то-есть, солдатскіе офицеры, кто съ трубкой въ зубахъ, кто съ гитарой въ рукахъ, кто съ чѣмъ; всѣ, барыни и господа, разговариваютъ о чемъ-то и хохочутъ.

— Кто это?—спрашиваетъ тихонько жена мужа.

— Кто?—говоритъ мужъ.—Разве не видишь? Господа съ барынями! Разгуляться, значитъ, изъ казармъ вышли.

Жена опять прилегла въ телѣгу.

— Ну, ну! Шутъ тебя побери!—кричитъ казакъ на лошадь.

А лошадь ни съ мѣста: фырчитъ, упирается, дрожитъ. Казакъ хотѣлъ вылѣзть изъ телѣги, чтобы взять лошадь подъ уздцы и провести черезъ мостъ. Но въ это самое время, откуда ни возьмись, подбѣжалъ солдатъ, якобы офицерскій денщикъ, и говоритъ казаку:

— Не безпокойся, казачёкъ! Сиди. Я проведу лошадь черезъ мостъ.

— Есть-когда не въ трудъ,—говоритъ казакъ,—сдѣлай Божескую милость...

Солдата отъ этихъ словъ будто покоробило, и онъ шаговъ на пять отскочилъ назадъ...

— Не бойся, служивый, — говоритъ казакъ: — лошадь смирная. Шутъ ее знаетъ, теперь только что-то заартачилась.

Толкуетъ казакъ, успокоиваетъ служиваго, а того и не знаетъ, что служивому не лошадь страшна: служивому-то „Божеская“ милость не попутру. Однако, немного погодя, солдатъ сталъ потихоньку подходить къ лошади, чтобы взять подъ уздцы, а лошадь фырчитъ, дрожитъ и становится на дыбы. Въ это время жена опять выглянула изъ телѣги и взглянула на солдата; а у того, у бестіи, вмѣсто человѣчьихъ ногъ, торчатъ изъ-подъ шинели лошадиныя копыты! Каковъ солдатъ, а? — замѣтилъ разсказчикъ. — Чай, ни въ какой землѣ, ни у одного царя, такого не найдешь. Ладно. Жена повела глазами на господъ и на барынь; и у тѣхъ, проклятыхъ, вмѣсто ногъ, торчатъ—у кого лошадиныя же копыты, у кого звѣриныя лапы, а у одной барыни изъ-подъ платья и хвостъ виденъ, закорючился, словно у собаки! Каковы господа? Каковы барыни?—замѣтилъ опять разсказчикъ.—Сортъ!! Ладно. Жена тотчасъ догадалась, въ чемъ дѣло, однако, не струсила, дернула мужа за рукавъ.

— Стой, Иванычъ!—говоритъ жена мужу.—Крестись и твори молитву!—а сама вдругъ поднялась изъ телѣги, перекрестилась и возгласила: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!“

Господъ и барынь словно громомъ оглушило: кто гдѣ стоялъ, тотъ тутъ и присѣлъ; и разговоры, сударь мой, и смѣхъ прекратились. Проговоривъ Іисусову молитву, женщина тотчасъ же возгласила: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!“

Ну, этого ужъ господа съ барынями не выдержали: взвизгнули, окаянные, и кто гдѣ стоялъ, кто гдѣ сидѣлъ, тотъ тутъ и провалился сквозь землю, а иныя барыни, что на перилахъ сидѣли, тѣ, сударь мой, полетѣли подъ мостъ и завертѣлись, словно турманы,—только шумъ пошелъ отъ платьевъ,—и грѣхъ, и смѣхъ!... Не будь съ казакомъ жены,—замѣтилъ разсказчикъ,—бѣда-бъ могла случиться: съ пьяна казакъ не доглядѣлъ бы, не догадался бы, что то

были не господа съ барынями, а настоящіе черти, и, чего добраго, свалился бы съ моста и сломилъ бы себѣ голову".

— И все-то, сударь мой,—продолжалъ разсказчикъ,— черти дурятъ съ пьяными, а не съ трезвыми. Вотъ уже сколько живу на свѣтѣ, а ни разу не слыхалъ, чтобы окаянные представлялись трезвымъ, а все пьянымъ. Разъ на пьянаго же казака напали, вооруженной рукой напали, сударь мой,— вотъ что забавно.

„Ѣхалъ онъ, этотъ казакъ, верхомъ изъ Гиплевскаго форпоста, летучку возилъ, и въ Гиплюмъ-то у пріятеля добрымъ манеромъ попатянулся. Ѣхалъ ночью. А въ тотъ день, передъ вечеромъ, только что зарыли въ Баскачлинской ростошѣ одну опсицу, женщину. На такихъ, должно быть, на радостяхъ, черти-то и раскутились и представились казаку воинами, съ ружьями, съ копьями, верхами, на бѣлыхъ лошадяхъ, въ бѣлыхъ шапкахъ, бѣлыхъ балахонахъ; выступили по сю сторону ростоши, передъ мостомъ; стали во фрунтъ и преградили казаку дорогу. Это было давно, годовъ сорокъ тому, когда еще киргизы пошаливали. Ну, казаку-то и не вдомекъ, что это шишиги,—думалъ, что киргизы. Сначала казакъ поступилъ такъ, какъ военный артикулъ повелѣваетъ,—окликнулъ: „Что за люди?" Не отвѣчаютъ. „Что за люди?" Не отвѣчаютъ. „Что за люди? Застрѣлю!" въ третій разъ ужъ казакъ окликнулъ. Молчатъ, не откликаются, только ружьями на казака поводятъ. Казакъ видитъ, что непріятели вплотную прицѣливаются въ него, хотятъ стрѣлять, но ружья у нихъ не бьютъ, якобы осѣкаются. Тогда и казакъ прицѣлился въ непріятелей—пафъ! И одинъ непріятель повалился съ лошади. Остальные всѣ хлынули на казака. Казакъ поворотилъ коня назадъ и поскакалъ къ Гиплому. Самъ скачетъ, а самъ ружье заряжаетъ; и только что зарядилъ,—глядь, а впереди другая партія непріятелей, въ бѣлыхъ же балахонахъ, въ бѣлыхъ же шапкахъ, на бѣлыхъ же коняхъ. Казакъ—пафъ! И повернулъ коня въ бокъ, ударился въ степь, къ Садамъ. Самъ скачетъ, а самъ ружье заряжаетъ; и только что зарядилъ,—глядь,—а на

встрѣчу ему отъ Салоѣ новая партія несется такихъ же непріятелей. Казакъ—пафъ! И повернулъ коня назадъ, и ударился къ Переволочной рощѣ, хотѣлъ, значитъ, броситься рысью черезъ Солдатскую границу. Самъ скачетъ, а самъ ружье заряжаетъ; и только что зарядилъ, — глядь,—а изъ-подъ яра границы высыпала еще партія такихъ же непріятелей!—Шабашъ! Прощай, Максимъ, и съ поѣздомъ! Что дѣлать казаку? Бросить оружье и покориться? Нѣтъ! Казакъ не хочетъ покориться! Ярый, значитъ, былъ. Онъ и по этой партіи выстрѣлилъ, а потомъ—куда попало; повернулъ коня въ сторону, да и давай вальсы писать; и грѣхъ, и смѣхъ, сударь мой. На подобіе того, какъ, примѣрно, волка (лиса) отъ собакъ увертывается,—такъ и казакъ нашъ отъ пиниговъ увертывается, не дается; то туда, то сюда бросится, а самъ ружье заряжаетъ, самъ стрѣляетъ. Напослѣдокъ всѣ заряды выпустилъ. Казакъ и тутъ не сробѣлъ,—схватилъ ружье за дуло, и давай отмахиваться отъ пиниговъ; самъ отмахивается, а самъ оретъ благимъ матомъ; и себя, значитъ, ободряетъ, и непріятелей стращаетъ.

Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилась эта исторія, есть-когда-бъ не наѣхала на казака почта съ конвоемъ. Лишь только послышался колокольчикъ, черти и стали удаляться отъ казака все дальше и дальше, а напослѣдокъ, какъ почта стала подъѣзжать къ мѣсту побоища, всѣ бросились въ Баскачкину рощицу, и—исчезли. Тутъ только казакъ очнулся и въ настоящій разумъ пришелъ, перекрестился и сотворилъ молитву, а дотолева словно замешанъ, это и въ голову не приходило; тутъ только казакъ сообразилъ, кто таковы были непріятели. Вотъ она какова, эта Баскачкина рощица,—бѣдовая!—прибавилъ разсказчикъ.

— А все оттого,—продолжалъ онъ, немного погодя,—что опивцы зарывали въ ней; оттого самаго и черти пригонъ въ ней имѣли. Вотъ нынче, благодареніе Богу, нынче, сударь мой, почитай не слыхать, чтобы черти шалили. Рѣдко-рѣдко какому-нибудь пьяному человѣку представятся, и то не близко, а издалека, какимъ-нибудь неважнымъ привидѣніемъ,

примѣрно, совой, бирюкомъ, иль бо человѣческимъ посвистомъ, иль бо бочкой. А отчего перестали черти шалить въ Баскачкиной ростоши? Да отого, батенька, что люди не стали тутъ зарывать опивицъ. Для нихъ отведено нынче другое мѣсто, въ степи, за татарскимъ кладбищемъ, гдѣ нѣтъ никакого тракта. Отого-то и утишилось въ Баскачкиной ростоши,—заключилъ старикъ.

IX.

Опивицы.

— Къ слову пришлось о пьяницахъ, то-есь о тѣхъ, кто не въ мѣру вино пьетъ и до смерти упивается,—сказалъ собесѣдникъ мой, немного погодя послѣ того, какъ заключилъ разсказъ о Баскачкиной ростоши.—Какъ ты думаешь о нихъ?—обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ.

— Я никакъ не думаю,—отвѣчалъ я,—не знаю. Я бы желалъ отъ тебя услыхать, что ты о нихъ скажешь.

— Дѣло!—сказалъ старикъ.—Слушай!

И старикъ началъ:

— Сперва-на-перво слѣдуетъ знать, что всякому человѣку на роду написано, какою смертію и когда умереть; а пьяницамъ—нѣтъ: пьяница, значитъ, самъ отъ себя погибаетъ, какъ и когда придется, то-есь, когда обопьется. Всякому человѣку на роду написано и о томъ, гдѣ умереть, откуда земля взята (земля еси и въ землю паки пойдеши,—замѣтилъ разсказчикъ, въ видѣ поясненія), тамъ человѣкъ и умереть долженъ, а пьяницамъ—нѣтъ: пьяница гдѣ обопьется, тамъ ему и могила. За всякимъ человѣкомъ ангелы-хранители ходятъ, а за пьяницей нѣтъ, то-есь, и за нимъ сначала ходятъ, да отступаются, какъ скоро онъ станетъ не въ мѣру упиваться. Вотъ тутъ-то чертямъ и воля, какъ ангелы-хранители отступятся, тутъ-то они и задушиваютъ пьяницу. Но ангелъ-

хранитель, надо знать, отступается не тихимъ молчаніемъ, а сначала упредитъ того человѣка, отъ котораго хочетъ отступиться, упредитъ его страшнымъ, грознымъ сномъ, чтобы человѣкъ спокаялся и воздержался. Бываетъ, что иной человѣкъ, увидамши грозный сонъ, и впрямь бросаетъ пить, и тогда, знамо дѣло, ангелъ-хранитель опять беретъ его подъ свою защиту; а иной на то не смотритъ. Пускай не смотритъ, самъ себѣ, значитъ, убивица, на то, значитъ, у чертей и хомуты имѣются,—замѣтилъ разсказчикъ.

— Сколько разъ случалось мнѣ на моемъ вѣку видать спившихъ и слыхать о нихъ,—продолжалъ старикъ:—всѣмъ-то, сударь мой, какъ послѣ люди сказывали, всѣмъ-то имъ снились грозные сны. Зналъ я одного казака, пьяница былъ горькій, всегда до безчувствія напивался, всякій почесть разъ водой отливали. Разъ на багреньѣ *) приснился ему таковой-то грозный сонъ и таковой-то понятный сонъ, иной на его мѣстѣ на всю бы жизнь отказался отъ вина, но казакъ не счувствовался. Снилось ему: очутился онъ въ пустой избѣ безъ оконъ, безъ дверей и безъ пола. Вмѣсто пола, лежала поперекъ избы одна только дощечка: на ней-то казакъ и стоялъ. Внизу—пропасть, въ пропасти тьма кромѣшная. Изъ пропасти слышно: то будто телѣга съ пустой бочкой прогремитъ, то будто тяжелый возъ въ гору тащится и скрыпитъ, то будто кто кнутомъ лошадь погоняетъ, то будто кто засвищетъ, то будто кто застонетъ!... Казакъ обвелъ глазами избу и видитъ: всѣ стѣны увѣшаны уздами, кнутами и хомутами, да какими? Страсти Господни! Поводья, супони, шлеи, всѣ, значитъ, кисточки и подвѣсочки сдѣланы изъ живыхъ змѣй и скорпій! Казакъ пришелъ въ ужасъ несказанный. Вдругъ, откуда ни возьмись, явился окаянный, въ кучерскомъ нарядѣ и при кожаномъ фартукѣ, схватилъ со стѣны одинъ хомутъ и хлопъ казаку на шею!—Такъ-то вотъ! Казакъ рванулся.

— Не шевелись! говоритъ окаянный казаку.—Тебѣ же

*) Рыболовство, отправляемое въ р. Уралѣ, зимней порой баграми.

послѣ хуже будетъ. Этотъ хомутъ для тебя припасенъ, но безъ мѣрки дѣланъ. Теперь примѣрю, и что не такъ, исправлю, покуда время есть.

„Казакъ рвется, крутится, хочетъ кричать—голоса нѣтъ. Напослѣдокъ крутился, крутился и оступился, оступился и полетѣлъ въ пропасть, летѣлъ, летѣлъ—и проснулся! Проснулся весь въ поту, словно искупанный. Казакъ сильно перепугался и въ тотъ же день, за завтракомъ, разсказалъ сонъ артельщикамъ.

— Дѣло неладное, — сказалъ казаку одинъ старикъ-артельщикъ.—Теперь тебѣ, Кузёма, не довлѣетъ не точію упиваться безъ мѣры, а и капли въ ротъ вина брать. Сонъ не хорошъ,—говоритъ старикъ.—Берегись, дружокъ. Не то, какъ разъ попадешь къ чертямъ, и запрягутъ они тебя въ бочку, и будешь—замѣстъ лошади служить...

„Казакъ напугался и сна-то и стариковыхъ-то словъ, и бросилъ было пить, да не надолго. Дѣло было на маломъ багрень̂ѣ. Во все багренье казакъ не пилъ. Отбагрили и воротились въ Уральскъ. Наступили Святки. По обычаю предковъ, всѣ предались веселью, но казакъ воздержался. Послѣ Святокъ поѣхали на большое багренье. И во все большое багренье казакъ не пилъ, да на послѣднемъ рубежѣ прорвался: поймалъ большущую бѣлугу, въ полтораста рублевъ, и съ радости выпилъ, да выпилъ-то не по-людски, вотъ въ чемъ бѣда! Нужно было переѣхать съ одного мѣста на другое. Поѣхали. Казакъ лыка не вяжетъ. Артельщики завернули его въ тулупъ и положили въ его сани. Лошадь, знамо дѣло, привычная, бѣжитъ себѣ за другими лошадьми. Ѣхали по льду. Все шло хорошо. Вдругъ, словно на грѣхъ, пришла полынья, почитай поперекъ всего Яика, только къ Бухарской сторонѣ было немного льду, такъ сажени въ двѣ шириной. Артельщики какъ ѣхали одинъ за другимъ, гуськомъ, такъ и поѣхали этой закрайницей, то-есть, между берегомъ и между полыньей. И впереди ѣдутъ, и сзади ѣдутъ, а лошадь пьянаго бѣжитъ, значитъ, въ серединѣ. Ѣдутъ тихонько, трусцой. Но лишь только лошадь пьянаго сверсталась

съ полыньей, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, сани хлопъ объ ледъ, словно на кочку наѣхали, а кочки никакой не было, подпрыгнули и на бокъ! А пьяный, словно мячикъ, прыгъ изъ саней и—бухъ въ полынью. Въ тотъ же мигъ сани опять стали, какъ слѣдуетъ, на полозья, и покатились своей дорогой, а пьяный пошелъ ко дну! Только шапка его да тулупъ всплыли поверхъ воды. Хомутъ-то, что окаянный примѣрялъ, значитъ, и пригодился!—заключилъ разсказчикъ.

- Да,—продолжалъ онъ, немного погодя,—черти,—какъ есть черти, не даютъ спокою нашему брату, кто ужъ черезъчуръ упивается, то-есь, до-зѣла, какъ говорится; такъ и дыбятъ, окаянные, надъ пьяными, чтобы залучить къ себѣ; одно слово, враги рода человѣческаго. Недавно, годовъ пятнадцать тому, сыграли-было они штуку съ одной старухой, изъ нашего форпоста,—Бычиха прозывалась. Тащилась она—не о ней будь сказано, покойница ужъ—тащилась она чуть живехонька со свадьбы. Вдругъ, откуда ни возьмись, подвернулись къ ней двѣ женщины, якобы подруги, что въ бесѣдѣ съ нею были, подхватили Бычиху подъ мышки и повели, якобы, къ какой-то товаркѣ въ гости. Ничего. Идетъ старуха съ товарками, идетъ и пѣсню распѣваетъ:

Подъ горою калина,
Подъ горою малина...

„Товарки подпѣваютъ, подплясываютъ, рукавами размахиваютъ, пальцами прищелкиваютъ; одно слово — вьются около Бычихи, какъ самыя задушевныя и ласковыя подруги. Вдругъ Бычиха запнулась за что-то, якобы за кочку, и съ языка у ней невзначай сорвалось: „Господи Іисусе!..“ Подругъ словно не было,—исчезли, окаянныя! Бычиха очутилась по колѣни въ водѣ. И гдѣ же? Въ Багырдаѣ, у Сокорокъ, верстъ за семь отъ форпоста. Вонъ куда шишиги-то занесли! Хорошо еще, что старуха запнулась за кочку въ водѣ; не запнись—она едва ли бы сотворила молитву, а идти безъ молитвы пропала бы, что и толковать: завели бы ее

черти въ воду по шейку и—пригнули бы! Старуха тотчасъ же очнулась,—куда и хмѣль дѣвался,—однако, отъ испуга разслабла и не могла вернуться домой; изъ воды-то кое-какъ выплелась на берегъ и тутъ же упала, и всю ночь до утра пролежала. Утромъ наѣхали на старуху косяшники и привели домой. Съ того ли, не съ того ли, а старуха бросила, однако, пить, и до самой смерти хмѣльного въ ротъ не брала.

— Еще такимъ же манеромъ черти сарачиковскаго казака завели-было въ воду,—продолжалъ разсказчикъ.—Шелъ онъ, этотъ казакъ, со свадьбы же, какъ водится, пьяный. Вдругъ подвернулись къ нему, какъ и къ Бычихѣ, два казака, якобы товарищи, и повели къ кому-то въ гости. Хорошо. Идутъ втроемъ, то-исъ, казакъ и два товарища, идутъ и, знамо дѣло, пѣсни распѣваютъ, скоморошничаютъ, поютъ смѣшную пѣсню:

„Не полая-то вода разливалася...“

„На счастье казака ночь была ненастная, по небу тучки ходили, вдругъ молонья освѣтила. Казакъ хоша и пьянъ былъ, а перекрестился, и проговорилъ: „Святъ, Святъ Господь Саваофъ!“ Товарищей словно не было, исчезли, окаянные! Казакъ осмотрѣлся и видитъ: въ двухъ-трехъ шагахъ впереди рѣчка Сорочинка. Дѣло было весной, Сорочинка, самъ знаешь, рѣчка крутоярая, а въ водополье бываетъ глубокая и быстрая. Попасть въ нее трезвому, и то бѣда: не скоро вырвешься, а о пьяномъ и толковать нечего. Не освѣти молонья, казаку и на умъ бы не пришло перекреститься. Шагъ-два, и пропалъ бы казакъ ни за денежку.

— Еще съ однимъ казакомъ, — продолжалъ разсказчикъ,—сыграли черти этакую же штуку, совсѣмъ уже сверзили-было казака съ яра, да Богъ помиловалъ: во-время казакъ молитву проговорилъ. Шелъ онъ, этотъ казакъ, со свадьбы пьяный, и къ нему подвернулись какіе-то казаки, якобы товарищи, и повели въ кабакъ. Подошли къ кабаку. Въ кабакѣ огонь, музыка, танцы, пѣсни, одно слово, веселье. Дверь у кабака настежъ. Одинъ пріятель вошелъ въ кабакъ,

а другой остался сзади и пудитъ казака, чтобы скорѣй шелъ. Пошелъ и казакъ. Но казакъ имѣлъ хорошую привычку: всякій разъ, когда входилъ въ двери и переступалъ черезъ порогъ, онъ творилъ Іисусову молитву. Такъ и тутъ сдѣлалъ. Лишь только занесъ на порогъ ногу, казакъ и сотворилъ: „Господи Іисусе!" Вдругъ кабакъ съ трескомъ разсыпался, и все исчезло, все пропало: и кабакъ, и пріятели, и музыка! Казакъ очутился на высокомъ яру Яика, стоитъ на одной ногѣ, словно солдатъ на ученьѣ, другая вверхъ поднята, какъ, значитъ, черезъ порогъ занесъ. Казакъ хотѣлъ повернуться назадъ, да не спопашился и полетѣлъ подъ яръ. Когда летѣлъ, казакъ чертилъ и руками, и ногами по яру, и, къ счастью казака, попалъ ему въ руки толстый, крѣпкій солодковый корень; казакъ уцѣпился за него и повисъ. На ту пору плыли и поодалеку отъ того мѣста рыбаки въ бударѣ, услыхали голосъ казака, подплыли къ нему и сняли его съ яра. А все Іисусова молитва помогла: во-время, значитъ, была сказана,—заключилъ старикъ.

X.

Колдуны и заговорщики.

— Да что объ этомъ толковать,—сказалъ собесѣдникъ мой послѣ того, какъ кончилъ разсказъ объ опивцахъ.— Толкуй, не толкуй, а дѣло извѣстное, да неизвѣстное, что окаянные уловляютъ человѣческія души. А есть такіе, братецъ мой, молодцы,—заговорилъ старикъ, — кои сами, своей доброй волей, закабаливаютъ душу свою дьяволамъ.

— Кто же это?—спросилъ я.

— Будто не знаешь?—сказалъ старикъ.—Всѣ колдуны и колдуньи, всѣ воржецы и воржейки, всѣ, значитъ, люди съ прибылью. Примѣрно, въ сей жизни воржецъ чертями повелѣваетъ, какъ халуями, что̀ прикажетъ, то и дѣлаютъ; а въ будущей жизни, то-есть, на томъ свѣтѣ, черти воржецомъ повелѣваютъ, какъ халуемъ, помыкаютъ имъ, какъ вздумается. Таковъ, значитъ, порядокъ заведенъ,—безъ этого, значитъ, ни одинъ дьяволъ не пойдетъ въ услуженіе человѣку.

— Вотъ что для меня диво,—говорилъ старикъ далѣе:— какъ человѣкъ изъ мірскихъ, изъ тлѣнныхъ выгодъ соглашается закабалить душу свою черту на вѣчныя, безконечныя времена. Не диво, еслибъ только мужики это дѣлали, потому что люди они обиженные судьбой, въ дерюгѣ да въ лаптяхъ ходятъ... Нѣтъ! И изъ нашего брата бывали и бываютъ такіе

молодцы и молодицы, кои съ дьяволомъ якшаются. Что касается насчетъ иного прочаго—нельзя хвалиться; а что касается насчетъ пищи и одежды, слава Богу, супротивъ мужицкой, жисть наша не въ примѣръ лучше. А все-таки и изъ нашей братьи, скажу тебѣ, были и бываютъ такіе доки, что съ нечистой силой знаются. А изъ-за чего? спрашиваю. Изъ-за того, батенька, чтобы гордость свою потѣшить, чтобы, знаешь, въ чести быть и поклоны принимать. О, гордость, гордость! Ты много добрыхъ людей погубила!

— Недалеко ходить за примѣромъ,—продолжалъ разсказчикъ,—въ К—въ и теперь живетъ старикъ С.....въ: не хорошій человѣкъ! Когда-то я знакомъ съ нимъ былъ, да раззнакомился: не хорошій человѣкъ!—еще разъ замѣтилъ старикъ и презрительно покачалъ головой.—Онъ когда-то по свадьбамъ ходилъ дружкой. Теперь не ходитъ: старость одолѣла. А все-таки кормовъ своихъ не роняетъ, гордость свою спотѣшаетъ. И теперь ни одна свадьба въ томъ форпостѣ, гдѣ живетъ, или по ближности, не обойдется, чтобы не пришли къ нему на поклонъ и не сдѣлали честь. Нельзя обойтись, боязно, какъ бы худа какого иль бо насмѣшки какой надъ молодыми не сдѣлалъ... бывали примѣры. А наслѣдовалъ онъ это художество, люди говорятъ, онъ г—вскаго старика Кораблева. Тотъ давно ужъ умеръ.

— Между разными штуками, С..... въ ружья умѣетъ заговаривать, — продолжалъ разсказчикъ. — Годовъ тридцать тому назадъ, разъ трафилось мнѣ ѣхать съ нимъ въ однѣхъ саняхъ. Дѣло было въ ростепель, только что стала появляться птица. Ѣдемъ мы лугевой дорогой и встрѣчаемъ стаю дикихъ гусей; сидятъ въ сторонѣ на лужицѣ, близехонько: непуганые, значитъ. Со мной было ружье. Схватилъ я ружье, прицѣлился и... чикъ! Опять взвелъ курокъ, и опять: чикъ! Опять взвелъ, и опять: чикъ!—Что за безлядь, думаю? -Ружье у меня было славное, снасть исправная, стиная, осѣчки никогда не давала. Смотрю на С...ва, а тотъ, шельмецъ, смѣется. Тутъ я и вспомнилъ, что люди про него говорили; а говорили, что онъ съ прибылыцой и что умѣетъ

ружья заговаривать; да я, признаться, мало этому вѣрилъ— мудрецъ былъ; думалъ: гдѣ-жь С...ву научиться? Въ Расеѣ и въ другихъ странахъ не бывалъ.—Смотрю я на С.....ва, хочу его спросить, а онъ, не говоря ни слова, взялъ изъ рукъ у меня ружье, повертѣлъ въ своихъ рукахъ разъ-два, пошепталъ что-то, дунулъ, отдалъ мнѣ назадъ и сказалъ: „Теперь валяй!" Я прицѣлился и—пафъ! Трехъ гусей срѣзалъ.

— Мнѣ довольно только услыхать дружейный выстрѣлъ, говоритъ мнѣ С....въ, когда мы поѣхали съ нимъ дальше,— и я, говоритъ, сумѣю сдѣлать, что хозяинъ ружья придетъ ко мнѣ съ поклономъ.

— Я, признаться, не очень повѣрилъ этому, тѣшусь, чтобъ можно зачаровывать ружья; слушаю С....ва и думаю: „хвалишься, подлецъ!" А онъ узналъ мои мысли и промолчалъ. Хорошо. Пріѣхали въ нашъ форпостъ, я остался дома, а С....въ нашелъ попутчиковъ и поѣхалъ къ себѣ на форпостъ. Недѣли черезъ три, когда снѣгъ сошелъ, я поѣхалъ въ степь подъ сайгаковъ. Нашелъ сайгаковъ, полезъ, подползъ; хвать за ружье—анъ, съ позволенія сказать, дыра въ горстѣ: снасти у ружья нѣтъ! Поползъ назадъ, нашелъ снасть, привинтилъ крѣпко-накрѣпко — шурупы были непрочные. Опять ползу, опять подползъ къ звѣрю, хочу стрѣлять — а снасти опять нѣтъ! Опять назадъ за снастью, опять привинтилъ, пробую рукой: крѣпко, не сдерешь. Опять ползу, а самъ на снасть смотрю: тутъ. Но какъ-то замотрѣлся на сайгаковъ, отъѣхалъ на минуту глазъ отъ снасти, а самъ зеваетъ, а ее опять нѣтъ! Тутъ и вспомнилъ похвальбу С...ва, и прямо со степи дралъ въ К...въ. Подъѣхалъ къ дому С...ва. С...въ сидитъ на завалинѣ и вяжетъ узлы на пряжѣ.

— Дядя Сидоръ!—говорю ему, не сходя съ лошади.— Не шутки ли шутилъ? Пожалуйста,—говорю,—оставь шутки.

— Гдѣ-съ та намъ!.. говоритъ С...въ, а самъ ухмыляется.—Мы, подлецы, только хвалимся...

— Это, сударь мой, онъ мнѣ колетъ глаза тѣмъ, что я

про него въ умѣ своемъ подумалъ,—замѣтилъ разсказчикъ.—Каковъ молодецъ, а? Воржецъ, какъ есть воржецъ! Однако, продолжалъ разсказчикъ, поломался, поломался и сдался. Взялъ изъ рукъ у меня ружье, повертѣлъ раза два въ своихъ рукахъ, попечаталъ и дунулъ, отдалъ мнѣ назадъ и сказалъ: „Ступай—поѣзжай! Все будетъ въ порядкѣ“.

— И впрямь стало такъ,—сказалъ старикъ: и спасть держалась, и осѣчки не было.—Однако, съ той поры,—прибавилъ мой собесѣдникъ,—я сталъ обѣгать С...ва и поднесъ обѣгаю, шутъ съ нимъ.

— А разъ родителю моему трафилось встрѣтиться съ однимъ воржецомъ,—продолжалъ разсказчикъ.—Тотъ былъ не изъ нашихъ, а изъ иногородныхъ, мельникомъ на чьей-то мельницѣ жилъ, выше Уральска, на р. Чаганѣ. Родитель мой въ ту пору былъ въ подпаскахъ у пастуховъ войскового ленскаго табуна, и часто наѣзжалъ на мельницу. У мельника было ружье очень хорошее, цѣльное, не то турка, не то винтовка, родитель запамятовалъ. Бывало, какъ ни пойдетъ мельникъ на охоту, на сайгаковъ-ли, на туданов-ли, все равно, такъ цѣлый возъ и набьетъ; ни разу, бывало, не дастъ промаха ни по звѣрю, ни по птицѣ, а билъ, сударь мой, издалека, чуть глазъ бралъ. Родитель мой позарился на это ружье и присталъ къ мельнику: „продай“ да „продай!“ Мельникъ сначала отнѣкивался, а напослѣдокъ, чтобы, видно, отвязаться отъ родителя, и говоритъ ему:

— Пожалуй, продамъ, но только съ уговоромъ, чтобы ты взялъ все, что при ружьѣ есть; а безъ этого, говоритъ, и продать не могу ни за какія деньги. Согласенъ? спрашиваетъ мельникъ моего родителя.

— Родитель обрадовался, думаетъ: „что-жъ при ружьѣ? Знамо, порховница, дробница и прочее такое“. Хорошо. Сталъ торговать. Но мельникъ говоритъ:

— Слушай сначала на охоту, попробуй на звѣрѣ или на птицѣ, а потомъ ужъ, есть-когда ружье понравится, будемъ торговаться.

— Хорошо. Взялъ родитель мой у мельника ружье и по-

шелъ въ степь; увидалъ сайгака, подползъ къ нему и прицѣлился. Родитель цѣлитъ и чудо видитъ: какой-то безобразный мужикъ держитъ сайгака за рога и подставляетъ его бокомъ подъ ружье! Родитель опустилъ ружье, взглянулъ просто на сайгака, обоими, значитъ, глазами: мужика нѣтъ, сайгакъ одинъ. Родитель опять прицѣлился—и опять видитъ ту же оказію: безобразный мужикъ держитъ сайгака за рога и подворачиваетъ его подъ выстрѣлъ!.. Это былъ шишига!—пояснилъ разсказчикъ.—Это-то и есть то самое, что при ружьѣ.—Родитель мой, знамо дѣло, перепугался, перекрестился и въ ту-жъ минуту побѣжалъ на мельницу и бросилъ мельнику ружье. Мельникъ смѣется и спрашиваетъ родителя:

— Ну, что? Согласенъ купить съ тѣмъ, что при ружьѣ есть?

— Родитель, знамо дѣло, покачалъ головой: не хочу-де! А потомъ, немного погодя, вышелъ изъ избы, сѣлъ на лошадь и ускакалъ въ табунъ. Съ той поры родитель ни ногой на мельницу,—сказалъ старикъ, а потомъ, немного спустя, заговорилъ:

„А то еще я самъ видѣлъ одного старика, изъ нашихъ казаковъ, и тотъ разсказалъ мнѣ диковинную вещь про себя. Съ нимъ была вотъ какая исторія.—Во младости своей онъ несчастливъ былъ въ багреньѣ, во всю жизнь ни разу, что называется, не обрыбился и не зналъ, не понималъ, какъ ловятъ багромъ бѣлугъ, осетровъ и прочее. Сначала люди, кое-кто изъ сусѣдей, принимали его въ артель, потому, думали, что „не всѣ-де ловцы, а есть и богомольцы“, а напослѣдокъ, какъ ледащаго баграчея, совсѣмъ забраковали и не стали принимать въ артель. Казакъ и самъ не сталъ напрашиваться—совѣстно было пан брать задаромъ—и совсѣмъ пересталъ ѣздить на багреньe, и все баграчейское заведеніе бросилъ, а завелъ у себя въ домѣ постоялый дворъ. Разъ передъ багреньемъ сталъ къ нему на фатеру пріѣзжій купецъ, что пріѣхалъ рыбу закупать. Извѣстно, въ городѣ нашемъ въ то время бываетъ шумъ, гамъ, бѣготня, суета; а нашъ

казакъ и усомъ не ведетъ, сидитъ себѣ дома, сложа руки. Купецъ и спрашиваетъ его:

— Что жъ ты-то, хозяинъ, не собираешься на багренье? Али нездоровъ?

— Нѣтъ,—говоритъ казакъ,—здоровъ-то я здоровъ, благодареніе Господу-Богу; да удачи въ ловлѣ мнѣ нѣтъ; я,—говоритъ,—и заведеніе баграчейское бросилъ.

— Гмъ!—сказалъ купецъ.—А хочешь,—говоритъ купецъ казаку,—хочешь, я сдѣлаю тебѣ, что ты будешь первый ловецъ, первый баграчей въ войскѣ?

— Какъ не хотѣть!—говоритъ казакъ. — Только можно ли?

— Коли говорю, стало быть, можно,—говоритъ купецъ.—Ступай на базаръ,—говоритъ купецъ казаку,—купи багоръ, пряжи, навязь и два-три багровища. Я,—говоритъ,—началю тебѣ багорчикъ, и ты будешь въ добычѣ.

Казакъ сходилъ на базаръ и купилъ багоръ, пряжи, навязь и два багровища. Купецъ началивъ багоръ, отдалъ казаку и сказалъ:

— Поѣзжай на багренье, и будешь въ заловѣ. Только слушай, казачокъ,—говоритъ купецъ,—когда вернешься съ багренья, багоръ не расчаливай, а храни его въ такомъ видѣ до будущаго багренья. И послѣ будущаго багренья не расчаливай. Одно слово,—говоритъ купецъ,—держи его въ такомъ видѣ, какъ отъ меня получилъ—и всегда будешь въ заловѣ.

..Хорошо. Казакъ отправился на багренье и тоже, наловилъ рыбы бездну. На другой годъ поѣхалъ и наловилъ еще больше, на третій,—еще больше, и все однимъ багреньемъ, все тѣмъ же, что купецъ началивъ. Вошелъ казакъ въ славу, какъ первѣйшій баграчей. Тогда ужъ не точію свои братъ казаки, а и чиновники въ перебой другъ передъ дружкой стали приглашать его къ себѣ въ артель. Казакъ зазнался, въ артель ни къ кому не ходитъ и къ себѣ не принимаетъ, а ѣздитъ на багренье одинъ съ работникомъ. Ладно. Прошло сколько-то лѣтъ обнаковеннымъ порядкомъ; у казака все

одинъ и тотъ-же багорчикъ; казакъ пуще глазу бережетъ его, чтобы не испортился. Разъ, на одномъ багрецѣ, стоитъ казакъ у проруби и гаскаетъ что ни лучшихъ отборныхъ осетровъ, кругомъ обклался ими. Подходитъ къ казаку какой-то купецъ и говоритъ:

— Что, казачекъ, рыбку, знать, ловишь?

— Рыбку,—говоритъ казакъ.

— Осетриковъ?—говоритъ купецъ.

— Осетриковъ!—говоритъ казакъ.

— Поздравляю!—говоритъ купецъ.

— Покорнѣйше благодаримъ!—говоритъ казакъ.

— Продай!—говоритъ купецъ.

— Изволь! — говоритъ казакъ. Съ нашимъ большимъ удовольствіемъ.

— Почемъ за штуку?—спрашиваетъ купецъ.

— По семидесяти-по-пяти рублевъ!—говоритъ казакъ.

— Не мало-ли, казачекъ?—говоритъ купецъ,—а самъ смѣется.—Ты вглядись-ка хорошенько въ своихъ осетриковъ,—говоритъ купецъ:—вѣдь гостинишные!...

Казакъ взглянулъ на осетровъ и ужастился! Замѣтъ осетровъ, лежатъ на льду, внизъ брюхомъ, м у ж и к и, сударь мой, въ синихъ чапанахъ и красныхъ подпояскахъ.

— Пошли по своимъ мѣстамъ!—цыкнулъ купецъ на мужиковъ.

И тѣ нехотя-нехотя поползли къ проруби и нырнули въ воду. Казакъ отъ ужаса и руки опустилъ, и багорчикъ выронилъ, и пошелъ багорчикъ подъ ледъ.

— Понимаешь-ли, въ чемъ дѣло?—спрашиваетъ купецъ казака.

Казаку гдѣ понимать, казакъ только головой качаетъ и руками разводитъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ,—говоритъ купецъ.—Вижу, багорчикъ начаклилъ тебѣ такой же дока, каковъ, къ примѣру, и я. На этотъ багорчикъ настоящая рыба не шла, а шли, съ позволенія сказать, шпиниги въ видѣ осетриковъ. Ты видѣлъ, каковы эти осетрики—нарядные, въ синихъ чапанахъ

и въ красныхъ подпояскахъ.—Тебѣ, конечно, пиночемъ, — говоритъ купецъ;—взялъ денежки да и къ сторонѣ. А каково было купцамъ, кои твоихъ осетриковъ покупали, а?—спрашиваетъ купецъ.—Чай, не одинъ купецъ разорился, покупаючи твоихъ осетриковъ, — говоритъ купецъ. —Къ примѣру, осетриковъ твоихъ купятъ, сложатъ въ воза и повезутъ въ Русь, а осетрики, одинъ по одному, всѣ въ дорогѣ повылѣзаютъ изъ возовъ и уйдутъ во-свояси, чтобы въ другое время опять идти къ тебѣ на багорчикъ; купцамъ же отъ этого подвоха, понимаешь, великій раззоръ. Въ прошломъ году,— говоритъ купецъ, — у моего приказчика цѣлый обозъ разбѣжался твоихъ осетриковъ; не точію до Москвы, а и до Сызрани ни одного не довезли. Я догадался въ чемъ дѣло, и вотъ нарочно пріѣхалъ къ вамъ на багренье, чтобы пугнуть твоихъ осетриковъ и чтобы они не ввязывались не въ свое дѣло. Впередъ,—говоритъ купецъ казаку,—такимъ промысломъ не занимайся и чужимъ навороженнымъ багорчикомъ не багрь, а багрь своимъ, простымъ. Хоша барыша будетъ и мало, но крайности, грѣха на душу не примешь, никого, значитъ, въ убытокъ не введешь.—Прощай, почтенный!— сказалъ купецъ казаку и отошелъ прочь".

— Вотъ, видишь ли, какіе есть на вольномъ свѣтѣ дошлые люди чертями, словно халуями, повелѣваютъ!—замѣтилъ разсказчикъ; а потомъ, немного погодя, прибавилъ:

— Только изъ нихъ всякіе есть: иные употребляютъ чертей на дѣла вредныя людямъ, а иные на дѣла полезныя. Къ примѣру, я тебѣ намедни сказывалъ про Ермака Тимофеича, что онъ въ такихъ случаяхъ, когда не доставало у него войска, выставлялъ противъ непріятелей шишиговъ. Какъ бы не погрѣшить, а я, признаться, хвалю Ермака за это,—молодецъ! Вѣдь, какъ ни разсуждай, а все-таки онъ дѣлалъ на пользу Расеи. И между нашими казаками въ старину бывали такіе воины, кои въ сраженіяхъ подпускали чертиковъ. Къ примѣру, у насъ есть Разбойная станица. Отчего она такъ названа, знаешь ли? Гдѣ тебѣ знать, а мы знаемъ. Разбойной она названа, сударь мой, оттого, что тутъ казаки

наши киргизовъ разбили, а разбили казаки киргизовъ вотъ по какому побыту. Слушай-ка!

„Въ старину, когда по Яику не были еще построены наши форпосты, часто орда перелазила черезъ Яикъ и ходила на Волгу грабить русскихъ. Разъ киргизы большимъ собраньемъ, человѣкъ тысячи въ полторы, перелѣзли черезъ Яикъ и пошли къ Волгѣ. Въ городѣ нашемъ узнали объ этомъ и вслали супротивъ орды команду казаковъ, человѣкъ съ двѣсти. Походнымъ атаманомъ былъ какой-то Желѣзновъ, може, родичъ твой, —замѣтилъ разсказчикъ. Команда наша опоздала. Орда шла уже съ Волги и переправлялась за Яикъ. Казаки застали на переправѣ только хвостикъ киргизовъ и кой-кого изъ непріятелей убили, кой-кого въ полонъ взяли, а главная сила бусурмановъ была уже за Яикомъ, на той, значитъ, сторонѣ. Казаки погорячились, хотѣли броситься за Яикъ, чтобы хорошенько пощипать киргизовъ и отучить ихъ отъ такихъ пакостей; но атаманъ удержалъ.

— Стой здѣсь, ребята!—говоритъ атаманъ. Непріятель самъ къ намъ вернется. Только бейте хорошенько!

И точь-въ-точь случилось такъ, какъ атаманъ сказалъ. Киргизы покружились, покружились на томъ берегу, поалакали, поалакали и, сломно бараны, бросились въ Яикъ и поплыли на этотъ берегъ. Казаки только принимаютъ ихъ на этомъ берегу и колотятъ, кто чѣмъ: кто колетъ пикой, кто рубитъ топоромъ, кто лупитъ дубиной,—почти всѣхъ поколотили; самая малость осталась вживѣ; казаки взяли ихъ въ полонъ и повели въ городъ. Казаки дивуются и спрашиваютъ плѣнниковъ, зачѣмъ они вернулись назадъ и сами дались имъ въ руки.

— Зачѣмъ? —говорятъ плѣнники. — Крайность заставила! Васъ на этой сторонѣ, видимъ, горсточка, а на той сторонѣ—сила несмѣтная! Вся степь покрыта казачьими полками и съ пушками! Мы по-неволѣ и бросились на сю сторону.

— А на той сторонѣ ни души не было русской,—замѣтилъ разсказчикъ.—Что-жъ та за сила несмѣтная, коя непу-

гала киргизовъ? Знамо, какая: атаманъ, между нами будь сказано, былъ съ прибылью и выставилъ, значитъ, супротивъ киргизовъ своихъ подчиненныхъ, то-есть, пишиповъ! Молодецъ! Нельзя не похвалить,—заключилъ старикъ.

А вотъ еще насчетъ заговоровъ разскажу тебѣ, — сказалъ, немного погодя, мой собесѣдникъ.—Давеча я разсказывалъ тебѣ про старика С..ва, что ружья заговариваетъ. Этакихъ людей, каковъ, къ примѣру, нашъ С..въ, не мало на большомъ свѣтѣ; а есть, сударь мой, и такіе, кои себя заговариваютъ отъ ружей, отъ сабель и отъ всякаго оружья. Говорятъ, что есть такія секретныя молитвы, кои спасаютъ человѣка отъ пуль и отъ прочаго; примѣрно, Богородицыль Сонъ и прочее такое. Молитвы молитвами—противъ этого ничего нельзя сказать; однако, и отъ дьявола бываетъ—и противъ этого ничего нельзя сказать. Къ примѣру, башкирцинъ ильбо киргизинъ—гдѣ знать христіанскія молитвы, а бывали случаи, что и бусурманы насчетъ этой статьи пускали нашему брату пыль въ глаза.

„Въ старые годы, когда башкирцы волынчали и часто подъ нашъ городъ подступали, было сраженіе у нашихъ казаковъ съ башкирцами на Горкахъ, выше Уральска, гдѣ Семеновъ ерикъ. Въ этомъ сраженіи одинъ башкирецъ много напостилъ казакамъ; подбѣжитъ къ нашимъ вплоть и пуститъ стрѣлу; убить хоша и не убьетъ, а кого-нибудь непремѣнно ранитъ. Наши бьютъ въ башкирца изъ ружей и не убьютъ. Сначала думали, что на башкирцѣ панцырь, а какъ всмотрѣлись хорошенько, увидѣли, что панцыря нѣтъ: даже грудь у разбойника открыта, обросла волосами. Наши видятъ, какъ пули ударяютъ въ грудь башкирца и отскакиваютъ, словно горохъ отъ стѣны; а башкирецъ только зубы скалитъ и ругается. Тогда одинъ казакъ догадался, снялъ съ шеи у себя крестъ, смялъ его въ зубахъ и запустилъ въ ружье, вмѣсто пули; цѣлился, какъ башкирецъ налетѣлъ на него, и выстрѣлилъ: башкирецъ съ всадника долой! Куда и загоръ пошелъ. Значитъ, сила нечистая сдѣлать силы Божеской стоять не можетъ.

„А то еще разъ на Каспицкомъ морѣ случилась диковинная вещь, -продолжалъ разсказчикъ.—Я отъ астраханскаго рыбопромышленника слышалъ. Взяли трухменцы въ полонъ судно съ астраханскими ловцами. На судѣ только и были три человѣка: одинъ русскій и два калмычишина. Трухменцевъ было человѣкъ пятнадцать. Заполонимши судно, трухменцы оставались еще въ морѣ, выжидали, значитъ, еще добычи. Лодочку свою разбойники привязали къ судну, а сами всѣ забрались на судно. Сначала строгій караулъ держали надъ русскими и надъ калмыками, связанными ихъ содержали, а напослѣдокъ освободили; думали, видно, что-де трое могутъ сдѣлать супротивъ пятнадцати человѣкъ. Ладно. Въ одинъ жаркій день, трухменцы всѣ забрались въ трюмъ, а на палубѣ оставили только двоихъ караульщиковъ, смотрѣть за судномъ и наблюдать за плѣнниками. Плѣнники давно сговорились, какъ бы избавиться отъ разбойниковъ; добыли и топоръ. Этотъ случай показался имъ самымъ удобнымъ, и они рѣшились приступить къ дѣлу. Топоръ взялъ русскій, и легъ на палубѣ у трюма, будто спитъ; а калмыки подѣли къ караульщикамъ, одинъ на носу, а другой на кормѣ. Слово за слово, калмыки и разговорились съ караульными трухменцами; тѣ зазѣвались, калмыки и швырнули ихъ за бортъ. Одинъ калмычишинъ ловко швырнулъ трухменца, и слѣда не оставилъ; а другой не спопашился и самъ съ трухменцемъ полетѣлъ за бортъ. Стали калмычишинъ и трухменецъ въ водѣ барахтаться; другой калмычишинъ сталъ помочь подавать товарищу, бросилъ ему веревку съ палубы. Сдѣлался шумъ, крикъ. Въ трюмѣ трухменцы услыхали, и бросились-было вонъ; но русскій показалъ топоръ, трухменцы назадъ. Немного погодя, одинъ изъ трухменцевъ, мужчина толстый, мужественный, прямо полѣзъ по лѣстницѣ изъ трюма; но русскій хвать трухменца по головѣ топоромъ, разсѣкъ черепъ до половины. Трухменецъ полетѣлъ внизъ, но тотчасъ же оправился и опять полѣзъ; а у самого, у бестіи, ни кровинки изъ головы—вотъ что диво! Русскій еще разъ огрѣлъ трухменца топоромъ, разсѣкъ голову до челюстей,

и развалилась голова словно арбузъ, а крови опять-таки нѣтъ, хоть бы одна капелька, вотъ оно чудо-то! Русскій въ третій разъ ударилъ: голова у трухменца совсѣмъ развалилась, одна половина повисла на плечо, а другая на другое, а крови-таки нѣтъ, хоть бы одна капелька, вотъ оно чудо-то, такое чудо! А трухменецъ все лѣзетъ вонъ, одной рукой по лѣстницѣ цѣпляется, а другой сжимаетъ разрубленную голову. Одно слово — чудо! Русскій обробѣлъ, хотѣлъ-было съ отчаянія броситься за бортъ, да калмычинъ выручилъ; человѣкъ, видно, былъ тоже дошлый. Самъ держитъ товарища на веревкѣ, а самъ кричитъ русскому: „Руби свою руку! Руби свою ногу! Руби что-нибудь свое! Пущай скорѣе сѣ́ая кровь!“ Русскій догадался, и вмигъ отсѣкъ на рукѣ своей колчикъ мѣшица. Знамо, у русскаго тотчасъ изъ руки брызнула кровь. Въ этотъ же мигъ и у трухменца хлынула изъ башки кровь. Трухменецъ полетѣлъ въ трюмъ и околѣлъ!

— Вотъ какіе дошлые люди бываютъ на вольномъ свѣтѣ, а все отъ дьявола! — сказалъ старикъ; а потомъ, немного погодя, прибавилъ:

— Забылъ я сказать тебѣ о воржецахъ еще вотъ что. Есть-когда воржецъ передъ смертью сдастъ свое художество другому кому желающему, то тѣло его лежитъ въ землѣ спокойно и гніетъ; а есть-когда не сдастъ, то тѣло его не гніетъ и въ тѣло его вселяется дьяволъ и является людямъ и страшаетъ. Такія оказія бывали въ нашихъ мѣстахъ нерѣдко. Одно, бывало, спасеніе отъ такихъ воржецовъ — осиновый колъ. А осина, извѣстно, какое дерево: на немъ христопродавецъ-Іуда удавился. Разроютъ, бывало, могилу колдуна-воржеца, и пригвоздятъ его осиновымъ коломъ, ну, и шабашъ! Всякія пакости прекратятся. Разскажу я тебѣ одну такую исторію, очень забавная. Слушай-ка!

„Былъ жилъ межъ нашими казаками одинъ забулдыга, то-и-ть, пьяница отъ всего свѣта. Какъ его имя и какъ прозывался — не знаю, да, вѣроятно, и въ ту пору, когда онъ жилъ, вряцъ ли кто изъ нашихъ зналъ, никому не нужно.

Всѣмъ издавна онъ былъ извѣстенъ подъ однимъ прозваньемъ: Логинычъ. Сказано, пьяница былъ горькій, да еще съ придурцой, а можетъ, и не былъ съ придурцой, можетъ, только прикидывался такимъ. Ни къ работѣ, ни къ службѣ не былъ крупецъ. Войсковая канцелярія, матушка, билась, билась съ нимъ и отступилась: исключила его, значитъ, изъ казачьихъ списковъ, какъ негоднаго. Такъ онъ и шатался изъ мѣста въ мѣсто, гдѣ день, гдѣ ночь, нигдѣ, значитъ, не имѣлъ постояннаго пристанища. Бывало, сказываютъ старики, во время какого-нибудь рыболовства, таскается Логинычъ по обозамъ и потѣшаетъ народъ разными штуками. Примѣрно, поднесутъ ему стаканъ вина, а на закуску подадутъ сырую рыбу и скажутъ: „Закуси, Логинычъ!“ Логинычъ и примется уписывать сырую рыбу, словно голодная собака. Или ничего не дадутъ на закуску и скажутъ: „Пей, Логинычъ; закусить-то нечѣмъ!“ „Какъ нечѣмъ?“ скажетъ Логинычъ. „А это-то что?“ И съ этимъ словомъ примется грызть стаканъ, какъ сухарь. Такой-то былъ забавникъ этотъ Логинычъ. Однимъ только нехорошъ: съ нечистой силой зналъся. При жизни его никто этого художества за нимъ не зналъ, не выказывалъ, значитъ; а послѣ смерти оказалъ, грѣховодникъ.

„На плавнѣ ли, у севрюгъ ли, шатался Логинычъ, по обыкновенію, по обозамъ, и вдругъ пропалъ. Одни говорили, что онъ утонулъ, другіе—что его киргизы взяли въ полонъ, а иные говорили, что его какіе-то обозники нашли мертвымъ близъ Бударинскаго форпоста и тутъ же, гдѣ нашли, закопали будто въ землю. Потолковали, потолковали, да и забыли, кому какая нужда! Вдругъ Логинычъ обозначился и сталъ дурить, подлецъ! Разъ изъ бударинской команды были казаки въ секретѣ *); двое лежали въ лощинѣ, а третій былъ на часахъ немного поодаль отъ товарищей, сидѣлъ подъ кустомъ. Этакъ около полуночи часовой видитъ вершника на бѣлой лошади и въ бѣлой одеждѣ.

---

*) Пикетъ, выставляемый на ночь въ мѣстѣ глухомъ, скрытномъ, иначе: секретномъ.

Верименкъ ѣдетъ мимо секрета тихонько, безпечь останавливается, озирается, будто высматриваетъ чего-то, одно слово, представляется разбойникомъ-киргизомъ. По одѣянью, часовой не разберетъ хорошенько—казакъ ли это, или киргизъ, и потому взялъ да и окликнулъ: „Кто ѣдетъ?"

— Логинычъ! —закричалъ верименкъ, захохоталъ во все горло, и ускакалъ.

„Казаки со страха и секретъ бросили, ускакали на форпостъ. Сначала не повѣрили, думали, что они спали и имъ сонным пригрезилось. Но на слѣдующую ночь вся команда увѣрилась, что то была истинная правда. Съ вечера сошлись къ крѣпости казаки, толковали о томъ, о семъ, и, знамо дѣло, и о Логинычѣ не забыли; трунятъ надъ тѣми, кто въ прошлую ночь былъ въ секретѣ; не замѣтили, какъ и время прошло, была ужъ на исходѣ двѣнадцатая склянка, значитъ, полночь. Вдругъ часовой, что стоялъ на вышкѣ, подалъ знакъ, что на третьемъ пикетѣ маякъ горитъ; значитъ, тревога; значитъ, гдѣ-нибудь киргизы нападеніе сдѣлали на линію. Команда встревожилась и сѣла на конь. Хотѣли и при крѣпости зажечь маякъ, да начальникъ не велѣлъ; сначала приказалъ увѣриться, точно-ли маякъ горитъ, не варитъ ли кто кашу въ сѣни; начальникъ, изволишь ли видѣть, опасался, какъ бы не сдѣлать напрасную тревогу. Хорошо. Тоежъ минуту команда поскакала на низъ къ пикету, пикетъ былъ недалеко, всего вересты за три. Но лишь только команда выѣхала въ поле, на встрѣчу ей скачутъ пикетные казаки.

— Куда вы? — спрашиваютъ форпостные казаки пикетныхъ.

— Къ вамъ на форпостъ!—отвѣчаютъ пикетные казаки.

— Зачѣмъ? — спрашиваютъ ихъ.

— У васъ, при крѣпости, маякъ горитъ!

— А у васъ?—спрашиваютъ ихъ.

— У насъ нѣтъ!

„Форпостные казаки оглянулись назадъ, и видятъ: маякъ при крѣпости горитъ! Смотрятъ на пикетъ—пикетный маякъ

не горитъ! Тое-жъ минуту казаки вернулись на форпостъ, прискакали: маякъ цѣлехонекъ, не горитъ! Оказія. Столпились казаки у крѣпостныхъ воротъ, не знаютъ, что̀ дѣлать. Вдругъ видятъ: отъ верхняго выѣзда скачетъ вершникъ на бѣлой лошади и въ бѣлой одеждѣ, а за нимъ, немного сдаль, скачетъ цѣлая свита на такихъ же лошадяхъ и въ такомъ же одѣяньи. Передній вершникъ прямо держитъ на крѣпость; команда думаетъ, не киргизы ли ужъ бьютъ на ихъ форпостъ; приготовилась отпоръ дать. Часовой съ вышки окликнулъ: „Кто ѣдетъ?“

— Логинычъ! — закричалъ вершникъ и захохоталъ, поворотилъ коня влѣво и прямо кинулъ въ Бударинъ ерикъ. Свита его за нимъ же.

— Тутъ уже вся команда повѣрила, что Логинычъ взаправду дуритъ. Съ тѣхъ поръ и сталъ Логинычъ выдѣлывать разныя штуки, спокою не давалъ бударинскимъ казакамъ. И только, сударь мой, ихъ однихъ тревожилъ, а другихъ по сосѣдству никого не безпокоилъ. Полагали, что это оттого, что около-де Бударина зарытъ Логинычъ. А иные говорили, что это будто бы оттого, что когда-то, когда Логинычъ былъ живъ, бударинскіе ребята сильно поколотили его за что̀-то; вотъ за это-то самое, будто бы, Логинычъ и мстилъ бударинскимъ казакамъ. Оттого ли, не оттого ли, все единственно, а только плохо приходилось бударинскимъ казакамъ, смаялись они и жалобу приносили атаману, просили, чтобы позволилъ имъ перенести форпостъ на другое мѣсто; но атаманъ не вѣрилъ. Однако, вскорѣ и онъ увѣрился.

— Разъ ждали атамана на низъ. Въ полночь слышутъ: колокольчикъ звенитъ. „Бѣжитъ! бѣжитъ!“ — кричитъ часовой съ вышки. Команда принаслась, стала во фрунтъ у крѣпости. Начальникъ тутъ же; ждетъ, чтобы съ рапортомъ къ атаману подойти. А колокольчикъ все ближе и ближе,—ужъ въ улицѣ, — вотъ и повозка катитъ, тройкой; кони всѣ бѣлые; и впереди, и сзади, и по бокамъ конвойные, на бѣлыхъ же коняхъ. Но никому невдогадъ эти бѣлые кони; у всѣхъ на умѣ

атаманъ. Повозка подкатываетъ къ крѣпости. Часовой окликаетъ: „Кто ѣдетъ?“

— Логиничъ! — кричатъ изъ повозки и хохочутъ. И въ тотъ же мигъ повозка взяла влѣво, и прямо въ Бударинъ ерикъ!

— Команда хорошенько еще не опомнилась отъ этой штуки, какъ снять послышался колокольчикъ, ближе и ближе; вотъ и повозка катитъ, прямо къ крѣпости. Начальникъ приказалъ часовому молчать. Повозка подкатилась къ воротамъ и остановилась. Выпрыгъ настоящій атаманъ и вскинулся на начальника, бранитъ.

— Что-жъ часовой-то молчитъ, не окликаетъ? — говоритъ атаманъ. — Ужь военный артикулъ забыли?

— Такъ и такъ! — оправдывается начальникъ... — Логиничъ дуритъ, совсѣмъ съ пахвей насъ сбилъ. Сію минуту, — говоритъ начальникъ, — только въ ерикъ провалился.

— Что за оказія! — говоритъ атаманъ. — Неужто правда?

— Точно такъ! — говоритъ начальникъ. — Извольте спросить команду: никого пьяныхъ нѣтъ, всѣ трезвы.

— Ладно. Атаманъ успокоился, и говоритъ:

— Объ этомъ мы завтра потолкуемъ. А теперь вотъ что: слѣдомъ за мной бѣжитъ чиновникъ, изъ Оренбурга, ревизоръ отъ губернатора. Хорошенько окликнуть его, какъ можно громче! — приказываетъ атаманъ.

— Слушаю! — говоритъ часовой съ вышки.

— И точно, минуту спустя, послышался колокольчикъ, — ближе и ближе; катитъ и повозка, тройкой, кони бѣлые. Казаки догадываются, что за птица летитъ, — но молчатъ, только шушукаются межъ себя да тихонько посмѣиваются. Повозка къ крѣпости. Атаманъ у воротъ. Часовой окликаетъ: „Кто ѣдетъ?“

— Логиничъ! — кричатъ изъ повозки и хохочутъ. И, по обнаковенію, прямо въ ерикъ.

Тутъ ужь и атаманъ повѣрилъ, и велѣлъ было основныя вѣсть принести, чтобы завтра резолюцію учинить Логиничу. Но на бѣду никто не зналъ, гдѣ Логиничъ зарытъ.

Послѣ того, на другой же день, атаманъ выгребовалъ изъ Уральска благочиннаго со всѣмъ духовенствомъ и приказалъ отслужить молебствіе, обойти крестнымъ ходомъ вокругъ Бударина и предать Логиныча анаѳемѣ, а на обоихъ выѣздахъ поставить по кресту. Какъ это сдѣлали, такъ словно рукой сняло: Логинычъ пересталъ дурить!—заключилъ разсказчикъ.

— Однако и изъ такихъ-то воряцовъ всякіе бываютъ, — сказалъ старикъ, спустя нѣкоторое время:—одни, вотъ какъ Логинычъ, только дурятъ, пугаютъ и насмѣхаются, а вреда настоящаго отъ нихъ нѣтъ, по крайности къ людямъ не прикасаются, а только однимъ привидѣніемъ представляются; другіе же, сударь мой, ужасный вредъ дѣлаютъ.

— Былъ такой случай у илецкихъ казаковъ, и не очень давно, лѣтъ десять тому. Ѣздилъ я тогда въ Илецкій городокъ съ рыбой и слышалъ тамъ отъ одного старика вотъ какую исторію. Слушай-ка!

— Поѣхали однажды илецкіе казаки рыбачить на озера и старицы, пониже Илецкаго городка. Вырыли гдѣ-то на берегу въ яру землянку и въ ней устроили станъ. Передъ какимъ-то праздникомъ, передъ Рождествомъ ли, передъ Богоявленьемъ ли—запамятовалъ, вся артель уѣхала въ дома; на стану, въ землянкѣ, остался одинъ старикъ съ собакой — тотъ самый старикъ, пояснилъ разсказчикъ, который разсказывалъ мнѣ эту исторію. Хорошо. Настала ночь, старикъ сварилъ себѣ уницы, поужиналъ и улегся спать. Вдругъ, среди ночи, собака залаяла и на кого-то оскалилась. Старикъ проснулся, всталъ, вздулъ огонь, осмотрѣлся и увидалъ ужасти: изъ одной стѣны торчатъ человѣчьи ноги въ лаптяхъ! Ноги шевелятся и мало-по-малу выдвигаются наружу; наконецъ всѣ вышли,—показалось туловище! Старикъ видитъ, что дѣло плохо, схватилъ въ охапку свою одежонку, и драло вонъ изъ землянки; а собака осталась въ землянкѣ. Отбѣжалъ старикъ нѣсколько саженъ отъ землянки, остановился и сталъ обуваться и одѣваться; одѣвается, а самъ прислушивается,—слышитъ: собака сцѣпилась съ привидѣніемъ,

иль бо съ мертвецомъ что ли, не умѣю какъ сказать; идетъ, слышно, между собакой и между мертвецомъ драка отчаянная; собака, слышно, грызется, какъ собака, а мертвецъ, слышно, реветъ не-то человѣчьимъ, не-то медвѣжьимъ голосомъ, только странно какъ-то. Напослѣдокъ собака взвизгнула и затихла. Слышно стало, что-то чмокаетъ, якобы звѣрь какой поѣдаетъ что-нибудь. Напослѣдокъ и чмоканье затихло. Тѣмъ временемъ старичокъ обулся и одѣлся и, знамо дѣло, безъ оглядки побѣжалъ въ городокъ; прибѣжалъ и разсказалъ артельщикамъ. Тѣ, на другой же день, освидѣтельствовали землянку и нашли все въ цѣлости, только все было перевороченно, перебутырено, а собаки нѣтъ. Отъ собаки остались только кой-какія кости да клочья шерсти! Значитъ, мертвецъ растерзалъ собаку и пожралъ!—А стѣна, сударь мой, цѣла, и признака нѣтъ, чтобы сквозь нее кто лѣзъ. Не убѣги старичокъ во время,—замѣтилъ разсказчикъ, Богъ знаетъ что бы съ нимъ случилось,—може, то же бы, что и съ собакой. Это самое привидѣніе иль бо этотъ самый мертвецъ, что собаку пожралъ, былъ какой-нибудь злокозненный вражецъ,—пояснилъ разсказчикъ.—Земля, значитъ, не принимаетъ его, и онъ съ досады въ извѣстные дни и часы летаетъ и грызетъ тѣхъ, кто попадается въ руки. Конечно,—добавилъ разсказчикъ,—собаку растерзалъ онъ не потому, чтобъ она нужна была ему, а, всеконечно, потому самому, что она упредила хозяина и способствовала ему убѣжать.

XI.

Фармазоны.

— Если пересказывать тебѣ всѣ такія исторіи, что случились въ нашемъ быту, то, полагаю, въ цѣлую жизнь не перескажешь, а на базарѣ, полагаю, и бумаги не хватитъ, чтобы все записать,—сказалъ собесѣдникъ мой послѣ того, какъ кончилъ разсказъ о мертвецѣ, пожравшемъ собаку. — А есть люди,—прибавилъ онъ,— кои не вѣрятъ, что есть проклятые, что есть шутовки, что есть черти.

— Какіе-жъ это люди?—спросилъ я.

— Да все вашъ братъ, чиновники, и всѣ странніе господа,—отвѣчалъ старикъ.—Не разъ доводилось мнѣ разговаривать съ господами, вотъ какъ съ тобой. Что-жъ? Слушать—слушаютъ, съ любопытствомъ слушаютъ,—грѣхъ напрасно сказать,—а подъ конецъ, какъ дослушаютъ, и отольютъ гадую пулю. „Сказки—скажутъ. Ничего такого нѣтъ и быть не можетъ!“ Пишто-молъ! Скажешь, бывало, на это. Все сказки! Фармазоны, вонъ, и въ Бога не вѣрятъ. Вольному воля, спасенному рай...

— Что за люди, эти фармазоны?—спросилъ я.

— Люди, какъ и всѣ люди,—отвѣчалъ старикъ.—Только на одномъ коньѣ съ сатаной сидятъ. Пожалуй, я и про нихъ тебѣ разскажу. Слушай-ка!

— Примѣрно, есть на свѣтѣ молоканы, хлысты и раз-

ная нечисть. Ну, и фармазоны тожь. Только фармазоны немного похуже будутъ молокановъ. Молоканъ, къ-примѣру, такъ ли, сякъ ли, въ Бога вѣритъ, молоканъ, къ примѣру, и обратиться можетъ на путь истинный, если-коли захочетъ: —преграды ни въ чемъ не встрѣтитъ; а отъ фармазона этого не дождешься, фармазонъ не можетъ обратиться на путь истинный, хоша бы и желалъ—вотъ что сквернѣ! Фармазоны, видишь ли, не признаютъ ни Бога, ни Его силу небесную, а признаютъ сатану и силу его нечистую. Кто въ общество фармазоновъ запишется, тотъ и душой, и тѣломъ пропадаетъ! Хоша бы кто и восхотѣлъ отъ ихъ общества отпашиться— не можетъ: фармазоны тому человѣку въ одинъ мигъ прекращаютъ жизнь, хоша бы человѣкъ этотъ находился отъ нихъ на краю свѣта, —вездѣ, значитъ, достанутъ. У нихъ, видишь ли, имѣются патреты со всякаго, кто въ ихъ общество записанъ. По этимъ самымъ патретамъ фармазоны и узнаютъ, кто станетъ измѣнять. Патреты, видишь ли, обыкновенные, расписанные разными красками, — и какъ который человѣкъ станетъ отпадать, то краски на патретѣ и начинаютъ линять, линять и совсѣмъ сливаютъ, есть-коли только фармазоны не доглядятъ. Но этого, говорятъ, мало бываетъ, чтобы фармазоны не доглядѣли: зорки, бестіи!.. Чуть только задумаетъ человѣкъ отстать отъ нихъ—сейчасъ замѣтятъ; а какъ только замѣтятъ, то и шабашъ! Возьмутъ въ руки пистолетъ и выстрѣлятъ въ патретъ; и человѣкъ, чей патретъ, въ тотъ же мигъ умретъ, гдѣ бы ни былъ, хоша бы за милліонъ тысячъ верстъ,—все единственно! Вотъ они каковы, эти фармазоны,—одно слово: нечестивцы!..

Ложь ли, правда ли,—продолжалъ разсказчикъ,—говорили про одного изъ нашихъ уральскихъ чиновниковъ, что пошелъ въ фармазоны, и они будто бы угомонили его. Тому будетъ годовъ двадцать-пять, какъ случилась эта исторія. Въ Питерѣ ли, въ Москвѣ ли, на цыцарской ли границѣ — пашѣрное не знаю, какъ сказать, запамятовалъ,—былъ этотъ чиновникъ на службѣ съ полкомъ и гдѣ-то тамъ и съяк-

шался съ фармазонами, и зашелся въ ихъ нечестивое общество. Изъ дома на-службу пошелъ онъ человѣкомъ, а со службы воротился другимъ: и бороду сбрилъ, и крестъ, и поясъ бросилъ, и табачище сталъ тянуть—и въ ротъ, и въ носъ. Господи прости—и скоромное въ посты и зайчину сталъ жрать,—одно слово, офармазонился! Д—овъ прозывался, М.... И....чъ,—и чинъ большой имѣлъ, кажись, полковничій, и человѣкъ былъ уже немолодой, лѣтъ подъ пятьдесятъ. Чай, и ты знаешь, семья Д—ва изъ всѣхъ нашихъ дворянскихъ семей самая благочестивая, богобоязная, крѣпко держится за старую вѣру. Каково жъ было родимымъ видѣть, что одинъ изъ рода совратился съ пути истиннаго? Очень, очень больно, прискорбно! У чиновника жива была и матушка, старушка,—старицей была, игуменьей въ Бородинскомъ скиту. Вотъ она-то вкупѣ съ снохой, то-есть, съ супругой чиновника, и принялась за отпадшаго, и стали урезонивать его, чтобы спокаялся и обратился на путь истинный; однако, не урезонили, не могли: чиновникъ боекъ былъ, и родительницу, и жену закидалъ словами; тѣ, обѣ, не знали супротивъ него, что́ и говорить. Пытали призывать уставщиковъ изъ Сергіева скита и съ Иргизу, людей опытныхъ, начитанныхъ, но и тѣ ничего не подѣлали: чиновникъ и ихъ закидалъ словами и поставилъ втупикъ. Уставщики отказались. Тогда мать и жена нарочно выписали изъ Стародубія какого-то архимандрита, человѣка очень-очень сильнаго въ писаніи и искуснаго въ словесахъ. Ну, этотъ одолѣлъ: прижалъ чиновника словно ужа вилами, довелъ, значитъ, чиновника до того, что тотъ повинился".

— Хорошо. Выслушавъ повинную, архимандритъ—такъ люди говорили, а вѣрнаго не знаю, — оговаривался старикъ,—архимандритъ совѣтовалъ чиновнику съѣздить въ то мѣсто, гдѣ главный заводъ фармазоновъ, и велѣлъ ему какъ ни-па-есть, а безпремѣнно выкрасть свой патретъ.—А безъ того—говорилъ архимандритъ—и повинная не въ повинную.—Чиновникъ согласенъ былъ ѣхать, и отпускной билетъ

отъ атамана получилъ,—да мать съ женой не пустили,—боялись, значитъ, чтобы онъ совсѣмъ тамъ не сгинулъ.

Хорошо. Остался чиновникъ дома, отпустилъ бородушку, надѣлъ крестъ и поясъ, бросилъ трубки и табакерки, и повелъ жизнь благочестивую, какую велъ и прежде, до фармазонства, но не долго прожилъ.—Черезъ какіе-нибудь мѣсяца два былъ онъ на пашнѣ, ходилъ по бакчѣ, увидалъ рѣдечку и наклонился—хотѣлъ, значитъ, сорвать,—наклонился и упалъ! Подошли къ нему, а онъ мертвый! Только и было его житья.—А отчего случилась такая оказія? Да оттого, говорили люди, что фармазоны прострѣлили патретъ его. Вотъ какіе они, эти фармазоны,—одно слово: нечестивцы! Попасть въ ихъ общество—все единственно, что попасть къ чертямъ—нѣтъ возврата!—сказалъ разсказчикъ, а потомъ, немного погодя, прибавилъ:

— Однако, этимъ дѣломъ не завершилось: фармазоны и послѣ смерти-то надругались надъ бѣднымъ чиновникомъ и сдѣлали остуду семьѣ его. Умеръ онъ, извѣстно, подъ осень; схоронили его въ лѣсу, поблизъ хутора, на семейномъ, значитъ, кладбищѣ. Хорошо. На масляницу, на прощеный, значитъ, день, супруга чиновника, по христіанскому обычаю, поѣхала къ нему на могилу проститься. Подъѣхала къ кладбищу, вылѣзла изъ саней и подошла къ могилѣ; подошла и вскрикнула не своимъ голосомъ, и упала, голубушка, безъ чувствъ навзничь. Кучеръ и служанка подбѣжали къ барынѣ и сами еле удержались на ногахъ, и чуть-чуть не лишились языка. Оказалось, сударь мой, чудо изъ чудесъ! Могила разрыта, гробъ раскрытъ, а покойникъ выгащенъ изъ гроба и приставленъ къ стѣнѣ, лицомъ прямо къ той сторонѣ, откуда ѣхала, и откуда должна была барыня подойти!...“

— Грѣшили, сударь мой, на крестьянъ,—продолжалъ старикъ, будто бы они это сдѣлали, чтобъ напугать барыню—строга, говорятъ, была она для нихъ—чтобъ она бросила хуторъ и переѣхала въ городъ. Но это пустяки, сударь мой, этому вѣрить нельзя. Тутъ не крестьяне виновны, а нечестивцы фармазоны; они, значитъ, хотѣли отм-

стить семейнымъ чиновника, что тѣ отвлекли его отъ ихъ общества. Опять надо взять и то въ разсчетъ,—сказалъ старикъ:—если-бъ крестьяне надругательство этакое сдѣлали, то какая жъ имъ польза изъ того? Ну, хорошо, барыня бросила бы хутора. Да разв крестьянамъ легче-бъ было оттого? Хуже, батенька! Барыня стала бы послѣ того тѣснить ихъ больше прежняго. Нѣтъ, пустяки, пустяки! Крестьяне тутъ не виноваты. Это дѣло фармазоновъ.—Да, вотъ что̀ я забылъ тебѣ сказать,—прибавилъ разсказчикъ.—Когда покойника снова зарывали, замѣтили: пятки у него вырѣзаны!... Ну, скажи на милость, на что̀ это крестьянамъ спонадобилось? Выходитъ, это штуки фармазоновъ. Вотъ, каковы они, эти фармазоны,—одно слово: народъ отпадшій, нечестивый!—заключилъ старикъ.

XII.

Обмирающіе *).

— Въ нашемъ роду былъ такой случай: родная сестра моего родителя, значитъ, моя тетушка, обмирала и видѣла рай и муку,—говорилъ собесѣдникъ мой, старикъ, когда разговоръ нашъ коснулся этой статьи народнаго повѣрья или, правильнѣе, этого вѣрованья.—Дѣло было въ Оспожинки, на другой годъ послѣ первой холеры. Тетушка—царство ей небесное!—долгое время вдовствовала, и—какъ подобаетъ—вдовство свое соблюла въ должномъ порядкѣ и въ чистотѣ цѣломудренной. Послѣ дядюшки хоша осталась и въ молодыхъ лѣтахъ, хоша и навертывались женишки, однако тетушка замужъ не пошла. Одно слово, отъ младости и до старости вела жизнь воздержную и благочестивую, и за это самое Господь Богъ и взыскалъ ее такимъ счастіемъ, сподобилъ, значитъ, заранѣ увидать рай и муку и уготованное для нея самой мѣсто на томъ свѣтѣ.

— Въ ту пору,—продолжалъ разсказчикъ,—проѣзжалъ черезъ нашъ форпостъ старообрядческій священникъ, отецъ Василій. Тетушка исповѣдалась и причастилась, какъ дѣ-

*) Въ сказаніяхъ объ обмирающихъ истинныя вѣрованья перемѣшаны съ ложными. Православному легко замѣтить, что подобнаго рода сказанія составились между раскольниками и направлены къ подтвержденію обычныхъ имъ возрѣній на поясы, на бороду, на мундиры и проч.

лала она кажинный годъ. Утромъ она причастилась, а къ обѣду умерла, и умерла-то тихимъ молчаніемъ, недумашно, негадашно, никто изъ семьи и въ умѣ не держалъ, чтобы тетушка могла въ то время умереть, потому что была на своихъ ногахъ и ни что не жаловалась; просто, легла послѣ праведной молитвы на свою постельку отдохнуть и умерла, то-есь, не умерла, а яко бы заночивала. Сначала въ домѣ такъ и полагали, что спитъ, а напослѣдокъ увѣрились, что умерла: лежитъ безъ движенія, дыханье прекратилось, сердце не бьется, тѣльцо похолодѣло, словно ледъ, и стало костенѣть. Родные потужили, погоревали, однако не плакали, не рыдали. Зачѣмъ плакать-рыдать? Праведная душенька оставила сей бренный свѣтъ, сію юдоль печальную, и переселилась въ райскую обитель, гдѣ нѣтъ ни плача, ни воздыханія, но жизнь вѣчная! И въ Святомъ писаніи,—замѣтилъ разсказчикъ,—сказано, что-де немалый грѣхъ плакать по покойникамъ, а что де радоваться должно.

Хорошо. Убрали тетушку и снарядили, какъ подобаетъ, положили въ гробъ и поставили въ переднемъ углу подъ образами, а изъ Кулагина привезли читальщицу, старую дѣвушку; и та, по правиламъ вѣры св. отецъ, стала править (читать) псалтырь. Хорошо. День прошелъ, другой прошелъ; на третій хотѣли хоронить, да пріостановились: ждали съ Узенсей старшаго сына, чтобы проститься съ родительницей; за нимъ гонца послали. А жара и духота на дворѣ стояла страшная, а покойница чудное дѣло! — ничуть не тронулась, и признака не было, чтобы мертвая. Дивились люди и разсуждали промежь себя, что видно-де, за благочестіе тетушки, Господь-Богъ показуетъ надъ ней свое благоволеніе и знаменіе, — не хочетъ-де, чтобы бренное тѣло покойницы предалось тлѣнію и смердѣнію. Хорошо. На третій день вечеромъ собралась вся семья въ сѣняхъ и готовилась поужинать, чѣмъ Богъ послалъ. Кликнули и читальщицу. Та сократила (погасила) свѣчку и вышла въ сѣни, а дверь въ избу приворила. И

только что сѣли за столъ, какъ дверь изъ избы тихохонько отворилась, и на порогѣ показалась тетушка во всемъ уборѣ, какъ лежала въ гробу: и въ саванѣ, и съ вѣнчикомъ на головѣ, и съ лѣстовочкой въ рукахъ. „Ангелъ за Ѳранезой!“ сказала тетушка. А у самой личико такъ и сіяетъ, такъ и сіяетъ, словно у младенца, радующагося на ликъ ангела-хранителя.

— И чудное дѣло,—замѣтилъ разсказчикъ,—хотя бы одна душа изъ семьи испугалась. А какъ бы не испугаться? Самъ посудиѣ, мертвый возсталъ изъ гроба и представился живымъ. Напротивъ, батенька, всѣ, кто тутъ былъ, и большой и малый, всѣ съ радости побросали ложки и кинулись къ тетушкѣ, словно бы она не изъ гроба встала, словно бы она изъ гостей пришла; кинулись, говорю, къ тетушкѣ всѣ, и давай въ перебой другъ передъ дружкой обнимать ее и цѣловать. Дѣло видимое, ангелъ-хранитель устроилъ такъ, удалилъ, значитъ, отъ сердецъ людей всякій страхъ и ужасъ!—сказалъ старикъ съ чувствомъ глубокой вѣры и непоколебимаго убѣжденія.—А что все это была истинная правда,—прибавилъ старикъ,—сошлюсь на весь нашъ форпостъ: всякъ тебѣ это подтвердитъ.

Послѣ такой оговорки, старикъ продолжалъ:

— Тетушка разсказывала, что когда она легла въ постель и задремала, ее яко бы разбудили два лѣпообразныхъ вьюноша, въ свѣтлыхъ ризахъ и съ крылышками за плечами: это были ангелы-хранители,—пояснилъ разсказчикъ. — И повели ангелы-хранители тетушку съ собой и показали ей сначала р а й, гдѣ души праведныя обитаютъ и блаженствуютъ, а потомъ а д ъ, гдѣ души грѣшныя обитаютъ и мучаются. Тетушка не хвасталась, какъ иные прочіе,—оговорился старикъ,—а говорила самую истинную правду, то-есть, что видѣла своими глазами, что слышала своими ушами, о томъ только и говорила, а чего не видала, чего не слыхала, о томъ и не говорила. Къ примѣру, въ самомъ раю она не была и не говорила, а только постояла у золотой рѣшетки съ золотыми херувимчиками наверху. И сквозь рѣшетку

видѣла неизрѣченной красоты садъ зеленый, и весь-то онъ изъ благоуханія, и весь-то онъ изъ цвѣточковъ, и весь-то онъ изъ виноградныхъ и ягодныхъ кусточковъ, и весь-то онъ изъ финиковыхъ и кипарисныхъ деревцевъ, и весь-то онъ искрещенъ ручейками съ ключевой водицей, и черезъ каждый-то ручеекъ перекинутъ съ золотыми перилами мосточекъ; одно слово—рай, объ немъ же грѣшнымъ нашимъ языкомъ и разсказать не можно. И населенъ-то онъ душами праведниковъ и праведницъ. И гуляютъ души праведныя по саду межъ кусточковъ и цвѣточковъ, гуляютъ и Господа-Бога прославляютъ. А иныя души праведныя сидятъ на золотыхъ скамеечкахъ подъ деревцами и ублажаютъ себя чтеніемъ книгъ богодухновенныхъ. И всѣ-то души праведныя личикомъ свѣтлыя, прекрасныя и радостныя, что твои херувимчики писанные. И по всему-то саду раздаются пѣсни сладкогласныя, пѣсни ангельскія, пѣсни богохвальныя, прославленныя. Тетушка смотритъ на все и не насмотрится, слушаетъ и не наслушается. Жалко было тетушкѣ оторваться отъ рѣшетки: весь бы вѣкъ она тутъ стояла, весь бы вѣкъ глядѣла да слушала. Ужъ такъ-то было сладостно и радостно. Однако, пора была идти прочь.

„И повели ангелы-хранители тетушку отъ золотой рѣшетки въ другую сторону и черезъ мало ли, черезъ много ли время подвели къ желѣзной рѣшеткѣ. За этой рѣшеткой далеко, далеко ужъ не то, что за золотой рѣшеткой,—разсказчикъ печально покачалъ головой.—За этой рѣшеткой, батенька, пропасть, а въ пропасти огнь неугасимый, червь всеточивый, смола вскипяченная, свинецъ и олово растопленные! Изъ пропасти выходитъ чадъ, смрадъ нестерпимые, слышенъ вой, стонъ, плачъ, вельми ужасные, и скрежетъ зубовный! Это адъ кромѣшный, это тартаръ-преисподній, его же души грѣшниковъ наслѣдуютъ! Тетушку страхъ-ума объялъ, и она не вытерпѣла, отворотилась отъ этого зрѣлища. Даже ангелы-хранители, на что ужъ ангелы, духи безплотные и слуги самого Господа, а и тѣ личики свои за-

крыли крышками. Таково то ужъ зрѣлище было ужасное, противное!

„Тутъ недолго пробыли, пошли въ третье мѣсто, гдѣ нѣтъ ни рая, ни муки, это мѣсто такъ и слыветъ подъ прозваньемъ: ни рай—ни мука, иль бо: между раемъ и мукой. Тутъ обитаютъ души въ половину праведныя и въ половину грѣшныя. Къ примѣру, у кого наберется и добрыхъ, и злыхъ дѣлъ поровну и кого, значитъ, поэтому нельзя ни въ рай водворить и ни въ муку посадить, того тутъ и поселяютъ. И живутъ онѣ, эти въ половину праведныя и въ половину грѣшныя души, не то чтобы въ большомъ довольствіи, не то, чтобы въ большой изневаге, а такъ себѣ, ни то, ни сё, середка наполовинѣ. И за то благодареніе Господу-Богу! Что касается меня, я бы и этимъ мѣстомъ былъ доволенъ, да предоволенъ, лишь бы попасть въ него,— замѣтилъ разсказчикъ и съ благоговѣніемъ перекрестился.

„Въ этомъ мѣстѣ,—продолжалъ старикъ,—тетушка удостоилась кое съ кѣмъ изъ живущихъ туто и поговорить. Къ примѣру, была она въ одной небольшой деревушечкѣ и проходила улицей. По обѣ стороны улицы выстроены домики, и такіе-то хорошенькіе, и такіе-то пригоженькіе, и такіе-то уютненькіе, любо-дорого смотрѣть. Одно только скрадывало: домики крыты не тёсомъ, а забраны кое-какими драничками, вездѣ щели. И у каждаго домика, у воротъ и у завалешокъ, стоятъ крашеныя скамеечки, а на скамеечкахъ кое-гдѣ сидятъ старушки, въ черненькихъ сарафанчикахъ, безъ прозученовъ, а только съ однѣми пуговками, и въ бѣленькихъ чепчочкахъ. Тетушка подошла къ одной старушкѣ. Та сидитъ на скамеечкѣ и съ благоговѣніемъ читаетъ книгу—Библію.

— Богъ въ помощь!—говоритъ тетушка.

— Спасетъ Богъ!—говоритъ старушка.

— Что это у васъ, матушка,—спрашиваетъ тетушка старушку,—домики-то не въ порядкѣ: построены-то они, вишь, хорошохонько, хозяйственнымъ манеромъ, а покрыты драницею, слогно будто и тесу не достало?

— Такъ Господу-Богу угодно!—говоритъ старушка, и перекрестилась, закрывая книгу.—Не угодили мы, грѣшницы, Ему, и за это самое домики наши не покрыты, какъ слѣдовать. Дѣло, видишь ли, вотъ въ чемъ, моя касатушка,—говоритъ старушка.—Въ жизни земной, не въ похвальбу сказать, доводилось намъ, спрѣчь живущимъ въ этой деревушечкѣ, дѣлать кое-какія добрыя дѣла. Примѣрно, выручу я кого деньгами или другимъ чѣмъ, а не то сослужу кому какую услугу, и тотъ человѣкъ, кого выручу или кому услужу, знамо дѣло, поблагодаритъ меня, скажетъ: „благодарствую!" Иль бо: „спасетъ тебя Богъ"! — А я на это ему скажу: „не на чемъ!" Иль бо: „не за что!" — А эти слова, замѣть, касатушка,—говоритъ старушка тетушкѣ,—эти слова непріятны Господу-Богу; эти слова обличаютъ якобы небреженіе къ доброму дѣлу, эти слова показуютъ якобы униженіе, а униженіе, касатушка, чай сама знаешь, паче гордости. Вотъ за эти-то самыя слова, спрѣчь: не на чемъ иль бо не за что, Господь-Богъ и лишилъ насъ хорошихъ крѣпкихъ крышъ; и оттого-то мы въ эту пору и терпимъ отъ дождей, отъ бурановъ и отъ всякаго ненастья. Ты это запомни, касатушка, говоритъ старушка тетушкѣ,—и когда выйдешь на землю, повѣдай людямъ, чтобы они остерегались этихъ словъ, спрѣчь: не на чемъ иль бо не за что, никогда бы ихъ не говорили, а безпремѣнно говорили бы: „на доброе здоровье!" Иль бо: благодари Господа-Бога!—Къ слову пришлось, —говоритъ старушка тетушкѣ. Вотъ что еще, касатушка, запомни: коли кто сотворитъ тебѣ какое-ни-на-есть добро, то ты не говори ему: „спасибо!"—это слово непріятно Господу-Богу; а говори завсегда: „спасетъ тебя Господь Богъ!" Иль бо просто: „благодарствую!" А слова спасибо избѣгай, касатушка: непріятно оно Господу-Богу. А знаешь ли, почему оно непріятно Господу-Богу? —спрашиваетъ старушка тетушку.— Гдѣ-жъ тебѣ знать! говоритъ старушка. Я тебѣ разскажу. Непріятно оно вотъ почему: въ одной невѣрной землѣ люди не признавали истиннаго Бога и Сына Его Іисуса Христа,

и Духа Святаго, и не поклонялись Имъ, а поклонялись идолу бездушному, изъ чурбана сдѣланному. Имя этому идолу было: Аба. И когда омраченные мракомъ невѣрія люди поклонялись этому идолу, они взывали къ нему: „спаси насъ, Аба!“ Или просто: „спаси, Аба!“ Видишь ли теперь, касатушка,—говоритъ старуха тетушкѣ,—слово спасибо и смахиваетъ на идольское: спаси, Аба. И по этой причинѣ, совѣтую тебѣ, касатушка — говоритъ старуха тетушкѣ,—избѣгай этого слова, а завсегда говори, какъ я ужъ тебѣ сказала: „спасетъ тебя Господь-Богъ!“ или просто: „благодарствую!“

— Отсюда пошли дальше,—продолжалъ разсказчикъ.— Пришли въ другую, и довольно-таки большую деревню, и все то въ ней—чудное дѣло,—были татары одни. Тетушка остановилась посредь улицы и дивуется. А ангелы-хранители говорятъ тетушкѣ:

— Не дивись, раба Божія Агрипина! Это милостливые татары. По дѣломъ своимъ они достойны быть въ раю; но понеже родились они и жили въ нечестивой вѣрѣ, мухаметовой, то и нельзя ихъ водворить въ рай. На это, говорятъ ангелы, слово Божіе гласитъ тако: аще кто не родится водой и духомъ, то-есь, не просвѣтится и не очистится св. крещеніемъ, тотъ не можетъ внити въ царствіе небесное. И по тому самому отведено имъ мѣсто здѣсь, то-есь, между раемъ и мукой. Больше дѣвать ихъ некуда. А сослать въ адъ—жалко: люди они были все-таки хорошіе, смиренные, добрые, много милостыни творили.

— Отсюда пошли дальше,—продолжалъ разсказчикъ.— Вышли въ открытое поле и подошли къ небольшой избушкѣ. Въ избушкѣ, у окна за желѣзной рѣшеткой, сидитъ, яко бы узникъ какой, человѣкъ съ опаленными волосами и бровями, съ потертой шеей, и самъ изъ себя такой черный, закопченный, словно трубочистъ. Около избушки ходитъ, яко бы на часахъ, ангелъ-хранитель съ огненнымъ мечомъ и съ огненнымъ копіемъ въ рукахъ. Крылышки у него нѣсколько опалены. Ангелы-хранители, что тетушку сопровождали, по-

дошли къ тому ангелу, что у избушки ходитъ, и стали межъ себя разговоры вести, знамо, о дѣлахъ своихъ ангельскихъ; а тетушка подошла къ окну и полюбопытничала, спросила человѣка, что онъ есть за человѣкъ? И онъ разсказалъ ей вотъ какую диковинную вещь:

— Въ жизни земной,—говоритъ человѣкъ за рѣшеткой,—былъ я пьяница горькій, любилъ, значитъ, выпить черезъ мѣру и—какъ слѣдовать—опился! Дѣло извѣстное, подцѣпили меня, молодца, окаянные, утащили въ свой вертепъ и запрягли въ бочку. Опивцамъ всѣмъ уже такой предѣлъ.— Долго ли, коротко ли,—говоритъ человѣкъ,—не помню— служилъ я чертямъ замѣсть лошади и терпѣлъ муку страшную; вотъ и теперь еще, говоритъ, шея болитъ,—натеръ, значитъ, хомутомъ. Вдругъ въ едино время влетаетъ въ жилище дьяволовъ ангелъ-хранитель, тотъ самый, что у избушки моей ходитъ,— всѣ дьяволы затрепетали и попадали ницъ, словно дубиной кто ихъ прибилъ. Въ тотъ разъ я былъ запряженъ въ бочку. Въ одинъ мигъ ангелъ-хранитель обрубилъ мечомъ своимъ гужи, совлекъ съ меня хомутъ и всю упряжную сбрую, а самого меня принялъ на свои пречистыя рученьки и вынесъ на вольный воздухъ, принесъ было прямо ко вратамъ райскимъ, да Петръ апостолъ, безъ разрѣшенія Господа-Бога, двери райскія не отперъ. Скоро и разрѣшеніе отъ Господа вышло, да не въ той силѣ. Объ этомъ я скажу тебѣ послѣ, а теперь разскажу о томъ, по какому случаю вышло мнѣ такое недуманное, негаданное счастіе. Слушай-ка.

— Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я родился и жилъ,—говоритъ человѣкъ за рѣшеткой,—въ тѣхъ мѣстахъ жилъ и подвизался одинъ святой и праведный мужъ, вельми угодный Богу и Имъ любимый. И за этимъ святымъ мужемъ, и день, и ночь, слѣдовали ангелы-хранители и не для того, чтобы охранять и оберегать его отъ лукаваго,—лукавый и безъ того бѣгалъ прочь отъ праведника, а для того единственно, чтобы служить праведнику и дѣлать все ему угодное.— Хорошо.

— Близъ того села, гдѣ я жилъ,—говоритъ человѣкъ,— протекалъ небольшой ручеекъ, неглубокій, всего по колѣни человѣку, да такой тинистый, топкій, а моста черезъ него не было. И всѣ люди, пѣшіе и конные, переходили и переѣзжали черезъ ручей вбродъ. По этой причинѣ не разъ доводилось и святому мужу переходить черезъ этотъ ручеекъ вбродъ же. Хорошо.—Въ одно время, отъ нечего дѣлать, со скуки, вздумалось мнѣ сдѣлать черезъ ручей мостикъ для пѣшеходовъ, и я сдѣлалъ. И дѣло-то было простое: нарубилъ я въ рощѣ колышковъ, жердочковъ, набралъ валежнику; колышки вколотилъ, жердочки наложилъ, валежникомъ покрылъ, землицей усыпалъ, и—мостъ готовъ. Хорошо.—Въ скорости послѣ того я опился и попалъ къ чертямъ въ хомутъ; значитъ—погибъ на вѣки вѣчные!

— Черезъ много ли, мало ли время,—говорилъ человѣкъ за рѣшеткой,—трафилось святому мужу проходить черезъ тотъ же ручеекъ по старой дорожкѣ—праведникъ думалъ, что, какъ и прежде, надо идти вбродъ, хотѣлъ-было и обувь съ себя снять,—анъ, глядь, недуманно, негаданно, видитъ мостъ.—Хорошо. Праведникъ перешелъ черезъ мостикъ, остановился, возвелъ очи свои къ небу и проглаголалъ:— Какой это человѣкъ сдѣлалъ мостъ? Если живъ онъ,—пошли ему, Господи, добраго здравія и душѣ спасеніе! Если же умеръ онъ, всели его, Господи, въ царствіе небесное!—И лишь только святой и праведный мужъ изрекъ словеса сіи, какъ одинъ изъ ангеловъ, что за праведникомъ ходили, въ тотъ же мигъ, безъ доклада Господу-Богу, взвился и полетѣлъ прямо въ жилище дьяволовъ, извлекъ меня оттуда. И я очутился на вольномъ воздухѣ у вратъ райскихъ. Вотъ по какому случаю я вышелъ изъ жилища дьяволовъ!

— Господь-Богъ сдѣлалъ выговоръ ангелу-хранителю, что онъ поспѣшилъ, безъ доклада, значитъ, слетать за мной въ жилище дьяволовъ,—говоритъ человѣкъ.—Однако меня-то, говоритъ, по неизрѣченной своей милости, оставилъ на вольномъ воздухѣ, муки избавилъ, въ вертепъ дьяволовъ назадъ не отослалъ, а повелѣлъ поселить вотъ здѣсь, въ этой избу-

шкѣ, аки узника; полной свободы, аки опивцѣ, мнѣ не дано. Ангелу же хранителю, какой леталъ за мной, замѣстъ наказанія, велѣно до поры до времени, какъ будетъ Господу-Богу угодно, ходить около избушки, якобы на часахъ. А на память того, что онъ поторопился исполнить желаніе праведнаго мужа и извлекъ изъ жилища дьяволовъ опивцу, то-есь, меня многогрѣшнаго, оставили ему крылышки опаленными, а опалилъ онъ ихъ въ вертепѣ дьяволовъ, когда выручалъ меня.

— И много тетушка исходила мѣстъ, и много видѣла разныхъ чудесъ,—сказалъ старикъ.—Къ примѣру, видѣла тетушка жилище младенцевъ. И чудное дѣло! Кажись, что бы взять съ младенцевъ, вѣдь души они безгрѣшныя,—анъ, и ихъ блаженство по сортамъ. Одни какъ есть блаженствуютъ: такіе свѣтленькіе, бѣленькіе, пригоженькіе, веселенькіе,—бѣгаютъ, рѣзвятся и яблочками играютъ. Глядя на нихъ, духъ радуется. Но и изъ нихъ-то не всѣмъ бываетъ одинаковая радость. Къ примѣру, тетушка видѣла своими глазами,—иной младенецъ играетъ, играетъ яблочкомъ, и вздумаетъ положить яблочко за пазуху, а оно и проскачетъ на полъ, за пазухой не держится. А отчего? Оттого, батенька, что, по небрежности матери, не было на немъ въ жизни земной пояса. Инымъ же младенцамъ хоша и даны всякія удовольствія, но не дано яблочковъ. И эти младенцы, глядя на другихъ, у коихъ яблочки есть, бываютъ нѣсколько при печали. А за что младенцевъ лишаютъ яблочковъ? За то, батенька, что матери ихъ на землѣ не чтутъ Спасовъ день то-есь, до Спаса жрутъ яблоки! По этому самому, ты замѣть это когда-нибудь и гдѣ-нибудь, всякая стеченная и сердобольная женщина, у которой есть умершія маленькія дѣти, ни за что на свѣтѣ не вкуситъ яблока до Спаса. Иные же изъ младенцевъ—чудное дѣло!—есть слѣпенькіе, ничего, значитъ, не видятъ, и носятъ ихъ на рукахъ ангелы-хранители. Это души тѣхъ самыхъ младенцевъ,—пояснилъ разсказчикъ,—кои, отъ небреженія родителей, умираютъ некрещенными!—Одно слово, что тетушка видѣла и что слы-

шала,—о томъ о всемъ и разсказать нашему брату не можно: языкъ устанетъ и умъ-за-разумъ зайдетъ,—замѣтилъ старикъ.—А всего любопытнѣе,—прибавилъ онъ,—тетушка видѣла атамана нашего, покойнаго Давыда Мартемьяныча Бородина; а онъ, извѣстно, умеръ передъ тѣмъ за годъ. И видѣла его тетушка въ такомъ жалкомъ, въ такомъ печальномъ видѣ, что сердце вчужѣ кровью обливается, какъ вспомнишь. Куда и атаманство его пошло, куда енеральство пошло! Ничто, значитъ, не помогло. Не знаю, какъ по-вашему,—замѣтилъ старикъ,—а по-нашему исторія эта очень занимательна и очень любопытна. Я разскажу ее. Слушай-ка!

— Среди открытаго поля разложенъ огромнѣющій костеръ изъ цѣльныхъ дубовыхъ бревенъ, и горитъ-пылаетъ костеръ ужасть, какъ жарко, идно сажень за сто къ нему подойти не можно. А какой-то человѣкъ, такой высокій, бравый, но худой такой и чернявый, словно трубочистъ, съ бритой бородой, въ узкихъ солдатскихъ ритузахъ въ обтяжку и въ узкомъ куртузомъ мундирѣ, что называется, въ подтягайникѣ, при шпагѣ, стоитъ въ вытяжку близъ самаго костра, такъ, какихъ-нибудь сажени на двѣ отъ него; стоитъ, бѣдняжечка, и съ ноги-на-ногу переступаетъ, словно журавль,—видно, хочетъ какъ бы половчѣе присѣсть или бо прилечь, а ритузы, а шпага мѣшаютъ. Въ рукахъ у человѣка того простой суконный зипунъ верблюжей шерсти, и человѣкъ держитъ его растопыря передъ собой, укрывается, значитъ, отъ жара и отъ пламя. Тетушка прошла было мимо, не хотѣла останавливаться, да ангелы-хранители сказали ей:

— Подойди, раба Божія Агриппина, къ человѣку сему; побесѣдуй съ нимъ; онъ съ вашихъ странъ.

— Сказали это ангелы-хранители и распростерли крылышки свои передъ тетушкой, и она, подъ защитой ангельскихъ крылышекъ, подошла къ человѣку вплоть; смотритъ на него—и дивуется: лицо знакомое, а признать, вспомнить не можетъ. Думала, думала тетушка, припоминала-припоминала,—нѣтъ, не вспомнитъ; напослѣдокъ спросила его, что онъ есть за человѣкъ? И онъ ей отвѣчалъ:

— Азъ многогрѣшный рабъ Божій, Давидъ, ниже быхъ...

— Тутъ тетушка и признала его и не дала ему выговорить слова.

— Такъ это ты, батюшка, Давыдъ Мартемьянычъ? Это ты, нашъ славный атаманушка?—говоритъ тетушка и качаетъ головой.—Узнать нельзя, родимый! Куда и красота твоя дѣвалась молодецкая!...

— Да, матушка! говоритъ Давыдъ Мартемьянычъ такимъ печальнымъ, такимъ жалостливымъ голосочкомъ.—Я тотъ самый Давыдъ Мартемьянычъ, кто у васъ въ Уральскѣ атаманомъ былъ, кто у васъ генераломъ слылъ! Я тотъ самый атаманъ Бородинъ, кого въ Питерѣ все генеральство знало и за своего брата почитало! Я тотъ самый Давыдъ, передъ кѣмъ все войско преклонялось, кто всѣмъ войскомъ повелѣвалъ! Ты, матушка, сама съ Урала, ты, чай, сама знаешь, каковъ я былъ атаманъ,—говоритъ Давыдъ Мартемьянычъ.—Не поставь, Господи, въ похвальбу слово мое, отъ самаго зачатія войска нашего не было такого атамана изъ нашихъ, кто бы больше моего радѣлъ для пользы обчества. Во все время моего атаманства не жалѣлъ я ни трудовъ, ни издержекъ на пользу обчеству, къ примѣру: кто съ казачьихъ земель орду гонялъ?—Атаманъ Бородинъ! Кто Узени заселилъ?—Атаманъ Бородинъ! Кто за казаками учугъ еще больше закрѣпилъ?—Атаманъ Бородинъ! Кто о Бухарской сторонѣ хлопоталъ?—Атаманъ Бородинъ! Кто на Каспицкомъ морѣ казакамъ грани установилъ?—Атаманъ Бородинъ! Кто казакамъ соляныя озера исхлопоталъ?—Атаманъ Бородинъ! Кто за казаками наемку удержалъ?—Атаманъ Бородинъ! Все атаманъ Бородинъ! За что хорошее ни возьмись—все Бородинъ! Одно слово,—говоритъ Давыдъ Мартемьянычъ,—я спалъ и видѣлъ, чтобы земляки мои казаки уральскіе, ни въ чемъ никакой нужды и невзгоды не терпѣли, чтобы ѣли-пили сладко и одѣвались хорошо, и чтобы всякъ, взирая на это, Царя Небеснаго и царя земного, то-есть, Бога Создателя и царя державнаго, прославлялъ по сему

усердію и по своей расположенности! По дѣломъ моимъ,— говоритъ Давыдъ Мартемьянычъ,—мнѣ слѣдовало быть въ раю, да два грѣха не пускаютъ,—два грѣха незамолимыхъ. Первый грѣхъ:—я самъ-собой, своей доброй волей, то-есть, безъ указу государева, а только по совѣту пріятеля, князя Григорія Семеныча Волконскаго, обрядился въ узкую одежду и обрядилъ въ нее и казаковъ, кои по службамъ ходятъ. Второй грѣхъ, и самый важный:—я „отечество" посрамилъ, то-есть, бородушку обрилъ,—и все-таки безъ указу государева—это-то и важно! И вотъ, сама видишь, матушка, въ какомъ теперь я положеніи нахожусь — чего еще хуже! Душно мнѣ, жарко мнѣ отъ костра сего!—говоритъ Давыдъ Мартемьянычъ и вздыхаетъ, голубчикъ. Высохъ я весь, словно щепка, и почернѣлъ, словно уголь! Охъ, горе, горе тѣмъ, кто „отечество" свое не наблюдаетъ!...

— Сказавши это, Давыдъ Мартемьянычъ зарыдалъ, да такъ-то жалостно, идно тетушка, глядя на него, прослезилась; даже ангелы-хранители пригнечалились.

— Одна отрада,—говоритъ Давыдъ Мартемьянычъ, немного погодя, сквозь слезы,—одна отрада, матушка, вотъ немного погодя, сквозь слезы,—одна отрада, матушка, вотъ этотъ зипунчикъ: имъ только и спасаю себя отъ жара и отъ полымя. А что это за зипунчикъ, знаешь ли?—спрашиваетъ Давыдъ Мартемьянычъ тетушку. Тетушка головой качаетъ: не знаю-де.—Этотъ зипунчикъ,—говоритъ Давыдъ Мартемьянычъ,—данъ мнѣ за то, что я въ домашнемъ быту позволилъ казакамъ ходить не въ мундирахъ, а въ зипунахъ и вообще въ чемъ кто хочетъ. Только въ этомъ зипунчикѣ и отраду нахожу, матушка. Безъ него, кажись, совсѣмъ бы истлѣлъ и обугнился. Да еще,—говоритъ Давыдъ Мартемьянычъ,—еще бываетъ для меня не малая отрада въ тѣ минуты, коли кто изъ казаковъ на землѣ помянетъ меня добромъ: въ этотъ разъ вѣтеръ нарочно перемѣнится и подуетъ отъ меня,—въ этотъ разъ мнѣ уже не такъ-то жарко отъ костра,—въ этотъ разъ нѣсколько и подышу вольнымъ воздухомъ...

— А гдѣ пріятель твой, князь Григорій Семенычъ?—

спрашиваетъ тетушка изъ любопытства Давыда Мартемьяныча.

— Тамъ!—сказалъ Давыдъ Мартемьянычъ и указалъ рукой въ ту сторону, гдѣ рѣшетка...

— Побесѣдовавъ съ Давыдомъ Мартемьянычемъ, тетушка хотѣла-было опять сходить къ желѣзной рѣшоткѣ. Хоша и непріятно, хоша и страшно то мѣсто, но тетушкѣ любопытно было опять взглянуть на него,—чаяла она, не увидитъ ли тамъ князя Григорья Семеныча; вѣдь по человѣчеству и его жаль. Однако ангелы-хранители туда не пошли, поспѣшили назадъ;—говорятъ тетушкѣ:

- Опоздаемъ, раба божія Агрипина, и—чего добраго—схоронятъ тебя заживо: тогда за тебя на насъ спросится.

— Нечего дѣлать,—тетушка вернулась назадъ. Когда вошла въ горницу, она испугалась самой себя, потому, увидѣла себя въ гробу.

— Не бойся, раба божія Агрипина,—говорятъ ангелы-хранители:—это тѣло твое бренное, а съ нами душа твоя ходила.

— Сказамши это, ангелы-хранители подвели тетушку къ самому гробу и велѣли ей наклониться надъ своимъ тѣломъ, закрыть глазки и творить молитву. Тетушка наклонилась, закрыла глазки и сотворила Іисусову молитву,—ангелы-хранители легонечко прикоснулись къ шеѣ тетушки, якобы толкнули. Тетушка вздрогнула и—очнулась въ гробу.

— Разсказывая роднымъ и знакомымъ про свое похожденіе, тетушка изъ всего, что видѣла и что слышала, только три слова не сказала.—Не могу, говоритъ, сказать запрещено. Хоша бы я и желала,—говоритъ тетушка,—сказать вамъ эти три слова—не могу: языкъ запнется! Таковъ предѣлъ. И точно, что не могла,—прибавилъ отъ себя разсказчикъ.—Кромѣ тетушки, не разъ бывало въ нашихъ мѣстахъ, и прежде и послѣ, обмирали многіе, однако всѣ, рѣшительно всѣ, кто ни обмиралъ, мужчины ли, женщины ли,—все единственно—обо всемъ говорили, а о какихъ-то трехъ словахъ не сказывали.

— Вотъ тебѣ и сказъ!—заключилъ старикъ.—Потомъ, немного погодя, прибавилъ:—А ты, батенька, слушать-слушай, да на усъ себѣ мотай, то-есь, „отечество" не забывай (старикъ съ важностью погладилъ свою бороду),—по крайности, помятовай о томъ, что человѣкъ сотворенъ по образу и подобію Божію.

XIII.

Домовой и лѣшій.

— Толковалъ ты мнѣ много и о кладахъ, и о чертяхъ, и о проклятыхъ, а о проказникѣ домовомъ, да о проказникѣ лѣшемъ ничего не сказалъ. Теперь за ними чередъ. Валяй, Афанасій Дмитричъ!—сказалъ я собесѣднику моему.

— Радъ стараться!—сказалъ старикъ.—Только не обезсудь, касатикъ, — оговорился онъ; — многаго не знаю объ этихъ господахъ. Еще о домовушкѣ, пожалуй, кой-что поразсказжу: этотъ баринъ знакомецъ нашему брату, потому самому, что почитай нѣтъ дома въ нашихъ мѣстахъ, гдѣ-бъ не жилъ домовушка, оттого и имя ему домовой, да еще юртовой-домовой. А вотъ насчетъ лѣшаго, не прогнѣвайся, поразсказать почесть ничего не могу, потому самому не могу, что этотъ... какъ бы его назвать? Ну, хоть бы этотъ молодецъ въ нашихъ степныхъ мѣстахъ не водится, негдѣ, значитъ, пріютъ имѣть, и слава Богу, для насъ же лучше, а водится онъ въ Расеи, гдѣ довольно всякихъ лѣсовъ, оттого и имя ему лѣшій, или лѣсной—все единственно. Мы только слухомъ знаемъ,—продолжалъ старикъ,—что есть-когда лѣшій идетъ лѣсомъ, то бываетъ съ лѣсомъ вровень, а есть-когда идетъ травой, то съ травой вровень; и потому самому, говорятъ, его никакъ нельзя признать.

Проговоривъ это, старикъ остановился. Я спросилъ:

— А еще что?

— Еще вотъ что,—отвѣчалъ старикъ:—есть-когда лѣшій обойдетъ кого въ лѣсу, то человѣкъ тотъ, кого лѣшій обойдетъ, безпремѣнно заплутается. И вотъ въ это-то будто время лѣшій нападаетъ на человѣка и начинаетъ щекотать его, ложь ли, правда ли, говорятъ, до смерти защекочиваетъ. Вотъ онъ какой вредкій, чтобъ ему было пусто!

Старикъ опять остановился. Я опять спросилъ:

— А еще что?

— Еще вотъ что,—отвѣчалъ старикъ, немного подумавъ:—человѣкъ, кого лѣшій обойдетъ, можетъ уйти отъ него, есть-когда догадается, побѣжитъ задомъ. Лѣшій станетъ искать человѣка по слѣду, и, знамо дѣло, пойдетъ туда, куда носки глядятъ, значитъ, въ противную сторону, а человѣкъ можетъ тѣмъ временемъ выйти изъ лѣса и прійти въ какое-нибудь жилье. Лѣшій, лѣшій, а насчетъ этого простоватъ!—замѣтилъ старикъ съ усмѣшкой, и замолчалъ.

Немного погодя я опять спросилъ:

— А еще что?

— Еще вотъ что,—отвѣчалъ старикъ:—есть-когда лѣшій спутается по слѣду и потеряетъ человѣка, то ходитъ по лѣсу и дурнымъ голосомъ нараспѣвъ кричитъ: „ш е л ъ! ш е л ъ! и н а ш е л ъ! д а о п я т ь п о т е р я л ъ!“

Старикъ остановился. Я спросилъ:

— А еще что?

— Еще ничего не знаю, касатикъ,—отвѣчалъ старикъ.— Я и прежде сказалъ,—продолжалъ онъ,—что лѣшихъ въ нашихъ мѣстахъ нѣтъ, и потому самому никому изъ нашего брата, нечего лгать, никогда не трафилось встрѣчаться съ ними. По крайности,—оговорился старикъ,—я въ жизнь мою ни отъ кого изъ нашихъ объ этомъ не слыхивалъ. А чего не знаю, о чемъ не слыхалъ,—о томъ и болтать не хочу, вотъ тебѣ и сказъ!—заключилъ старикъ.

— Ну, а насчетъ домового что скажешь?—спросилъ я моего собесѣдника.

— Что сказать насчетъ него!—проговорилъ старикъ, какъ будто самъ про себя: потомъ, обратясь ко мнѣ, повелъ рѣчь свою такъ:

- Живетъ онъ, этотъ почтенный домовушка, чай и самъ знаешь, въ домахъ, въ подпечкахъ. Днемъ сидитъ смирно, рѣдко сказывается, а по ночамъ выходитъ на дворъ, бродитъ по базамъ, по хлѣвамъ, да по пригородамъ, осматриваетъ скотину хозяйскую, и которая придется ему по шерсти, по нраву, тое онъ холитъ, гладитъ, кормитъ, для этого подбираетъ въ домѣ кусочки и всякіе опурки отъ хлѣба, отъ пироговъ и отъ прочаго! А иной, усердный и домовитый, и въ анбары хозяйскіе залазитъ, изъ закромовъ и изъ мѣшковъ овесъ выгребаетъ и всѣмъ этимъ коштуетъ, къ примѣру, какого-шибудь маштака (лошадь) хозяйскаго, который приглянется ему.

— Бываетъ, иную лошадь самъ хозяинъ овсомъ или бо хлѣбомъ вовсе не кормитъ, а лошадь—пушка пушкой, и шерсть на ней лоснится. Иную же лошадь самъ хозяинъ всѣмъ шпчкаетъ: и овсомъ, и хлѣбомъ, и мѣсивомъ, а лошадь—кости да кожа. Отчего такая несуразность? Оттого, батенька, что ту лошадь, которую хозяинъ любитъ, домовушка не любитъ; и потому самому все, что хозяинъ ни дастъ этой лошадкѣ, все это домовушка оберетъ, да своей любимой лошадкѣ подсунетъ: хозяйская лошадь и голодуетъ. Это еще что!—замѣтилъ старикъ.—Хуже бываетъ! Которую лошадь домовушка не любитъ, тое онъ по ночамъ мучитъ, гоняетъ по пригороди или по базу изъ угла въ уголъ; случалось, совсѣмъ загашивалъ: лошадь издыхала. А любимицу свою покармливаетъ, да поглаживаетъ, да похоливаетъ, да гриву ей въ колечки завиваетъ и въ косички заплетаетъ; значитъ, красоту надъ ней наблюдаетъ. Вотъ онъ какой проказникъ и забавникъ, этотъ домовушка!—У насъ, - продолжалъ старикъ,—говорится: лошадь ко двору пришлась. -Это, батенька, значитъ: лошадка домовушкѣ не полюбилась. И по этой причинѣ всякій толковый хозяинъ чуть лишь замѣтитъ, что лошадь безъ при-

чины тѣла на себѣ не держитъ, иль бо по ночамъ бѣгаетъ по пригороди, какъ бѣшеная, иль бо у яслей дрожитъ, бьется, — тогчасъ постарается сбыть ее и завести другую такой масти, которая домовушкѣ правится.

— Еще за домовушкой водится вотъ какой обычай,— говорилъ старикъ:—есть-когда хозяину дома угрожаетъ напасть какая иль бо предвидится впереди счастіе какое, то домовушка упреждаетъ хозяина во снѣ, давитъ и подъ мышками щекочетъ.—Есть-когда домовушка предвѣщаетъ х у д о, то сильно давитъ, идно синяки у человѣка на груди остаются, а самъ домовушка бываетъ въ ту пору голый и холодный, словно ледъ. А есть-когда домовушка предвѣщаетъ д о б р о, то давитъ легонечко, чуть слышно, а самъ бываетъ въ ту пору мохнатый и теплый, словно тулупъ с а к с а ч і й (бараній).—Иной человѣкъ, почуямши на себѣ домовушку, не сробѣетъ, ощупаетъ его и спроситъ: „н а х у д о, и л ь н а д о б р о?“ —И домовушка отвѣчаетъ: „к ъ х у д у!“, иль бо „к ъ д о б р у!“—И всякій разъ, братецъ мой, рано ли, поздно ли, а сбывается предсказаніе домовушки,—прибавилъ разсказчикъ.—Со мной разъ былъ случай,—продолжалъ онъ немного погодя.—Есть-когда угодно, я тебѣ разскажу.

— Сдѣлай одолженіе!—сказалъ я.

— Ну, такъ слушай,—сказалъ старикъ.

— Разъ въ глухіе полдни, лежалъ я у себя въ горницѣ на постели вверхъ лицомъ. Спалъ ли по настоящему, не спалъ ли, не помню, а былъ въ какомъ-то забытьѣ; вдругъ навалилось на меня что-то тяжелое и холодное: и не могъ я ни встать, ни повернуться, ни глазъ открыть, а память-то, слава Богу, есть. Я догадался, что это домовушка ко мнѣ пожаловалъ, сотворилъ въ мысляхъ молитву и подумалъ на умѣ: д о м о в о й-ю р т о в о й! Н а х у д о, и л ь н а д о б р о?— Домовушка и промычалъ: „х-у-у-у-д-о!“ и вскорѣ опустилъ меня. Я очнулся, всталъ и давай креститься, а у самого сердце такъ и ноетъ. Не прошло послѣ того и полчаса времени, какъ загорѣлся у сосѣда домъ. Вѣтеръ дулъ

въ бокъ отъ моего дома, захватывалъ только однѣ пригороды мои. Я выбѣжалъ на дворъ и вижу: дому моему опасности нѣтъ, а сгорятъ ли, не сгорятъ ли—одни базы да пригороды. „Богъ съ вами, базы да пригороды", думаю, „надо сосѣду помогать",—и тое жъ минуту бросился съ народомъ на пожаръ. И точно, случилось такъ какъ я думалъ: пока мы работали около сосѣдскаго дома, пожаръ прошелъ по базамъ да по пригородамъ, захватилъ и у меня одинъ базъ, самый крайній. Я не тужилъ, да и не изъ-за чего тужить было. Стоило только съѣздить въ луга, нарубить таловъ и колышковъ, и въ два-три дня базъ готовъ. Но какъ послѣ попыховъ взглянулъ на пожарище, такъ и обмеръ: въ базу сгорѣли двѣ что ни самыя лучшія мои лошади!

— Какъ же такъ?—спросилъ я разсказчика.—Развѣ ты не зналъ, что лошади были въ базу?

— Въ томъ-то и штука, что не зналъ,—отвѣчалъ старикъ.—Грѣхъ этакой случился вотъ по какому побыту,—продолжалъ онъ.—Дня за два дотолева, братъ мой, Ермоша, наказывалъ съ кѣмъ-то косяшнику-киргизу, чтобы онъ привелъ ему двухъ лошадей, чалаго да бураго мерена.—Косяшникъ забылъ ли, или не добился толку, кто требуетъ лошадей—я ли, братъ ли мой—взялъ, да и привелъ на удачу моихъ, а и у меня, словно на грѣхъ, межъ лошадей были тоже чалый да бурый меренъ. Привелъ косяшникъ лошадей въ ту самую пору, какъ я, запершись, спалъ въ горницѣ, а хозяйка куда-то выходила. Косяшникъ видитъ, что въ домѣ никого нѣтъ, взялъ да и провелъ лошадей на пригороду, поставилъ въ глухой крайній базъ, чтобы оводъ не безпокоилъ—дѣло было лѣтомъ, передъ сѣнокосомъ—привязалъ къ сохѣ да и былъ таковъ, ушелъ, подлецъ, въ кибитку киргиза, коровьяго пастуха; хотѣлъ, значитъ, послѣ зайти и сказать. А тутъ, на грѣхъ, случился пожаръ: лошадушки мои и сгорѣли. А домовушка дѣло свое сдѣлалъ, упредилъ меня, да что толку-то?—лошадушки все-таки сгорѣли!—заключилъ старикъ, покачавъ головой.

— Бываетъ, что домовушка отправляется и въ чужія

страны къ хозяину, есть-когда захочетъ упредить хозяина о какомъ неблагополучіи,—заговорилъ старикъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Разъ была такая оказія съ моимъ роднымъ дядей, съ гурьевскимъ жителемъ. Разсказывать, что ли? — спросилъ меня старикъ.

— Сдѣлай милость!

— Ну, такъ слушай!

— Ѣздилъ дядя мой въ Астрахань. Человѣкъ онъ былъ зажиточный, имѣлъ и судно свое, а домъ у него былъ, что называется, полная чаша, одинъ изъ первыхъ во всемъ Гурьевѣ; этому будетъ лѣтъ сорокъ.—Хорошо. Стоитъ дядя судномъ на Волгѣ у пристани, выжидаетъ сходныхъ цѣнъ на хлѣбъ. Вдругъ, въ одну ночь, наканунѣ второго Спаса, навалился на дядю домовушка, такой голый, такой холодный! Дядя сильно обробѣлъ.—„Что да нибудь ужъ больно не такъ, думаетъ дядя, есть-когда домовушка бросилъ домъ и явился въ Астрахань". Собравшись съ умомъ-разумомъ, дядя спрашиваетъ домовушку: „на худо, или на добро?"—А домовушка ничего не отвѣчаетъ, только охаетъ да стонетъ. Всю ночь дядя промаялся, никакъ не вывернется изъ-подъ домовушки и отъ него ничего не допытается; только и слышитъ в з д о х и да о х и. Наконецъ къ утру домовушка свалился съ дяди и простоналъ: „Ху-у-у-до!"

— Послѣ этого дядя сталъ спѣшить отъѣздомъ, накупилъ немного хлѣба и кой-чего другого про домашній обиходъ, и поѣхалъ въ Гурьевъ. Вѣтеръ дулъ попутный, дядя скоро и благополучно пріѣхалъ въ Гурьевъ, да только ужъ дома-то не нашелъ: со всѣмъ пристроемъ, со всѣмъ имуществомъ домъ до тла сгорѣлъ.—Жена съ ребятишками въ однѣхъ рубахахъ вышли. Неблагополучіе это случилось, батенька, когда домовушка дядю давилъ, то-есть, наканунѣ второго Спаса.

— А дня за три до пожара,—продолжалъ старикъ,—домовушка въ подпечкѣ изо-дня въ день все стоналъ да охалъ, на весь домъ р о б у (страхъ) нагналъ. Тетка сокрушалась о дядѣ, думала, не съ нимъ ли ужъ что въ морѣ

попритчилось; безперечь канонъ заздравный читала, — отъ этого и пожаръ-то случился, то-нсь, не оттого, что тетка канонъ читала,—поспѣшилъ старикъ оговориться,—а отъ неосторожности. Тетка, видишь ли, прочитамши канонъ, забыла сократить свѣчку передъ образами и ушла съ дѣтьми въ кухню ужинать; свѣчка-то, видно, дотеплилась, упала и что-нибудь зажгла. Пожаръ этотъ много надѣлалъ дядѣ хлопотъ, чуть-чуть не засудили бѣднаго, — насилу откупился,—замѣтилъ старикъ.—Потомъ, немного погодя, продолжалъ:

— Нечего сказать, домовушка дѣло свое аккуратно справляетъ, то-нсь, ни одного важнаго случая, къ худу ли, къ добру ли, не пропуститъ, чтобы не упредить хозяина;—молодецъ на этотъ счетъ!—Я тебѣ сказывалъ, какъ онъ упреждалъ меня о неблагополучіи, то-нсь, насчетъ лошадей, что сгорѣли. Въ другой же разъ онъ упредилъ меня къ добру: какъ, батенька, сказалъ онъ к ъ д о б р у,—такъ и случилось. Это насчетъ с о л о ц к а г о (солодковый корень). Любопытная исторія. Есть-когда не лѣнь слушать, я тебѣ разскажу. Хочешь?

— Сдѣлай одолженіе! Очень радъ.

— Ну, такъ слушай!

— Однимъ годомъ обыватели много нарыли и наготовили солоцкаго и повезли въ Уральскъ на лѣтнюю ярмарку, но продали задешево, всего гривенъ по шести за пудъ; а допрежь того продавали гораздо дороже: и по рублю по двадцати копѣекъ, и даже по полтора рубля на ассигнаціи. Знамо, тѣ, кто самъ рылъ и на своихъ лошадяхъ возилъ, тѣ въ убыткѣ не остались, все-таки за свой трудъ что-да-нибудь и получили. Но тѣ, батенька, кто здѣсь покупалъ солоцкій у другихъ и нанималъ подводы въ Уральскѣ, тѣ, знамо дѣло, остались въ большихъ убыткахъ. Я тоже кой у кого накупилъ солоцкаго,—самому на мѣстѣ обошелся въ семь-восемь гривенъ, а тутъ еще надо въ Уральскъ везти, подводы нанимать—все лишній расходъ,—а накупилъ я солоцкаго пудовъ сотъ пять—видишь ли, какую махину! Я еще не

отправилъ солоцкій въ Уральскъ, какъ услыхалъ, что онъ дешевъ, почти ни почемъ. „Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!"—подумалъ я и повѣсилъ буйную головушку.

— Идетъ день-за-день, солоцкій лежитъ на дворѣ подъ навѣсомъ, а у самого у меня животъ подводитъ. Недѣли съ двѣ я сокрушался, сна и пищи лишился. Разъ зашли ко мнѣ какіе-то проѣзжіе торгаши и стали торговать солоцкій; на мѣстѣ даютъ по полтинѣ. Отдать за эту цѣну—явный убытокъ; сказано: самому обошелся въ семь-восемь гривенъ. Не отдать—еще пожалуй будетъ хуже: надо ждать будущаго лѣта, а къ тому времени солоцкій можетъ испортиться и задаромъ пропасть. Одно слово, такая подошла статья, хоть караулъ кричи.—Цѣлыхъ два дня шли у меня съ мужиками переговоры; вечеромъ другого дня рѣшился отдать, чтобы впосталь не разориться;—ударили по рукамъ; по задатку мужики мнѣ не дали, не было при нихъ мелкихъ денегъ,—отложили до утра и ушли на квартиру. Хорошо.

— Проводимши мужиковъ, я поужиналъ, то-есь, славу только сдѣлалъ, что ужиналъ, чередъ, значитъ, отвелъ, а на самомъ-то дѣлѣ ничего не ѣлъ, только стаканчикъ перцовки выпилъ, и съ радости, и съ горя вмѣстѣ,—выпилъ, говорю, пища, помолился и легъ спать. И лишь только я заснулъ, какъ вдругъ пожаловалъ ко мнѣ домовушка, да такой-то теплый, горячій, такой-то лохматый, да и навалился-то онъ на меня тихохонько, легохонько. Я обвелъ его руками и спросилъ: домовой-юртовой! нахудо, иль на добро?—И онъ три раза, подъ самое ухо, прошепталъ: „добро! Добро! Добро!" и тотъ же часъ съ меня долой.

— Передъ тѣмъ, какъ придти ко мнѣ домовушкѣ, я лежалъ вверхъ лицомъ, а послѣ домовушки перевернулся на бокъ, и такимъ манеромъ проспалъ до утра. Утромъ явились ко мнѣ торгаши съ задаткомъ, но я отказалъ, надѣючись на домовушкино предвѣщеніе. Тѣ давай цѣны надбавлять, дошли до шести гривенъ, но я уперся. „Не продаю!—сказалъ я на отрѣзъ. Самъ повезу въ городъ". Торгаши ушли. Ладно.

— Черезъ два дня послѣ того пробѣгала черезъ нашъ

форпостъ изъ Уральска почта. Я пошелъ къ вышкѣ узнать, нѣтъ ли чего новенькаго; а почтальонъ отъ вышки идетъ ко мнѣ. Встрѣтились мы съ нимъ, поздоровались.

— Къ тебѣ,—говоритъ почтальонъ,—иду въ гости.

— Милости,—говорю,—просимъ.

— Слышалъ,—говоритъ почтальонъ,—у тебя есть солоцкій.

— Есть!—говорю.

— Сколько?

— Пудовъ сотъ пять съ залишкомъ.

— Продай!

— Съ удовольствіемъ!

— Что за пудъ?

— На мѣстѣ, аль съ доставкой въ городъ?—спрашиваю.

— На мѣстѣ,—говоритъ почтальонъ.

— Я шутками и скажи:

— Полтора рубля!

— А меньше какъ?—спрашиваетъ почтальонъ, а самъ улыбается. Почтальонъ пріятель мнѣ былъ.

— Меньше,—говорю,—ни копѣйки!

— Идетъ!—сказалъ почтальонъ и хлопъ меня по рукамъ, да тутъ же досталъ изъ сумки двѣ четвертныхъ бумажки и сунулъ мнѣ въ руки.

— Вотъ тебѣ задатокъ—говоритъ почтальонъ.—А дня черезъ три или бо черезъ четыре пріѣдетъ сюда довѣренный человѣкъ отъ аптекаря Францыль Иваныча. Ему, — говоритъ,—солоцкій сдашь и отъ него получишь разсчетъ. А я,—говоритъ, только покупаю да обзадачиваю.

— И точно, -замѣтилъ разсказчикъ,—дня черезъ три я сдалъ солоцкій, и получилъ чистѣйшаго барыша четыреста рублевъ. Важнецъ!—сказалъ старикъ съ улыбающимся отъ удовольствія лицомъ, какъ будто случай этотъ совершился вчера, а не двадцать лѣтъ назадъ.

— Такая оказія случилась вотъ по какому побыту,—продолжалъ старикъ.—Когда вывезли изъ Уральска кое-куда въ разные города, весь солоцкій,—въ то время аптекарь,

Францыль Иванычъ, получилъ изъ Москвы отъ другихъ, своей братьи, аптекарей, заказъ въ такой силѣ: почемъ-де ни купи, а представь въ Москву какъ можно больше солоцкаго. Спонадобился, вишь ли, онъ въ какое-то лѣкарство. Аптекарь тотчасъ за почтальона, выдалъ ему деньги и просилъ, проѣздомъ по линіи, закупить, у кого остался, солоцкій. По этой самой причинѣ я и получилъ хорошій барышъ, почитай рубль-на-рубль.—А всего любопытнѣе,—прибавилъ разсказчикъ,—всего любопытнѣе, сударь мой, та статья, что въ ту самую ночь, когда аптекарь выдавалъ въ городѣ почтальону деньги на закупъ солоцкаго, въ ту самую ночь и давилъ меня домовушка; узналъ, значитъ, и упредилъ меня, чтобы я придержался и не далъ супротивъ торгашей маху,—молодецъ! Ай да, домовой-портовой!—заключилъ старикъ.

— А что за звѣрь этотъ домовушка?—спросилъ я моего собесѣдника.

— Ужъ право не знаю, какъ тебѣ сказать насчетъ него! — проговорилъ старикъ, немного подумавъ. — Самому мнѣ, нечего лгать, не трафилось читать въ книгахъ, а такъ, по слухамъ, по разсказамъ, припоминаю, что домовушка долженъ быть тотъ же шишига, то-есь, дьяволъ,—по крайности прежде былъ шишигой, а теперь, видится, обрусѣлъ.

— Какъ обрусѣлъ?—спросилъ я разсказчика.

— А вотъ какъ,—отвѣчалъ тотъ.—Говорятъ, когда Господь сверзилъ сатану и дьяволовъ его съ небеси, тогда всѣ дьяволы и посыпались на землю словно дождь. Которые съ сатаной попадали въ тартаръ—въ преисподній, тѣ въ тартарѣ основались; которые попадали въ воду, тѣ въ водѣ завели себѣ гнѣздо; которые попадали въ лѣсъ, тѣ въ лѣсу остались,—это, должно быть, и есть самые лѣшіе,—а которые попадали въ дома къ людямъ, въ трубы ввалились—тѣ въ домахъ пріютились, въ подпечкахъ: вотъ эти-то самые и есть наши домовые. Живя межъ людей, домовушки попривыкли къ людямъ и обрусѣли, то-есь, отъ настоящихъ-то чертей отстали; по крайности вреда людямъ не дѣлаютъ, окромя лишь того, что въ иную пору балуютъ отъ скуки ли,

отъ другого ли чего—Богъ знаетъ,—къ примѣру, нелюбимую лошадь, какъ я тебѣ давеча говорилъ, мучаютъ и со двора сживаютъ, да разными предвѣщаньями людей слабодушныхъ, робкихъ, стращаютъ.

Слушая такое опредѣленіе личности домовушки, я какъ-то невольно улыбнулся. Старикъ замѣтилъ мою улыбку, и спросилъ:

— Аль не такъ?

Я молчалъ. Мнѣ не хотѣлось подвергать критикѣ разсказъ о домовушкѣ. Но старикъ приставалъ:

— Ты что, однако, смѣешься? Аль не такъ?

— Что-то не такъ,—сказалъ я, наконецъ.

— Что же?—допытывался старикъ.

— А вотъ что,—проговорилъ я:—мудрено, чтобы чертъ обрусѣлъ. Подумай-ка, Афанасій Дмитричъ!

— И то, пожалуй, такъ!—сказалъ старикъ послѣ нѣкотораго раздумья.—Въ самомъ дѣлѣ, мудрено, чтобы настоящій шпинга обрусѣлъ. Тутъ что-да-нибудь не такъ. Постой, дождусь плавни (одинъ изъ видовъ рыболовства)—продолжалъ старикъ,—не встрѣчу ли какого свѣдущаго старца, что ходятъ по обозамъ и рыбой побираются, и поразспрошу его хорошенько насчетъ домовушки: что, въ самомъ дѣлѣ, за баринъ такой этотъ домовой-юртовой? Спасибо тебѣ, что на разумъ меня навелъ. Надо хорошенько допытаться. А то вѣдь знать—знаю домовушку, нерѣдко сталкивался съ нимъ, а кто онъ такой родомъ и происхожденіемъ—настоящаго-то, признаться, не знаю: не допытывался. Теперь попытаюсь, безпремѣнно попытаюсь,—заключилъ старикъ.

———

Смерть и черепаха.

XIV.

— Вѣрь-не-вѣрь, твое дѣло, а мы знаемъ, что она, голубушка, ходитъ по людямъ въ томъ самомъ видѣ, какъ изображаютъ ее на картинахъ,—говорилъ собесѣдникъ мой, старикъ, когда зашла у насъ рѣчь о смерти, то есть, объ извѣстномъ представленіи смерти въ видѣ человѣческаго скелета, вооруженнаго косами, пилами и другими орудіями мученія.—Есть-когда-бъ ее не было на свѣтѣ, то-бъ не было и изображеній,—прибавилъ старикъ.—А хоша бы и не писали ее на картинахъ,—продолжалъ онъ, немного погодя,—мы и безъ того должны объ ней знать по писанію и по преданію св. отецъ. Сказано: какъ придетъ она къ болящему человѣку или даже и не къ болящему,—кому какой предѣлъ положенъ,—да какъ взмахнетъ косой, да какъ подсѣчетъ ему главныя жилы въ ногахъ, что черезъ весь корпусъ идутъ—такъ и баста! Отнимутся у человѣка и руки, и ноги, и языкъ; и сдѣлается человѣкъ пластъ-пластомъ; и не встать уже этому человѣку, и не топтать больше мать-сырой-земли!...

— Значитъ, одной косы довольно,—замѣтилъ я.—Зачѣмъ же изображаютъ ее еще съ пилами, ножами и разными разностями?

— А затѣмъ,—отвѣчалъ старикъ,—что и этотъ стру-

ментъ при ней находится: такъ, значитъ, и изображаютъ ее во всеоружіи, со всѣмъ струментомъ.

— Для чего жъ онъ ей нуженъ, этотъ инструментъ?

— А вотъ для чего,—сказалъ старикъ. Слушай-ка.

— Иному человѣку, — началъ старикъ, — опредѣляется смерть скорая и легкая. Ну, этого человѣка смерть сразу и укладываетъ, то-есь, взмахнетъ косой, дернетъ, и—баста! Иному же человѣку опредѣляется смерть долгая и тяжкая; и вотъ супротивъ этого человѣка смерть и пущаетъ въ дѣло всѣ свои струменты. Сначала пуститъ въ ходъ косу, чтобы, знаешь, отнять у человѣка языкъ, голосъ и всякое владѣніе, а потомъ пущаетъ въ дѣло ножи, пилочки-подпилочки и всякіе крючки-багорчики, чтобы человѣкъ помучился. Такая мучительная смерть посылается для иныхъ въ наказаніе по грѣхамъ большимъ, а для иныхъ, людей добродѣтельныхъ, и замѣсть награжденья, чтобы, знаешь, помучились они только на семъ свѣтѣ, а на томъ свѣтѣ муки никакой бы ужъ не терпѣли. Вотъ ради этой-то причины у смерти, кромѣ косы, и имѣются еще пилы, пешни, клещи и разный мучительскій струментъ.

— Ты може не вѣришь, —говорилъ старикъ далѣе, — а у насъ былъ такой случай, что одинъ старичокъ, добродѣтельнаго житія, видѣлъ смерть воочію, видѣлъ въ томъ самомъ образѣ, какъ изображаютъ ее на картинахъ. Есть-когда тебѣ угодно—я разскажу.

— Сдѣлай одолженіе! Очень радъ.

— Шелъ онъ разъ, этотъ добродѣтельный старичокъ, куда-то, среди бѣлаго дня, по городу и только что вывернулся изъ проулка на Большую улицу, недалеко отъ дома Б—хъ, какъ вдругъ на углу, лицомъ-къ-лицу, встрѣтился со смертію! Старичокъ остановился, какъ вкопанный. И смерть, голобочка, остановилась: не хочетъ, значитъ, переходить у старичка дорогу. Старичокъ былъ богобоязливый, житія добродѣтельнаго, вовсе смертнаго часа не боялся, готовился къ нему каждую минуту. Сперваначала, увидамши смерть, хотя старичокъ и обробѣлъ, —нельзя, батенька, не обробѣть:

сказано, смерть праведника страшитъ,—однако вскорѣ отудобилъ, снялъ шапку, перекрестился и давай смерти отвѣшивать низкіе поклоны; значитъ, покорность изъявляетъ, говоритъ: „твори-де повелѣнное!“—А смерть, голубушка, стоитъ на своемъ мѣстѣ и кивастъ старичку головой и махаетъ руками, чтобы шелъ своей дорогой, не останавливался, а сама не хочетъ переходить старичку дорогу,—уваженіе ему оказываетъ. Старичокъ повиновался, пошелъ; прошелъ мимо смерти близехонько, шага за два. Смерть пропустила мимо себя старичка и пошла своей дорогой, кивнула старичку головой, якобы сказала: „прощай!“

Прошедши нѣсколько шаговъ, старичокъ остановился и посмотрѣлъ вслѣдъ смерти. Та идетъ вдоль Большой улицы. На плечѣ у нея сверкаетъ преогромнѣющая коса, какихъ старичокъ въ вѣкъ не видывалъ, а за спиной привязано лукошко, а изъ лукошка торчатъ пилы, щипцы, ножи и всякій струментъ. Смерть идетъ, коса на солнышкѣ блеститъ, а струментъ въ лукошкѣ гремитъ. Страхъ! Старичокъ смотритъ, куда смерть пойдетъ. Сверсталась она съ домомъ Б—хъ, повернула къ воротамъ и въ нихъ скрылась. Старичокъ вспомнилъ, что глава дома Б—хъ, Кузьма Савичъ, былъ въ ту пору боленъ, въ постели лежалъ. Изъ любопытства старичокъ вернулся и пошелъ по Большой улицѣ мимо дома Б—хъ и когда проходилъ мимо оконъ, услыхалъ въ домѣ плачъ и рыданіе: въ эту самую минуту добродѣтельный Кузьма Савичъ скончался! Вотъ она, какая притча-то! Прошедши домъ Б—хъ, старичокъ вернулся назадъ, и лишь только сверсталася съ воротами, снять встрѣтился со смертью; та выходила изъ воротъ: дѣло свое, значитъ, сдѣлала. Старичокъ остановился, попятился назадъ, снялъ шапку и давай опять кланяться смерти. А та, голубушка, опять остановилась, опять киваетъ старичку головой, чтобы не останавливался шелъ своей дорогой. Старичокъ пошелъ; прошелъ мимо смерти близехонько; отошелъ сколько-то шаговъ, обернулся, а смерти ужъ не видалъ: скрылася, голубушка.

Въ этотъ разъ старичокъ никому изъ міранъ не ска-

зывалъ, не болтунъ былъ, не хвастался, а повѣдалъ только одному священнику, отцу своему духовному. И ужъ послѣ, черезъ сколько-то лѣтъ, когда старичокъ умеръ, священникъ въ бесѣдѣ съ стариками открылъ эту тайность,—заключилъ разсказчикъ.

— Да,—заговорилъ старикъ, спустя нѣкоторое время, — много, батенька, есть на вольномъ свѣтѣ чуднаго, чего нашимъ скудельнымъ умомъ и понять не можно, о чемъ и допытываться-то грѣшно. Не мудрствуя лукаво, мы, люди простые, вѣримъ, а вотъ вашъ братъ, господа, все на смѣхъ поднимаетъ. Къ примѣру, скажи кому изъ васъ насчетъ черепахи, что-де она мститъ человѣку, коли человѣкъ разобидитъ ее, и что-де она имѣетъ силу причинять смерть человѣку,—ну, и конченъ балъ! Въ глаза дуракомъ съѣздятъ.— А у насъ,—продолжалъ старикъ,—бывали такія оказіи, что люди умирали отъ черепахъ.

— Какъ же такъ?—спросилъ я.

— А вотъ какъ!—отвѣчалъ старикъ.—Слушай-ка!

— По Божескому ли устройству, или отъ чего другого — не могу до тонкости сказать, а только въ томъ могу завѣрить, что есть-когда человѣкъ больно прибьетъ черепаху, а до смерти не убьетъ, то-есь, не раздробитъ ей черепъ въ мелкіе кусочки и не разбрыляетъ ихъ по землѣ, то черепаха выйдетъ ночью изъ воды, отыщетъ того человѣка, гдѣ бы онъ ни спалъ, вскочитъ на него, потопчетъ и... и какъ это удастся ей, бестіи, сдѣлать—такъ и шабашъ: человѣкъ больше уже не встанетъ, тутъ же умретъ!—Былъ такой случай въ нашихъ мѣстахъ на моей памяти: объ немъ-то я и хочу тебѣ разсказать.

— Въ одно время стояли казаки на пикетѣ за Яикомъ, кажется, на Вязовомъ Мару. Разъ одинъ изъ пикетныхъ казаковъ ходилъ къ озеру посмотрѣть морду—не попала ли рыба,—но нашелъ въ мордѣ черепаху. Казакъ вытряхнулъ черепаху изъ морды на берегъ, и давай валять ее палкой; убить-не-убилъ, а порядкомъ должно быть отхлесталъ; та насилу въ озеро улелась. Ладно. Казакъ опять поставилъ

морду, вернулся на пикетъ и сказалъ товарищамъ, что, замѣстъ рыбы, попалась черепаха.

— Что жъ ты съ нею сдѣлалъ?—спросилъ кто-то казака.

— Отдубасилъ палкой!—говоритъ казакъ.

— До смерти, что ли, убилъ?—спрашиваютъ казака.

— Нѣтъ!—говоритъ казакъ.

— Гдѣ жъ она?—спрашиваютъ.

— Въ воду уползла,—говоритъ казакъ.

— Плохо же ты сдѣлалъ!—говорятъ казаку.

— А что?—спрашиваетъ тотъ.

— Человѣкъ онъ, выходитъ, былъ неопытный, несвѣдущій,—замѣтилъ разсказчикъ.

— А вотъ что,—говорятъ казаку:—нынче же ночью смотри, она пожалуетъ къ тебѣ: берегись!

Казакъ струсилъ, когда растолковали ему, какія напасти водится за черепахой. Однако, дѣлать нечего. Потолковали межъ себя казаки и присовѣтовали тому казаку, что билъ черепаху, залѣзть на вышку и просидѣть тамъ всю ночь. Иные изъ казаковъ шутники, рады были этакому случаю, что проявился межъ ними такой виновникъ, одинъ-де, за всѣхъ, просидитъ на вышкѣ. Ладно.

— День прошелъ по обыкновенію; насталъ вечеръ. Казаки поужинали и полегли кто гдѣ, а виновникъ забрался на вышку. Казаки еще не уснули, какъ смотрятъ, ползетъ отъ озера черепаха и прямо къ казачьему стану;—вотъ тебѣ и на! Казаки молчатъ, ни-гугу; ждутъ, что будетъ отъ черепахи. Вползла та въ казачій станъ и пошла по казакамъ: подползетъ то къ тому казаку, то къ другому, обнюхаетъ то того, то другого, и прочь, и прочь! Значитъ, не тотъ! Напослѣдокъ подползла къ вышкѣ, таращила-таращила голову на вышку и давай карабкаться по лѣстницѣ, но не можетъ влѣзть, нельзя. Наши лѣстницы извѣстно какія: двѣ гладкія жерди, да поперекъ рѣденько колышки,—человѣку-то трудно влѣзть, а гдѣ ужъ черепахѣ. Долго она около лѣстницы маялась, не одолѣла, остановилась и давай пускать, давай... но эта штука не удалась: вышка высока. Казаки

смотрятъ на продѣлки черепахи и посмѣиваются,—а тотъ, что на вышкѣ, сидитъ ни живъ, ни мертвъ, кричитъ товарищамъ, чтобъ тѣ убили черепаху, а товарищи ни съ мѣста, только посмѣиваются, говорятъ виновнику, чтобы слѣзъ съ вышки и самъ убилъ, и тотъ и ноги боится спустить.—Всю ночь черепаха просидѣла подъ вышкой у лѣстницы, караулила, значитъ, казака—не слѣзетъ ли; напослѣдокъ передъ свѣтомъ уползла къ озеру. Кто-то изъ казаковъ всталъ и хотѣлъ пришибить ее, но другіе остановили. „Погоди, говорятъ, завтра она опять приползетъ. Посмотримъ, что-то отъ нея еще будетъ. Успѣемъ, говорятъ, и тогда убить". Ладно. Такъ и положили на томъ, чтобъ завтра покончить. Въ самомъ дѣлѣ, — замѣтилъ разсказчикъ, — и казакамъ всѣмъ была въ диковину этакая оказія. Правда, слыхать-слыхали, что за черепахой водятся такія художества, но воочію видѣли все-таки въ первый разъ.

— На другой день казаки уговорились сдѣлать иначе: на вышку посадить кого-нибудь другого, а виновника оставить на стану межъ себя и закатать въ нѣсколько кошемъ (войлоки), чтобы черепаха не добралась до него. Сначала виновникъ не соглашался на эту штуку, однако товарищи уговорили. Шута ли она тебѣ сдѣлаетъ,—говорили казаки виновнику.—Завернемъ, закутаемъ тебя въ пять-шесть кошемъ. Пушкой тогда не проймешь тебя, а гдѣ ужъ черепахѣ добраться. Тотъ сдуру-то и согласился. Ладно. Нарочно съ вечера стали поглядывать къ озеру. Черепаха показалась. Казаки тоё-жъ минуту положили виновника на кошму и закатали его въ нее, съ головой и съ ногами,—а тамъ въ другую, въ третью; кажись, кошемъ въ шесть завертѣли и оставили на землѣ, а сами разлеглись около него. Ладно. Черепаха сначала подползла къ вышкѣ, потаращила-потаращила голову вверхъ и отворотила; поползла на станъ. Казаки опять ни-гугу. Оползла черепаха вокругъ всѣхъ казаковъ, никого не трогаетъ; напослѣдокъ подползла къ виновнику, а тотъ, скутанный въ кошмы, лежитъ пластъ-пластомъ, бревно-бревномъ, не ворошится. Подползла черепаха къ ви

вкарабкалась на него, потоптала-потоптала его... и драло назадъ къ озеру, да такъ потуманила, откуда прыть взялась. Тутъ уже казаки вскочили, схватили, кто-что, и давай тузить черепаху,—знамо, раздробили ее въ мелкіе кусочки и разбрыляли по землѣ. Послѣ того подошли казаки къ виновнику, вывернули его изъ кошемъ, а онъ, бѣдняжечка, мертвый!...

— А все глупость казаковъ довела до этого несчастія!—прибавилъ старикъ, немного погодя.—Зачѣмъ было завертывать казака въ кошмы и подставлять черепахѣ? Вовсе не слѣдовало этого дѣлать...

— Конечно, не слѣдовало,—подумалъ я,—казакъ не задохнулся бы... — Однако большое спасибо тебѣ, Афанасій Дмитричъ, за всѣ исторіи, которыя я отъ тебя слышалъ,—сказалъ я разсказчику, собираясь отъ него идти.

— Не безсудь, касатикъ,—сказалъ старикъ,—чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.—А насчетъ магарыча не забудь,—прибавилъ онъ:—за тобой!

— Непремѣнно!—былъ мой отвѣтъ.

Москва.
1861. Февраль-сентябрь.

XV.

Калмыцкій адъ.

— Чульчумка!

— А?!

— Деньги есть?

— Да!

— Въ шинокъ пойдешь?

— Нѣтъ!

Такъ уральскій казакъ (русскій), Василій Бахинъ, допрашивалъ сослуживца своего (калмыка), Чиньчина Чульчумова. И Бахинъ, и Чульчумовъ, и прочіе собесѣдники, которые появятся въ этихъ очеркахъ, состояли, въ качествѣ вѣстовыхъ и драбантовъ (денщиковъ) при полковомъ штабѣ уральскаго казачьяго N* полка, квартировавшаго въ мѣстечкѣ К—вѣ, К—ой губерніи (въ Малороссіи).

— Что же такъ?—продолжалъ допрашивать русскій калмыка.

— Броста: не качу!—отвѣчалъ калмыкъ съ видимой досадой.

Въ эту минуту отворились двери избы, гдѣ помѣщались прислуга полка и гдѣ шла бесѣда у Бахина съ Чульчумовой, и въ избу вошло нѣсколько человѣкъ казаковъ русскихъ, и вслѣдъ за ними свалился другой калмыкъ Толенъ Шугуровъ.

Слова два объ этихъ калмыкахъ.

Шукуровъ былъ лѣтами старше и характеромъ серьезнѣе Чульчумова, держалъ себя противу русскихъ солидно, не позволялъ имъ относиться къ себѣ съ слишкомъ плоскими шутками и насмѣшками. Русскимъ отчасти нравилась въ калмыкѣ степенность, и они оставляли его въ покоѣ. Напротивъ, Чульчумка (имя этому калмыку было Чиньчинъ, а прозваніе Чульчумовъ, но русскіе, для легкости выговора, окрестили его въ Чульчумку, этимъ именемъ и мы будемъ называть его) -Чульчумка, напротивъ, былъ молодой парень, лѣтъ подъ двадцать-пять, характера легкаго, необидчиваго, позволялъ русскимъ шутить и глумиться надъ собой, перенималъ и завѣрживалъ остроты ихъ и подчасъ самъ старался пустить ихъ въ ходъ противу русскихъ, насколько хватало его сообразительности, находчивости и ловкости. Само собой разумѣется, перевѣсъ въ такихъ случаяхъ оставался почти всегда на сторонѣ русскихъ. Особенно донималъ его Василій Бахинъ. Но Чульчумка никогда не обижался. Разъ только, будучи пьянъ, вломился-было въ амбицію и ходилъ даже къ полковому адъютанту съ жалобой на Бахина, что тотъ обозвалъ его идоломъ. Адъютанту удалось доказать Чульчумкѣ, что въ словѣ идолъ нѣтъ ничего оскорбительнаго. Чульчумка успокоился. Послѣ того онъ ни разу уже не протестовалъ противъ выходокъ Бахина, и все обстояло благополучно.

И наружностью оба калмыка, т. е. Тюлень Шукуровъ и Чульчумка, рѣзко отличались другъ отъ друга. Такъ, напримѣръ, лицо у Шукурова было плоское, широкое, въ высшей степени скулистое и пунцово-красное, что твой ракъ вареный, а лицо у Чульчумки продолговатое, мало скулистое и глянцовито-черное, что твое голенище сапожное. Зато въ одномъ они сходились, какъ двѣ капли воды: оба любили выпить и при всякомъ удобномъ случаѣ упивались до самозабвенія. Довольно. Обратимся къ прерванному разсказу.

Братцы! Какое чудо я вамъ разскажу, пожалуй, не

повѣрите,—обратился Бахинъ къ вновь пришедшимъ товарищамъ.

— А что?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

— У Чульчумки деньги есть, а онъ, дуракъ, въ пинокъ нейдетъ,—отвѣчалъ Бахинъ.

— Черта съ два! —отозвался другой изъ казаковъ, молодой парень.—Какъ же, усидѣлъ бы онъ здѣсь, есть-коли-бъ были деньги. Такъ ли, Чульчумка?

Чульчумка осклабился и съ самодовольствіемъ ударилъ по боковому карману: раздался глухой звукъ мѣдныхъ денегъ.

— Вотъ она, карбованца-то!—сказалъ Чульчумка и пуще прежняго осклабился.

— Важнецъ! —сказалъ Бахинъ и тотчасъ же подсѣлъ къ Чульчумкѣ.

Дотолѣ Бахинъ плохо вѣрилъ въ „богатство" Чульчумки; но узнавши положительно, что въ карманѣ калмыка есть гроши, Бахинъ смекнулъ, что будетъ пожива, ближе подсѣлъ къ Чульчумкѣ, ударилъ его по плечу, наклонился къ нему и подъ ухо сказалъ:

— Пойдемъ, дурашка! Нынче праздникъ, много будетъ дивчатъ и молодицъ.

Чульчумка отрицательно покачалъ головой.

— Пойдемъ, дурашка! — настаивалъ Бахинъ. — Ганка Курносенко тамъ будетъ.

Чульчумка плюнулъ и проговорилъ:

— Сотня вареный ракъ давай, а не пойду!

— Дурашка! —соблазнялъ Бахинъ.—Ганка такая хорошенькая, такая миленькая, словно картинка писаная...

— Моя карбованца,—прервалъ Чульчумка,—мой злотъ не блахой былъ, серебряный, а даромъ пропадалъ!

Проговоривъ это, Чульчумка плюнулъ. Между казаками послышался легкій смѣхъ. Чульчумка продолжалъ:

— Ганка, чтобы ее заразомъ убилъ. Ганка кончалъ два кварта грушовка, взялъ моя карбованецъ, взялъ моя три злота, взялъ моя шелковый платка, взять-взялъ моя добра, а

меня обманилъ; два недѣль рѣшенья не давалъ. „Годи, годи!" говорилъ. Я годилъ, годилъ, а онъ, подлецъ, хвостъ мнѣ показалъ... карбованца моя пропадилъ...

Чульчумка плюнулъ и послалъ коварной Ганнѣ рѣзкое словцо. Слушатели разразились громкимъ смѣхомъ. Даже серьезный Тюлень Шукуровъ слегка улыбнулся. Чульчумка вошелъ въ азартъ и продолжалъ:

— Моя, братцы, много горе терпитъ насчетъ алада-береда, и все вотъ эта виноватъ (и Чульчумка обвелъ пальцемъ вокругъ своего лица), а больше всего виноватъ вотъ эта (и Чульчумка высунулъ языкъ и ткнулъ въ него пальцемъ).

Снова смѣхъ. Чульчумка продолжалъ:

— Ержа бы (рожа) ничаво: языкъ-то больно плоха. Какъ только хотишь сказать дѣвка насчетъ алада-береда, а сказать не умѣй, а дѣвка не понимай, дѣвка смѣетъ, дѣвка прочь идетъ, а я горе терпи. Совсѣмъ бѣда, ляжи земля да калдауръ (караулъ) кричи...

Снова смѣхъ. Чульчумка продолжалъ:

— Когда Расеямъ я гулялъ, особенъ на Москва, тамъ ничаво, тамъ каруша: тамъ баба-дѣвка языкъ мой мала-мала понимай. А хохлацкій баба-дѣвка (малороссіянки) совсѣмъ языкъ мой не понимай, смѣется, а иный баба-дѣвка, убей его заразсмь, плюетъ, ержа своя сторонамъ воротитъ, говоритъ: „фуй, камликъ!"

Проговоривъ это, Чульчумка замолчалъ, потрясъ головой, отчаянно махнулъ рукой и сталъ набивать трубку. Между русскими опять смѣхъ. Калмыкъ Шукуровъ поежился и сдѣлалъ недовольную мину. Вѣроятно и онъ, подобно Чульчумкѣ, встрѣчалъ во время походной жизни неудачи при объясненіяхъ своихъ съ прекраснымъ поломъ; вѣдь и онъ не отличался отъ Чульчумки ни красотой своей „ержи", ни правильностію языка.

Настало молчаніе. Покуда Чульчумка набивалъ и раскуривалъ трубку, двое-трое русскихъ межъ себя перешепну-

лись и одинъ изъ нихъ, все тотъ же Василій Бахинъ, обратился къ Чульчумкѣ:

— Чульчумка!

— А?—отозвался тотъ.

— Не хочешь ли въ нашу вѣру идти?

— А?!—снова отозвался Чульчумка.

— Тебѣ говорю: не хочешь ли въ нашу вѣру идти? сказалъ Бахинъ.

— А?!—опять отозвался Чульчумка и, прищуривъ безъ того узкіе глаза, осклабился.

Ясно было, что Чульчумка, нарочно прикидываясь непонимающимъ, дразнилъ русскаго.

— Оглохъ, что ли ты!—сказалъ Бахинъ.—Я спрашиваю тебя: не хочешь ли въ нашу вѣру идти? не хочешь ли креститься? Не слышишь развѣ?

— Слышу!—отвѣтилъ Чульчумка.

— Такъ что жъ не отвѣчаешь, калмыцкая образина? — проговорилъ Бахинъ съ неудовольствіемъ.

— Сичасъ!—сказалъ Чульчумка, собираясь съ мыслями.—Прежъ ты мнѣ скажи: какой изъ того толкъ будетъ, а?

— Дуракъ! спрашиваешь: какой толкъ будетъ? Знамо какой,—отвѣчалъ русскій: -христіаниномъ будешь, русскіе не будутъ тобой брезговать, не будутъ отъ тебя дивчата отворачиваться, не будутъ попрекать тебя калмыкомъ, одно слово—сортъ будетъ!

Чульчумка прищурился, осклабился и хотѣлъ что-то сказать, но Тюлень Шукуровъ, дотолѣ молчавшій, быстро остановилъ его рѣчь, сказавъ нѣсколько словъ по-калмыцки. По рѣзкости тона, можно было догадаться, что Тюлень Шукуровъ запрещалъ Чульчумкѣ всякое словопреніе съ русскими насчетъ вѣры. Потомъ обратясь къ Бахину, Шукуровъ, сердито грозя пальцемъ, сказалъ:

— А ты, Васька, пустой рѣчамъ не мели! Насчетъ бабамъ-дѣвкамъ болтай, что хочешь, а насчетъ вѣры молчи: молодой разумъ не мути, не разстраивай! Адъютанту пожалуюсь, а мало, полковнику скажу: не хорошо будетъ.

— Да тебѣ какое дѣло?—возразилъ Бахинъ:—не съ тобой говорятъ.

— Все одна,—сказалъ сердито Тюленька:—насчетъ вѣра не смѣй болтать, не разстраивай молодая разумъ. Жалиться буду. Розга нюхаешь.

— Да ты чего, Тюленька, испугался?—проговорилъ Бахинъ серьезно.—Неужто Чульчумка, въ самомъ дѣлѣ, такъ вотъ сейчасъ отъ одного слова и крестится. Онъ что: дуракъ, что ли? У него, чай, не меньше твоего ума. Такъ, что ли Чульчумочка?

Чульчумка, польщенный казакомъ, осклабился,—но ничего не сказалъ. Тюленька съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на Бахина, потомъ всталъ съ мѣста и, направляясь къ двери, снова сказалъ Чульчумкѣ нѣсколько рѣзкихъ словъ, т. е. запретилъ ему пускаться съ русскими въ разсужденіе насчетъ вѣры. Тюленька ушелъ. Чульчумка одинъ остался въ кругу русскихъ.

— Однако, строгій же у тебя Тюленька,—сказалъ, минуту спустя, Бахинъ, обращаясь къ Чульчумкѣ.

— Бядовый!—отозвался Чульчумка.—Боится, какъ бы я вѣра своя не мѣнялъ.—У Тюленька,—продолжалъ Чульчумка,—былъ рюдня, калмыкъ Мантыкъ, храбрый калмыкъ; чай слыхалъ, на Сыръ-Дарья Мантыкъ много тигра убивалъ.—Эта самый Мантыкъ, прошлый годамъ, вѣра наша мѣнялъ, крестъ положилъ. Съ той пора Тюленька осерчалъ, больно осерчалъ!—Много разъ Тюленька менѣ говорилъ, чтобы я вѣра своя не мѣнялъ. Тюленька говоритъ, что русскимъ людямъ только здѣсь, на этотъ свѣтъ, бываетъ карапо, а на тотъ свѣтъ бываетъ не карапо. Тюленька говоритъ: кто въ русскій вѣра пойдетъ, тому на тотъ свѣтъ большой жимача дадутъ: горячій огня положитъ, и жаритъ ево напроналъ, конца ево нѣтъ. Такъ, что ли?—обратился Чульчумка къ русскимъ.

— Такъ-то такъ,—сказалъ Бахинъ,—да не совсѣмъ: это только для грѣшныхъ душъ, а для праведныхъ душъ совсѣмъ иное: для нихъ есть рай пресвѣтлый, царствіе небесное. И

по вашей вѣрѣ,—прибавилъ Бахинъ,—тоже чай на томъ свѣтѣ не даютъ потачки грѣшникамъ, примѣрно, ворамъ, душегубцамъ. Тоже, чай, жимача даютъ, —а?

— Какже! отозвался Чульчумка. Только по нашимъ вѣра разницъ есть.

— Какая-жъ разница? спросилъ Бахинъ.

— Тюленька больно карашо знаетъ, — сказалъ Чульчумка.—Ево отца былъ наша дьяконъ. Ево бы надо спросить, да не скажитъ: больно осерчалъ.

— Шутъ съ нимъ!—возразилъ Бахинъ.—Пускай серчаетъ: на сердитыхъ, по нашему, воду возятъ. Ты, Чульчумочка, намъ раскажи. Развѣ ты хуже его? Може еще получше. Валяй, дружище! Послушаемъ, може любопытно.

Чульчумка осклабился отъ удовольствія, что его похвалили, съ Тюленькой сравнили, даже выше поставили.

— Карашо!—проговорилъ онъ, минуту спустя.—Я буду говорить. Только вы, бажалыста, обратился онъ къ русскимъ, Тюленькѣ не говорить: серчаетъ, рыжій!

— Ладно, ладно! отозвались нѣкоторые изъ русскихъ, въ томъ числѣ и Бахинъ.

Чульчумка выколотилъ изъ трубки золу, набилъ ее табакомъ, закурилъ и началъ:

— По вашимъ вѣра такъ: теперь твоя грѣшный челакъ; теперь твоя умиралъ,—карашо. Какъ твоя умиралъ, такъ твоя сичасъ положитъ на горячъ мѣста, такъ твоя на горячъ мѣста и лежитъ, такъ твоя и горитъ: конца твоя нѣтъ. (При этихъ словахъ Чульчумка съёжился и сдѣлалъ плачевную гримасу, какъ будто въ самомъ дѣлѣ попалъ въ горячее мѣсто). Вѣдь такъ?—обратился Чульчумка къ русскимъ.

— Мы свои-то порядки знаемъ,—замѣтилъ Бахинъ.—Ты намъ про ваши-то, про калмыцкіе-то порядки разсказывай.

— Сичасъ! —проговорилъ Чульчумка, и потомъ продолжалъ:

— Съ нашимъ грѣшный челакъ на тотъ свѣтъ не такъ поступаетъ, совсѣмъ другой манеръ. Слушай-ка!—Теперь я грѣшный челакъ, теперь я умиралъ. Карашо! Меня поло-

жить на жаркій мѣста. Карашо. На жаркомъ мѣста я мала-мала ляжу, менѣ горячо, менѣ не терпитъ, я кричу: Ой, менѣ жарко! Давай менѣ холодна! Менѣ сичасъ тащитъ и кладетъ на холодный мѣста. Карашо. На холодной мѣста я мала-мала ляжу, менѣ студено, менѣ не терпитъ, я опять кричу: Ой, менѣ холодно! Давай менѣ жарко! Менѣ сичасъ тащитъ и кладетъ на жаркій мѣста. Такой манеромъ меня туда сюда тащитъ и меня бываетъ карашо. Вотъ какъ наша братъ на тотъ свѣтъ живетъ!—заключилъ Чульчумка, а потомъ, обратясь къ Бахину, прибавилъ: ладно, что ли, Басинька?

— Сортъ!—отозвался Бахинъ.

— Не житье, а масляница! —добавилъ другой изъ русскихъ,

— Есть когда-бъ не военный артикулъ,—проговорилъ Бахинъ, стараясь удержать улибку, я перешелъ бы въ вашу вѣру, Чульчумка. То-то бы мы съ тобой зажили на томъ свѣтѣ! Посадили бы насъ съ тобой на горячее мѣсто, а мы и давай бы орать: ой, намъ жарко! Давай намъ холодна!— Важнецъ! Это все единственно,—пояснилъ Бахинъ,—какъ будто мы съ тобой сидимъ въ шинкѣ у Лейбы. Спросимъ вишневки, выпьемъ и кричимъ:—Лейба! Не надо намъ вишневки: подавай сливянки! Выпьемъ сливянки и опять кричимъ: Лейба! Не надо намъ сливянки: подавай вишневки! Ахъ, убей васъ,—проговорилъ Бахинъ, разсмѣявшись, и нахлобучилъ Чульчумкѣ шапку на глаза.

Всѣ громко разсмѣялись. Чульчумка обидѣлся и, освободивъ изъ подъ шапки глаза, грозно сказалъ Бахину:

— Ты, Баська, языкомъ болтай, а рукамъ воля не давай! У меня есть свой рука, матри!

— Ну, ну, полно сердиться-то! —утѣшалъ Бахинъ Чульчумку.—Вѣдь я любя!

Съ этимъ словомъ Бахинъ наловчился и снова нахлобучилъ Чульчумкѣ шапку. На этотъ разъ шапка закрыла не одни глаза, а все лицо и съ подбородкомъ. Русскіе расхохотались. Чульчумка вскочилъ съ мѣста и бросился на Бахина,

но тотъ, пользуясь временной слѣпотой Чульчумки, увернулся и скрылся вонъ изъ избы. Чульчумка, высвободивъ изъ-подъ шапки лицо, бросился за Бахиномъ. Оба пропали. Бесѣда на время прекратилась.

Черезъ полчаса врати явились въ избу, оба на-веселѣ: Успѣли, значитъ, побывать въ шинкѣ у Лейбы. Русскимъ хотѣлось возобновить разговоръ о загробной жизни калмыковъ, чтобы узнать, чѣмъ кончается процессъ перетаскиванія изъ жаркаго въ холодное мѣсто и наоборотъ; но Чульчумка упрямился, легъ на нары вверхъ лицомъ и запѣлъ калмыцкую пѣсню, а потомъ немного погодя умолкъ. Русскіе не домогались и повели рѣчь о томъ, о семъ, а подъ конецъ свели на обстоятельство неудачныхъ любовныхъ похожденій Чульчумки.

Послушаемте.

XVI.

Крючекъ и вилка.

— Чульчумка!—спросилъ Бахинъ калмыка.

Чульчумка кашлянулъ, но не откликнулся.

— Спишь, что ли, идолъ, —снова спросилъ Бахинъ.

— Сама идолъ!—отвѣчалъ Чульчумка сквозь зубы.

— Чтожъ ты молчишь? Вѣдь не дьявола, тебя кличутъ.

— Говорить-то не качу!

— Ты только слушай, калмыцкій лобъ, а не говори, Говорить я буду.

— Говори.

— Слушай же!—проговорилъ Бахинъ, и, подсаживаясь ближе къ Чульчумкѣ, спросилъ:

— Хочешь, чтобъ тебя Ганка Курносенко любила?

— Пропадай она совсѣмъ, эта Ганка подлецъ!—сказалъ съ досадой калмыкъ.—Я и глядѣть-то на нево не качу, чтобъ ему здохнуть...

— Да ты не торопись ругаться-то,—проговорилъ Бахинъ: выслушай, а потомъ уже бранись. Слушай-ка. Есть коли хочешь, чтобъ любилъ тебя женскій полъ,—началъ Бахинъ,—то добѣйся (добудь) двѣ штучки: крючокъ да вилку...

— Какой крючокъ? Какой вилка? —перебилъ Чульчумка рѣчь Бахина.—Моя крючокъ на оба мундиръ полна. Моя на конючия два желѣзный вилъ есть. Эта что ли крючокъ? Эта

что ли вина? —сострилъ Чульчумка и добродушно разсмѣялся. Дотолѣ калмыкъ перетаскивался съ русскимъ лежа, но тутъ привсталъ, сѣлъ и, не переставая улыбаться, прямо смотрѣлъ въ глаза разсказчика.

Нѣкоторые изъ русскихъ тоже засмѣялись.

— Вишь какой заковыристый, словно чувашскій лапоть! — проговорилъ Бахинъ.—Да ты, идолъ,—обратился онъ къ калмыку,—прежде выслушай, разжуй, потомъ уже толкуй. Я тебѣ, дуракъ, не смѣхомъ говорю. Слушай.

— Ладно, ладно!—проговорилъ Чульчумка, съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ, что ему, въ кои-то вѣки, удалось удачно сострить надъ Бахинымъ.

Бахинъ снова началъ:

— Есть-коли, говорю, хочешь, чтобъ тебя любилъ женскій полъ, то добѣйся двѣ штучки: крючокъ и вилку. Добыть ихъ можно слѣдующимъ манеромъ. Лови двухъ сцарившихся лягушекъ, возьми ихъ бережно и положи въ глиняной кувшинъ, закупори кувшинъ и навертѣ въ немъ дырочекъ. Потомъ кувшинъ съ лягушками зарой въ муравейникъ. Для этого зарань, оглядя, гдѣ есть большой муравейникъ, чтобы ужъ знать, куда нести лягушекъ. Ладно! Зарывши въ муравейникъ кувшинъ, уйди, куда тебѣ надо, иди отъ муравейника и оглядывайся. Муравьи черезъ дыры пролѣзутъ въ кувшинъ и заѣдятъ, замучатъ лягушекъ. Ладно. Черезъ двѣнадцать дней, въ глухую полночь, ступай къ муравейнику, напередъ сними съ себя и крестъ, и поясъ...

Чульчумка насмѣшливо взглянулъ на разсказчика и сконфузился. Русскіе засмѣялись. Разсказчикъ дожевалъ, что прежде жевалъ, и тотчасъ продолжалъ прерванное.

— Виноватъ, братцы! — сказалъ Бахинъ. — Я забылъ, что разсказываю идольцу. Ничего, ничего, Чульчумка. Это до тебя не касается,—обратился Бахинъ къ калмыку, и подумавъ продолжалъ:

— Ты, Чульчумка, прежде всего слушай: черезъ двѣнадцать дней къ муравейнику, отлично только возьми что чѣмъ нибудь, хоть хлѣбцемъ, хоть прянцемъ, и потомъ еще

завяжи уши чѣмъ-нибудь, одно слово, закутай уши глухо на глухо, чтобы ничего не слыхать было. Предосторожность эта вотъ для чего. Когда ты будешь подходить къ муравейнику, то сзади тебя будутъ кликать по имени, якобы знакомые твои; когда услышишь, что тебя кличутъ, ты можешь забыться и обернешься, а обертываться ни подъ какимъ видомъ нельзя: ослѣпнешь, коль скоро обернешься, не забудь это. А коли ослѣпнешь, пользовать ли? Крючка съ вилкой не найдешь. Да, кромѣ того, на всю жизнь останешься безъ глазъ, дѣло выйдетъ скверно. Понялъ?—спросилъ Бахинъ калмыка.

Чульчумка кивнулъ головой. Сначала онъ слушалъ Бахина равнодушно, но, по мѣрѣ того, какъ разсказъ становился таинственнѣе, страннѣе, Чульчумка дѣлался внимательнѣе. То же можно сказать и насчетъ русскихъ. Сначала нѣкоторые изъ нихъ не обращали никакого вниманія на разсказъ Бахина, но тутъ, незамѣтно, стали всѣ прислушиваться.

Бахинъ продолжалъ:

Слушай дальше, Чульчумочка! Когда подойдешь къ муравейнику, вынь изъ него кувшинъ и бережненько разбей его: тутъ и найдешь два лягушечьихъ остова. Извѣстно, муравьи все лягушечье мясо съѣдятъ и растащутъ по порамъ. Хорошо. Вынеши лягушечьи остовы, бережненько разбери ихъ, косточку по косточкѣ; между ними и найдешь двѣ нужныя косточки: въ одномъ остовѣ косточку съ крючкомъ на концѣ, а въ другомъ остовѣ косточку съ развилочкамы на концѣ, вотъ-то и есть крючокъ и вилка, ихъ-то и возьми. Хорошо. Взявши крючокъ съ вилкой, сбойди кругомъ муравейника и скачай назадъ въ свое мѣсто, куда тебѣ путь предстоитъ. Тутъ уже ничего и болѣе, жди спокойно, а лежи спокойно и слушай, и для чего, не рвешь чтобъ; пожалуй, какъ ужасти предстанутся. Понялъ?—обратился Бахинъ къ Чульчумкѣ.

Чульчумка кивнулъ головой. Бахинъ продолжалъ:

Добывши это крючокъ и вилку, смѣло говори: Вакшаль! Хоть и [illegible], [illegible] будешь [illegible]. Сказ

только слегка зацѣпить крючокъ за волоса женщины, и женщина тое-жъ минуту воспалится къ тебѣ любовію огненною, забудетъ стыдъ и совѣсть, сама повиснетъ тебѣ на шею. А коли надоѣстъ, коли захочешь, чтобъ отстала, то возьми въ руку вилочку и слегка толкни ею свою полюбовницу, тотъ же мигъ любовь ея къ тебѣ пройдетъ, и ты свободенъ. Такимъ маперомъ можешь выбирать любую, кто бы она ни была—хохланкая ли дѣвка, барыня ли какая—все единственно, супротивъ нечистой силы устоять не можетъ.

Настало молчаніе. По минуту спустя послышался голосъ одного изъ русскихъ; онъ спросилъ Бахина:

— Развѣ тутъ нечистый дѣйствуетъ?

— А то кто же?—отозвался разсказчикъ. Кромѣ его, никто! Онъ одинъ по этимъ дѣламъ ходокъ.

Опять настало молчаніе. По немного погодя, обратился къ разсказчику съ вопросомъ Чульчумка:

— А что, Баська, на тотъ свѣтъ, за эта крючка и вилка, какой рызалюцъ (резолюцію) дадутъ?

— Извѣстно какой, — сказалъ Бахинъ: — какъ сжалятъ добра молодца, къ примѣру сказать, Чиньчина Чильчумыча, на горячую каменку, такъ хоть охрипни кричамши, а ужь—извини—„холодна“ не дадутъ!

Слушатели слегка засмѣялись. Чульчумка сконфузился. Но на него на этотъ разъ не обратили особеннаго вниманія: всѣ заинтересованы были разсказомъ о крючкѣ и вилкѣ. Одинъ изъ русскихъ, не обращаясь ни къ кому въ особенности, высказалъ:

— Неужто въ самомъ дѣлѣ есть на свѣтѣ такой крючокъ и такая вилка?

— Коли въ міру говорятъ,—отозвался Бахинъ,—такъ стало быть есть. Съ вѣтра не возьмутъ.

— Мудрено что-то!—розразилъ невѣрующій.

Это былъ молодой парень.

— Что?!—проговорилъ Бахинъ и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на мальчика, осмѣлившагося усомниться въ крючкѣ и вилкѣ.

Можно навѣрное сказать, что Бахинъ меньше бы уди-

вился, какъ еслибъ кто изъ коренныхъ уральскихъ казаковъ спросилъ, напримѣръ, его: неужто-де багромъ изъ-подо-льда, не видавши рыбу, можно поймать ее? Минуту спустя, Бахинъ спросилъ невѣрующаго:

— Да ты изъ какихъ? Изъ господъ, что ли? Тѣ не вѣруютъ ни во что, зато они господа. А ты кто? Балбесъ..

Невѣрующій ничего не отвѣчалъ, а робко посмотрѣлъ вокругъ себя; замѣтно было, онъ искалъ поддержки себѣ со стороны. Но всѣ молчали, ждали, что скажетъ Бахинъ. Тотъ не замедлилъ разразиться потокомъ балагурства. Бахинъ былъ мастеръ этого дѣла.

— Эхъ, ты, дубина—дубина березовая! обратился онъ къ невѣрующему.—Гдѣ ты росла, гдѣ невыросла?—Росла я, братцы, невыросла,—Бахинъ перемѣнилъ голосъ на плаксивый, во Винной лукѣ, на томъ островѣ, на Каржинышмъ, близъ того ерика, близъ Вонючаго. — Во Винной лукѣ, братцы, во излучинѣ,—Бахинъ заговорилъ обыкновеннымъ голосомъ,—у трехъ маровъ, межъ трехъ вязовъ, лежитъ — гніетъ карпа сокорева,—подъ той карпей, подъ сокоревой, лежитъ заразынька, зараза сибирская. Что жъ она, братцы, не убьетъ такого олуха, какъ нашъ Сидорушка, что не вѣритъ въ крючекъ вилочку лягушечью? А? Какъ вы думаете, Сидорушка? приставалъ Бахинъ къ молодому казаку.—Бѣдненькій! Не поучила тебя матушка родимая уму-разуму, да на службу царскую снарядила, да на чужую дальную сторонушку проводила! Пропадешь ты, мальчикъ, не за рекою,—пропадешь, коли не станешь вѣрить въ крючекъ и вилочку! Горе тебѣ, безтолковому, коли не станешь слушать рѣчи умныхъ людей опытныхъ, бывалыхъ! Знаешь ли ты, къ примѣру, о косточкѣ нельдимкѣ, а? —приставалъ Бахинъ къ казачешку.

Сидорушка не стоялъ, отозвался казачекъ.

Сидорушка, казачекъ сидѣлъ съ нами, отошелъ къ дверямъ и сталъ справлять дежурное на полу сѣдло, хотя оно вовсе не требовалось, ибо лежало хорошо уже.

— Да ты не уходи, Сидорушка, не уходи! кричалъ ему

вслѣдъ Бахинъ.—Подойди ко мнѣ, голубчикъ, я разскажу тебѣ о косточкѣ-невидимкѣ, а мало,—разскажу о неразмѣнномъ цѣлковомъ, а мало, — разскажу притчу о камыкъ-камнѣ самоцвѣтѣ.

Во все время, пока Бахинъ это говорилъ, калмыкъ Чульчумка не сводилъ съ него глазъ и напряженно вслушивался въ каждое его слово.

Казачекъ, къ которому приставалъ Бахинъ, наконецъ не вытерпѣлъ и ушелъ изъ избы.

Казаки засмѣялись.

— Шутъ съ тобой,—проговорилъ Бахинъ вслѣдъ казачонку.—Дурака учатъ уму-разуму, а онъ же сердится. И безъ тебя есть кому меня послушать; Чульчумка!—обратился Бахинъ къ калмыку.—Хочешь добыть косточку-невидимку, а?

— Костушка-невыдумка? Какой такой эта штукъ?—спросилъ калмыкъ разсказчика.

— Не невыдумка, дурашка, а невидимка!—поправилъ Бахинъ. Слушай, калмыцкій лобъ.

Калмыкъ кивнулъ головой. Бахинъ прокашлялся и началъ.

XVII.

Косточка-невидимка.

— Косточка-невидимка,—говоритъ Бахшинъ,—просто-напросто небольшая косточка изъ черной кошки. Кто эту косточку будетъ держать при себѣ, того никто, значитъ, видѣть не можетъ: оттого она и называется косточка-невидимка. Добываютъ ее слѣдующимъ манеромъ. Однако, хорошенько слушай, калмыцкій лобъ, ни одного слова не пропусти.

Бахшинъ прокашлялся. Калмыкъ весь обратился въ слухъ и вниманіе. Бахшинъ продолжалъ :

— Главное: добудь черную кошку, безъ всякой отмѣтины, то-есь, чтобы нигдѣ у нея, ни на лапкахъ, ни подъ шейкой, не было ни единаго бѣлаго волоска. Хорошо. Добывши такую кошку, иди съ ней въ баню, въ глухую полночь, на Святкахъ, когда значитъ, шишиги (черти) вылазятъ изъ преисподней и разгуливаютъ по землѣ межъ людей. Хорошо. Забравшись въ баню, свари эту кошечку въ котлѣ, свари, какъ она есть, цѣликомъ. Долго вари—кипяти кошку, чтобы мясо разопрѣло, отъ костей отстало и въ кисель претворилось (превратилось). Хорошо. Бурду эту процѣди сквозь рѣшето; жижа, знамо, пройдетъ, останется густень. И эту густень разведи водой, промой и опять процѣди. Дѣлай это до тѣхъ поръ, покуда всѣ косточки очистятся. Вотъ тутъ-то межъ костями и ищи ее, голобушку, то-есь, косточку-невидимку. А распознать ее можно такимъ родомъ. Поставь пе-

редь собой зеркало и одной рукой, косточку по-косточкѣ, перебирай всѣ кости, а самъ глядись въ зеркало. Когда будутъ попадаться тебѣ въ руку простыя кости, ты будешь видѣть себя въ зеркалѣ, а какъ попадется она, то есть, косточка-невидимка, такъ рожа твоя скроется въ зеркалѣ: самъ себя, значитъ, не увидишь. Вотъ тебѣ и вся недолга!—заключилъ Бахинъ.—Потомъ, минуту спустя, онъ спросилъ калмычка.

— Понялъ?

Калмыкъ кивнулъ головой, а потомъ спросилъ:

— А какой изъ того толкъ будетъ?

— Экой ты какой, дуранка, непонятный!—сказалъ Бахинъ.—Я ужъ тебѣ говорилъ: кто-де эту косточку будетъ держать при себѣ, того никто не можетъ видѣть. Къ примѣру, вотъ бы я имѣлъ эту косточку. Хорошо. Держу я ее въ рукахъ и стою съ тобой рядомъ, а ты меня не видишь, значитъ, косточка глаза отводитъ; оттого она и называется невидимкой. Понялъ, что ли?—спросилъ Бахинъ калмыка.

Понялъ ли, не понялъ ли калмыкъ, Богъ вѣдаетъ, только кивнулъ головой и о чемъ-то хотѣлъ спросить, но Бахинъ предупредилъ его.

— Всего удобнѣе,—сказалъ Бахинъ,—эту самую косточку зашить въ шапку. Надѣлъ шапку и разгуливай по бѣлому свѣту: что хошь твори, никто тебя не увидитъ. Къ примѣру, зайди въ любую лавку и бери что хочешь, никто не воспретитъ, никто, значитъ, видѣть тебя не можетъ. Хорошо?—спросилъ Бахинъ Чульчумку.

Чульчумка осклабился и отъ удовольствія заёрзалъ на мѣстѣ. Ясно было, что только тутъ уразумѣлъ все значеніе таинственной косточки.

— Важна!—проговорилъ калмыкъ.—Этакъ можна къ Лейбе зайти на шинка и всю грушовку, всю вишневку утащить?

— Можно!—отвѣчалъ Бахинъ.

— Ай, да славно!—осклабившись, проговорилъ Чульчумка и подпрыгнулъ на мѣстѣ.

Русскіе засмѣялись.

— Кто про что,—замѣтилъ одинъ изъ нихъ,—а калмыкъ про вино.

— Чульчумка, убей тя, — подхватилъ другой: облопаешься!

— На томъ свѣтѣ на каменку взвалятъ и „холодна“ не дадутъ!—проговорилъ третій.

— Ничаво!—былъ отвѣтъ калмыка.—Только бы у Лейба грушовка да вишневка кончать.

Русскіе снова засмѣялись.

— Молодецъ, Чульчумка! — похвалилъ Бахинъ Калмыка. —Не робѣетъ! И за это самое, что ты не робѣешь, да умныя рѣчи со вниманіемъ слушаешь,—сказалъ Бахинъ калмыку, —за это я научу тебя, какъ добыть неразмѣнный цѣлковый. Тоже штука славная. Хочешь.

Калмыкъ закивалъ головой.

— Бажалыста,—проговорилъ онъ: —много добра не мѣшатъ.

— Слушай же, дурашка.

XVIII.

Неразмѣнный цѣлковый.

— Добейся точно такую же черную кошку,—началъ Бахшиъ,—спеленай ее, какъ пеленаютъ грудныхъ младенцевъ, выходи съ ней на улицу, тоже на Святкахъ и въ полночь, и стань на перекресткѣ. Хорошо. Много ли, мало ли, долго ли, коротко ли, постоишь ты тутъ, и явятся къ тебѣ веселые черти въ образѣ людскомъ. А отличить ихъ отъ настоящихъ людей можно по хвосту, да по ногамъ. Какъ бы тамъ чортъ ни притворялся, а хвоста скрыть не можетъ: хоть кончикъ, да будетъ видѣнъ изъ-подъ одежды. Тоже и насчетъ ногъ: нетовыхъ, значитъ, ногъ онъ имѣть не можетъ, а будетъ имѣть иль бо лошадиныя копыты, иль бо звѣриныя лапы. Понялъ?

Чульчумка кивнулъ головой. Бахшиъ продолжалъ:

— Явятся къ тебѣ, говорю, черти, и спросятъ: что это, человѣче, у тебя на рукахъ? Ты отвѣчай: черная кошечка. „Продай!“ скажутъ черти. Ты отвѣчай: не продажна, а оброшна. „Сколько оброку?“ спросятъ черти. Ты говори: неразмѣнный цѣлковый. Слышишь,—сказалъ наставительно Бахшиъ: зазубри это слово. Ладно! Черти засмѣются и скажутъ: „Простъ же ты, человѣче! просишь цѣлковый, когда вещь стоитъ золотой. Но мы, скажутъ черти, не хотимъ воспользоваться твоей простотой. Возьми, скажутъ, золотую“!

А ты не бери, говори одно: подайте-де неразмѣнный цѣлковый. Черти станутъ давать тебѣ двѣ золотыхъ, три, десять, будутъ давать горсть золотыхъ, пригоршни, этого мало—будутъ давать мѣшки золота, но ты не зарись, стой на своемъ: подайте-де неразмѣнный цѣлковый и баста! Оно конечно, — замѣтилъ разсказчикъ, —можно бы взять мѣшокъ золота, пудика въ три, четыре, порядочная кучка, что и толковать, да проку-то въ немъ мало: какъ только возьмешь, такъ золото въ черепки и обратится. По этой самой причинѣ ты, Чульчумка, отнюдь на золото или на другое что не соглашайся, а стой на своемъ: цѣлковый-де неразмѣнный подавайте! Хорошо. Слушай дальше.

— Словно самарскіе кулаки, что нашего брата на пшеницѣ надуваютъ, словно, говорю, кулаки, черти долго будутъ съ тобой торговаться; напослѣдокъ согласятся, вотъ тутъ-то и держи ухо востро. Одного изъ себя пошлютъ черти за цѣлковымъ, якобы домой, а куда домой? Знамо, въ адъ кромѣшный, къ сатанѣ веселому. Хорошо. Явится чортъ съ неразмѣннымъ цѣлковымъ, и подастъ его тебѣ. Но ты кошечку изъ рукъ не выпускай —надуютъ, бестіи. Сперва возьми цѣлковый въ лѣвую руку, на ладонь, а правой перекрести...

При послѣднемъ словѣ русскіе слушатели захохотали. Разсказчикъ пріостановился; улыбнулся и потомъ заговорилъ:

— Ахъ, Чульчумка! Жаль мнѣ тебя, горемычнаго: нельзя тебѣ добыть неразмѣнный цѣлковый. Я и забылъ, слухъ, что ты идолу поклоняешься, а что идолъ, что чортъ не въ обиду будь сказано—все единственно. Вѣдь такъ?—обратился разсказчикъ къ калмыку.

— Ну, ну, ну! А ты не бранись, Басыка! — проговорилъ калмыкъ и потрепалъ разсказчику колѣно.

— А ты не сердись, дуранка,—сказалъ Бахинъ: — я дѣло говорю.- Черти тебя надуютъ, сволочи, цѣлковый дадутъ. Вмѣсто, значитъ, неразмѣннаго цѣлковаго, подсунутъ тебѣ черепокъ, альбо и другое что похуже... придется еще руки обмывать. Ну, а съ русскимъ этой штуки имъ сыграть не

удастся, коли русскій самъ не дастъ маху, —продолжалъ Бахинъ.—Къ примѣру, я продаю кошечку. Хорошо. —Мнѣ дадутъ черти цѣлковый. Хорошо. Прежде чѣмъ отдать имъ кошечку, я перекрещу правой рукой цѣлковый и—дьявольское наважденіе исчезнетъ, то-есть, есть-коли черти подсунутъ фальшивый цѣлковый, онъ тотъ-жъ секунду обратится въ черепокъ, пу, я и плюну его чертямъ въ харю. —Тогда черти подуются-подуются, да и вырыгнутъ настоящій неразмѣнный цѣлковый.—Имъ видишь ли, и кошечка-то дорога, и цѣлковый-то дорогъ, — пояснилъ разсказчикъ: — вотъ они и мудрятъ, проклятые, надъ человѣкомъ, думаютъ: „не надуемъ ли“.—Однако кошечка пересиливаетъ; она, значитъ, все-таки для нихъ дороже неразмѣннаго цѣлковаго. Хорошо.—Слушай.

— Коли очутится у человѣка въ рукахъ настоящій неразмѣнный цѣлковый,—продолжалъ Бахинъ,—то-есть, коли онъ не исчезнетъ или не оборотится отъ крестнаго знаменія въ черепокъ,—человѣкъ отдастъ чертямъ кошечку, а самъ останется на мѣстѣ до тѣхъ поръ, покуда пропѣютъ первые пѣтухи. Тогда черти исчезнутъ, и дѣло съ концомъ. Понялъ?—обратился Бахинъ къ калмыку.

Чульчумка вытаращилъ глаза на разсказчика. Ясно было, калмыкъ не уразумѣлъ всего значенія таинственнаго цѣлковаго. Бахинъ принялся объяснять.

— На этотъ самый цѣлковый, заговорилъ Бахинъ,—человѣкъ, что захочетъ, все можетъ покупать, но онъ не весь, то-есть, безпремѣнно долженъ брать сдачу, не то, цѣлковый пропадетъ. Къ примѣру, купитъ человѣкъ въ лавкѣ чего-нибудь на полтинникъ, ему сдадутъ полтинникъ же. Человѣкъ выйдетъ изъ лавки, а цѣлковый тотъ же мигомъ очутится у него опять въ карманѣ. Такимъ маневромъ хоть сто разъ въ день покупай, бери сдачу, сколько-нибудь, да бери, хоть бы грошъ единый, все единственно,—цѣлковый все будетъ приходить назадъ. Отъ того-то онъ и называется неразмѣннымъ, значитъ всегда цѣлъ; нѣтъ ему размѣна.

— Важная вещь, этотъ неразмѣнный цѣлковый, —прибав-

вилъ Бахинъ:—и товаръ, и сдача, и онъ самъ—все у тебя. Такимъ родомъ, покупая кое-что по малости и загребая сдачу, можно тысячникомъ сдѣлаться. Но,—заключилъ разсказчикъ,—коль-скоро дашь маху, купишь на весь цѣлковый—шабашъ! Не зови своимъ: останется онъ у купца, а тамъ унесутъ его черти опять къ себѣ. Понялъ?—вопросилъ Бахинъ Чульчумку.

Чульчумка прищурилъ глазки, потрясъ головой и отчаянно махнулъ рукой.

— Ай, ай, Баська!—проговорилъ наконецъ калмыкъ.—Ума-разума кончалъ! Больно страшна, больно мудрана.

— А ты какъ бы думалъ, калмыцкій лобъ?—замѣтилъ Бахинъ.—Ты полагаешь: тянь-лянь, да и клѣтка. Нѣтъ, дуранка, съ нечистой силой надо умѣючи обращаться, тутъ нуженъ умъ, да умецъ, да третій разумецъ.

Настало молчаніе. Только калмыкъ время отъ времени бормоталъ про себя: „мудрана, мудрана!" „Страшна, страшна!" Наконецъ, спустя нѣкоторое время, одинъ изъ русскихъ замѣтилъ:

— Чудная, однако, вещь, этотъ неразмѣнный цѣлковый.

— Еще бы!—отозвался Бахинъ.

— Откуда, эдакая вещь, онъ взялся?

— Отъ чорта!—отвѣтилъ Бахинъ.

— Да чортъ-то откуда добылъ?

— Изъ тартара-преисподней.

— Да откуда въ преисподнюю-то онъ попалъ?—допытывался любопытный.

— Много будешь знать, скоро состарнишься!—проговорилъ Бахинъ съ оттѣнкомъ неудовольствія; но потомъ спохватился, весело прибавилъ: да что объ этомъ толковать. У чорта и помудренѣе кое-что есть, нежели этотъ цѣлковый: на то, значитъ, онъ и чортъ.

— А что такое еще?—спросилъ кто-то изъ слушателей.

— Камыкъ-камень самоцвѣтъ!—сказалъ Бахинъ.

Спрашивавшій замолчалъ. Немного погодя Бахинъ заговорилъ:

— Это такой, братцы мои, камень драгоцѣнный, которому цѣны нѣтъ, который, значитъ, всего на свѣтѣ дороже. А добыть онъ изъ преисподней,—добавилъ Бахинъ.—Сказывалъ мнѣ объ немъ отецъ Петръ, крещеный священникъ. Слыхали, чай, объ немъ, объ отцѣ Петрѣ?—обратился Бахинъ къ окружающимъ.

— Это тотъ, что ли, что надерживался въ М—хъ хуторахъ?—спросилъ кто-то изъ казаковъ.

— Онъ самый.

— Да вѣдь его, кажись, давно сковали и въ острогъ заточили.

— Нѣтъ, не больно давно: всего третій годъ,—сказалъ Бахинъ.—Вотъ тогда-то я и слышалъ отъ него эту притчу, продолжалъ Бахинъ. Когда вели его, то-есть, отца Петра, изъ Уральска въ Саратовъ, въ ту пору я служилъ на Чижахъ, и трафилось мнѣ быть въ конвойныхъ. Когда мы вели его степью по тракту на г. Хвалынскъ, онъ, то-есть, отецъ Петръ, во всю дорогу неустанно говорилъ намъ отъ Божественнаго Писанія. Разъ онъ сказалъ, что не худо бы, для поддержки благочестія, нашему обществу добыть своего архіерея отъ благочестія. Съ нами въ ту пору былъ казакъ Красняковъ изъ Т—хъ хуторовъ. Онъ и сказалъ на это отцу Петру, что нельзя-де этому дѣлу статься. Шутка ли! Своего архіерея добыть. Гдѣ его найдешь? На это отецъ Петръ разсказалъ намъ одну притчу, то-есть, притчу о камнѣ-самоцвѣтѣ. Хотите? Я разскажу.

Долго Бахинъ преимущественно старается для гостей Чулчумки. Но тутъ, когда рѣчь коснулась отца Петра, крещеннаго священника и притчи, слышанной отъ него, Бахинъ оставилъ Чулчумку въ покоѣ и обратилъ свое красорѣчіе къ однимъ русскимъ. Тѣ плотнѣе сдвинулись вокругъ него. Чулчумка остается на заднемъ планѣ.

Разсказывай, Вениій, разсказывай! — [illegible] множество голосовъ, чуть ли не всей чайной компаніи.

———

XIX.

Камыкъ-камень самоцвѣтъ.

— Хорошо. Слушайте.

Бахнинъ прокашлялся и продолжалъ:

„Жилъ былъ во лѣсу, во пустынѣ, нѣкій мужъ благочестивый. Хорошо.—Неужто-де, въ самомъ дѣлѣ, думалъ пустынникъ, можно найти все то, чего ни захочешь?—знамо дѣло, прибавилъ разсказчикъ,—дьяволъ сомущалъ пустынника.—Хорошо.—Пустынникъ долго думалъ надъ этимъ голову. Наконецъ не выдержалъ и пошелъ за совѣтомъ къ другому пустыннику,—тотъ жилъ неподалеку отъ него. Хорошо.—Пришелъ пустынникъ къ пустыннику и говоритъ:

— Не всуе ли мы трудимся?

— Какъ такъ!—спрашиваетъ второй пустынникъ.

— Такъ и такъ!—говоритъ первый пустынникъ и разсказалъ второму пустыннику, въ чемъ дѣло.

„Хорошо. Второй пустынникъ—онъ былъ постарше перваго, значитъ, побольше видѣлъ всякаго—второй пустынникъ сейчасъ открылъ, значитъ, книгу, отыскалъ въ ней одно мѣсто и указалъ первому пустыннику.—Вотъ, говоритъ, сбудь. И разъ пустынникъ прочелъ.

— Ну, что, уразумѣлъ этого сказанья?—вопросилъ второй пустынникъ перваго.

И разъ пустынникъ по рукамъ хлопнулъ: увѣрился былъ,

а потомъ, черезъ нѣкоторое время, опять пошелъ свое,— знамо, дьяволъ соблазнялъ.—Вышелъ у пустынниковъ горячій споръ. Напослѣдокъ второй пустынникъ и говоритъ:

— Послушай, братъ! замѣсть того, чтобы намъ спорить и дьявола потѣшать, ты попробуй. Хоша и нагрѣшно, говоритъ, однако, дѣлать нечего, попробуй, испытай; авось увѣруешь.

— Немудуй!—говоритъ первый пустынникъ.—И безъ испытанія, напередъ можно сказать, прежде всякаго всего, чего ни захочешь.

— Ты прежде испытай!—говоритъ второй пустынникъ.

— Хорошо,—говоритъ первый пустынникъ.—Къ примѣру, пошелъ бы я къ царю и посваталъ бы у него за себя дочь. Неужто отдастъ?

— Испытай,—говоритъ второй пустынникъ.

„Первый пустынникъ рѣшился испытать, пошелъ къ царю. Хорошо.—Докладываютъ царю, что какой-то пустынникъ желаетъ видѣть его по весьма важному дѣлу. Царь велѣлъ допустить. Явился пустынникъ и говоритъ:

— Такъ и такъ, ваше царское величество! Возмѣлъ, говоритъ, я намѣреніе оставить пустынническое житіе и возвратиться въ міръ.

— Что же?—говоритъ царь:—тѣлесному волкъ, плотскому рай.

— Однако,—говоритъ пустынникъ,—жить въ міру онъ мнѣ неудобно: хочу, говоритъ, жениться и домомъ обзавестись.

— Что же?—говоритъ царь.—Дѣло хорошее. И въ Писаніи сказано,—говоритъ царь:—„размножайтесь и умножайтесь!

— Однако,—говоритъ пустынникъ, какъ бы мнѣ сказать вашему царскому величеству? Къ примѣру, у васъ говорятъ, у насъ купцы, точно, и просту сказать,—говоритъ пустынникъ,—пришелъ я къ вашему царскому величеству просить у васъ за себя дочку вашу,—не будетъ ли отдана?

— Вотъ какъ смѣнилъ пигуху! — смѣялись разсказчикъ.—Ай-да, пустынникъ! Молодецъ! — Потомъ продолжали.

„Царь и то ужаснулся, услыхавши такія слова отъ пустынника, отскочилъ отъ него на нѣсколько шаговъ и закричалъ стражникамъ, чтобы взяли пустынника подъ караулъ и отвели въ темницу. Сей же мигъ явились стражники и схватили пустынника кто за руки, кто за шиворотъ, и потащили раба Божьяго въ царскихъ палатъ. Пустынникъ завопилъ, кричитъ:

— Это незаконно! За что же, ваше царское величество, такая немилость? Вѣдь я не укралъ что. Я, говоритъ, только дочку твою посватать. Вольны отдать, говоритъ,—вольны и не отдать. Знаете: плохой сватается, хорошему путь указываетъ.

— Айда, пустынникъ! Не робѣть. Молодецъ,—замѣтилъ разсказчикъ, потомъ продолжалъ:

„Царь одумался, велѣлъ освободить пустынника. Освободили. Царь говоритъ пустыннику:

— И вправдѣ такъ! Однако, говоритъ царь, дочь у меня одна, приданаго за ней полцарства,—а умру—и все царство мое. Понимаешь?—спрашиваетъ царь.

„Пустынникъ кивнулъ головою: понимаю-де. Ладно.

— По приданому,—говоритъ царь,—должна быть и [illegible]. Чѣмъ же ты на кладу [illegible]?—спрашиваетъ царь.

„Знаемо,—подумалъ разсказчикъ,—царь пошелъ на шутку.

— А чѣмъ изволите пополнить?—спрашиваетъ пустынникъ.

— А у тебя что есть?—спрашиваетъ царь.

— Ничего нѣтъ!—говоритъ пустынникъ.

„Царь улыбнулся. Въ это время подошелъ къ нему парнишка съ [illegible]: собрался, значитъ, прогуляться и зашелъ въ [illegible]. Царь разсказалъ имъ, въ чемъ дѣло. Це-

---

[illegible]

рица засмѣялась, а царевна призадумалась. Потомъ немного погодя говоритъ:

— Папенька! Вычитала я въ книжкахъ, что есть гдѣ-то на свѣтѣ одинъ драгоцѣнный камень, называется онъ: камыкъ-камень самоцвѣтъ. Нѣтъ-то его,—говоритъ царевна,—и краше, нѣтъ-то его и дороже. Прикажите пустынножку отыскать этотъ камень.

— Ай-да, дочка! Славно выдумала!—говоритъ царь.—Зададимъ же мы отцу пустынножку задачу: исполнитъ—хорошо: не исполнитъ—голову долой! Впередъ дурить не станетъ. Слушай,—говоритъ царь пустынножку.—Отыщи и доставь мнѣ камыкъ-камень самоцвѣтъ. Доставишь, дочь за тебя отдамъ,—въ томъ тебѣ порукой мое царское слово,—нѣтъ, не прогнѣвайся: велю тебя казнить. Слышишь? спрашиваетъ царь пустынника.

— Слушаю!—говоритъ пустынникъ.—Больше ничего? спрашиваетъ пустынникъ царя.

— Больше ничего,—говоритъ царь.

— Завѣмъ прощенья просимъ! говоритъ пустынникъ, сказалъ это, поклонился и ушелъ.

Разсказчикъ пріостановился, прокашлялся и продолжалъ:

„Долго пустынникъ странствовалъ изъ мѣста въ мѣсто, изъ города въ городъ, но камыкъ-камня не нашелъ; не точію не нашелъ, даже ни отъ кого не слыхалъ, что есть такой камень и есть. Наконецъ пустынникъ сталъ раскаяніе, что рѣшился на такія дѣла, о коихъ пустынножку и думать грѣшно, вспомнилъ, говорю, пустынникъ въ раскаяніе и удалился домой въ пустыню, захотѣлъ, значитъ, замолить грѣхъ. Ладно. Отыскалъ пустынникъ порожнюю келью и въ ней поселился. Ладно.—Въ первый же вечеръ пустынникъ сталъ на молитву, стоитъ и слышитъ позади себя какой-то пискливый голосъ. Пустынникъ оглянулся: никого нѣтъ. Пустынникъ опомнился и опять сталъ молиться. Но послѣдъ пустынникъ услышалъ дребезжащій голосъ: —

„Отче! Выпусти меня пожалуйста отсюда. А я тебѣ слуга покорный буду“.

„Пустынникъ обернулся и спросилъ:

— Кто еси ты?

— Чортъ!—отвѣчалъ голосъ.

Пустынникъ перекрестился.

— Гдѣ ты? спрашиваетъ пустынникъ.

— Здѣсь, въ рукомойникѣ! отвѣчаетъ чортъ.

„Пустынникъ подошелъ къ рукомойнику, что висѣлъ у порога на бечевкѣ, подвинулъ и слышитъ, въ рукомойникѣ что-то шевелится.

— А!? —говоритъ пустынникъ. Такъ ты тутъ, окаянный?

— Тутъ, отче!—говоритъ чортъ.

— Какимъ манеромъ ты сюда попалъ?—спрашиваетъ пустынникъ!

— Да отъ своей глупости, —говоритъ чортъ.—Назадъ тому годовъ тридцать, —говоритъ чортъ, спасался въ этой самой кельѣ одинъ пустынникъ. Я, говоритъ, соблазнялъ его и всякими манерами мѣшалъ ему молиться, но пустынникъ былъ твердъ, не поддавался. Разъ стоялъ онъ на молитвѣ, а я, говоритъ чортъ, чтобъ помѣшать ему, съ дуру-то, и влѣзъ въ рукомойникъ, и давай по кошачьи мяукать; думалъ, не выведу ли пустынника изъ терпѣнья, не выругаетъ ли онъ меня въ сердцахъ какимъ ни на есть нехорошимъ словомъ. Но пустынникъ, говоритъ чортъ, —твердъ былъ. Не говоря ни слова, тихою поступью, подошелъ пустынникъ къ рукомойнику и осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ,—только и было! —Я, говоритъ чортъ, какъ сидѣлъ тутъ, такъ и остался. Выйти отсюда мнѣ никакимъ манеромъ нельзя: крестъ не допускаетъ. Развѣ, говоритъ чортъ, развѣ какой добрый человѣкъ сжалится и разобьетъ рукомойникъ: тогда, говоритъ чортъ, получу свободу. Пожалуйста, отче, разбей рукомойникъ, упрашиваетъ чортъ, и дай мнѣ волю, а я, говоритъ чортъ, дамъ тебѣ за то чего ни запросишь. Пожалуйста, отче, удружи! умаливаетъ чортъ и вздыхаетъ.

— А что ты мнѣ дашь? —спрашиваетъ пустынникъ.

— Что хочешь, —говоритъ чортъ:—сребра ли, злата ли, драгоцѣнныхъ ли камней. Всего этого,—говоритъ чортъ—у насъ вдоволь, хоть лопатами греби.

Пустынникъ спохватился, и говоритъ чорту:

— А можешь ли ты добыть мнѣ камыкъ-камень самоцвѣтъ?

— Постараюсь,—говоритъ чортъ.—Этотъ самый камыкъ-камень самоцвѣтъ,—говоритъ чортъ,—у нашего сатаны въ аду бережется. Слетаю, говоритъ, къ нему и выпрошу.

— А ну, какъ сатана-то,—говоритъ пустынникъ, пожалѣетъ и не отдастъ камыкъ-камень. Тогда что?

— Этого быть не можетъ,—говоритъ чортъ.—Хоша камыкъ-камень и дорогъ сатанѣ, однако,—говоритъ чортъ,—г Я чего-нибудь да стою. Вѣдь я не рядовой чортъ—говоритъ чортъ,—а чиновный. Есть-когда-бъ не засѣлъ здѣсь, я бы теперь былъ генераломъ. Да ты не сомнѣвайся,—говоритъ чортъ пустынныку. —Я ужъ такъ поведу дѣло, что безпремѣнно добуду тебѣ этотъ камень. Пожалуйста, выпусти только на волю поскорѣе,—упрашиваетъ чортъ.

— А кто мнѣ за тебя поручится,—спрашиваетъ пустынникъ чорта,—кто мнѣ поручится, что ты не надуешь меня? Вѣдь ты дьяволъ!

— Клянусь тебѣ,—говоритъ чортъ, —клянусь самимъ сатаной моимъ и всѣмъ мрачнымъ его адомъ!

— Хорошо,—говоритъ пустынникъ.—Выпущу тебя на волю: такъ и быть! Исполнишь-ли—твое дѣло; по крайности,—говоритъ пустынникъ,—буду впередъ знать: твердъ ли дьяволъ въ своемъ словѣ.

Сказалъ пустынникъ и разбилъ посошкомъ рукомойникъ. Чортъ съ радости заржалъ, словно орь, и улетѣлъ; пустынникъ даже не успѣлъ взглянуть на его образину. Хорошо. Пустынникъ остался въ келейкѣ ждать, что то будетъ, а дьяволъ тѣмъ временемъ прилетѣлъ въ адъ и явился у сатаны.

— Такъ и такъ, ваше сатанинское благородіе! —лепартуетъ чортъ сатанѣ.—Тридцать-де лѣтъ сидѣлъ въ темницѣ,

въ рукомойникъ. Ну, и прочее такое. Значитъ, пересказалъ сатанѣ все, что и какъ съ нимъ было.

— Что жъ намъ теперича дѣлать? — спрашиваетъ сатана. — Самъ знаешь, — говоритъ сатана чорту, — камыкъ-камень самоцвѣтъ одинъ во всемъ свѣтѣ; жаль съ нимъ разстаться, на что-нибудь другое какъ бы не пригодился. Не надуть ли, — говоритъ сатана, — не надуть ли намъ пустынника? Куда лешеть просить? Некуда!

— Какъ вамъ будетъ угодно, ваше сатанинское благородіе, — говоритъ чортъ; — только съ моей стороны, осмѣлюсь доложить вашей милости: ладно ли будетъ? Вѣдь я, — говоритъ чортъ, — поклялся твоимъ именемъ.

— Ну, коли такъ, — говоритъ сатана — дѣлать нечего. На, возьми камыкъ-камень самоцвѣтъ и отнеси пустыннику. По крайности, — говоритъ сатана, — будетъ знать, что и мы не кое-какіе, и мы своимъ словомъ дорожимъ.

— Ладно, — продолжалъ разсказчикъ. — Получивши отъ сатаны камыкъ-камень, чортъ взвился и полетѣлъ къ пустыннику, прилетѣлъ и — бацъ на столъ камыкъ-камень, а самъ отскочилъ къ притолкѣ и вытянулся въ струну, а руку приложилъ ко лбу, якобы къ козырьку, значитъ, по чиновничьи честь отдаетъ. Ладно. Пустынникъ посмотрѣлъ на камень: камень блеститъ, сіяетъ, что твое солнце, идно глаза слѣпитъ. Посмотрѣлъ пустынникъ на чорта: тотъ — ужаснѣйшая образина, идно съ души тянетъ. Пустынникъ отвернулся отъ чорта и перекрестилъ камыкъ-камень: тотъ какимъ былъ, такимъ и остался, не прервался съ простой камень или бо въ черенець значитъ, человѣкъ. Пустынникъ опять посмотрѣлъ на чорта, посмотрѣлъ и задумался, потомъ и говоритъ:

— Нѣтъ ли тутъ какого подвоха?

— Помилуй! — говоритъ чортъ — какой подвохъ? Никакого нѣтъ! Если бы былъ подвохъ, — говоритъ чортъ, — незачѣмъ бы мнѣ къ тебѣ и являться.

— Да ты кто? — спрашиваетъ пустынникъ чорта.

— Да самый тотъ, кого ты выпустилъ изъ рукомойника!—говоритъ чортъ.

— Помилуй! — говоритъ пустынникъ. — Что ты мороченшь? Тотъ былъ маленькій, а ты вонъ какой верзила. Тотъ въ рукомойникѣ помѣщался, а ты насилу въ кельѣ-то уставился. Есть-коли ты тотъ самый, -говоритъ пустынникъ,— то докажи: влѣзь снять въ рукомойникъ; тогда и повѣрю, что нѣтъ никакого подвоха.

— Ай-да пустынникъ! —смѣялъ разсказчикъ. -Подводитъ статью,—молодецъ!

„Чортъ,—продолжалъ разсказчикъ, чортъ повелъ буркалами (глазами) на то мѣсто, гдѣ прежде висѣла его темница, то-есь рукомойникъ, и видитъ: тамъ виситъ новый рукомойникъ. Значитъ, тѣмъ временемъ, покуда чортъ летала въ адъ, пустынникъ повѣсилъ другой рукомойникъ, за мѣсто разбитаго,—пояснилъ разсказчикъ.—Потомъ продолжалъ:

— Изволь! говоритъ чортъ—за этимъ дѣло не станетъ. Смотри!

„Сказамши это, чортъ въ одинъ мигъ превратился въ муху и влетѣлъ въ рукомойникъ. Пустыннику только этого и хотѣлось.

— Гдѣ ты?—спрашиваетъ пустынникъ чорта.

— Здѣсь — отвѣчаетъ чортъ изъ рукомойника. — Посмотри!

„Пустынникъ подошелъ къ рукомойнику и скорехонько сгородилъ его крестнымъ знаменіемъ.

— Сиди же ты, окаянный, тутъ вѣкъ во вѣки! —сказалъ пустынникъ и потомъ вернулся къ столу, взялъ камнекъ-камень самоцвѣтъ и тихою поступью удалился изъ кельи.

„И заревѣлъ же дьяволъ благимъ матомъ, идно пустыня сгласилась! —И закостерилъ же онъ пустынника что ни на есть хуже, идно напоцакъ не выговоринь!... Однако ничего не взялъ: остался, значитъ, въ рукомойникѣ по прежнему. И то хорошо,—прибавилъ разсказчикъ: однимъ чортомъ меньше.

— Вотъ такъ пустынникъ!—замѣтилъ кто-то изъ слушателей.—Дьявола обманулъ. Молодецъ!

— Еще бы—проговорилъ Бахинъ.—На то онъ и пустынникъ, чтобы дьяволу не поддаваться. Однако слушайте, прибавилъ Бахинъ,—сейчасъ конецъ.

И Бахинъ продолжалъ:

„Скоро пустынникъ явился у царя и подалъ ему камыкъ-камень самоцвѣтъ. Царь и обрадовался, и удивился.

— Исполнилъ ты, отецъ, свое слово,—сказалъ царь пустынику,—исполню и я свое: готовься, говорить къ свадьбѣ!

„Тутъ пустынникъ открылъ царю свою тайну. Тѣмъ и дѣло кончилось,—заключилъ разсказчикъ.—Потомъ, обратясь къ слушателямъ, спросилъ:

— А что, какова, братцы, притча?

— Важная!—отозвались нѣсколько голосовъ.

— Нѣтъ ли еще такой?—спросилъ кто-то.

— Такой, какъ эта, нѣтъ,—отозвался Бахинъ: а есть другая, насчетъ нашего брата, служиваго, значитъ, человѣка, какъ, то-есть, нашему брату опасно полагаться на слезы женъ, когда тѣ плачутъ на проводахъ.

— Ну, что же? Валяй эту!

— Сейчасъ, братцы! сказалъ Бахинъ — Только дайте слова-два сказать Чульчумочкѣ.—Чульчумочка! обратился разсказчикъ къ калмыку.

— Я!—послышался изъ-за спины разсказчика отрывистый голосъ калмыка, словно отзывъ на смотровой перекличкѣ.

— Пизирка *) твоя плакала, что ли, когда провожала тебя?—спросилъ Бахинъ.

— А твой какой дѣла?—спросилъ въ свою очередь калмыкъ.

— А вотъ какой,—сказалъ Бахинъ.—Сейчасъ я буду разсказывать исторію насчетъ этакого дѣла. Я буду говорить, а ты съ другими слушай, да на усъ мотай. Когда кончу,

*) Имя Чульчумовой жены.

сказки: бывалъ ли такія исторіи между нашимъ и нашимъ народомъ. Слышишь?

— Ладно!—отозвался калмыкъ.

— Ну, ладно, такъ ладно,—проговорилъ Бахинъ. Потомъ обратился къ русскимъ и сказалъ: Слушайте! Исторія наша и есть.

XX.

Одна жена плакала, а другая нѣтъ.

„Выходилъ отъ насъ на службу полкъ въ Туреччину,— началъ разсказъ Бахмин.—Были въ полку два закадычныхъ друга, оба изъ одного умета *), изъ О....го. Какъ водится, провожали ихъ жены, провожали до Ростовой, до первой, значитъ, расейской станціи. Хорошо.—Жена одного пріятеля... Сидоркой звали, а другого звали Кузьмой, —прибавилъ разсказчикъ, потомъ продолжалъ.—Жена Сидорки, прощумшись съ мужемъ, навзрыдъ плакала, какъ есть съ разными причитаньями. А жена другого пріятеля, Кузёмы, значитъ, прощамшись съ мужемъ, хоть бы слезинку выронила. Хорошо.—Прошелъ полкъ сколько-то станцій. Разъ, ѣдучи позади полка, пріятели разговорились о домашности, то-есть, разсказываютъ одинъ другому, кто сколько извелъ денегъ на сборку, сколько взялъ съ собой, сколько оставилъ дома женѣ. При этомъ разъ Сидора и говоритъ Кузёмѣ:

— Не осердишься, товарищъ, что я тебѣ скажу?

— А что?—спрашиваетъ Кузема.

— Нѣтъ, слушай,—говоритъ Сидора, скажи, не осердишься?

---

*) [illegible] Чи[illegible] другихъ жителей называли станицами. [illegible] крѣпостей, хуторовъ, зимовьевъ и уметовъ.

— Нѣтъ!—говоритъ Кузема.

— Вотъ что, говоритъ Сидора: —жена твоя не любитъ тебя!

— Вотъ-те и разъ!—говоритъ Кузема.—А мнѣ и не вдомёкъ. Однако, почемъ ты знаешь? —спрашиваетъ онъ Сидору. —А самъ, братцы мои, хоть бы усомъ моргнулъ, хоть бы бровью пошевелилъ.

— А вотъ почемъ,—говоритъ Сидора:—провожая тебя, она, каналья, хоть бы слезинку выронила!

„Кузема сдѣлалъ только улыбочку и подумалъ про себя: „попалъ пальцемъ въ небо", а потомъ и говоритъ:

— Ошибаешься ты, другъ любезный! Жена моя любитъ меня: я доподлинно это знаю. А вотъ твоя, стерва,—говоритъ Кузема Сидорѣ,—твоя, стерва, не любитъ тебя! Это вѣрно, дружище, хоть къ бабуникѣ не ходи.

„Сидору, братцы мои, отъ этихъ словъ плохо покоробило. Сколько-то времени прошло. Сидора спрашиваетъ Кузему:

— А почемъ ты это знаешь?

„Кузема ему въ отвѣтъ:

— Провожала тебя, она, шельма, больно ужъ плакала!

„Сидора призадумался. Сколько-то времени прошло, онъ и говоритъ:

— Дорого бы я далъ, дружище, чтобы увѣриться въ томъ, что ты мнѣ сказалъ.

— А сколько бы далъ?—спрашиваетъ Кузема, а самъ улыбается.

— Ахъ, товарищъ! —говоритъ Сидора,—не шути! Не надрывай мое сердце: бо́ль его тонко!

— Послушай, Сидора!—говоритъ Кузема. Прошли мы съ нашей границы пять станцій, всего какихъ-нибудь верстъ сто, а тамъ до нашего жительства верстъ пятьдесятъ, всего, значитъ, полтораста верстъ. Сегодня полкъ придетъ на дневку. Слушай! —говоритъ Кузема.—Лошадей нашихъ мы въ табунъ не пустимъ, а купимъ овса, выдержимъ лошадокъ, хорошенько выкормимъ, до зари утренней и катнемъ домой. Къ всѣмъ будемъ тамъ. Взглянемъ на нашихъ

супружинить, да въ тулъ ночь и вернемся назадъ. Полкъ пройдетъ только съ двенки на слѣдующую станицу, и мы разъ явимся тутъ. Спрашиваться,—говоритъ Кузема, мы не будемъ ни у сотеннаго, ни у вахмистра: не пустятъ, пожалуй; тогда хуже будетъ, а скажемъ только на всякій случай въ десятокъ, то есть, присвидѣтельствуемъ, чтобы, знаешь, не причли насъ послѣ къ настоящимъ бѣглымъ, что отъ службы царской бѣгаютъ. Насъ,—говоритъ Кузема,—и за это тоже накажутъ, да по крайности полкъ будетъ знать, за что были: не за худое дѣло. Согласенъ?—спрашиваетъ Кузема Сидору.

— А ужъ того чего и спрашивать,—замѣтилъ разсказчикъ:—у того, братцы мои, и глаза запрыгали съ радости.

— Идетъ!—закричалъ Сидора, и самъ не зная, что дѣлаетъ, пустился скакать и кружиться, словно пьяный на масляницу.

„При этомъ разѣ лошадь у Сидора спотыкнулась. Сидора остановился.

— Плохая примѣта!—сказалъ Сидоръ.

— Тебѣ примѣты не даются,—говоритъ ему на это Кузема: не вѣрь имъ, дружище, а вѣрь впередъ настоящему дѣлу. И такъ, идетъ?—спрашиваетъ Кузема Сидору.

— Идетъ!—отвѣчаетъ Сидора.

— Хорошо!—говоритъ Кузема.—Слушай уговоръ: что бы мы дома ни увидѣли, что бы мы тамъ ни услышали—молчокъ! Какъ будто насъ и нѣтъ. Согласенъ?—спрашиваетъ Кузема Сидору.

— Согласенъ!—говоритъ Сидора.

— Слушай же!—говоритъ Кузема.—Есть-когда ты не сдержишь слова, я брешу тебя; я не сдержу—ты бросай меня. Идетъ?—спрашиваетъ Кузема Сидору.

— Идетъ!—говоритъ Сидора.

— Честное слово?—спрашиваетъ Кузема.

— Честное казачье слово!—говоритъ Сидора.

„Пріятели ударили по рукамъ,—сказалъ Бахинъ; потомъ продолжалъ:

— Ладно. Полкъ пришелъ на станцію. Товарищи занялись своимъ дѣломъ, то-есть, стали готовить лошадей. Приготовили. Полкъ еще стоялъ, а пріятели мчались уже по дорогѣ назадъ. Въ полдни при какой-то рѣчкѣ они остановились, сдѣлали привалъ, выдержали коней, дали имъ пощипать травки, напоили и опять пустились въ путь. Ладно.—Часу въ десятомъ ночи, какъ, значитъ, разсчитывалъ Кузема, товарищи были близъ своего жительства, сошли съ коней, завели ихъ въ чаганаки *), посадили на приколъ **), а сами пѣшкомъ пошли на уметъ. Сперва-начала подошли они къ дому Куземы, съ задовъ черезъ плетень перелѣзли на дворъ. Тутъ залаяла было на нихъ собака, но Кузема тихонько свиснулъ. Собака узнала хозяина и, знамо дѣло, замолчала, стала къ хозяину ласкаться. Хорошо. Пріятели подошли къ избѣ и сквозь щель въ ставнѣ видятъ въ избѣ огонекъ. Пріятели подошли къ самому окну, взглянули въ щель и увидѣли: передъ образами теплится свѣчка; стоитъ столъ; на столѣ книга; передъ столомъ стоитъ жена Куземы, такая блѣдная, печальная, въ черномъ сарафанчикѣ, безъ галунцовъ, повязана, братцы мои, постарушечьи, полотенцомъ подъ горлышко. Тутъ же, рядомъ съ ней, съ потолка, виситъ зыбка, а въ зыбкѣ лежитъ ребенокъ—сынъ, значитъ, Куземы. Ладно.—Стоитъ Куземина жена и скромнехонько, съ благоговѣніемъ читаетъ канонъ заздравный за путешествующихъ и на службѣ обрѣтающихъ, а у самой слезы такъ и льются, такъ и льются рѣкой. Гдѣ слѣдуетъ, по канону, она крестится, кладетъ поклоны и творитъ молитву: „Спаси, Господи, и помилуй раба своего, Кузему, на службу посланнаго".—Пріятели все это видятъ, все это слышатъ. Напослѣдокъ жена Куземина кончила канонъ, сокрушила божію свѣчку и зажгла простую; подошла къ зыбкѣ, накло-

---

*) Чаганакъ—киргизское названіе. Отгонная, болотистая, поросшая кустарникомъ и травой, мѣстность.

**) То есть: на арканъ, на веревку.

нилась надъ ней и говорить: „Дитятко мое неразумное! Спишь, касатикъ, и не чуешь, что нѣтъ съ нами твоего тятеньки, а моего друга милаго, Куземы Ивановича!“ -Выговорила это и зарыдала.

— Пріятелей идно слеза прошибла,—замѣтилъ разсказчикъ и продолжалъ:

— Тихимъ молчаніемъ товарищи отошли отъ окна и тѣмъ же путемъ, которымъ пришли, выбрались на зады.

— Ну, что скажешь? спросилъ Кузема Сидору.

— Не бай, дружище? говоритъ Сидора. -Вчужѣ сердце радуется. Есть-когда бы—говоритъ Сидора.—мнѣ хотя чуточку похожаго на это увидѣть въ своемъ домѣ,—я бы, говоритъ, счастливъ былъ и спокоенъ.

— Пойдемъ!—говоритъ Кузема. Може, еще лучше увидишь.

— Хорошо.—Пріятели пошли на другой конецъ умета, къ дому Сидорину. Еще не дошедши до дому, они услыхали шумъ-гамъ. Сидора остановился.

— Идти ли?—спрашиваетъ онъ Кузему.—Что-то сердце екнуло.

— Какъ же не идти!—говоритъ Кузема.—Вѣдь за этимъ только и скакали сломя голову, за этимъ и отлучку изъ полка сдѣлали. Пойдемъ! -говоритъ Кузема.—Было бы за что отвѣчать передъ начальствомъ.

— Пріятели пошли. Зашли также съ задовъ, перелѣзли черезъ плетень, перешли задній дворъ, подошли къ воротцамъ, что вели съ задняго на передній дворъ, и тутъ остановились, дальше, значитъ, не зачѣмъ было идти: кіятеръ какъ разъ тутъ имъ представился. Прямо передъ ними была распахнута дверь въ сѣни; въ сѣняхъ столъ; на столѣ еще, закуска,—около стола гости: двѣ-три бабенки, потаскушки, двое-трое мужчинъ, холостяги. Идетъ пиръ горой.— Жена Сидорина сидитъ, братцы мои, на колѣняхъ у одного парня. Тотъ бренчитъ на балалайкѣ. — Ну-ка! — говоритъ этотъ парень женѣ Сидориной.—Ну-ка Матрынька! Я сыграю, а ты подпяни, какъ бабы съ мужьями прощаются.—

Сказалъ это и началъ, по обыкновенію, перебирать на одной струнѣ. А она, тотъ-часъ жена Сидорина, давай плаксивымъ голосомъ подтягивать:

„Дру-у-угъ мой! Душа-а-а моя-я-я!
Ты куда-а-а со-о-обира-а-а-ешься?
А! а! а! а! а! а! а!
Дру-у-угъ мой! Душа-а-а-а моя-я-я!
На ко-о-го меня ты сно-о-о-кида-а-ешь.
А! а! а! а! а! а! а!

— Кіятеръ разыгрываетъ, бестія!—прибавилъ разсказчикъ,—потомъ продолжалъ:

„Много ли, мало ли, насмѣхалась она такъ, бестія, напослѣдокъ парень остановилъ, говоритъ:

— Ну, Матрешка, довольно!—Теперь, говоритъ, валяй, по порядку: что дѣлаютъ бабы, проводимши мужей.

„Сказалъ это и сталъ наяривать скоморошную. А она, бестія, тотъ-часъ, жена Сидорина, вскочила, подобрала сарафанъ и давай отплясывать, да пальцами прищелкивать, да припѣвать:

„...Батёчекъ мой!
Голубчикъ мой!...
Пойдемъ со мной въ базочекъ.
Что постелимъ?
Платочекъ...
. . . . . .
Ходи изба, ходи печь!
. . . . . .
Полубочкинъ татаринъ!...
. . . . . .

— Значитъ развернулась, бестія,—прибавилъ разсказчикъ. Потомъ продолжалъ:

„Сидору лихоманка забила, однако стерпѣлъ: ни гу-гу. Слово свое, значитъ, держитъ. И Кузема подъ ухо ему шепчетъ, чтобы крѣпился, терпѣлъ. Хорошо,—Кончила Сидорина жена плясу. Тутъ одинъ изъ парней и говоритъ:

— Ай-да, Матрынька! я не зналъ за тобой такой удали.

— Гдѣ-жъ тебѣ и знать!—говоритъ тотъ парень, что на балалайкѣ игралъ. Матрынька! говоритъ все онъ же: докажи!

„Матрынька той-жъ минуту прыгнула къ парню на колѣни, обвила руками его шею и—пошло, братцы мои, цѣлованье...

— Матрынька!—говоритъ первый парень.—А что, еслибъ въ эту минуту вдругъ принесъ Сидора: что бы тогда было?

— Да ничего!—говоритъ.

— Коли, чай, ничего?—говоритъ парень.—Досталось бы, чай, на орѣхи.

— Ничего, ничего!—говоритъ.—Не боюсь я его. Вотъ что онъ мнѣ сдѣлаетъ!..

„Сказала это и ловкій такой вывернула кукишъ, одно вся честная компанія захохотала.—Парня, что говорилъ съ женой Сидориной, вчужъ взяла досада. Вдругъ, ни съ того, ни съ сего, онъ и закричалъ:

— Сидоръ Миколаевичъ! Чуешь ли, что въ домѣ у тебя творится?

Разсказчикъ остановился. Потомъ обратясь къ слушателямъ, спросилъ:

— Какъ полагаете: что тутъ вышло?

— Знамо что,—отозвался одинъ изъ слушателей:—чай, звѣремъ ворвался Сидора въ сѣни и—пошла потѣха!

— Нѣтъ, братцы,—возразилъ разсказчикъ:—этого не было.

На лицахъ слушателей отразилось страшное удивленіе. Минуту спустя, кто-то спросилъ Бахина:

— Да ты что намъ разсказываешь: сказку или быль?

— Быль!—отозвался Бахинъ.

— Есть-коли быль, то статочное ли дѣло, чтобы мужъ, да еще казакъ, стерпѣлъ такую обиду?

— Стало быть стерпѣлъ,—сказалъ Бахинъ:—иначе и исторія бы не была, а она еще впереди.

— Вздоръ!

— Пустяки!

— Сказки!

— Не, паря, гнетъ!

— Колышки вьетъ!

Всѣ такіе-то и подобные имъ вскласъ и замѣчанія посыпались со всѣхъ сторонъ на разсказчика. Даже калмыкъ Чульчумка, и тотъ не утерпѣлъ, ввернулъ свое словцо.

— Какъ можна!—заговорилъ калмыкъ.—Если-бъ мой увидѣлъ твоя жена, какъ ево чужой цѣловалъ,—и мой бы башка ево сшибалъ.

Собесѣдники засмѣялись.

— Ай-да, Чульчумка! Молодецъ!—похвалилъ кто-то изъ русскихъ калмыка.

— Однако, перестаньте, братцы, не перебивайте его,—сказалъ одинъ изъ слушателей. Говори, Вася,—обратился онъ къ разсказчику:—что тутъ вышло?

— Тутъ братцы мои,—проговорилъ Бахинъ,—тутъ вышло вотъ что: услыхамши слово парня, Сидора только кашлянулъ...

Разсказчикъ опять остановился, и посмотрѣлъ на слушателей. Замѣтно было, онъ подзадоривалъ любопытство слушателей. Тѣ ждали, что онъ еще что-нибудь скажетъ, а онъ молчалъ. Тогда одинъ изъ слушателей спросилъ:

— Только кашлянулъ? Больше ничего?

— Ничего!

— Гм! Что-жъ изъ этого вышло?

— Особеннаго ничего,—отвѣчалъ Бахинъ.—Только жена Сидорина отъ этого кашля ахнула, немертвѣла и замолчала. И гости всѣ притихли.

— А!! Что-жъ дальше?

— Дальше вотъ что,—сказалъ Бахинъ:—прошло сколько-то времени, гости справились и одинъ изъ парней бросился къ заднему двору, откуда, значитъ, кашель неслышался, но тамъ уже было пусто: Сидора съ Куземой удрали и слѣду не оставили. Посудили-порядили гости, да на томъ

и порѣшили: „помстилось-де". — Этимъ покуда дѣло и кончилось. Слушайте, дальше будетъ.

Разсказчикъ прокашлялся и началъ:

„Въ назначенное время, какъ, значитъ, разсчитывалъ Кузема, пріятели наши явились въ полкъ. За самовольную отлучку ихъ немного пощупали,—тѣмъ дѣло и кончилось. Ладно.—Полкъ шелъ своимъ маршрутомъ, пришелъ въ армію: дрались тогда съ туркомъ. Ладно. Кузема не унывалъ былъ веселъ, а Сидора словно въ воду опустился. Ладно. Полкъ не разъ бывалъ въ сраженіяхъ,—всѣ казаки по обыкновенію дрались храбро, не робѣли,—еще бы! Одинъ только Сидора былъ какой-то размазней: всегда оставался позади. Кузема сколько ни урезонивалъ его, не могъ урезонить, напослѣдокъ отступился отъ него. Тогда Сидора совсѣмъ опустился, на казака не сталъ похожъ,—тосковалъ, значитъ.—Случалось въ иную пору нашимъ казакамъ бывать вмѣстѣ съ донскими. И тѣ, глядя на Сидору, дивуются, спрашиваютъ иногда нашихъ: откуда-де добыли такого ледащаго? Не ярыгой ли-де поймали тамъ у себя на Обчемъ? [1] — Одно слово, дрянь былъ, а не казакъ.—Напослѣдокъ что сталъ дѣлать грѣховодникъ? — Идно выговорить стыдно! просто, поношеніе, братцы, всему роду казачьему! Къ примѣру, начнется перепалка, сраженіе. Тутъ всякій, и казакъ, и солдатъ, и гусаръ, всякій старается уложить сколько-нибудь непріятелей,—а нашъ Сидора старается высмотрѣть, гдѣ лежатъ убитые и тяжко раненые,—высмотритъ, да межъ нихъ и улягется, и лежитъ, якобы убитый или тяжко раненый,—вотъ что, грѣховодникъ, сталъ дѣлать!—Кончится сраженіе, станутъ разбирать убитыхъ и раненыхъ, и нашъ Сидора встанетъ, захромаетъ, якобы контузію получилъ, пойдетъ лошадь свою отыскивать. Случилось разъ, и ло-

[1] Изъ непріятельскимъ казакомъ, записаннымъ, напр., въ гвардію, коренные уральскіе казаки всегда подсмѣиваются такъ: „Эй, ты! Ярыга на Обчемъ пойманъ!" (Ярыга — рыболовная сѣть, а Обчемъ — Общій Сыртъ, гдѣ идетъ грань, отдѣляющая казачьи земли отъ государственныхъ).

шадь не нашелъ. Другую ужъ купилъ послѣ убитаго казака. Не объ этомъ рѣчь, не объ лошади. Сильно трусилъ Сидора, даже подумать объ этомъ стыдно.—Сдѣлать это онъ разъ-два, — сдѣлать три-четыре раза, — все благополучно проходило. Напослѣдокъ случилась вотъ какая оказія.

Проговоривъ это, разсказчикъ на минуту остановился, окинулъ взглядомъ слушателей и продолжалъ:

„Разъ происходило большое сраженіе. И русскихъ, и турокъ многонько-таки было убито; почти все поле было усѣяно. Такое задалось время: турокъ, поганецъ, необычайно стоялъ стойко. Однако наши собрались съ духомъ и пожали турка. Тотъ пошелъ наутёкъ, наши за нимъ. Хорошо. - Убитые и тяжко раненые остались, значитъ, позади. Сидора нашъ, по обыкновенію, запрятался межъ ними. Хорошо. - Впереди идетъ сраженіе, а Сидора притулился, лежитъ, грѣховодникъ, и отъ испуга еле дышетъ. Хорошо. Настала, братцы, ночь, такая темная и вѣтреная—бѣда! Впереди сраженіе прекратилось, а Сидора все еще лежитъ: напала на него рòба (ужасъ), боится, бѣдный встать. Хорошо. Долго ли, коротко ли, онъ лежалъ, напослѣдокъ видитъ чудо: ходятъ по полю, межъ убитыхъ, люди въ бѣлыхъ ризахъ, съ крылышками за спинами.—Это были ангелы Господни, -пояснилъ разсказчикъ; потомъ продолжалъ:—Ходили они по полю и принимали на свои пречистыя руки души убитыхъ и тяжко раненыхъ христіанъ, чтобы, знаете, въ царствіе небесное отнести. Хорошо. Вотъ одинъ изъ ангеловъ подошелъ къ нашему Сидорѣ, остановился надъ нимъ и призадумался. Потомъ ручкой подозвалъ къ себѣ другого ангела, что ходилъ тутъ неподалеку, подозвалъ и говоритъ ему:

— Растолкуй, брате, что это значитъ! Человѣкъ, кажись, не убитъ и не раненъ, а лежитъ межъ убитыхъ и раненыхъ. Что̀ съ нимъ дѣлать?

„Второй ангелъ наклонился къ Сидорѣ, осмотрѣлъ его, потомъ и говоритъ первому ангелу:

— Оставь его, брате: нѣтъ намъ до него дѣла. Знаю я

этого человѣка давно, —говоритъ ангелъ ангелу: —примелькался онъ мнѣ. Каждый разъ,—говоритъ ангелъ,—каждый разъ, какъ начнется сраженіе, онъ прячется межъ убитыхъ и раненыхъ.

— Что-жъ это значитъ? —спрашиваетъ первый ангелъ.

— Трусъ онъ! — говоритъ второй ангелъ. — Старается избыть смерти.

„Первый ангелъ покачалъ головкой, потомъ говоритъ:

— Удивляюсь, брате. Пускай бы кто другой трусилъ, а вѣдь это казакъ, да еще, кажись, уральскій.

— Точно такъ,—говоритъ второй ангелъ:—уральскій.

— А что, брате,—спрашиваетъ первый ангелъ,—растолкуй мнѣ, можетъ ли онъ этимъ укрыть себя отъ смерти?

„Второй ангелъ отвѣчаетъ первому:

— Кому написано на роду умереть, къ примѣру, отъ сабли или отъ пули,—того, брате, не укроетъ ничто, ни даже каменная стѣна. Только вотъ въ чемъ дѣло,—говоритъ второй ангелъ первому,—казачекъ сей всуе труситъ: смерть ему будетъ не отъ пули, не отъ сабли, не отъ копія, не отъ картечи, не отъ ядра, а отъ лукавства жены! —Однако,—говоритъ второй ангелъ первому,—однако мы съ тобой заговорились,—разыдемся по своимъ мѣстамъ. Жатва нынѣ большая, много положившихъ животъ за царя и за вѣру.

„Ангелы удалились, стали невидимы. Сначала Сидору обуялъ великій страхъ. Шутка ли—замѣтилъ разсказчикъ—шутка ли, въ самомъ дѣлѣ, видѣть воочію ангеловъ и слышать ихъ рѣчи! Обуялъ, говорю, Сидору сначала великій страхъ, а потомъ, черезъ короткое время, страхъ прошелъ, словно рукой сняло.

„Съ этой минуты, —продолжалъ разсказчикъ, —Сидора совершенно другой сталъ, якобы переродился,—откуда что взялось.—Первый воинъ сталъ, всѣмъ за образца былъ. Егорья съ бантомъ получилъ. И ни разу, братцы мои, не былъ раненъ; а ужъ въ какихъ передѣлкахъ не бывалъ, сказать только и то волосъ дыбомъ становится. Одно слово, сбылось въ точности предсказаніе ангела, то-есть, ни пуля, ни

сабля, ни копье, ни картечь, ни ядро не брали Сидору. Хорошо. -Кончилась война. Полкъ воротился на родину. Всѣ казаки были веселы и радостны. Одинъ только Сидора былъ печаленъ. Не радовала его ни слава храбраго, ни Георгій, ничто.—Почитай всѣ казачьи жены, изъ Уральска и съ уметовъ, выѣзжали встрѣчать мужей на Общій Сыртъ. Только жена Сидорина не показывалась. -„Знала кошка, чье мясо съѣла",—прибавилъ разсказчикъ.—Однако, я забылъ вамъ, братцы, сказать, —договорилъ онъ: —къ этому времени жена Сидорина знала, что мужу ея вѣдомо стало, кто она такова.

„Видите ли, какъ это случилось,—продолжалъ Бахинъ.— Покуда полкъ былъ въ арміи, жены по обыкновенію писали изрѣдка мужьямъ письма, и мужья отписывали женамъ, - все какъ водится. Хорошо.—Сидорина жена, чтобъ ее ободрало, почитай каждую почту писала Сидорѣ письма, да такія слезливыя, что ахнешь. Со стороны подумаешь, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ такой жены, коя бы любила такъ мужа, какъ жена Сидорина. Хорошо.—Сидора, знамо дѣло, письма ея бросалъ, и самъ наоборотъ ей ничего не писалъ. Напослѣдокъ, чтобы отвязаться, написалъ ей такую загвозку. Попросилъ, значитъ, полкового писаря, и тотъ настрочилъ такую рацею:

„Дрожайшая-де сожительница, Матрена Семеновна!.. Побереги-де себя... Не плачь и не убивайся-де обо мнѣ.. Пригласи-ка-де лучше кого-нибудь изъ холостягъ, къ примѣру, Теренку Требуниницова... заставь-де его сыграть на балалайкѣ... а сама-де попляши... да спой Батёчка, а не то-де Полубочкина Татарина... Это-де тебя развеселитъ.. Однако-де (въ концѣ было поставлено), однако-де, отстань отъ меня, зараза!"

— Ай-да, Сидора! Молодецъ!—прибавилъ разсказчикъ. - Славно огорошилъ; не въ бровь, а прямо въ глазъ.

„Получивши отъ мужа эдакую цыдулку,—продолжалъ Бахинъ,—жена Сидорина, знамо дѣло, припомнила тотъ вечеръ, когда помстился ей мужнинъ капель; припомнила и

догадалась, что обманъ ея вѣдомъ мужу. Съ этого раза замолчала и мужу больше ужь не надоѣдала.

„Ну-съ, — продолжалъ Бахинъ. — Сказано: пришелъ полкъ на родину. Всѣ казачеиьки разбрелись по домамъ. Одинъ Сидора проѣхалъ мимо. Родителей у него не было. Жила въ томъ уметь тетка: онъ и взъѣхалъ къ ней. Жену, знамо дѣло, ни глаза не пустилъ. Велѣлъ ей изъ дома своего убраться. Та ушла къ роднымъ. Сидора и домъ свой за безцѣнокъ продалъ на сторону, а самъ поселился у тетки, до первой, значитъ, командировки изъ войска, чтобы уйти куда-нибудь на службу.—Тетка и кое-кто изъ родныхъ жениныхъ пытались-было уговаривать Сидору, чтобы положилъ гнѣвъ на милость, простилъ бы жену. — „Грѣхъ да бѣда на кого не бываетъ“, — говорили они Сидорѣ. — „Не такія де свѣни, и то подламываются.“—Но Сидора не поддавался: жену и на глаза къ себѣ не пускалъ. Главное, помнилъ предсказаніе ангела.—Хорошо. Прошло сколько-то времени, живетъ Сидора у тетки и до поры—до времени хозяйничаетъ. Разъ поѣхалъ онъ въ луга нарубить таловъ, и съѣхался тамъ съ пріятелемъ своимъ, Куземой. Тотъ ѣхалъ верхомъ. Съѣхались пріятели и разговорились.

— Куда Богъ несетъ?—спрашиваетъ Кузема.

— За талами!—говоритъ Сидора.—А ты куда?—спрашиваетъ Кузему.

— Да что! — говоритъ Кузема.—Грѣхъ случился: лошади пропали. Вечеръ я выѣхалъ изъ дома, всю ночь проѣздилъ, не нашелъ. Теперь ѣду въ Заросную луку,—не тамъ ли? Однако, — говоритъ Кузема, — я страхъ-какъ проголодался, не ужинамши: нѣтъ ли чего закусить?

— Коли, чай, нѣтъ,—говоритъ Сидора,—тетушка что да-нибудь положила.

„Сказалъ это Сидора и сталъ рыться въ телѣгѣ. Нашелъ хозяйскій мѣшокъ, развязалъ его: въ немъ были кокурки [1]). Одну кокурку Сидора подалъ Куземѣ, и тотъ, пере-

---

[1]) Круглые, выпеченные, сдобные на коровьемъ маслѣ хлѣбы.

крестясь и благословясь, сталъ закусывать, а другую кокурку Сидора самъ сталъ ѣсть.—Ѣдутъ пріятели рядомъ, одинъ въ телѣгѣ, а другой верхомъ, ѣдутъ и закусываютъ. Съѣли ли, нѣтъ ли по полкокуркѣ, вдругъ оба почувствовали внутри что-то не ладно: тошнитъ, жжетъ и рѣжетъ.

— Что это?—закричалъ Кузема.

— Не знаю!—говоритъ Сидора, и сталъ разсматривать мѣшокъ; видитъ—мѣшокъ будто не тотъ, что прежде давала ему тетка съ хлѣбомъ. Тутъ Сидора догадался и говоритъ Кузѣмѣ:

— Худо, товарищъ! Должно быть, жена, бестія, смудрила.—Ты,—говоритъ Сидора,—верхомъ, скачи скорѣй на уметъ: може, успѣешь избавиться. А мнѣ,—говоритъ Сидора,—мнѣ, знаю, Богомъ суждено умереть отъ лукавства жены. Скачи, скачи скорѣй, товарищъ!—говоритъ Сидора.

— Кузема, знамо дѣло, во всѣ лопатки поскакалъ. Сидора тоже обернулъ оглобли и пустился за нимъ же; но въ телѣгѣ, да еще цѣликомъ, лугами да чаганаками, не далеко ускачешь.—Кузема прискакалъ въ уметъ, у перваго же дома остановился, спрыгнулъ съ лошади, упалъ на земь и сталъ кататься кубаремъ. Сбѣжались къ нему обыватели, а у него ужъ пѣна у рта.—„Что? Что?“ спрашиваютъ. А Кузема слова не выговоритъ, только показываетъ пальцами въ ротъ. Обыватели догадались и тоё-жъ минуту принесли кто парного молока, кто меду,—принесли и стали лить Кузѣмѣ въ ротъ. Помогло. Кузему вырвало. Отдышался онъ и разсказалъ въ чемъ дѣло. Тое-жъ минуту нѣсколько казаковъ вскочили на лошадей, взяли кто меду, кто молока, и поскакали въ луга къ Сидорѣ. Нашли его, сердечнаго, но помочь ужъ не могли: Сидора умеръ...

Разсказчикъ остановился и вздохнулъ. Межъ слушателями пробѣжалъ ропотъ негодованія. Минуту спустя одинъ изъ нихъ обратился къ разсказчику съ вопросомъ:

— Какимъ же родомъ случилось этакое несчастіе?

— А вотъ какимъ!—отвѣчалъ Бахинъ.—По шабровству извѣстно было, что Сидора почесть каждый день ѣздилъ за

талами, жена Сидорина, подлячка, напекла кокурокъ съ мышьякомъ, сложила ихъ въ мѣшокъ и выжидала удобнаго случая, какъ бы положить мѣшокъ съ кокурками въ телѣгу Сидоры. Разъ ей не удалось, два не удалось,—въ третій удалось. Въ то самое утро, какъ случилось этакое несчастіе, Сидора, выѣхамши изъ дома, ѣхалъ задами и супротивъ пригороды дома, гдѣ проживала жена его, остановился, привернулъ лошадь, а самъ пошелъ домой: забылъ что-то взять, не то топоръ, не то другое что. Онъ ушелъ, а жена его, бестія, наблюдала за нимъ. Лишь только онъ скрылся, она подбѣжала къ телѣгѣ, выхватила изъ нея мѣшокъ съ хлѣбомъ, что̀ тетка дала, а свой съ кокурками положила. Вотъ отчего и случилась такая оказія.

— Какъ же все это узнали? — спросилъ разсказчика одинъ изъ слушателей.

— А вотъ какъ!—сказалъ Бахинъ.—Лишь только тетка взглянула на мѣшокъ съ кокурками, сейчасъ узнала, что не ея мѣшокъ. Тое-жъ минуту кинулась къ женѣ: не къ кому больше. Сдѣлали обыскъ, нашли въ узелкѣ и мышьякъ—запаслива была, бестія! — Приструнили шельму. Повинилась.

— Что жъ съ нею сдѣлали?

— Извѣстно что, — отвѣчалъ Бахинъ: — сначала въ острогъ засадили, а потомъ отлупили плетьми, да въ Сибирь услали,—дорога обнаковенная для душегубцевъ.

— А мужа-молодца все-таки извела, бестія!—замѣтилъ кто-то изъ слушателей.

— Да!—проговорилъ Бахинъ.—Такъ, значитъ, на роду ему было написано: ангеломъ Господнимъ, помните, не всуе предсказано.

И разсказчикъ, и слушатели притихли, призадумались. Минуту спустя, разсказчикъ спросилъ:

— А что, братцы, какова исторія?

— Поучительная!—отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Нѣтъ ли у тебя еще такой?—спросилъ кто-то.

— На первый разъ довольно! — отвѣчалъ Бахинъ. —

Знаете пословицу: „хорошаго по немногу“. А теперь, братцы,—прибавилъ разсказчикъ,—пора лошадей убирать, а тамъ ужинать да и на боковую. А гдѣ мой дурашка Чульчумка?—спросилъ Бахинъ.—Я что-то его не вижу и не слышу. Эй, гдѣ ты, идолъ?

Бахинъ всталъ и сталъ искать глазами калмыка, но его въ кругу слушателей не было: лежалъ онъ на нарахъ и спалъ сномъ молодца.

Бесѣда кончилась.

Уральскъ.
Февраль 1863.